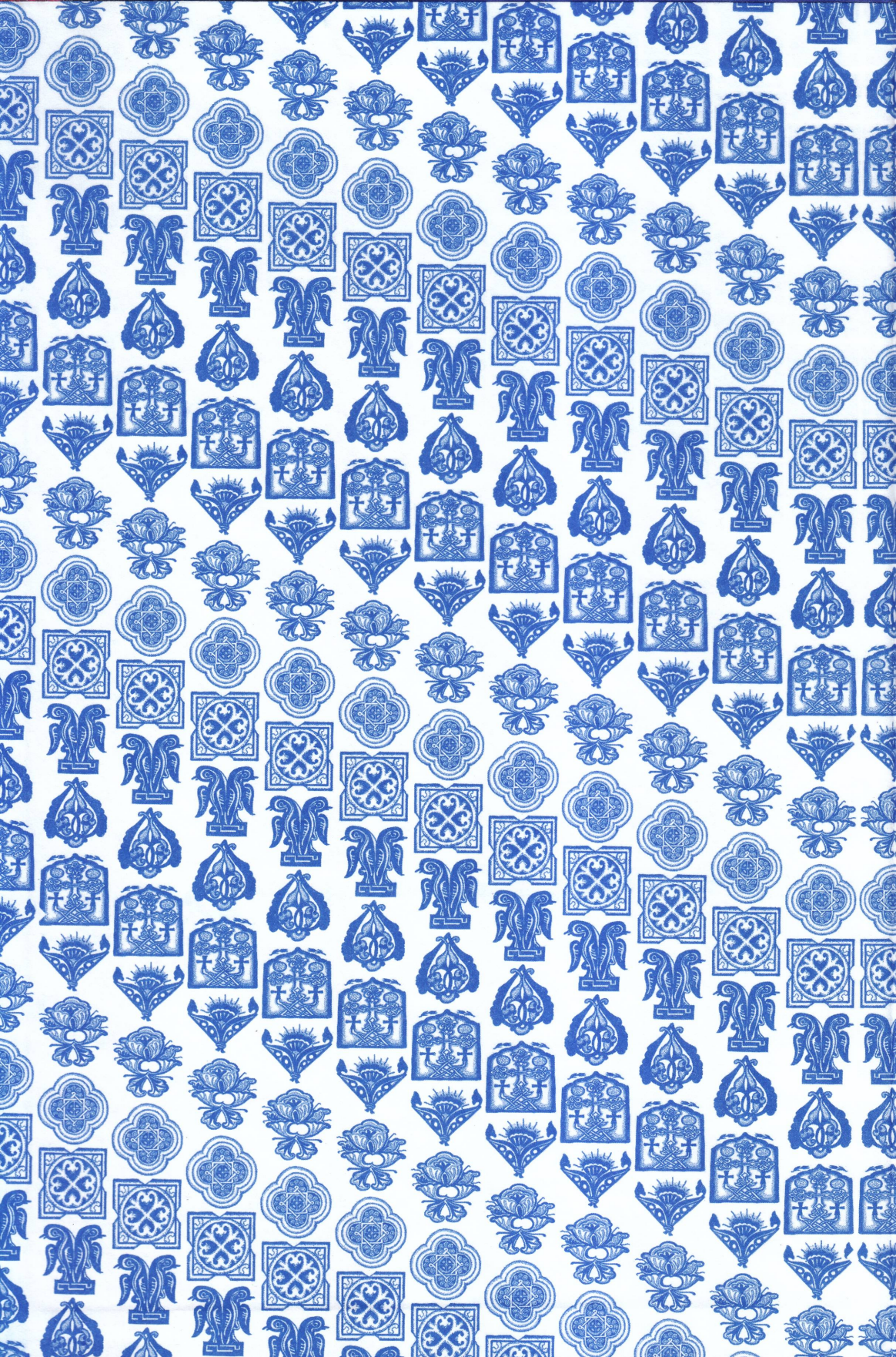
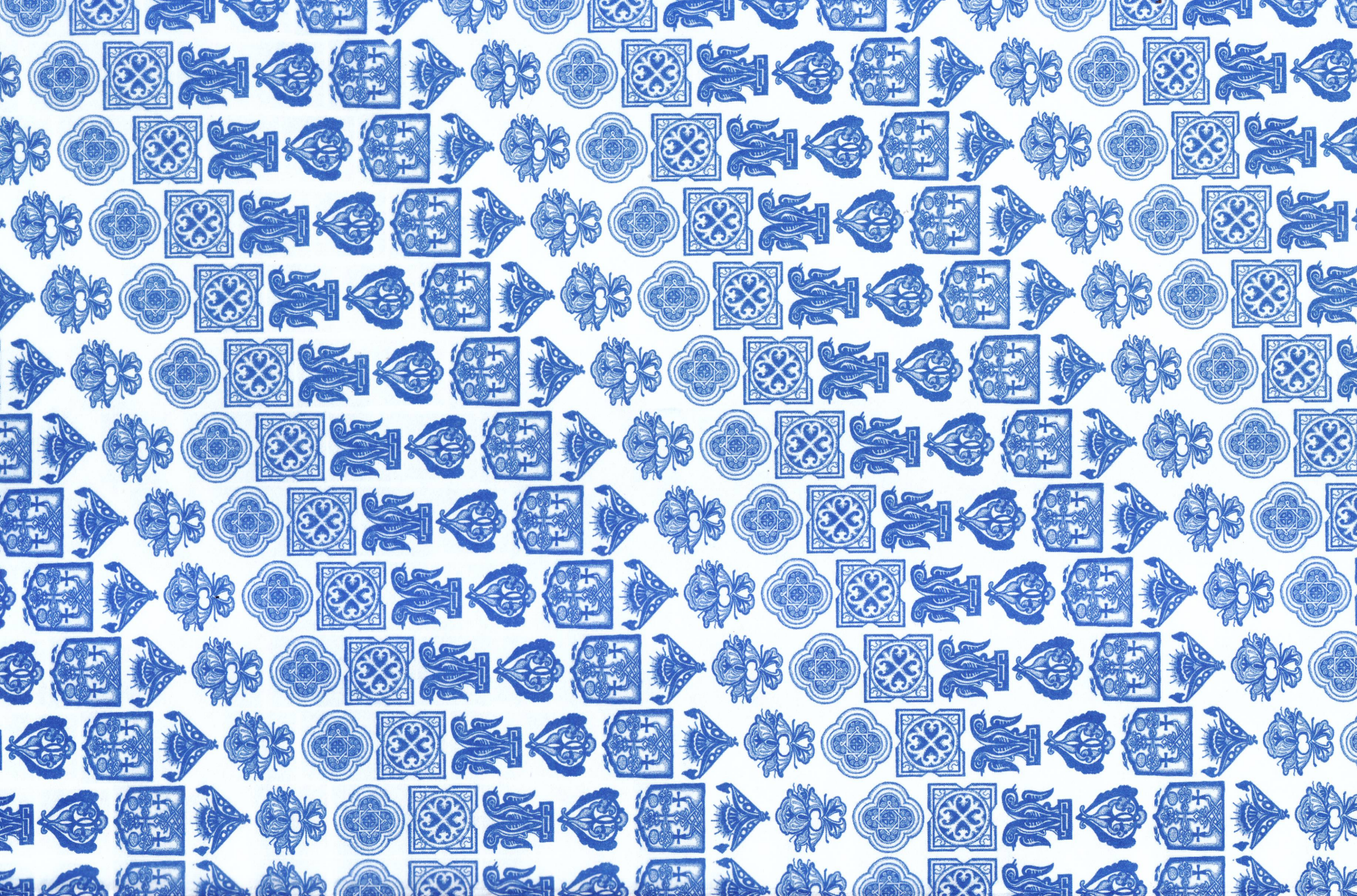
Евгений Белоусов

Айвазовский

Рассказы о великом марините





200-летию
всемирно известного
художника-мариниста,
Почетного гражданина
Феодосии, профессора
Ивана Константиновича
Айвазовского
посвящается !

Евгений Белоусов

Айвазовский

Рассказы о великом маринисте

Издательство
Дмитрия Серова
Крым ⚓ 2017

УДК 821.161.1(477.75)
ББК 84 (2 Рос. – Кры) 6
Б52

Рецензенты:

Гайдук Т.В. – директор Феодосийской картинной галереи им. И.К. Айвазовского, кандидат исторических наук.

Швецова А.В. - заведующая кафедрой философии, культурологии и гуманитарных дисциплин Крымского университета культуры, искусств и туризма, доктор философских наук, профессор (Симферополь)

Белоусов Е.В.
Б52 Айвазовский. Рассказы о великом маринисте. – Феодосия: Издательство Дмитрия Серова, 2017. – 352с.: ил.

ISBN 978-5-9908194-3-6
Знак информационной продукции 12+

Новая книга известного крымского писателя увлекательно и популярно рассказывает о жизни и творчестве выдающегося мастера кисти, всемирно признанного мариниста Ивана Константиновича Айвазовского (1817 – 1900 гг.). Текст сопровождает богатый документальный и иллюстративный материал.

УДК 821.161.1(477.75)
ББК 84 (2 Рос. – Кры) 6

На обложке: картины И.К. Айвазовского: «Автопортрет», 1898 год и «Море. Коктебель», 1853 год.
На авантитуле: И.К. Айвазовский. «Автопортрет», 1892 год.
На титуле: И.К. Айвазовский. «Среди волн», 1898 год.

ISBN 978-5-9908194-3-6

© Белоусов Е.В., 2017
© Оформление. Издательство Дмитрия Серова, 2017

Детство будущего мариниста.
Дедушка.
Купец Григориан из Станиславова

Семья Айвазовских перебралась в Феодосию из западно-украинского города Станиславова (Ивано-Франковск). Их предки – Айвазы или Гайвазы были выходцами из польских армян. Отец Константин (Геворг, Каетан), не поладив с братьями, переехал сначала в Молдавию, а затем в Крым.

Вардгес Микаелян – профессор, доктор исторических наук, академик НАН Армении.

Первые дни Григориан спал неспокойно. В ушах все стоял скрип повозок. Вспоминал, как вглядывался в незнакомые места. Во все глаза дивился новому для себя пейзажу. Тут горы лесистые, там низины, камышом поросшие. И поля золотые. Где больше, где меньше.

А колеса скрипели:

– В Ста-нис-ла-вов... В Ста-нис-ла-вов...

Вспоминал, как стряхивал с одежды дорожную пыль. Как поскрипывал песок на зубах.

Как спрашивал:

– Где ж тот Станиславов?

А в ответ:

– От Львова – день пути. И от Черновиц – тоже день. После Кракова и Львова – лучший город во всей Галичине. Стоит среди равнины плодородной. Рядом две речки текут – обе Быстрицы. Одна – Солотвинская. Другая Надвирнянская Быстрица.

– Скорей бы до места добраться, – говорил Григориан.

А дорога все тянулась и тянулась.

На ночь становились лагерем. Сбрасывали поводья и сбрую с четвероногих трудяг. Окатывали их мускулистые спины прохладной водой.

– Лав! – Хорошо! – выдыхали усталые путники.

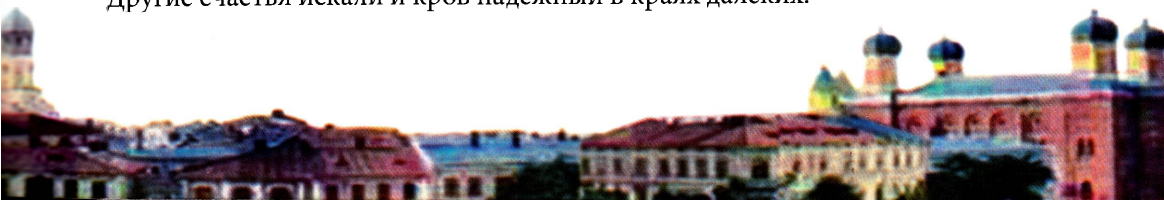
Лошади радовались свободе и речной прохладе. Надолго заходили в воду и фыркали на всю округу:

– Фр-хо-ро-шо!

Долог путь армянских переселенцев. Ох и долог. И труден.

Да куда от судьбы деваться? Не по своей воле оставили люди землю родную. Одни спасались от турецкой деспотии. Со слезами вспоминали Западную Армению и погибших родичей.

Другие счастья искали и кров надежный в краях далеких.



Трудолюбивый и мирный народ хранил обычаи отцов. Шли годы, но, как и прежде, в канун рождественского сочельника молодежь ходила от дома к дому. Звучали поздравления с Рождеством Христовым.

И неслись слова аветиса:

– Блаженна дева Мария,
Девой была, девой родила
Сына Божиего, Духа Святого.
Мариам взяла единственного сына,
Отдала Его в ученики, аветис...

От Рождества к Рождеству растет семья Гайвазов. Как и положено – немалая семья. Стал Григориан перечислять:

– Отец с мамой. Это раз.

– Бабушка – два.

Загнул третий палец:

– Старшие братья. Те уже со своими женами и детьми. Значит, с моими племянниками. Еще сестренка младшая – совсем девчонка.

В далекий Станиславов путь держали еще его родные дяди. Конечно, со своими семьями. Еще ехали соседи. И другие люди тоже ехали.

– Немалая компания, – заключил Григориан.

Все чаще подорожних приветствовали на польском:

– Дзень добже, панове!

Спрашивали, бывало, немногословные селяне:

– Чи далекий шлях ваш?

И провожали долгим взглядом армянский обоз загорелые гречкосеи. Поднимали над обветренными лицами широкополые соломенные брыли:

– Допомагай вам, Боже, на новому мисци!

Отчего не спится тебе, Григориан? В твои-то годы молодые спать да спать.

Но вот долгий путь позади. Впереди – целая жизнь!

– Доб-р-рое ут-р-ро!

– Пр-ро-сы-пайся, Гр-ри-го-ри-ан! – услышал сквозь сон.

Его приветствовали, шумели. Голосов было много. По привычке ответил:

– Бари луйс! – Доброе утро!

А из-за окна все неслось:

– Кар-р-р!

– С при-ез-дом, Гр-гри-гор-ри-ан!

– Кар-р-р!

Открыл глаза, бросил взгляд на улицу:

– Вороны!

Птицы сидели на верхушках деревьев. Поглядывали друг на дружку и на причудливые островерхие крыши.

Вот одна нехотя перелетела на металлический шпиль соседней башни.

– Кар-р! – проговорила птица.

Соседки одобрительно поддержали:

– Кар-р-р! Кар-р-р!

Григориан проснулся окончательно. Протер глаза:

– Бывает же такое. Когда петухи будят – понятно и привычно.

Здесь его будили чернокрылые городские обитатели.

– Привыкну, – успокоил себя.

Впечатлений от незнакомого города было хоть отбавляй. Вороны не в счет. Птицы как птицы. Чем им не жизнь в богатом городе? Каркай себе да новому дню радуйся.

Вот ратуша – это да! Самое главное здание города. В самом центре площади Рынок. И построена в форме креста. И высотой в девять этажей. И башня круглая сверху. На уровне пятого этажа часы с четырьмя циферблатами.

Однажды Григориан здорово удивился:

– Ну и придумали такое!

С высокой галереи трубил трубач и оглашал время.

Почему ратуша самая главная в городе? Просто здесь заседают горожане. Их городской совет. В отдельной комнате, отведенной армянскому магистрату, все важные вопросы решал совет армянской громады. Старшим был выборный войт. Первым стал Аксентий Лазарович в 1679 году. Сменил его Гжегож Ромашкевич. За сто с лишним лет довелось на этом посту побывать Каспару Тумановичу и Теодору Богдановичу, Донику Антоновичу и Вартану Миколаевичу, Каетану Теодоровичу, Августину Торосевичу и многим другим.

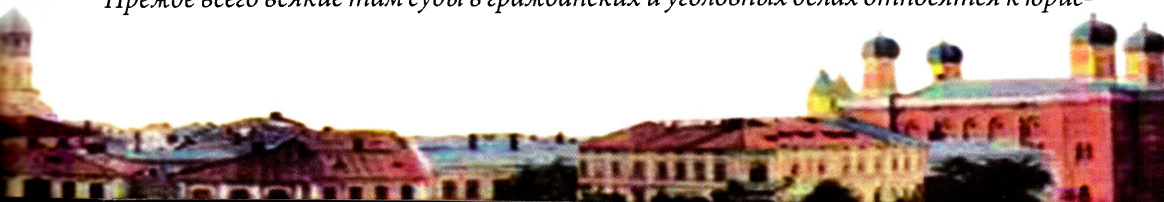
Здесь, в ратуше, Григориан прочел важный документ. Дата гласила: «1 апреля 1677 года».

В Варшаву на рассмотрение генерального Королевского Сейма и утверждение Короля владелец города Станиславова Андрей Потоцкий, воевода и генерал Киевский, Галицкий, Коломыйский, Лежайский, староста Вышгородский и т.д., предоставил текст привилегий.

В нем говорилось:

«Поскольку все города и поселения тем большее развитие и становление получают, чем массовей прибывают к ним для заселения общества люди, желая, чтобы мой город Станиславов… имел еще большее развитие и становление благодаря прибытию в него людей разнообразных конфессий и наций, а особенно армянской нации, которые могли бы привести сюда много купцов, хочу этих пришельцев заинтересовать нижеописанным правом и данными мной вольностями. Чтобы чувствовали безопасно в городе и месте моем не только те, кто издавна тут поселился и осел, но и те, которые будут еще прибывать и оседать, своим неизменным панским словом и от имени своих наследников заверяю, что буду придерживаться относительно упомянутых тут людей армянской нации всех пунктов и статей мною приведенных и ниже описанных в целости и нерушимости. Сберегу на вечные времена, и наследники мои будут вынуждены незыблемо придерживаться таких положений:

Прежде всего всякие там суды в гражданских и уголовных делах относятся к юрис-



дикции войта той нации, который свободно выбирается ежегодно, с такими правами и прерогативами, какими эта нация пользуется во всей державе Польской... И назначаю этой юрисдикции отдельную судовую палату в ратуше, где должно проводить свои суды...

Разрешаю каждому из армянского народа всевозможные предприятия и торговлю, какие только могут себе придумать для достойной жизни и пользы. Также разрешаю свободно шинковать и торговать на розлив разными видами настоек и напитков без единой на то помехи моих арендаторов. Разрешаю этим правом армянской нации торговать на розлив настойками точно так, как предоставил это право юрисдикции польской.

А в делах, которые случаются во время каждой ярмарки и касаются гостей армянской нации, то их должен судить делегированный мной полномочный судья...

А вот те, которые живут на этом свете, имеют свободу перемещения как в этот город прийти, так из него выйти, то если кому-то из нации армянской не понравится этот город, он может продать свое имущество и, отдав Правительству обычный гонорар, переехать куда угодно без единых убытков и задержки армянского правительства и моих наместников».

Григориан ходил широкими, мощеными булыжником, мостовыми. Смотрел на красивые армянские дома, богатые лавки купцов и загоны для скота.

Выходил за городские стены. Там простирались обширные фольварки. В них трудолюбивые армяне разводили и выпасали быков и коров, лошадей и свиней. С немалой выгодой продавали выращенный скот в Молдавию и Силезию, Польшу и Венгрию.

Были и такие, кто закупал рыбу на Дунае и возами вез на продажу в Галичину. Но предпочтение отдавали торговле экзотическим товаром. Покупали на Востоке и ткали сами дорогие ковры. Были искусными ремесленниками.

Но что важно – переселенцы сохранили свою веру и обычаи, народные традиции и песни, одежду и поговорки.

Григориан только не понимал: «Старики говорят по-армянски, а молодежь все больше по-украински и по-польски. Почему так?»

Армяне издавна поселились на восток от площади Рынок. Потому все улицы тут носили армянские названия.

Этот район, конечно же, украшал армянский храм.

На месте старой деревянной церкви армянские купцы еще в мае 1743 года начали грандиозное строительство. Под фундамент уложили памятный камень. А на нем текст: «Трижды Благословенной, Пресвятой Богородице – камень, город и душу под стопы Девы».

Двадцать лет прошло – взметнулись в небо купола. С восхищением смотрел Григориан на резные фигуры святых, архангелов. Поклонился монументальным скульптурам апостолов Петра и Павла.

Торжественность придавали интерьеру четырнадцать мраморных колонн и фрески на евангельские сюжеты.

Армянский католический костел.

Серебром блестел ажурный амвон – кафедра для проповедей. На мраморном полу стояли резные дубовые скамьи.

Церковь назвали в честь Пресвятой Девы Марии и Госпожи Ласковой.

Образ Матери Божьей Ласковой Станиславовской стоял в украшенном алтаре.

Встал Григориан на колени перед творением армянских ювелиров, помолился.

В памяти всплыл услышанный от священника рассказ:

– Икону написал семидесятилетний набожный иконописец Даниил по желанию секретаря армянской общины Донинга. Сперва она находилась в его домашнем алтаре. Перед ней молилась вся семья. Однажды у Донинга началась тяжелая болезнь глаз, он стал слепнуть. Но горячая молитва и искренняя вера спасли больного.

– Я прозрел! – плакал от радости исцелившийся.

Поднял глаза на икону:

– О, чудо! Я вижу слезы на лице Божьей Матери!

Решил:

– Я не достоин хранить это сокровище в собственном доме!

Сказал так и отнес икону в ближайшую армянскую церковь.

А слезы на лице Девы Марии стали еще заметнее. Они текли и текли. Полотенце, которым их обтирали, бережно уложили в реликвиарий.

Со временем появился обычай давать это полотенце прихожанам для целования.

Иногда случалось, когда верующие пели песню «Будь благословенна», грустное лицо Пречистой Девы Марии светлело и улыбалось.

Однажды рядом с иконой решили зажечь лампадку. И если забывали подливать в нее масло и она гасла, то случалось чудо и огонь появлялся вновь.

Так и стояла долгие годы чудотворная икона в армянской церкви. Люди верили, что слезы Пречистой отведут от них несчастья и болезни.

Верил в это и Григориан Гайваз.

Галичина... Здесь проходили лучшие годы молодого армянского купца. Здесь он возмужал. Но как и прежде, Григориан любил слушать рассказы стариков об этом крае. Вечерами в его доме собирались люди у теплого очага.

Вспоминал один:

– Отец моего отца говорил, что во Львове под Высоким замком наши предки поселились чуть не шестьсот лет тому.

Его поддерживал другой:

– Твоя правда. Армянских дружинников немало было в войске короля Даниила Галицкого. И церкви армянские строили. И монастыри во славу Господа основывали.

С горьким вздохом продолжал третий:

– Слезы наворачиваются, когда вспоминаешь о злодеяниях турок в Армении. Когда четыреста лет тому страна наша потеряла независимость.

Бабушка тем временем умело замешивала в таште – большом деревянном коры-

те – тесто. Добавляла закваску – хашил. Такой небольшой кусочек теста от прошлой выпечки. И все приговаривала:

– На славу выйдут лаваши. Ох на славу!

Другие женщины, что помоложе, сидели на полу. И длинными скалками – гртнаками тонко раскатывали тесто на низком столике.

Бабушка наклонялась к печи – тонир. И ловко, одним движением, налепляла тесто на раскаленные изнутри стенки.

Григор вслух начинал считать:

– Один, два, три...

На счете «сорок» бабушка ловко поддевала железным прутом пропеченный хлеб:

– Кушайте на здоровье!

– Шноракалутюн! – Спасибо! – улыбались гости.

Женщины ставили на стол вино в кувшинах.

Гости заворачивали сыр и зелень в дымящийся лаваш:

– Хац у панир, кер у банир – Хлеб с сыром ешь и работай!

– Панир хац – сиртэ бац – Сыр, хлеб – сердце открыто!

А разговор продолжался:

– Повезло этим местам, что жил здесь храбрый и дальновидный Андрей Потоцкий. Он и город основал, и имя ему дал в честь сына своего старшего – Станислава. На равнине среди лесов и болот вырос город. Делами своими доказали горожане, что в одном месте могут мирно уживаться украинцы и армяне, поляки и евреи, немцы и другие народы.

– Будем надеяться, что у правителей хватит мудрости сберечь мир на этой удивительной земле. Не будут разорять народ налогами ради своей прибыли. Бу-

Чудотворная икона «Мать Божья Ласковая Станиславовская».

дут укреплять город башнями да стенами крепостными, чтобы захватчикам неповадно было грабить чужое.

– А слышали, в замок снова обоз с оружием на случай осады пришел?

– Слышали. Одних пушек чуть не двести штук в бойницы поставили.

– Ну и славно. Недаром наша пословица говорит: «Живи в мире, но меч в ножнах держи наготове».

Тянулись дни за днями.

– Григор, подсоби возы загрузить! – звали на помощь знакомые торговцы.

– Никак снова в Крым собрались?

– Еще дальше. Сначала в Константинополь. Оттуда, дай Бог, с товаром до Персии доберемся.

Год от года становились польские армяне все зажиточнее. Удачливые предприниматели превращались из простых купцов в богатых мещан.

На глазах Григора рос достаток строителей и сапожников, пекарей и гончаров.

Знакомый каменщик Артур приговаривал:

–Да разве дело только в прибыли? Сделай работу на совесть. Сделай так, чтобы самому приятно было. Тогда человек деньги с радостью отдаст.

Вот женился Григориан. Один за другим дети пошли. В 1765 году родился Каетан.

Все бы хорошо, но в 1751-м году умер один из самых влиятельных князей – Иосиф Потоцкий. В 1760-м – скончался его сын – Станислав. Под их опекой армянская община могла спокойно смотреть в будущее. На город посыпались несчастья.

В 1764 году после осады и мощного артиллерийского обстрела город заняли российские войска. За два месяца, пока армия под командованием князя Дашкова находилась в Станиславове, горожане платили многочисленные контрибуции.

Семья Потоцких, собрав свое войско, не раз начинала активное сопротивление. Город переходил из рук в руки. Грабежи и поборы армянских купцов продолжались.

В 1764-1770 годах Польшу поразил экономический кризис. Он ударил и по купцам, и по простому люду.

В 1770 году в Станиславове разразилась чума.

Налаженная годами торговля рушилась на глазах. Станиславовские армяне вынуждены были уходить с обжитых мест и искать новые земли и новых покровителей.

Так за очень короткое время развалилось дело нескольких поколений.

В 1772 году после раздела Речи Посполитой земли Галичины вошли в состав Австрии.

Новая власть – новые порядки. В ноябре 1773 года в адрес армянского магистрата Станиславова пришло письмо. В нем – требование рассказать о положении дел в армянской общине.

Чудом сохранился этот документ в книге армянского суда 1761-1779 годов в архивном сборнике окружного суда Станиславова.

Минули годы былой славы.

Упадок. Даже не верилось в былое величие. Грустно скрипит перо, описывая

день сегодняшний. Вот строка побежала: «*Теперь город называется Станиславов. Армянских домов с хозяином есть 38, домов вдов и сирот – 12. Пустых армянских домов (некоторые уже заняты евреями) есть 19...*».

Передохнул старый армянин и снова буква за буквой побежали слова: «Станиславов теперь является городом, а как назывался перед тем, то не знаем, поскольку наши поселенцы были запрошены сюда с Востока... Наша армянская нация признана вольным народом, а не подданными. И имеем право вольно перемещаться...».

Еще вопрос прочитал и повел плечами:

– А на это и не знаю, как ответить? Какими полями владеют?

– Да откуда им взяться? Раньше – другое дело. И поля были, и мельница. А теперь... Упадок...

И снова, нехотя, перо выводит: «*Наша армянская нация не имеет ни единого поля и никакими полями не пользуется, ничего не сеет. Даже негде выпасти несчастную корову... Цехов было когда-то два, но теперь уже один перенесся в Лысцю, а второй распался, когда умерли мастера. А свою торговлю нация армянская тут не ведет, поэтому зарабатываем с риском для жизни в чужих краях, тут вкладываем в хозяйство деньги с заработанного, а бедные живут с того, что обслуживают*».

Перечитал текст. Вздохнул и поставил подпись: «*Войт Валериан – Роско Богданович*».

В том же 1773 году армянский магистрат Станиславова прекратил свое существование.

Но об этом семья Григориана Гайваза уже не знала. Они были далеко от обжитых мест.

* * *

Прошло время. Повзрослел Каетан – Геворг. Проводил в последний путь отца.

И снова катят повозки. Куда?

А туда, где дышится легче.

Туда, где ждет его счастье.

И поет удачливый торговец:

– Божья коровка,
Божья коровка –
Красный жучок.
Дорога на Крым на какой стороне?
Дорога на Крым на какой стороне?
Крымская дорога наша.
Крымская дорога наша.
Там наши дома и усадьбы.
Приходи, приводи нас на Крым.
Сама же быстро улети.

Отец.
К морю! В Феодосию!

Айвазовский-отец, вследствие семейных несогласий со своими братьями, в молодости переселился из Галиции и жил в Валахии и Молдавии, занимаясь торговлею. Он знал в совершенстве языки: турецкий, армянский, венгерский, немецкий, еврейский, цыганский и почти все наречия нынешних дунайских княжеств.

Журнал «Русская старина», 1878 г.

Прошло время. Повзрослел Каетан – Геворг.

Проводил в последний путь отца.

Хозяйкой – тантикин в доме стала мама – старшая в семействе женщина. Она руководила всеми женскими работами.

Кто ведет домашнее хозяйство?

Тантикин.

Кто печет хлеб и варит обед?

Тантикин.

Кто следит за чистотой и порядком?

Тоже тантикин.

А кто проверит, как старшая невестка месит тесто и доит скотину, прядет шерсть и заготавливает сыр и масло?

Тантикин.

Кто отправит младших невесток просеять муку и разжечь тонир, ткать ковры и шить одежду?

Снова тантикин.

Кто приглядит, как младшая невестка каждое утро идет за водой, стелит кровати, открывает дверь и убирает со стола?

Опять же тантикин.

У кого все ключи от дома? Кто бережет семейные ценности и хранит продукты?

Это тоже хозяйка – тантикин.

Так бы и жила семья Гайвазов, да что-то между братьями не заладилось. И чего здесь невиданного?

Торговое дело непростое. Тут и расчет нужен, и риск, и смелость. Чего не должно быть, так это жадности и обмана. Да их у Гайвазов и не было.

А вот желания вести дело с прибылью – хоть отбавляй.

– Поле в аренду возьмем. Уродит пшеница, вот нам и выгода! – предлагает один брат.

– А как неурожай? Плакали наши деньги! – не соглашается другой.

– А я говорю: деньги в товар вложить следует! – твердит свое Каетан.

Спорили, спорили, до крика дошло:

– Мое предложение правильное! Меня слушайтесь!

– Нет! Я верно все предлагаю!

В конце концов решили братья по справедливости:

– Разделим имущество семьи, как закон велит. Пусть каждый живет так, как сам пожелает.

Позвали родственников и священника:

– Будьте свидетелями.

Поделили по жребию все поровну. Неженатому Каетану пришлась дополнительная доля:

– Это тебе, брат, на свадьбу.

– Я, сынок, с тобой останусь. Куда ты, туда и я с тобой, – решила мама.

И снова дальняя дорога.

Недолго в одном месте пожили, потом в другом. Все не то.

Куда податься, думали долго:

– Может быть, поедем в Крым, в Феодосию?

Много слышал Каетан о далеком приморском городе. Прочитал даже царский манифест от 1784 года. Из документа следовало: «*... В рассуждении выгодности Феодосии... открыть оную для всех народов в пользу торговли их с российскими подданными*».

После присоединения Крыма к России город ожил. Молодой армянский торговец перечислял преимущества:

– Там устроили одну из трех главных таможен Крыма.

– На бывшем монетном дворе хана стали чеканить свою русскую монету.

– Феодосия – центр православной Феодосийско-Мариупольской викарной епархии.

– Там почти две тысячи жителей. Из них – семьсот армян.

А тут еще указ от 13 февраля 1798 года. Феодосия и Евпатория превращались в главные морские ворота Крыма. Российский император Павел I распорядился присвоить этим портам статус «порто-франко». А это не что иное, как беспошлинная торговля. Вот где выгода!

Решили:

– Едем к морю! Едем в Феодосию!

* * *

Как есть у дороги начало, так есть у нее и конец.

Подходит к завершению долгое путешествие.

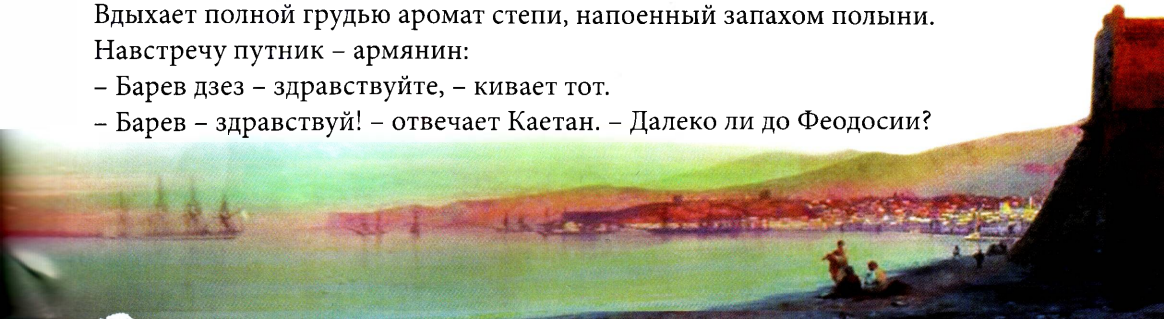
– Напоим коней! Сделаем остановку! – устало произносит Каетан.

Вдыхает полной грудью аромат степи, напоенный запахом полыни.

Навстречу путник – армянин:

– Барев дзез – здравствуйте, – кивает тот.

– Барев – здравствуй! – отвечает Каетан. – Далеко ли до Феодосии?



– До Кафы? Да верст пять, не больше, – показывает в сторону безлесой вершины.

– Лав – хорошо!

Перекинулись парой слов и снова в путь.

Часа не прошло, каменистая, разбитая тысячами колес дорога, плавно пошла вниз. Она спускалась с пологих холмов. Казалось, спешила открыть Каетану что-то невиданное.

Торопился в близкую уже неизвестность молодой торговец.

– Что там за поворотом? – спрашивал себя.

И вдруг на мгновение замер. Дух перехватило от раскрывшейся панорамы:

– Вот ты какая…

А губы шептали:

– Феодосия… Богом данная…

А направо и налево, сколько хватало глаз, уходило то невиданное, что он так хотел увидеть.

Море. Это было долгожданное море. Безбрежная гладь, летящая за горизонт.

Каетан спешил:

– Вперед! Вперед!

А вместе с повозками переселенцев к морю спешил город.

К морю! К морю!

Уже не щипал ноздри запах полыни.

Теплый ветер с соленым незнакомым привкусом наполнил все его естество.

А взгляд выхватывал серые стены убогих домишек и купола православных церквей, обветшалые древние фонтаны и высокие минареты.

И двойное кольцо древних стен.

Он ступил на каменистый берег. С неподдельным интересом смотрели на него развалины некогда грозных крепостных башен:

– Кто ты? Надолго ли к нам?

А он, подобно древним первооткрывателям этих мест, мореходам из греческого Милета, знал твердо:

– Здесь мне жить! Здесь мое будущее!

Что из того, что знала эта земля времена расцвета и на долгие годы превращалась в руины. Пусть над ней проносились набеги и войны. Пусть видел этот берег десятки племен и народов.

Что из того?

Точно Феникс, этот город восставал из пепла.

Он, Каетан Гайваз, сын славного и гордого народа, будет жить. И сохранит дыхание древнейшего города Европы.

И поддержит огонь в его очаге.

Он молод и силен!

Он грамотен и напорист!

А, стало быть, исполнит все задуманное.

И.К. Айвазовский.
Восход солнца в Феодосии. 1852 г.

2 - Zak-0087-88

* * *

Побежали дни за днями. Пошли с успехом дела торговые.

На склоне одного из отрогов горы Тепе-оба поднялся дом светлый. Молодой хозяин открывал настежь окна:

– Какой простор! Феодосийский залив во всей красе!

Вид и вправду был неповторимым. Безбрежный простор моря и яркое южное небо! Что еще нужно?

Однажды утром Каетан проснулся с улыбкой на губах и с весной в сердце. Все вокруг точно перевернулось с ног на голову:

– Мир прекрасен!

Он обнял маму и выбежал в сад:

– Жизнь удивительна!

Прислушался:

– Мама, слышишь, даже птицы поют по-особому.

Мама посмотрела с улыбкой:

– Точно мальчишка.

Ох, мама, мама. Она все поняла сразу:

– Как ее имя?

Каетан отчего-то покраснел. Взял маму за руку и на ушко прошептал:

– Рипсимэ.

– Хорошее имя, наше.

И тут же спросила:

– Ты-то не мальчик. А ей сколько?

Каетан рассмеялся. Он знал о старом обычае выдавать девушек в очень раннем возрасте:

– Ой, мама, успокойся. Ей уже не двенадцать и не тринадцать. Она – взрослая.

И громко проговорил шутливую армянскую поговорку:

– Если девушку ударить шапкой и она не упадет, значит время выдавать ее замуж.

– Вот проказник. Смотри, скоро Вардавар.

Прошла неделя-другая и мама получила согласие родителей избранницы.

Вардавар – Преображение Господне – древний праздник. Одна легенда говорит, что давным-давно жил богатый и злой человек, который похищал красавиц. И никто не мог спасти их. Но родился храбрец Вардан и спас всех. В знак благодарности девушки встретили героя цветами и песнями, танцами и улыбками. С тех пор и празднуют люди Вардавар. Радуются, пируют и обливают друг друга водой. Это не просто праздничная игра, а торжественное ритуальное действие, символизирующее материнство, плодородие и чистоту. В разгар танцев мама подошла к Рипсимэ:

– Здравствуй, дочка.

Девушка поклонилась, и мама набросила ей на голову красный платок:

– Еще вручаю тебе вот это яблоко.

И протянула крупное румяное яблоко с воткнутым в него кольцом. А про себя с радостью подумала: «Вот и славно. Обручение прошло, время к свадьбе готовиться».

С пятницы до воскресенья шумело веселье. Не уставал произносить тосты тамада. Гости пели и танцевали. Как символ очищения перед свадьбой, купались в море жених и невеста. После венчания из церкви шли молодые рядом.

А в воскресенье невесту привезли в дом жениха.

– Передаю тебе добро, пользуйся им на счастье, – сказал громко отец Рипсимэ.

– Буду беречь ее, как свет своих очей, – таков был ответ.

На колени молодой усадили маленького мальчика:

– Желаем тебе первенца – сына!

– Желаем вам состариться на одной подушке!

И снова пошли дни за днями.

Понял Каетан, что не ошибся в красавице-жене.

Знал, что на нее можно положиться. Сам работал в полную силу. Молодая жена ни в чем не отставала.

И пусть главой семьи был он – Каетан. К голосу супруги прислушивался. А как переступал порог дома, подчинялся порядку, установленному мамой и женой.

Не раз повторял армянскую народную поговорку:

– Муж – наружная стена дома, а жена – внутренняя.

* * *

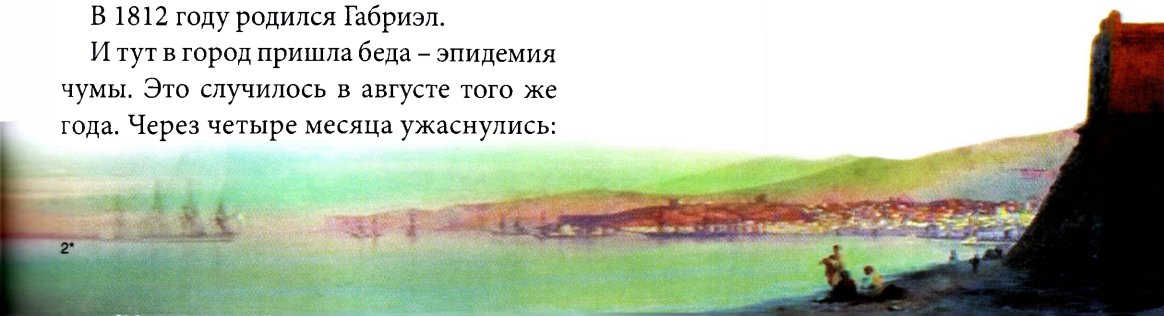
Первенца назвали Григорием. Каетан решил:

– В честь деда Григориана.

В 1812 году родился Габриэл.

И тут в город пришла беда – эпидемия чумы. Это случилось в августе того же года. Через четыре месяца ужаснулись:

Портрет Константина Григорьевича Гайвазовского, отца художника. 1859 г.



– Непобедимой болезнью переболело 758 человек. Чудом выжили лишь 217 из них.

Эпидемия отступила, но еще два года, до августа 1814 проходили в Феодосии противочумные мероприятия.

В народе говорят: «Беда не приходит одна».

Невиданные морозы начались в конце того страшного года. С ними пришел голод. Вымирал скот и вымерзали скудные остатки продовольствия. Замерла торговля и разорились десятки купцов.

Среди тех, кто лишился своего состояния, был и Каетан Гайваз.

Но он не опустил руки. Не последним человеком был – как-никак базарный староста. Не последним остался.

Умный и энергичный торговец выстоял.

– Нет товара – не беда. Голова зачем на плечах?

* * *

«Переселяясь в Крым, Айвазовский-отец лишился здесь большей части своего состояния… В эпоху рождения младшего своего сына Константин Айвазовский был далеко не богат, поддерживал семейство хождением по тяжебным делам и незначительными торговыми оборотами».

Так, годы спустя, напишет о нем журнал «Русская старина».

С днем рождения, сынок!

Родился Ованес, сын Геворга Айвазяна, феодосийского негоцианта Гайвазовского. Запись в метрической книге армянской церкви Святого Саркиса г. Феодосии от 17 июля 1817 г.

Тот июльский день выдался светлым и солнечным. Для Каетана Гайваза и его жены Рипсимэ особенно радостным и памятным.

Перед совершением Таинства крещения в церкви прозвучало:

– Нарекаю тебя Ованесом!

Священник трижды перекрестил малютку:

– Прошу, Господи, будь милостив к этому ребенку. Молю, Господи, освятить воду в купели, отогнать от нее дьявола, сделать ее для Ованеса источником новой и святой жизни.

При этих словах Святой отец трижды сделал в воде знамение креста. Сначала своей рукой с крестом, а потом освященным миром. И помазал миром Ованеса в знак милости Божией к нему.

Сделал шаг к углубленной в церковной стене купели. Трижды опустил ребенка в воду:

– Крестится раб Божий Ованес во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Святого Духа, аминь.

На младенца одели белую сорочку и крестик.

Сердце Каетана громко стучало, по телу пробежала радостная дрожь:

– Белая одежда как знак чистоты души после крещения. Пусть напоминает тебе, Ованес, чтобы и дальше ты берег эту чистоту. А крест, сынок, служит тебе видимым знаком твоей веры в Иисуса Христа.

Каетан настолько волновался, что толком не понял, это сказал он или Рипсимэ.

Посмотрел на жену, а та не сводила глаз со священника:

– Тише, Каетан... Таинство миропомазания...

А Святой отец уже святым миром выводил знаки креста на теле ребенка:

– Печать дара Духа Святого.

Лобик младенца помазал миром для освящения разума. Потом глаза и ноздри, губы и уши. Это для освящения чувств. Затем грудь. Так освятилось сердце. А дела, поступки и все поведение освятились помазанием рук, ног и спины.

Трижды пронесли Ованеса возле купели. Горели свечи теплыми желтыми язычками. Торжественностью и тишиной дышали церковные стены. И маленькими черными глазенками смотрел на свет маленький человек.

– Вот и крестился раб Божий Ованес, – сказал кто-то.

– О-ва-нес-Ова-нес, – разнеслось под церковными сводами.

Портрет Рипсимэ Гайвазовской, матери художника. 1849 г.

* * *

Вечером праздничный стол украшали гата – толстые сдобные лепешки с начинкой. Дымился рисовый плов с жареным мясом. Красовалось лоби из красной и зеленой стручковой фасоли.

На мангале во дворе жарился праздничный хоровац – шашлык. Вместе с бараниной подрумянивались на длинных деревянных шампурах помидоры и баклажаны, перец и головки лука.

– Апрек! – За ваше здоровье! Живите! – поднимали расписные глиняные чаши гости.

Складывали нехитрые подарки у колыбели Ованеса. Радовались вместе с родителями малыша.

Звучали зурна и давул. И разносились улицами старого города слова знакомой песни:

– Город Кефе, нет тебя красивей,
Храбрых вырастил ты парней,
Умных и дельных сыновей.
Им неведомы страх и горе,
Их рассыпало по миру море...
Дело кипит пахыр-пахыр,
Деньги текут шахыр-шахыр.
Много пролито пота, правда,
Но зато в карманах награда...
Кефе-город, Кефе-город,
Дома твои стоят так гордо!
Живи, процветай и мужайся,
Опорой нам оставайся!

Вот так, наверное, много столетий тому собирались армянские семьи, переселившиеся в Крым. Вели долгие разговоры о том, что тревожило. И вспоминали.

От деда к отцу, от отца к сыну передавали историю своего народа. Того народа, что пришел в мир из давно забытого прошлого. Из времен, когда еще не существовали современные европейские народы. Когда едва зарождались народы античности – эллины и римляне.

Праармянские племена возникли на территории Армянского нагорья уже в V тысячелетии до Рождества Христова. Об арменах в IX веке до новой эры писал в «Илиаде» Гомер.

Страной Наири – страной рек назвали территорию древней Армении ассирийцы. В могущественном царстве Урарту была создана развитая древняя цивилизация, определившая культурное будущее Армении.

В годы царствования династии Арташесидов весь народ, населявший Армянское нагорье, говорил на одном языке – армянском.

Столицей Великой Армении стал Арташат. В переводе с греческого – радость Артаксия.

Углублённая в стену купель церкви святого Сергия. Современное фото.

От Индии до берегов Средиземного моря шла слава об этом богатом и красивом городе.

V век новой эры назвали золотым веком Великой Армении. Это было время правления Тиграна Великого. Его империя простиралась от Каспийского до Средиземного морей, от Месопотамии до реки Куры.

В 301 году армяне приняли историческое решение:

– Признаем христианство единственной и государственной религией Армении.

Взлеты и падения чередовались в истории страны.

Ста лет не прошло – территорию древнеармянского государства поделили между собой Византия и Персия. Но это не помешало великому ученому и просветителю Месропу Маштоцу в 405 году создать армянскую письменность.

А в 885 году цари династии Багратидов восстановили государственность Армении.

Вскоре – новая беда. Хозяевами армянских земель стали византийцы, арабы и турки-сельджуки. За ними – кровавое нашествие монголов – египетских мамлюков.

Разбросанный и рассеянный по миру армянский народ в то темное время связывала Армянская Апостольская церковь. Образцами патриотизма и хранителями веры были ее патриархи – Католикосы всех армян.

В 1441 году Престол Католикоса всех армян переносится в Эчмиадзин.

А в XVII веке – очередная трагедия. Территорию Армении разделили между собой Персия и Османская Турция.

И снова отчаянные попытки освободиться от поработителей. С мольбами о помощи обращаются армяне через своих Католикосов к единоверным христианским народам.

Это было. Забывать прошлое непозволительно. Понимал это Каетан Гайваз. Потому помнил рассказы деда и отца. Детям своим пересказывал услышанные истории. И вовсе не удивился, когда старший сын Григорий попросил:

– Отец, расскажите о прошлом.

Что из того, что мальцу нет еще и десяти лет?

– Пусть знает, – решил Каетан.

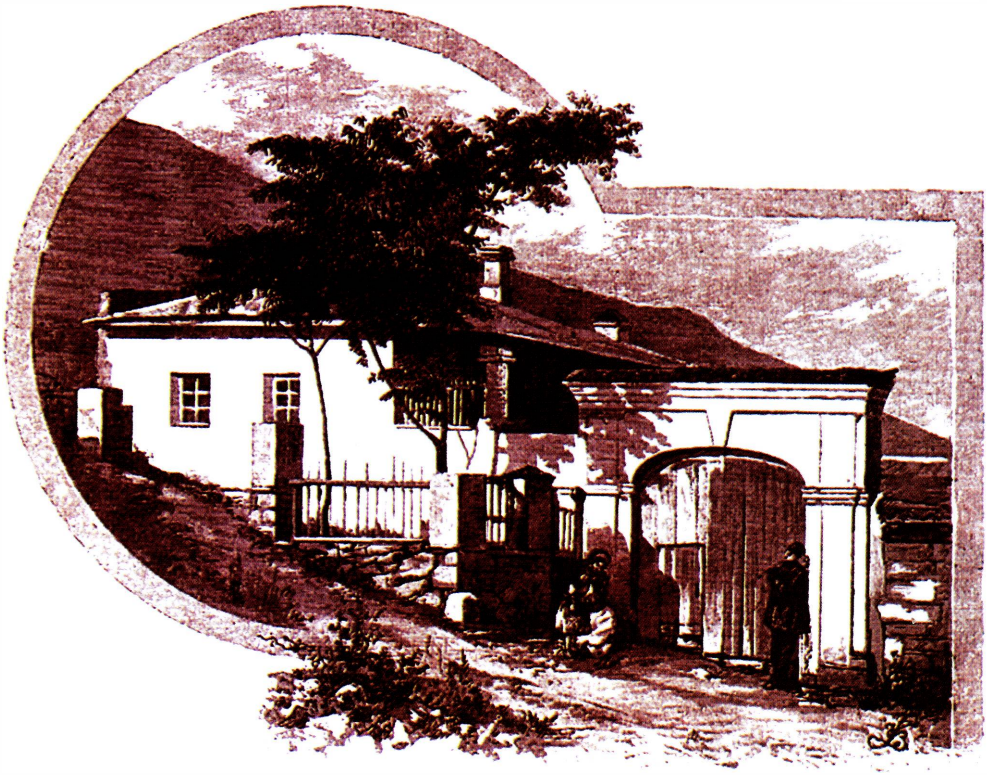
А средний Габриэл, что на три года младше, уже весь внимание.

– В 988 году Киевская Русь приняла христианство. А годом позже великий князь Владимир женился на принцессе Анне. Была она, как и брат ее – византийский император Василий, по происхождению армянкой, – рассказывает Каетан.

Киевские князья, зная об отваге армянских воинов, приглашали их на военную службу.

Армяне Киева были ремесленниками, купцами и умелыми строителями. А врача Агапита князь Владимир Мономах удостоил чести стать придворным лекарем, другом и советником. В XIII веке князь Лев, сын князя Даниила Галицкого, призвал воинов-армян и выделил им во Львове участок для поселения. Не было в Западной Украине ни малого, ни большого города, где бы ни жили армяне.

Почему армяне покидали родную землю? На то много причин.



Художник Ф.Г. Бернштам.
Дом, в котором родился И.К. Айвазовский

В VII веке Армению захватили войска Арабского халифата. Спасаясь от завоевателей, люди переселялись в Крым и другие места.

В 1064 году турки полностью разорили и разграбили город Ани. Куда деваться горожанам?

Поток армянских беженцев хлынул в Крым.

Никто уже не удивлялся, что в Кафе и Сурхате, Судаке, Карасубазаре и других местах звучала армянская речь.

В живописных уголках Крыма поднимались стены армянских православных святынь. В одной только Феодосии были открыты двери церквей Иоанна Крестителя и Иоанна Богослова, святого Стефана, святого Георгия, святого Сергия.

... Рядом с этими святыми местами начинал свою жизнь обыкновенный армянский ребенок. По этой земле Ованес Гайвазовский делал свои первые шаги.

Сказки для Овика

На добро отвечать добром – дело каждого,
а на зло добром – дело отважного.
Армянская народная поговорка.

Подрастает Ованес. Уже и третий, и четвертый день рождения отпраздновали. Лето сменяет зима. По холоду долго не нагуляешься. А в доме тепло. Горит огонь и потрескивают дрова в печи.

Зимние вечера долгие. Шуршит бумагами отец. Рукоделием заняты мама и бабушка. А мальчики, не смотри, что уже не маленькие, все просят:

– Бабушка, расскажите сказку.

– Хндрем – пожалуйста!

Бабушке что остается? Шитье отложит и взглядом детей обведет:

– Лав – хорошо! Слушайте.

И слушает мудрые волшебные сказки почти совсем взрослый Григорий.

Средний Габриэл бабушкины истории чуть не наизусть знает. А все одно – слова не пропускает. Да он и сам мастер сказки рассказывать. Только у него все больше такие они, где упоминаются христианские Святые. Взять хотя бы «Жемчужную рубашку». Вот герой оказался в тяжелом положении. Но стоит ему обратиться к святому Саркису с молитвой, тот появляется на сером коне и переносит его в город Мсра и женит на дочери царя. Но главное – наказывает молиться ему каждый вечер.

– А что дальше? – со своим постоянным вопросом Овик.

– Когда герой и его жена однажды забывают прочесть на ночь молитву, тогда святой Саркис их наказывает.

– Как наказывает?

– Он забирает у них память. Представь, они перестают узнавать друг друга. Но все заканчивается хорошо.

– А расскажи сказку о дервише и девочке, – просит брат.

Что из того, что эту сказку Овик слушал уже не раз. Все равно, интересно.

Габриэл улыбается и повторяет давно известную историю. О матери, которая посвящает свою дочь Святому. Как в юном возрасте она слепнет и мачеха выгоняет ее из дома. Но во сне девочку посещает Святой покровитель и говорит:

– Не бойся. Тебя спасет сборщик хвороста.

Как и следовало ожидать, скоро пришло спасение.

Как-то Ованес решил перечислить сказки, услышанные от брата:

– «Маленький Ашот», «Огонек и Огненный», «О дочери царя Ури», «Сказка Нерсо»...

Вместе с волшебными словами, услышанными от старших, он взрослел. Сказки помогали понять, где добро, а где зло.

А сколько сказок знает отец! Только у него они почему-то о торговцах и жадных богачах.

Отец начинает тихим голосом:

– Жил когда-то персидский царь. Окружали его визири и слуги.

Говорит как-то царь:

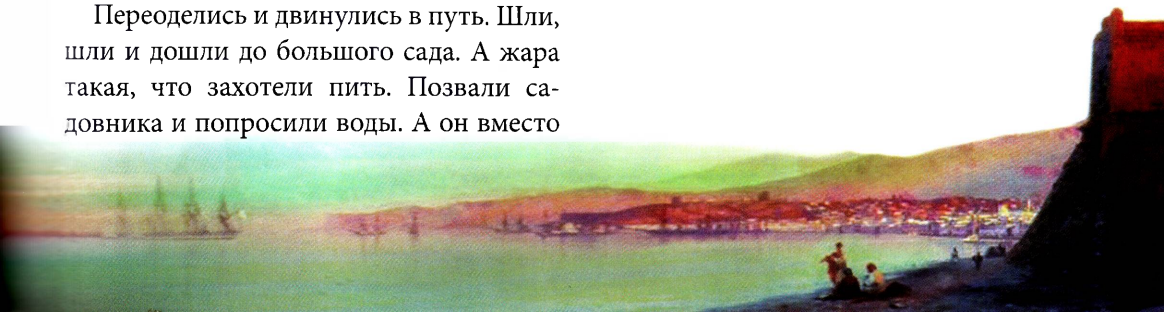
– Слушайте, визири. Сидя во дворце, мы никогда не узнаем, что делается в стране.

– Как же нам быть, о повелитель?

– А вот как. Переоденемся в нищих и пойдем по стране. Тогда точно все узнаем.

Переоделись и двинулись в путь. Шли, шли и дошли до большого сада. А жара такая, что захотели пить. Позвали садовника и попросили воды. А он вместо

И.К. Айвазовский. Портрет бабушки художника. 1858 г.



воды выносит им два граната. Из одного надавил путникам ароматный сок, а другой дал в дорогу.

Как царь с визирями отошел, говорит:

– Видите, вместо воды он гранатами угощает. Значит, большую прибыль имеет со своего сада.

– Но он много работает, вот и живет богато.

А царь рассердился:

– И почему это я не обложил налогами сады?

Во дворец вернулись и царь приказал ввести большие налоги на сады.

Прошло три года. Снова правитель отправился в путь. Как до знакомого сада дошли, попросили у садовника воды. Тот обошел весь сад и нашел только сморщенные, засохшие плоды.

Удивился царь и спрашивает:

– Три года тому назад мы попросили у тебя воды. Ты угостил нас двумя сочными сладкими гранатами. Что же ты сейчас нам даешь?

– Ох, беда мне, – горько вздохнул садовник, – не захотел наш царь, чтобы сады богатыми урожаями радовали. Совсем плохая жизнь настала.

Удивились путники:

– Что же такое царь сделал?

Отец внимательно посмотрел на сыновей:

– Как думаете?

Григорию и Габриэлу смысл сказки понятен. А маленькому Ованесу?

Тот поднял на отца грустные глаза. Сказал всего три слова:

– Плохой царь... Жадный...

Отец был на удивление отличный рассказчик. И легенду, и сказку, и случай из местной истории передавал он одинаково неторопливо. Время от времени делал остановки:

– Все ли понятно?

– Понятно! Понятно!

Уже не раз повторял случай о хитрых генуэзцах, купивших у татар прибрежный участок. То ли это правдивая история, то ли выдумка, он и сам не знал.

То, что в Феодосии в XIII веке основали итальянцы торговую факторию – факт правдивый.

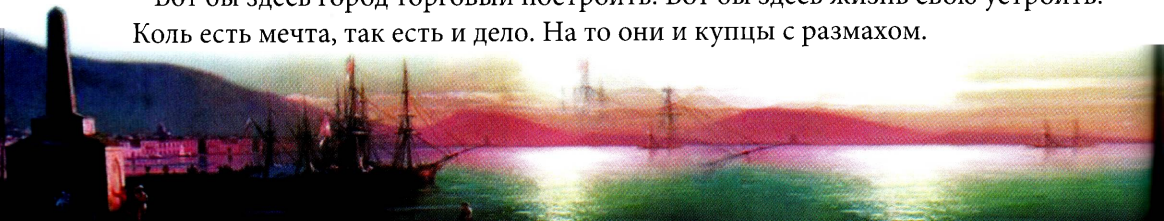
То, что армянские купцы оптом скупали у иностранцев и перепродавали их товар на Востоке и в Киевской Руси – всем известно.

Но сыновьям рассказал:

– Проплывали как-то в этих местах купцы из итальянского города Генуя. Купцы именитые, товарами богатые, душой широкие. Как увидели бухту Феодосийскую с городом Каффой – глаз отвести не смогли. Долго не думая, пристали к берегу. Бороды поглаживают, по сторонам посматривают. Нарадоваться не могут, вслух мечтают:

– Вот бы здесь город торговый построить. Вот бы здесь жизнь свою устроить.

Коль есть мечта, так есть и дело. На то они и купцы с размахом.



И.К. Айвазовский.
Феодосия. Восход солнца. 1852 г.

А в те времена земли эти татарам принадлежали. Пошли купцы о цене речь вести. Подумали татары:

– Какую цену запросить? Мало сказать – себе убыток. Много сказать – вовсе без денег остаться можно.

Решили мудро. Разложили татары на земле шкуру быка и сказали:

– Сыпьте поверх монеты золотые без счету, без меры. Чем больше, тем нам радостнее. Да так, чтобы всю шкуру покрыть. Чтоб волоска ни единого бычьего видно не было. Вот цена наша. А землю, что хотите, берите с условием. Режьте шкуру на полосы и в жгут вяжите. И сколько тем жгутом земли охватите, то ваше будет.

Мудро рассудили татары. Умно сделали генуэзцы. Деньги отсчитали и расчет закончили. Пригласили затем лучших из лучших во всей Италии скорняков – ремесленников, занимающихся обработкой кожи.

Много дней и ночей искусные мастера вычиняли кожу. Ножами острыми резали ее на полосы тончайшие. Вязали их узлами невидимыми. Землю опоясывали, как дитя лелеяли. А как работу закончили – ахнули татары. Охватили генуэзцы земли столько, что не один город здесь можно выстроить, а целых два. Да делать нечего. Уговор дороже денег. Так и разошлись с миром.

Феодосийские братья

Образование больше просветляет мысли,
воспитание же приводит в порядок людские сердца.
Архиепископ Габриэл Айвазовский.

Немногословный, порой даже замкнутый Григорий, Овика не то, что сторонился. Нет. Он держался на собственноручно созданной дистанции. Может быть, причиной была разница в возрасте? Как-никак целых девять лет. Может, какая другая причина.

Другое дело – Габриэл. На то, что старше брата, внимания не обращал. Подумаешь, пять лет.

Он не поучал, не наставлял. Если рассказывал о чем-то, то выходило это просто и естественно. Подбирая простые слова, старший брат разговаривал с Ованесом, как с равным.

И вообще он был настоящим старшим другом.

Он не стеснялся брать Овика за руку и вот так вдвоем ходить старыми городскими улицами. Или идти к морю.

Знакомые мальчишки к морю ходили, как правило, летом. Понятное дело, понырять, поплескаться. А если не летом, то обязательно по делу. На рыбалку, значит. И удивлялись мальчишки, что Гайвазовские к морю ходят просто так. Ну посидеть на берегу. Или там у воды постоять. И это, выходит, без конкретной видимой цели. Без дела, значит.

А Габриэл не обращал на непонимающие взгляды ровесников никакого внимания. А что Овик? Тот этих взглядов по малолетству просто не видел.

С братом ему было хорошо.

Да, да! Хо-ро-шо!

Отец как-то пошутил:

– Вы – точно солунские братья.

Овик так сразу и не понял:

– Солунские братья – это хорошо или как?

Он не дернул Габриэла за рукав, как это обычно делают дети, когда чего-то хотят. По привычке, когда желал что-то спросить, он протиснул свою маленькую худенькую ладошку в ладонь брата. Слегка сжал и поднял курчавую голову. Габриэл в такие минуты смотрел с интересом и улыбался. Хотя он, правда, улыбался всегда, когда ожидал очередной вопрос любознательного братца:

– Ну, спрашивай.

– Я про солунских братьев.

И Габриэл, который, казалось, знает все на свете, стал рассказывать. О греческом городе Солуни, что лежал на берегу теплого моря.

– Такого теплого, как наше?

– Может, еще теплее. Так вот, жили там скромно муж с женой веры православной. И были у них дети. Взрослели мальчики и годам счет прибавляли родители. Горожане видели, как дружно живут Константин и Мефодий. Вот идут они по берегу, а старший говорит:

– Это море.

– Мо-ре, – повторяет по слогам малыш.

– Это играют дельфины.

– Дель-фи-ны, – выговаривает Константин.

Не могут нарадоваться родители:

– Мефодий – точно нянька. Что ни шаг у младшего, старший рядом. А малец-то, смотри, слова с ходу ловит. Точно ими играет.

Подрастают братья, а люди замечают:

– Имеют они склонность к наукам.

– Нет для них занятий любимее чтения книг.

Удивляются близкие:

– Братья усидчивы и трудолюбивы.

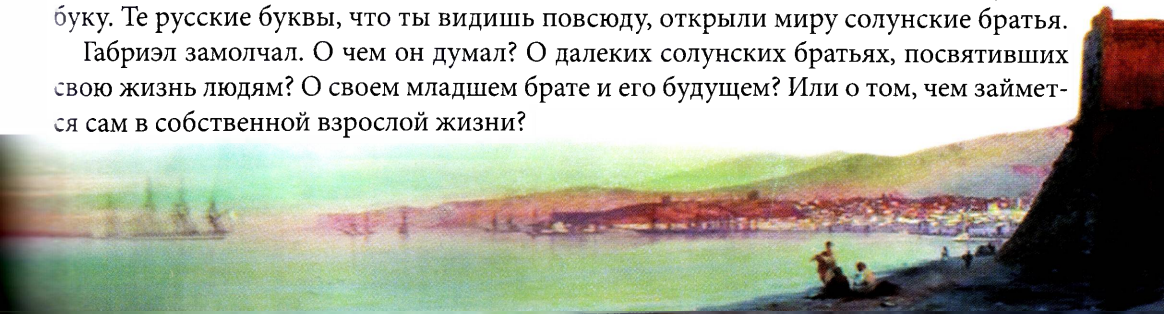
– Они наизусть заучивают целые книги.

Как еще время прошло, решили братья:

– Посвятим себя церкви и жизни духовной.

– Стал со временем Константин (Кирилл) известным философом и ученым. Мефодий – талантливым организатором. Но главное, они создали славянскую азбуку. Те русские буквы, что ты видишь повсюду, открыли миру солунские братья.

Габриэл замолчал. О чем он думал? О далеких солунских братьях, посвятивших свою жизнь людям? О своем младшем брате и его будущем? Или о том, чем займется сам в собственной взрослой жизни?



Тогда даже в самых смелых мечтах он не мог представить, что его маленький Овик станет всемирно известным художником. Ованесом, будущим Почетным гражданином Феодосии, будут гордиться потомки.

Сам же Габриэл вырастет в великого ученого и просветителя, выдающегося историка и педагога, религиозного и общественного деятеля.

Феодосийские братья прославят свой город и свой народ. Пройдет всего сотня лет, и писатель Г. Агаян в своей книге напишет: *«Оба Айвазовские родились под разными звездами. Земная слава бежит сзади одного, а другому – спереди. Художник не может освободиться от объятий этой славы, как бы ни старался убежать от нее».*

Церковь святого Сергия

Церковь св. Саркиса считается одним из самых древних армянских храмов в Крыму. Полагают, что она была основана в XIII веке. Стены в изобилии украшены хачкарами. Некоторые из них датированы XIV-XV веками.

Из книги «Крым. Армяне. Десять веков созидания».

Когда в армянских храмах Крыма стали учить детей, никто точно не скажет. Давно это было. В местах, где расселялись армяне, они строили монастыри. Переселенцы смотрели далеко вперед, поэтому, что ни монастырь, то школа. Прихожане церкви Сурб Саркис знали, что образованный священник научит их детей многому. Хорошо, когда ребенок знает счет и письмо. Жаль, не много учеников в приходской школе. А все потому, что не все родители понимают важность образования.

В семье Каетана Гайваза решили твердо:

– Наши дети будут учиться!

Вместе с Ованесом в церковно-приходскую школу ходили еще два десятка мальчиков. Кто помладше, кто на год-другой старше.

– А что, нравится учиться? – спрашивает бабушка.

– Еще как! Уже половину азбуки прошли и счет начали. А буквы легко писать. Смотри.

И мальчик протянул разлинеенный карандашом листок с двумя строчками неровных букв.

Бабушка присмотрелась, а через плечо заглянула Аннушка – приходящая работница:

– А что они так прыгают?

Ребенок ожидал, что его похвалят, потому засопел:

– Ага, ты сама попробуй. Это мне карандаш плохой попался.

В.О. Руссен.
Армянская церковь святого Сергия.
1843-1849 гг.

3 - Zak-0087-88

– Почему это прыгают? – незаметно одернула бабушка работницу.

– Почти ровно стоят.

Вернула листок Ованесу:

– У тебя хорошо выходит. Нужно просто больше упражняться. Ну иди, иди, ученик. Старайся.

И уже вдогонку:

– Главное, что у тебя есть желание. А захотеть – половину дела сделать.

Приходской священник рассказывал о буквах и звуках армянского языка. Подбадривал учеников:

– Вот и выучили 39 букв алфавита. Узнали, что такое гласные и согласные звуки. Будем составлять теперь слоги и слова.

Не так быстро, как хотелось, вместе с другими детьми, Ованес научился каллиграфически писать буквы. Узнал, где ставить точку и двоеточие, запятую и разделительный знак, вопросительный или восклицательный знаки.

– Не забывайте писать большую букву в начале предложения, – напоминал учитель.

Раздавал таблички с выведенным печатным и рукописным шрифтами:

– Посмотрю, кто из вас красивее перепишет.

Шли месяцы, и Ованес не удивлялся, что писать под диктовку отдельные слова совсем не сложно. И читать можно вслух, а можно и про себя, молча. Он привыкал правильно ставить ударение в словах и следить за своей речью, верно употреблять вежливые формы обращения, ставить вопросы и отвечать на них.

Вместе со всеми Ованес учился счету.

Говорит учитель:

– Пришел Навасард – Новый год. Соседи стали ходить друг к другу с поздравлениями. К тебе, Ованес, пришел Акоп и принес два граната и сладости. Потом пришел Вазген и подарил еще три граната и орехи. Сколько гранатов подарили тебе на Навасард?

Задание простое, потому мальчик ответил без раздумий:

– Акоп и Вазген подарили мне пять гранатов.

– Правильно. А теперь еще одно задание на сложение.

И священник медленно произнес:

– Не торопись. Подумай хорошенько. Бабушка решила приготовить хашламу. Отварила баранину и стала класть овощи. Сперва две луковицы. Затем два баклажана. Потом три помидора и три сладких перца. Сколько всего овощей?

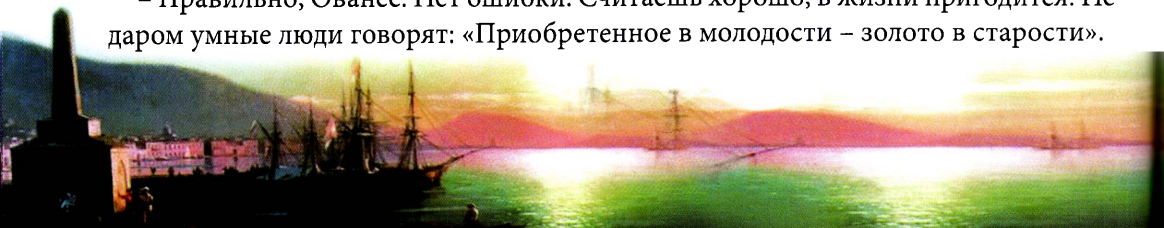
Считает вслух Ованес:

– Два плюс два будет четыре. Три помидора и три перца – шесть…

Загибает один за другим пальцы:

– Четыре прибавить шесть… Шесть прибавить четыре… Всего бабушка положила десять овощей.

– Правильно, Ованес. Нет ошибки. Считаешь хорошо, в жизни пригодится. Недаром умные люди говорят: «Приобретенное в молодости – золото в старости».



Хачкар в стене церкви святого Сергия.
Современное фото.

Сколько раз приходил Ованес в церковь. Сколько раз смотрел на хачкары, укрепленные в стенах.

– Устроены они здесь, значит, так надо, – пояснил себе.

И однажды очень удивился вопросу учителя:

– Зачем армянские камнерезы создавали эти камни-кресты?

С удивлением понял, что ведь он никогда об этом не задумывался.

А хачкары были и у входа, и на фасаде, и на всех внутренних стенах. Оказалось, что эти изображения креста на каменных плитах родились не случайно. Одни в честь военных побед или воздвижения храмов. Другие в память постройки крепости, мостов или фонтанов. Но чаще они служили надгробными памятниками.

Больше всего Ованесу нравилось слушать рассказы святого отца о прошлом. Тот разговаривал с классом, будто перед ним не дети, а взрослые люди:

– Время высшей славы Армении связано с именем Тиграна Великого. Он правил в 95-55 годах до новой эры. Его заслуженно называли царем царей. Это был мудрый правитель. При нем небывалого расцвета достигла армянская наука и культура. Его союзник и родственник Митридат Понтийский Евпатор безумно мечтал о мировом господстве. Прозорливый Тигран отдавал все силы родной стране. Одна из легенд повествует, что когда его войско потерпело поражение от римлян под командованием Помпея, он поступил мудро. Армянский царь явился в римский лагерь. Сошел с коня и снял с головы царскую диадему.

Воскликнул Помпей:

– Остановись, полководец! Не к лицу царю царей быть без тиары.

И возложил на голову Тиграна корону:

– Ты не только бесстрашен, но и мудр. Садись со мной рядом. Оставляю за тобой твои земли. Правь и дальше. Отныне ты в числе «друзей и союзников римского народа».

Во имя родины пошел Тигран на унижение. Но этим он спас страну от неминуемого разорения. Не каждый царь способен на такой поступок.

Учитель со стола взял портрет:

– Посмотрите. Как думаете, кто этот человек?

Дети смотрели на незнакомое лицо:

– Это царь, наверное.

– Только на армянина не похож.

– На голове корона круглая.

– А на ней – крест.

– Значит он – христианин.

– Смышленые вы, – похвалил учитель. – Вот слушайте историю. Подобно Тиграну Великому, спас он свою страну от беды. Его имя – Даниил Галицкий. Когда на Галицко-Волынскую державу напали монголо-татарские полчища, вышли украинцы на битву. Да враг сильней оказался. И решил князь Данило:

– Поеду в Золотую Орду.

Приезжает к хану Батыю, а тот ему:

– Там, где прошли мои воины, земля принадлежит мне. Только я решаю, кто будет князем, а кто нет. Покоришься мне?

Понял русич, что если не подчинится, то назначат на его место монгольского наместника. Тогда не поздоровится никому.

Сказал только:

– Покорюсь!

– Получай, князь, ярлык. Возвращайся домой и будь моим верным слугой!

Зависимость от завоевателей была позорной. Но время шло, и мечта освободиться от татарской неволи ни на минуту не покидала ни князя, ни его народ. Стали собирать силы. А время пришло, и сами басурманов били, и дети его тоже били. Пока всех с земли родной не выгнали.

Рассказ окончен, а дети еще просят:

– Батюшка, расскажите.

– Хотите про тайну узнать?

Странный вопрос. Кто не хочет про тайну услышать?

– Расскажите! Расскажите!

– Садитесь поудобнее и слушайте.

И мальчишки друг дружке:

– Тайна!

– Сейчас тайну расскажут!

– Так вот. Сколько раз нападали враги на цветущую Армению – не сосчитать. Не было спасения от нашествия турок.

– Берегитесь, братья! Грабители и убийцы не щадят ни старого, ни малого!

Часть армян укрылась в Крыму. Часть рассеялась по белу свету. И как ни старается враг народ уничтожить, а поднимает он свою голову.

А все потому, что не знали злодеи о великой армянской тайне. А была эта тайна в том, что хранили армяне оружие непобедимое. От деда к отцу, от отца к сыну передавали.

Чтобы защитить себя от рук ненавистных, ковать и беречь это главное оружие стали еще в незапамятные времена.

Вот как давно живет с нами это оружие!

Оно и вправду не по зубам врагам ненасытным.

Учитель понизил голос:

– Имя его – Слово и Песня. И потому говорят: «Не уничтожить армянский народ, покуда жив его язык». Родной язык спас народ от порабощения.

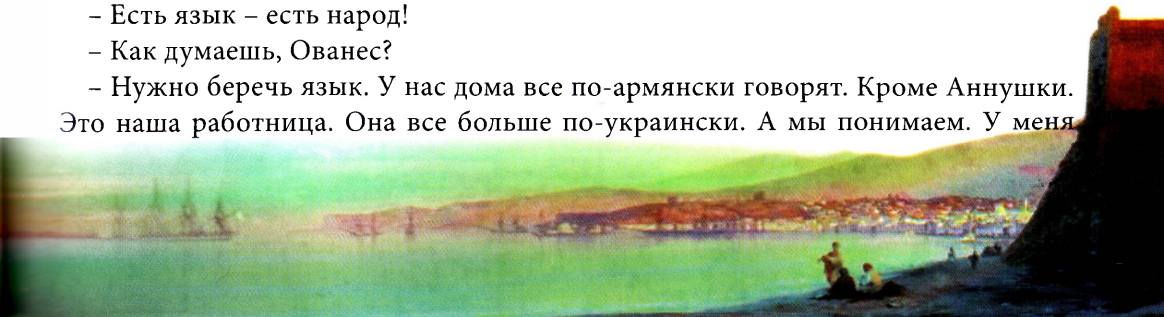
– Запомните: есть язык – есть народ!

И дети хором повторили:

– Есть язык – есть народ!

– Как думаешь, Ованес?

– Нужно беречь язык. У нас дома все по-армянски говорят. Кроме Аннушки. Это наша работница. Она все больше по-украински. А мы понимаем. У меня



же и бабушка, и папа раньше в Галичине жили. Папа хорошо украинский знает. Еще польский и молдавский. Еще немецкий. А на рынке по-татарски и по-русски говорит.

– Ну, хорошо, что понял мой рассказ. Наверное, всем тоже про нашу тайну ясно?

– Ясно, батюшка!

– Ну и слава Богу. Кстати, о русском языке. Скоро некоторые из вас пойдут учиться в уездное училище. А там уроки идут на русском. Поэтому будем учиться читать и писать по-русски. Будем переводить сначала отдельные слова с армянского на русский и наоборот. Ничего трудного. Вы ведь каждый день на улице слышите русскую речь.

* * *

Как-то по делам отец Ованеса зашел в школу. Священник в это время как раз вел урок:

– Как армяне приняли христианство, а произошло это в 301 году, так зародилась письменная армянская литература. Запомните имя, которое я сейчас скажу. Это первый армянский писатель, сочинения которого дошли до нас.

И учитель по слогам произнес:

– Ага-тан-ге-хос!

Посмотрел на класс:

– Повторяйте за мной…

Дети нараспев вместе с учителем повторили:

– Ага-тан-ге-хос!

Урок продолжался:

– Служил Агатангехос писцом, ну значит, секретарем, у царя Тиридата. Он описал историю крещения армян, только написал на греческом языке.

– А почему не на армянском?

– Хороший вопрос. Дело в том, что в то время еще не была создана армянская азбука.

– Так надо было создать.

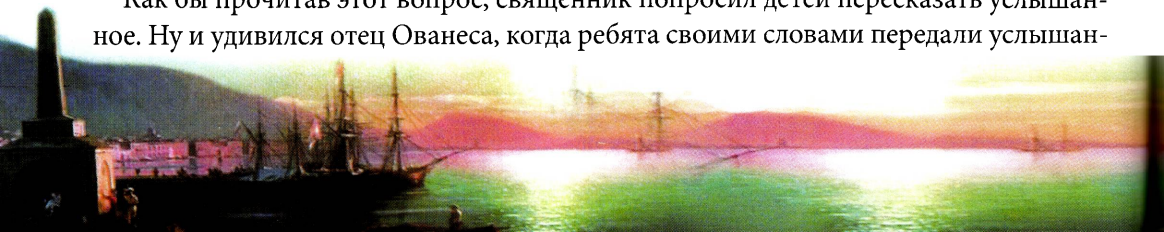
– Сказать легко – трудно сделать. В начале V века армянский Верховный патриарх и Католикос Саак и монах Месроп Маштоц этим и занялись. Однажды образованному монаху снится сон. А в нем он отчетливо видит совершенно новые, незнакомые письмена. Как проснулся Месроп, все записал. Так в 405 году Месроп Маштоц создал армянский алфавит.

А вскорости патриарх Саак и монах Месроп решили:

– Приступим к организации школ по всей Армении. Переведем Святое Писание на родной язык. Произошло это в 434 году.

«О таких непростых вещах рассказывает учитель. Неужели дети все понимают?» – пронеслось в голове Гайвазовского-старшего.

Как бы прочитав этот вопрос, священник попросил детей пересказать услышанное. Ну и удивился отец Ованеса, когда ребята своими словами передали услышан-



ное. Пусть сбивались, пусть не находили нужных выражений. Главное, что они поняли смысл.

А учитель продолжил и сам себя спросил:

– Вот что интересно. Как же давние армянские цари обращались к подданным? На каком языке писали свои указы да распоряжения?

И тут же ответил:

– Ученые не один год ломали над этим голову. Ведь, правда, армянские цари не могли писать воззвания к своему народу на незнакомом им языке. Наверняка армяне писали по-армянски, только пользовались чужим алфавитом.

* * *

Во время одной из прогулок Габриэл рассказал брату интересную историю. Подсчитал что-то в уме:

– До Пасхи восемь недель… Значит, в субботу праздник святого Саркиса.

Ованес, как всегда, поторопил:

– Расскажи!

– Сурб Саркис – один из самых почитаемых наших святых. Ему посвящены сотни церквей и монастырей. Его образ на фресках и картинах, хачкарах и церковной посуде.

И говорил, как по-написанному. Смотрел в глаза Овику, наблюдая, все ли тому ясно.

А у мальчика роились вопросы: «И кто научил брата так складно говорить? Что, этому учат в уездном училище? Как он подбирает неизвестные Овику слова? Почему без запинки, как по книге, ведет рассказ?»

Но вслух он этого не сказал, а по привычке спросил:

– А почему?

– Он помогает слабым и немощным, попавшим в беду. Он наказывает злых людей и спасает пленных. От топота копыт его коня содрогается весь мир. А когда Святой берется за свой лук, то начинается буря и снег заметает все дороги. Он приходит во сне к юношам и девушкам. И тогда указывает им на суженных.

– Я понял. Значит, папе с мамой тоже приснился святой Саркис?

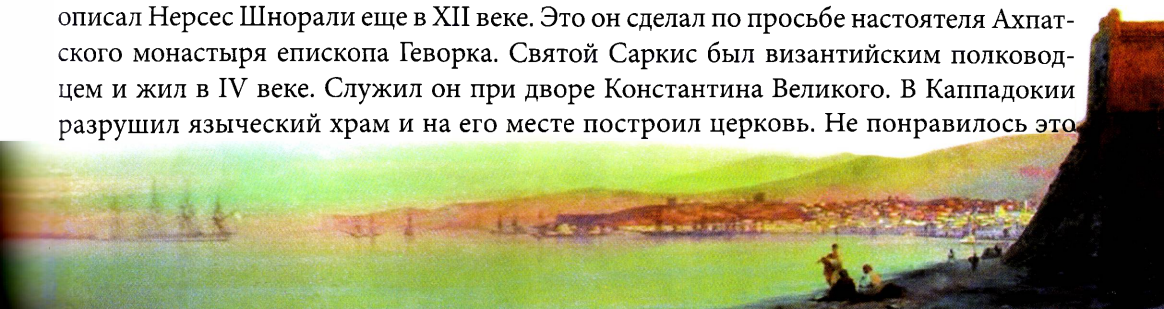
– Выходит, что так. Его настолько любят, что слагают о нем песни и сказки. А перед самым праздником в его честь мама выставит за дверь поднос с мукой. Притом с непростой мукой, а из зерен пшеницы, которые заранее обжарит.

И снова вопрос Ованеса:

– А это зачем?

– Ну ты, братец, любопытный. По поверьям, Саркис питается мукой. Вот зачем.

Много чего интересного рассказал Габриэл. О том, что впервые образ Святого описал Нерсес Шнорали еще в XII веке. Это он сделал по просьбе настоятеля Ахпатского монастыря епископа Геворка. Святой Саркис был византийским полководцем и жил в IV веке. Служил он при дворе Константина Великого. В Каппадокии разрушил языческий храм и на его месте построил церковь. Не понравилось это



правителю. Тогда полководец бежа л от преследований в Армению. Тепло его принял царь Аршак Второй. Потом перебрался он на службу к персидскому шаху. Как узнал тот, что воин христианин, приказал убить. Так святой Саркис принял мученическую смерть за веру. Вместе с ним погиб его сын и сорок соратников.

С карандашом и бумагой

Первые картинки, виденные мною, когда во мне разгоралась искра пламенной любви к живописи, были литографии и гравюры, изображающие подвиги героев в исходе двадцатых годов, сражавшихся с турками за освобождение Греции; к первому моему ребяческому лепету примешивались имена народных героев – Баболины, Канариса, Миаули и других.

Из воспоминаний И.К. Айвазовского.

Рисовать Ованес начал рано. Сперва это были даже не рисунки, а знаки. Первый домик в одно окошко с треугольной крышей. И обязательная труба с дымом.

Первая елка, похожая на пилу с зубцами.

И солнце. Круглая монета-кружочек.

За ним и появилось море. Его удавалось нарисовать легче.

Ованес повторял:

– Море... море...

И на листе недорогой бумаги начинали прыгать волны-зигзаги.

А над ними десятки галочек-штрихов.

– Это что? – спрашивал отец.

Малыш смотрел недоуменно:

– Неужели непонятно?

И пояснял:

– Это же чайки!

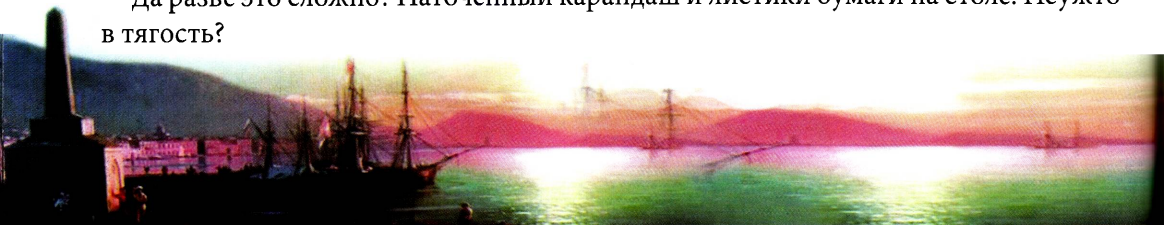
– Ай молодец, Ованес джан!

Звучали похвалы и одобрение. Сперва Ованес, видя поддержку старших, повторял нарисованное вчера и позавчера. Но процесс воспроизводства одобренного простенького штампа прервался сам собой. Ребенок стал внимательно смотреть по сторонам. Рождалось личностное восприятие мира и его оценка. Это была первая ступенька к творчеству.

Каждый ребенок талантлив. Кто с этим поспорит? Интересов у каждого – не сосчитать. Беда в том, что не у каждого рядом заботливый взрослый. Углядит в малыше горящие глаза и тягу творить – будет толк.

Константин Гайвазовский находил нужные слова. И что важно – подкреплял слова делом.

Да разве это сложно? Наточенный карандаш и листики бумаги на столе. Неужто в тягость?



И.К. Айвазовский.
Автопортрет в детстве.
1887 г.

И нужные слова, и ласковое обращение «джан».

Говорят в народе:

– Скажешь «джан» – услышишь «джан».

Подрастал Ованес, и вместе с ним взрослели отцовские советы:

– Если будешь внимательным – сразу заметишь, что все вокруг разное. Одинакового, похожего друг на друга, в природе нет. Посмотри сам и убедись.

Ованес стал смотреть на окружающее совсем иным взором. Вот галька у моря. Сколько ее на берегу. А одинаковой и вправду нет.

Поднялся на Тепе-Оба. Склон-то совсем рядом с домом. Один цветок крупнее, другой мельче. У одного стебель толще и сочнее. У соседа рядом гибкий и тонкий.

А деревья? Издали все, как близнецы. Но присмотрелся внимательно:

– Ни одна ветка и даже ствол не повторяются.

Ованес любил подолгу смотреть на небо и рисовать облака. Вот где можно увидеть целые картины. Здесь и сказочные корабли, и невиданные замки, голова старика с бородой и страшное чудовище.

Но рука чаще тянулась рисовать море. Раньше как-то не замечал всей его неповторимости. А теперь – другое дело.

Вот оно светло-голубое, убегающее к горизонту синим мерцающим фиолетом. Вот побежала легкая зыбь.

И неожиданный восторг:

– Корабли! В порт заходят военные корабли!

А тревожную зыбь кто-то невидимой рукой в минуты сменяет штилем. И замирают стройные суда в красоте своих убранных парусов.

Легкость их силуэтов завораживает:

– Я нарисую это!

Бывало, в открытое окно отцовского дома влетал шум рассерженной стихии. Сжималось сердце маленького художника от наступающей бури. Хотелось закрыть уши от пронзительного завывания ветра. Со страхом поднимал он глаза на летевшие тучи, которые, казалось, старались вцепиться в их черепичную крышу.

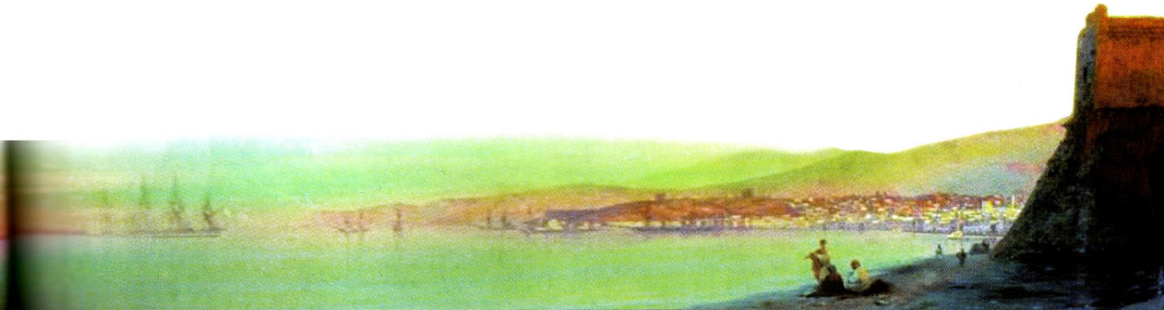
В такие минуты детская память прятала в своей глубине суровые картины. Хранила до поры, когда придет нужное время и они выплывут из забытья воспоминаниями крымских переживаний.

А еще память хранила на будущее увиденные героические гравюры и литографии. Тогда он всем своим естеством становился на сторону небольшого, но смелого греческого народа. Он гордился благородными повстанцами, вступившими в неравную борьбу с турецкими захватчиками.

Выискивал на карте страны и с недоумением восклицал:

– Где та Турция и где Греция? Почему не может эта страна без войны? Почему так несправедливо?

И.К. Айвазовский.
Панорамный вид Феодосии.
1890 г.



* * *

Феодосийцы часто видели в разных уголках города темноволосого мальчика. Если зимой, то в поношенной тужурке и теплых башмаках. Летом в короткой рубашонке навыпуск. А весной и осенью, по погоде.

Но, заприметив мальчика, обращали внимание на бумагу в его руке.

Он подбирал удобное уединенное местечко. Осматривался, как бы оценивая выгоду этой позиции. Клал на колени небольшой листок картона. Расправлял бумагу и смотрел в одном, только ему понятном, направлении. Щурил глаза, наклонял голову то вправо, то влево, примеряясь начать движение карандашом. И по белой поверхности листа начинал свое путешествие грифель.

* * *

Кто не знает, как здорово получать подарки в день рождения. К этому дню готовишься и от ожидания щемит сердце. С годами чувство праздника остывает. Это закон, так устроена жизнь. И чем больше человеку лет, тем чаще он задумывается о прожитых годах. Ох, сколько их было! Кто-то ворошит и складывает по полочкам воспоминания. Кто-то берется за перо и выливает откровения о прошлом на бумагу.

Что может художник в такие минуты? Многое может. Тем более, если прожито немало.

Седой маринист задумался:

– Невероятно... Семьдесят лет...

Глаза останавливались то на одной, то на другой картине. Как волны, набегали давние воспоминания. Пульсируя, где-то на уровне подсознания, вспыхивали сюжеты. Города, страны, люди, картины...

Странно устроена память. Она не позволяет художнику стереть свои важные страницы.

– Ну не писать же мне, ей Богу, книгу. Для этого есть другие, – в сердцах проговорил Иван Константинович.

И на холст легли первые мазки:

– Вот знакомый склон и множество кораблей на рейде...

Отошел на два шага назад:

– Мельницы, море...

Зачем-то подошел к зеркалу:

– Каким же я был тогда?

И ответ нанес тщательными движениями кисти.

Как всегда, он работал быстро. Как всегда, закончив работу, всмотрелся в нее. Попытался найти огрехи.

Удовлетворенно отметил:

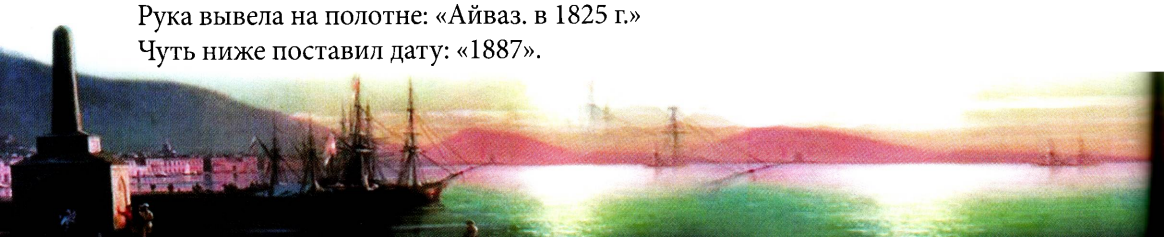
– Получилось!

И снова эта память. Ну что ты с ней сделаешь? Вместе с залетевшим соленым ветром она унесла его в детство.

В далекое феодосийское детство.

Рука вывела на полотне: «Айваз. в 1825 г.»

Чуть ниже поставил дату: «1887».



В уездном училище

Школа подготовляла своих питомцев к жизненной борьбе, из которой, благодаря прочно заложенным ею умственным и нравственным началам, большая часть их выходила победителями, не только устраивая личное благополучие, но и идя навстречу общественным и государственным интересам в работе на различных поприщах своей деятельности.

А. Половецкий. «Исторический очерк Феодосийского уездного училища», 1918 г.

Феодосийский градоначальник Семен Михайлович Броневский – человек беспокойный. До всего ему есть дело. Присмотреть за чисткой уличных колодцев и порядком в порту, уборкой улиц и своевременной выплате жалованья подчиненным.

В кабинете его не застать. То он в одном конце города, то в другом. В пятитысячной Феодосии – забот невпроворот.

С первого дня своей службы занялся делами, что вроде ему и не по чину. Кто, спрашивается, заставляет его собирать остатки древностей? Тут и надписи с барельефами на камне и мраморе, медали с монетами и вазы со статуэтками.

Зачем надо было запрещать горожанам камни с давними текстами и рисунками, выломанными из старых стен, или лежащие в развалинах, употреблять для строительства?

А однажды назначил складировать реликвии в пустующей турецкой мечети. В той, что в центре города рядом с площадью.

Люди образованные Семена Михайловича поддерживают:

– Не для себя старался – для потомков!

Разводят руками лавочники, разбогатевшие на том, что купят товар задешево, а землякам по двойной цене продадут:

– И что ему за выгода?

Только нет градоначальнику дела до людей неразумных:

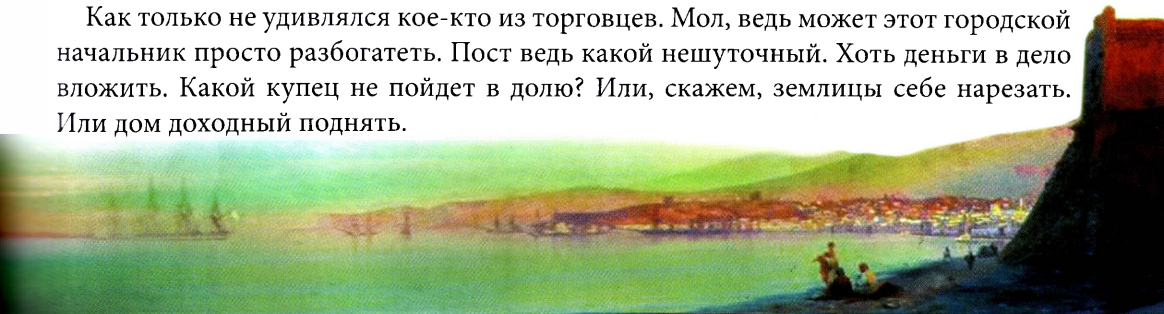
– Господа, оглашаю постановление городской думы. Сегодня, 1811 года, мая 31 дня, в среду, учреждаем создать музей.

Шушукаются недоброжелатели:

– Ну что за странный человек этот Броневский? Все ему дома не сидится.

– Слышали новость? Мало ему музея, еще школу, или, как он по-умному называет, «училище», решил организовать. И зачем? Не было никаких тут училищ, так и не надо.

Как только не удивлялся кое-кто из торговцев. Мол, ведь может этот городской начальник просто разбогатеть. Пост ведь какой нешуточный. Хоть деньги в дело вложить. Какой купец не пойдет в долю? Или, скажем, землицы себе нарезать. Или дом доходный поднять.



А можно и на рынке свой интерес заиметь. Что староста базарный Гайвазовский строг до порядка, это да. То лихачей, что гири подпиливают, места лишит. То на обмане кого поймает – берегись. Так этого несговорчивого армянина и приструнить можно.

Да чего для своей выгоды не придумаешь.

Была бы воля и совести на грош.

Может, какой иной градоначальник про свой карман и подумал бы, только не Семен Михайлович. Размышляет о маленьких феодосийцах:

– Куда такое годится, что дети писать-считать не умеют. Хорошо, хоть при церковных приходах священники с ребятней занимаются. Но Феодосия – не деревня малая, где детей по пальцам пересчитать. Нужно удобное помещение. Нужны учебники, пособия, библиотека. Конечно же, нужны настоящие учителя со специальным образованием. Священники пусть при своих церквях занимаются. Но там учеба на разных языках. У греков на греческом. У армян на армянском. Мусульмане по-своему, по-татарски учат детвору. В Российской империи учить надобно на русском.

А поскольку у Семена Михайловича слова с делом не расходятся, то с бумажками решил не волокититься:

– Если по нашим порядкам, то пока все бумаги-разрешения соберешь, дети, глядишь, стариками станут.

В Харьковском университете без лишних проволочек получил разрешение.

Ох и спор на начинания градоначальник! Уже за месяц до открытия музея, 14 апреля 1811 года, заработало в городе приходское училище.

Событие, как все понимали, выдающееся в жизни города:

– Первое в Феодосии государственное учебное заведение!

– Много ли детей записали? – спрашивает Броневский.

Показывают учителя списки:

– За две недели приняли 79 учеников.

– Лиха беда начало. Вы к урокам хорошенько готовьтесь. Чего не знаете, своим умом доходите, со мной советуйтесь. Первый год училище будет значиться как приходское. Значит, подготовительное для будущего уездного.

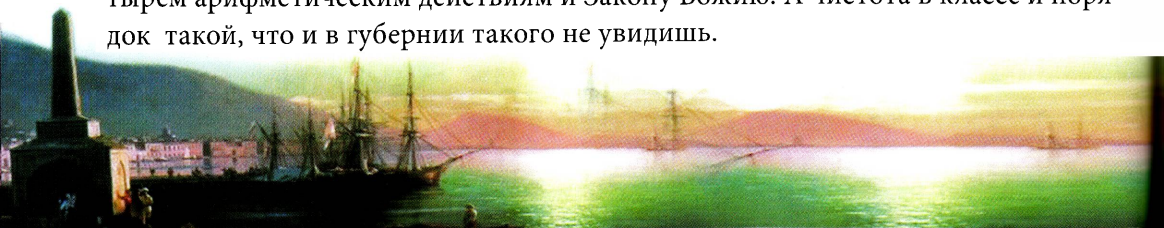
Сказано – сделано.

Работает себе училище. Учителя, что надо.

Всем известно – учительский труд непростой. Сперва уездное училище закончи, потом гимназию. Звание получишь, коли выдержишь специальный экзамен после окончания курса гимназии.

Особым почетом среди учителей пользовались окончившие курс университета.

Обучают педагоги феодосийских детей российской грамматике, первым четырем арифметическим действиям и Закону Божию. А чистота в классе и порядок такой, что и в губернии такого не увидишь.



* * *

Половина года прошла, подводит первые итоги градоначальник:

– Учрежденный по моему представлению музей для хранения памятников древности обращает на себя внимание любопытствующих посетителей. Среди них не только местные обыватели обоих полов и разного возраста, но и господа путешествующие. Осматривают они обе музейные части. Одну, где хранятся вещи, найденные в Феодосии. Другую, с предметами, что поступили из других мест. А особенный интерес к музею у учащихся нашего училища. Господа учителя не только на просмотр детей приводят, но осмеливаются, к своей чести, даже в музее уроки проводить.

Много лет собирал Семен Михайлович коллекцию минералов и раковин. Сколько денег на нее потратил, сколько сил. Но пришел день, и градоначальник заявил:

– Свою коллекцию в количестве четырёхсот экземпляров дарю училищу для изучения натуральной истории.

Так из дома Броневского коллекция перекочевала на Итальянскую улицу в район греческой Введенской церкви. Там на первых порах городская дума арендовала для училища дом, принадлежащий капитану Маркевичу.

Время от времени по разным причинам школа переезжала с места на место. В 1815 году, например, для нее арендовали дом Абибулы. Место удобное – на углу Дворянской и Греческой. Потом еще переезды.

Вначале желающих обучать своих чад было немного. Ученики, в основном, из семей военных и чиновников. Иначе говоря, первые годы школа обслуживала пришлое, служилое население. И это понятно. Армяне, греки и татары детей в школу посылать не спешили. Отчасти по непониманию. Отчасти из-за незнания русской речи, необходимой для прохождения курса.

Иные так вообще рукой махнули:

– В церковных приходах священники с детьми занимаются? Занимаются. Пусть занятия не каждый день – все одно наука. На базаре стоять или на виноградниках спину гнуть – хватит.

Что за дело таким родителям до того, что одна из главных целей феодосийского училища, согласно уставу, *«приготовить юношество для гимназии, открыть необходимые познания»*.

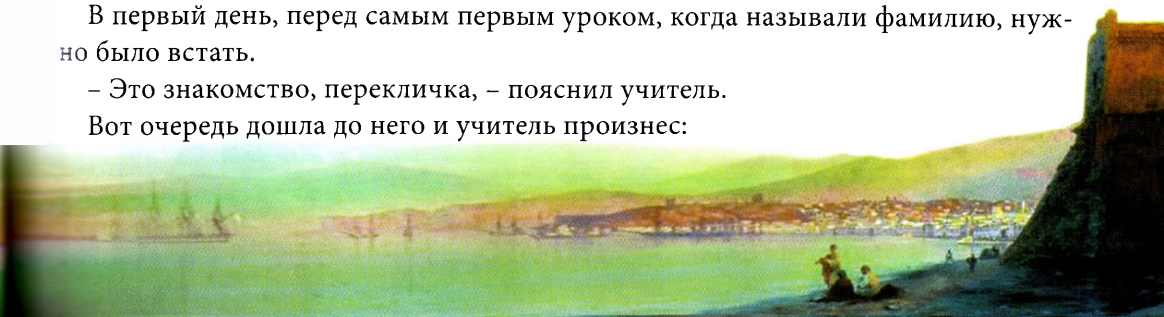
* * *

Идти в училище Ованесу было не страшно. Или, точнее, почти не страшно. Ведь туда ходил сперва Григорий. Потом учился Габриэл.

В первый день, перед самым первым уроком, когда называли фамилию, нужно было встать.

– Это знакомство, перекличка, – пояснил учитель.

Вот очередь дошла до него и учитель произнес:



– Гайвазовский Иван.

Ованес не шелохнулся: «Это не меня».

– Ваня, я тебя назвал. Почему не поднимаешься?

Он так и не понял, что к чему. Только покраснел и стушевался. С трудом выдавил из себя:

– Я… Я… Меня Ованесом зовут… Овиком…

Медленно подошел преподаватель. Тихим мягким голосом разъяснил:

– Это тебя дома зовут Ованесом. Такое у тебя армянское имя. А здесь – русское училище. По-русски твое имя звучит Ваня. Ты уж привыкай.

Ованесу так не хотелось расставаться со своим именем. Оно было привычным и красивым. И до этой минуты казалось единственным. На всей земле он был самым главным у мамы Овиком. И у бабушки, и у папы он тоже был единственным.

Так и хотелось крикнуть: «Господин учитель! Что же это получается? Я – Ованес! Мне совсем не нравится другое имя!»

Но он не крикнул. Он был воспитанным мальчиком из культурной армянской семьи.

– Садись, Ваня, – прервал его мысли учитель.

Он присел, а состояние непонимания происшедшего не покидало.

«Может быть, так и положено? Вот отца раньше тоже звали Каетан. Знакомые армяне и сейчас так его зовут. А другие люди кличут Константином. Значит, так надо. Константин – хорошо. А Каетан – лучше».

Он поднял глаза на учителя. Тот продолжал перекличку. Мальчик обвел взглядом класс:

– Пусть зовут Ваней, если так следует. А Ованес все равно красивее. Я – Ованес.

* * *

В нижнем отделении, где младшие учатся, всего несколько предметов. Основными считаются «Главные начала Закона Божия». Еще есть чтение, письмо и арифметика.

После первого месяца занятий учитель заполнил отчет. Первая страница носила название «Способности». На ней против каждой фамилии стояли оценки.

В их классе мальчишки были разные. Кто поприлежнее и потише. Кто сорванец и проказник.

Ованес с тревогой ожидал свои первые в жизни отметки:

– А как плохо меня оценят? Что родителям скажу?

Но вот учитель открыл журнал. Повел пальцем сверху вниз. Фамилия «Гайвазовский» была пятой по счету.

Первый по списку мальчик робко встал. Ованес обратил внимание, что за целый месяц тот вовсе не смог показать себя. Не тянул руку, когда следовало дать ответ. То ли молчал, когда его спрашивал учитель, то ли отвечал невпопад.

Громко прозвучали его отметки:

– К своему неудовольствию оцениваю твои способности. Ты туп.

Класс замер. А учитель повел пальцем по списку.

– Кто у нас следующий… Так… У тебя дела получше. Вроде и способный… Пока ставлю «понятлив». Садись.

Преподаватель зачитал следующие фамилии, остановился:

– Гайвазовский. Тебя вот что-то не пойму. Способен. Да-да, говорю тебе, что способен. И видится, более способен, чем на оценку «понятлив». Ставлю высший балл – «остер». Смотри, учись прилежно.

– Шноракалутюн, – выдавил из себя еле слышно мальчик.

– Что? Не понял? – подался вперед учитель.

– Это он по-армянски. Спасибо, значит, – выпалил кто-то сзади.

– Ах, ну да. Садись, Гайвазовский.

Потом учитель выставил оценки за прилежание: «нерадив», «посредственен», «примерен».

Ованес задумался: «Нерадив, значит совсем плох. Это не про меня. Может быть, я примерен? Хотя нет. Прилежание – это когда мальчик старателен и усерден в учении. А я умножение на три не старался выучить. И письмо без охоты выполнял. Еще и рубашку на перемене порвал».

– Гайвазовский, – прервал размышления ученика преподаватель, – за прилежание тебе «посредственно».

«Я так и знал. Ну ничего, постараюсь подтянуться», – решил Ованес.

Зато по поведению почти у всех вышла лучшая отметка – «добронравен». Одному только мальчику выставили «резв». Еще одному – «исправен».

– Добронравен! Это хорошо! Я – молодец! – радовался подготовишка.

Первые учебные дни пролетели незаметно. Не успеешь к девяти прибежать, а к обеду уже пора домой. Торопит сторож медным звонком с толстой деревянной ручкой:

– Уроки окончены!

Поглядывает строго на часы с боем:

– Двенадцать часов!

Да что там школьные дни! Даже год учебный пролетел стрелой. Кажется, только вчера, 1 августа, сели за парты. А уже 1 июля на дворе. Целый месяц каникул.

Учителя его почему-то именуют «время роздыха».

В верхнем, старшем, или, как его иногда называли, «вышнем» отделении, учеба пошла совсем по-другому. Сперва следовало закончить первый класс, за ним второй. Один учитель вел «исторические науки», а другой – «математические». На занятия по Священной истории и пространному катехизису приходил протоиерей Павел Федоров. Он служил в Александро-Невском соборе.

Ованес перечислил новые предметы и с тревогой заметил:

– Неужели это все можно выучить? Грамматика русского языка и правописание. Еще чистописание. Потом арифметика, геометрия и физика. Потом две географии. Одна всеобщая, другая география древнего света.

Взялся за голову:

– Уроков истории тоже два. Российская история и сокращенная естественная история.

Обрадовался новому предмету:

– Рисование! Вот это здорово! Не урок даже, а одно удовольствие.

В народе говорят: «Глаза боятся – руки делают». Нетрудными оказались сложные с виду предметы:

– Григорий с Габриэлом осилили, а я что, хуже?

К приезду из Симферополя директора Крымских училищ Заставского и учителя, и ученики готовились загодя.

– От начальства ласки не жди, – со знанием дела сказал кто-то из старших учеников.

Вместе со всеми Ованес мел школьный двор и протирал классные окна.

А приехавший директор осмотрел помещение и библиотеку, прочел списки посещаемости и месячные отчеты. Проверил даже ученический туалет в саду.

По тому, как довольно себя вел начальник из губернии, было ясно – проверяющий удовлетворен увиденным. А тот, собрав все училище, говорил о пользе образования.

А что о ней, о пользе, говорить? Учись и все.

Оказалось, что не у всех родителей было в одинаковой степени развито стремление использовать школу. Оттого и пропуски уроков, и плохие отметки «нерадив» и «резв».

Ованесу запомнилось, как директор ругался на некоторых родителей. Зачем, мол, среди учебного года прекращать учение? Зачем детям занятия с домашними гувернерами? В школе настоящие учителя и детское общество. Что это за мода такая – нанимать доморощенных учителей? Кто они такие? Где образование получили? Сколько развелось лиц иностранного происхождения, что самозвано именуют себя «профессорами». Они же по-русски с ошибками пишут, эти «профессора».

После этой встречи, наверное, впервые в жизни Ованес серьезно задумался о своей учебе. Скорее, не о самом процессе обучения, а о том, что пройдет время, он получит документ об образовании и нужно будет думать о будущем.

Неужто идти торговать на базар?

А если учиться, то где? Ему и музыка нравится. И рисовать тоже по душе.

– Нужно учиться! – твердо решил Ованес.

Повторил чуть не слово в слово Заставского:

– Не окончившие в училище наук и не получившие в том свидетельства нигде в России в государственную службу приняты быть не могут.

– Учиться! Нужно учиться! – сделал вывод Гайвазовский.

Более серьезно стал относиться к урокам и книгам.

Не сказать, чтобы Ованес так любил читать, что жить без этого не мог. Совсем не так, как Габриэл. Тот мог сидеть за книгой с утра до вечера. Мог, не торопясь, возвращаться к прочитанным страницам. Минутами мог молча сидеть, не шелохнувшись, обдумывая запомнившийся текст.

Младший брат читал быстро.

– Расторопный, – говорил про него отец.

– Скорая голова – быстрая рука, – соглашалась мама.

И вправду, все, за что он брался, выходило споро. И если начинал читать, то делал это серьезно и основательно. В чтении разных книг, правда, была видимая разница. «Детское училище», «Краткое наставление о домоводстве, о произведениях природы, о сложении человеческого тела и средствах к предохранению здоровья» или «Круг хозяйственных знаний» «проглотил» быстро.

Другое дело «История изображения России» или «Письма русского путешественника». Вот где было чего почитать и срисовать.

Ованес старался читать быстрее, чтобы дойти до нужной страницы и остановиться на иллюстрации. Можно, конечно, пролистать всю книгу, разглядеть картинки. Но так ему было неинтересно. Пропадало чувство ожидания открытия. А читаешь текст, только поймешь смысл, и уже чувствуешь, что вот где-то на следующем развороте откроется рисунок.

Однажды с небывалым волнением он возвращался из училища:

– Вот это книга, всем книгам книга. Автор Франкер. Название «Руководство к линейному рисованию».

Ее он, что называется, «проглотил» за день. На следующий день торопился домой и, наскоро перекусив, снова принялся перечитывать текст.

Рисование в училище вели все учителя. Специальных преподавателей не было. Ясное дело, что они не были художниками. Как потом узнал Гайвазовский, получить право учить рисованию мог любой, кто представил директору пару-тройку собственных рисунков.

Вывод юного художника был прост:

– Нас учат по этой книге. Велика ли премудрость?

* * *

Уроки и воскресные молитвы в церкви, прогулки с учителями по городу или в музей, выполнение домашних заданий и другие училищные дела шли чередой.

Несколько раз Гайвазовский выполнял государственные поручения. Да! Было и такое.

Ему как-то объяснили:

– Подполковник генерального штаба Жаксон обратился в наш училищный комитет с просьбой. Нужно помочь военному ведомству. Видишь, установили специальное оборудование. Задача простая – снимать данные. Сегодня записываем метеорологические показания.

– Скорость ветра посмотри, – распорядился учитель.

Ованес пристально поглядел в застекленное окошко:

– Шесть-восемь метров в секунду.

– Хорошо, записал. А какое направление?

– Южное. Ой, простите, юго-запад.

– Что там с влажностью и температурой?

И исполнительный Гайвазовский передал барометрические и термометрические данные.

Вслед за этим учитель аккуратно записал наблюдения в специально присланную для этой цели таблицу:

– Молодец, Гайвазовский.

– Спасибо, господин учитель. До свидания.

* * *

Понятное дело, что у хороших учителей и ученики хорошие.

Повезло Ованесу Гайвазовскому с педагогами. И он, и родители с учителями, да и все в городе знали, что их училище одно из лучших в Крыму.

Сколько раз приезжали проверки из Харькова и Симферополя. В одном отчете об осмотре учебного заведения инспектор написал: *«В Феодосийском уездном училище найден порядок во всех частях и удовлетворительные успехи по всем предметам… так что сие училище может служить примером для прочих»*.

Гордились своей школой учителя.

Гордился ею ученик Гайвазовский.

Куда поехал Габриэл?

Помимо необычайного трудолюбия и бескорыстного служения своему народу, мхитаристов отличали неприхотливость в быту, благочестие и чрезвычайная скромность.

Алла Тер-Саркисянц.
«История и культура армянского народа».

Ованес смотрел на старшего брата и не понимал, что с тем происходит. Последние несколько недель Габриэл был задумчив и мало улыбался.

Вот и сейчас. На улице – ранняя осень. Ожил город скрипом неуклюжих мажар, что стекаются к рынку. Ованес тянет брата:

– Пойдем! Пойдем на базар!

Пришли, а Габриэл точно не рад. А кругом – горы солнечных дынь, аппетитных сахарных арбузов.

Ну как не вдохнуть их сладкий аромат?

А старший брат как воды в рот набрал.

В другой раз мама наказала виноград собрать.

– Смотри, Габриэл, какая у меня корзина, – сияет от счастья Овик, – пошли быстрее.

Это ведь не работа – срезать спелые гроздья. Это удовольствие!

Целое лето Ованес наблюдал за кустами. Их у дома не много – всего десяток. Сперва ягоды были крошечными, что твой ноготок. И долго-долго не хотели прощаться со своим густым зеленым цветом. Но проходили редкие дожди и припекало солнце. На зеленой еще вчера молодой лозе появился коричневый загар. Морской ветер резвился в виноградной листве, и ягоды начинали улыбаться.

В конце лета гроздья обрадовали Овика своими желтоватыми щечками и светлой янтарной глубиной. Под их тяжестью ветки наклонились в реверансе:

– Вот мы какие!

А Габриэл этой красоте вовсе не рад. Он был задумчив, подолгу сидел над толстыми книгами. В его разговоре с отцом Ованес услышал новые неизвестные слова: Венеция, мхитаристы, университет...

От старался отвлечь брата, развеселить своими замечательными выдумками.

Вот и сейчас.

– Пошли на самодур! Я уже удочки приготовил! – смотрит Овик в глаза старшему брату.

Показывает на удилище из бамбука в два мальчишеских роста. На конце прочного тонкого шнурка – свинцовое грузило. Над ним – полдюжины крючков. И на каждом – цветная бисеринка.

Вот это и есть вся самодурова хитрость. Ни тебе червя, ни другой какой наживки.

Осенью ставрида ходит у берега. А ты знай себе – дергай. Приметит рыбешка пузырек, хвать его – и готово.

– Ставрида – рыба глупая, – делает вывод Овик.

– Глупая, да вкусная, – соглашается брат.

С целым ведерком улова возвращаются братья домой.

– Я скоро уеду, братец, – неожиданно говорит Габриэл.

«Куда, зачем?» – хочется крикнуть Овику. Но он молчит, останавливается. Забирает свою ладошку из руки брата:

– А как же я?

* * *

Через несколько дней Габриэл уехал в крымский город Карасу-Базар.

Шел 1825 год. Тринадцатилетнему Гайвазовскому предстояла учеба у известного педагога и ученого, писателя и богослова Минаса Бжишкяна, больше известного под именем Миная Медичи.

Отцу-Гайвазовскому тот сказал:

– Беру Габриэла в науку на год. Признаю способным – отправлю учиться в школу, что при монастыре мхитаристов на острове Святого Лазаря.

* * *

7 февраля 1676 года в малоазийском городе Себастии родился мальчик Манук. С раннего детства удивлял он окружающих своими умом и рассудительностью. Родители отдали сына для начального образования в школу при армянском монастыре святого Ншана. Уже через несколько лет стал серьезно задумываться юноша о том, что под властью турок его народ теряет свой язык и культуру.

– Что делать? – спрашивал он себя.

И сказал после долгих раздумий:

– В латинском языке есть слово «конгрегация – соединение». Нужно создать религиозную организацию из мирян и священнослужителей. Она будет служить на благо просвещения народа. Назову ее «конгрегация».

В 1696 году он принял сан священника и был наречен Мхитаром. Когда о его смелых замыслах узнали турки, решили его уничтожить. Тогда он укрылся в монастыре капуцинов. А находился монастырь в Константинополе на территории французского посольства. Мхитар стал пользоваться дипломатической неприкосновенностью.

8 сентября 1700 года в день Святой Девы Марии собрались единомышленники:

– Создадим духовный орден монахов-ученых!

– Дадим перед алтарем обет служения армянскому народу!

– Выберем для своего поселения безлюдный остров в Венецианской республике!

А в Венеции уже давно существовала армянская колония. Действовала своя церковь и даже первая армянская типография. Ее основал первопечатник Акоп Мегапарт. Здесь в 1512 году увидела свет первая печатная книга на армянском языке.

В сентябре 1717 года братство мхитаристов обосновалось на острове Святого Лазаря.

Братья собирали по всему миру армянские рукописи и создали уникальную библиотеку. Издательство мхитаристов выпускает десятки книг.

В 1749 году, когда уже скончался Мхитар, вышел уникальный, исключительно богатый толковый словарь армянского языка. В предисловии к нему звучат слова Мхитара: *«С покорным сердцем дарю тебе, о армянский народ, плод моего многолетнего труда. Как все мое принадлежит тебе и все твое принадлежит мне. Поэтому служить тебе честь для меня, поскольку как я, так и аббатство изначально призваны служить культуре армянского народа…»*.

А еще монахи-ученые изучали иностранные языки и создавали учебники и популярные книги.

– При монастыре Святого Лазаря должна быть школа! – решили они.

И открыли учебное заведение, где обучение построили по примеру лучших европейских школ с учетом опыта средневековых армянских университетов.

Быть выпускником этой школы значило стать широко образованным человеком. Молодые люди осваивали богословие и философию, национальную и всеобщую историю, армянский и несколько иностранных языков, переводческое искусство и летоисчисление, алгебру, геометрию и целый ряд других предметов.

Письмо И.К. Айвазовского к брату Габриэлу.
Июнь 1829 г.

* * *

Прошел год.

Заехал Габриэл попрощаться с семьей и родной Феодосией.

– Учитель увидел во мне способности. Мы с ним едем в Венецию, – сообщил новость.

Всего несколько дней в родном городе. Вместе с братом, девятилетним Ованесом, ходил на литургию в церковь святого Георгия.

– Здесь меня крестили... Четырнадцать лет назад, – грустно сказал Габриэл.

Они сидели на нагретых солнцем прибрежных камнях, а старший брат вспоминал. И вправду, было что вспомнить. Как мама водила в церковно-приходскую школу. Как радовал успехами учителей в уездном училище:

– Представь, иногда меня даже не вызывали. Ставили высший балл за глаза.

Тогда Ованес ничего не сказал. Он не хотел обещать брату собственные будущие успехи. Он просто будет трудиться, а Габриэл приедет и все сам увидит.

Вдруг задумался: «А приедет ли? До далекого италийского берега, говорят, езды больше месяца».

– Когда же мы увидимся? – спросил и все ждал, что скажет брат.

Но Габриэл молчал. Он сам хотел знать ответ на этот вопрос.

Ованес прижался к нему своим худеньким тельцем. Они стояли так долго-долго.

Убегало за горизонт море. Скрывалось так далеко, что представить это «далеко» было даже как-то нереально.

В такое же «далеко», в заморскую неизвестность уезжал родной и близкий Габриэл.

– Я тебе писать буду... Буду, – прошептал Ованес.

* * *

Сохранился скромный детский рисунок.

Над Феодосией проносились бури и войны, а он уцелел. Первый рисунок художника Айвазовского, который сберегло время.

Под изображением, срисованном из книг библиотеки Казначеева, – «Древняя беседка готическая». На пожелтевшем листе — детское письмо. Весточка из далекого XIX века:

«Любезнейший братец. Свидетельствую вам мое усерднейшее почтение, я благодарю Бога здоров чего и вам от всего моего сердца желаю. Посылаю вам гостинец первоначального моего искусства сколько Бог мне даровал на мое еще малолетнее время по молитвам родителей наших в чем вы меня простите и остаюсь навсегда доброжелательно усердный и любящий брат ваш.

1829 года, июня, Феодосия, Иван Гайвазовский».

Через месяц автору исполнилось двенадцать лет!

Скрипка на всю жизнь?

Живопись отобрала у Музыки
великого композитора Айвазовского.
Михаил Глинка.

У Ованеса было как будто две жизни. Первая проходила в тишине. Его детская рука неумелым движением карандаша превращала листки бумаги в сказку. По крайней мере, он так хотел. Он рисовал все, что мог ухватить глаз. Выходили парусники и море, горы и солдаты.

А отец приносил ему все новые листки и радовался увлечению сына:

– Хорошо выходит.

Была и другая жизнь. В ней витали чарующие звуки и плавное движение смычка. Это была та самая другая, бурная и яркая, вспыхивающая мелодиями, жизнь маленького скрипача. В этой жизни был шум и зрители. Но были минуты уединения с инструментом, стройными ритмами и протяжными мелодиями. И таких минут было больше.

Эту вторую жизнь он любил неосознанной тягой к рождающимся от легкого движения струн звукам. А они вырывались и смешивались.

Было ли ему по душе извлекать из инструмента собственные композиции?

Бесспорно!

Любил ли повторять услышанные мелодии?

Конечно!

Эта вторая жизнь в окружении волшебных звуков очаровывала.

Ованес играл увлеченно. Если бы кто-то спросил, как он без чьей-либо подсказки научился выводить мелодии, он вряд ли бы ответил.

Научился и все тут. Разобраться с нехитрым инструментом ему оказалось несложно. Легкое движение смычка, и рождается один звук. Провел по второй струне, третьей – звуки совсем иные. Тонкий слух помогал выстраивать их в свой собственный звуковой ряд.

Не зная нот, юный музыкант выводил знакомые армянские или татарские темы. Пело сердце и было в такие минуты как-то особенно тепло на душе. А когда человек делает что-то от души, то забывает обо всем на свете.

Он закрывал глаза, а песни, что не раз пел отец с друзьями, лились, казалось, сами по себе. Смычок и струны дарили радость очарования. Он ставил скрипку левой рукой на левое колено. А сам инструмент, окруженный ореолом славы и загадочности, только того и ждал.

Ованес прислушался:

– Эти звуки так похожи на человеческий голос.

Он, верно, удивился бы, скажи ему о родине предшественников скрипки. Одни считали, что это Закавказье. Другие называли древние славянские страны. Иные указывали на Западную Европу.

Не знал он, что каждая из четырех струн имеет свое собственное имя.

Самая тонкая, первая – ми. Вторая – ля, третья и четвертая – ре и соль.

А гладкий упругий смычок – правнук охотничьего лука с натянутым пучком волос из конского хвоста. Да и само название инструмента произошло от старославянского слова «скрипеть». И веселили украинские скрипали земляков на площадях и ярмарках, в трактирах и веселых вертепах. Без скрипки не обходилась ни одна свадьба, ни один народный праздник.

Однажды от отца услышал одну галицкую песню:

– Ох, нихто так не заграе,
Як Иванко весело!
Иванову скрипку чуты
На десятеє село.

Никто не сказал Ованесу, что скрипка – царица музыки. Он до этого дошел сам.

* * *

Время от времени он заходил на базар. Если бы кто-то из знакомых увидел его в эти минуты, как он прислушивается к шуму толпы, наверняка бы спросил:

– Что с ним? Что хочет услышать?

А он искал знакомых кобзарей-бандуристов. Тех, которые приходили в Крым с Украины.

Пусть вокруг шум и суета. До этого многоголосого базарного гама ему не было дела. Ованес слушал незнакомые грустные песни. Разглядывал бродячих музыкантов. А те были такими разными. Слепых кобзарей сопровождали мальчики-поводыри. Они были ровесниками Овика. Степенно вели себя старики с длинными седыми усами. Выводили песни о матери, ждущей своего сына. О любимых, что остались в далеком краю, пели те, кто помоложе.

А он вглядывался в незнакомые лица и слушал. Их песни были о смелых казаках и далеких походах, славном войске Запорожском и тяжелой доле чумаков.

Ему было интересно проводить время в обществе этих людей. Запросто вел себя с поводырями. Смеялся вместе со всеми их веселым рассказам. Печалился, когда грустные истории передавали старики.

Отец не удивлялся знакомству сына с бродячими музыкантами. Не противился общению мальчика с ними. Он и сам был дружен с этими колоритными рапсодами.

Усмехался, когда слышал как те на свой лад обращались к сыну:

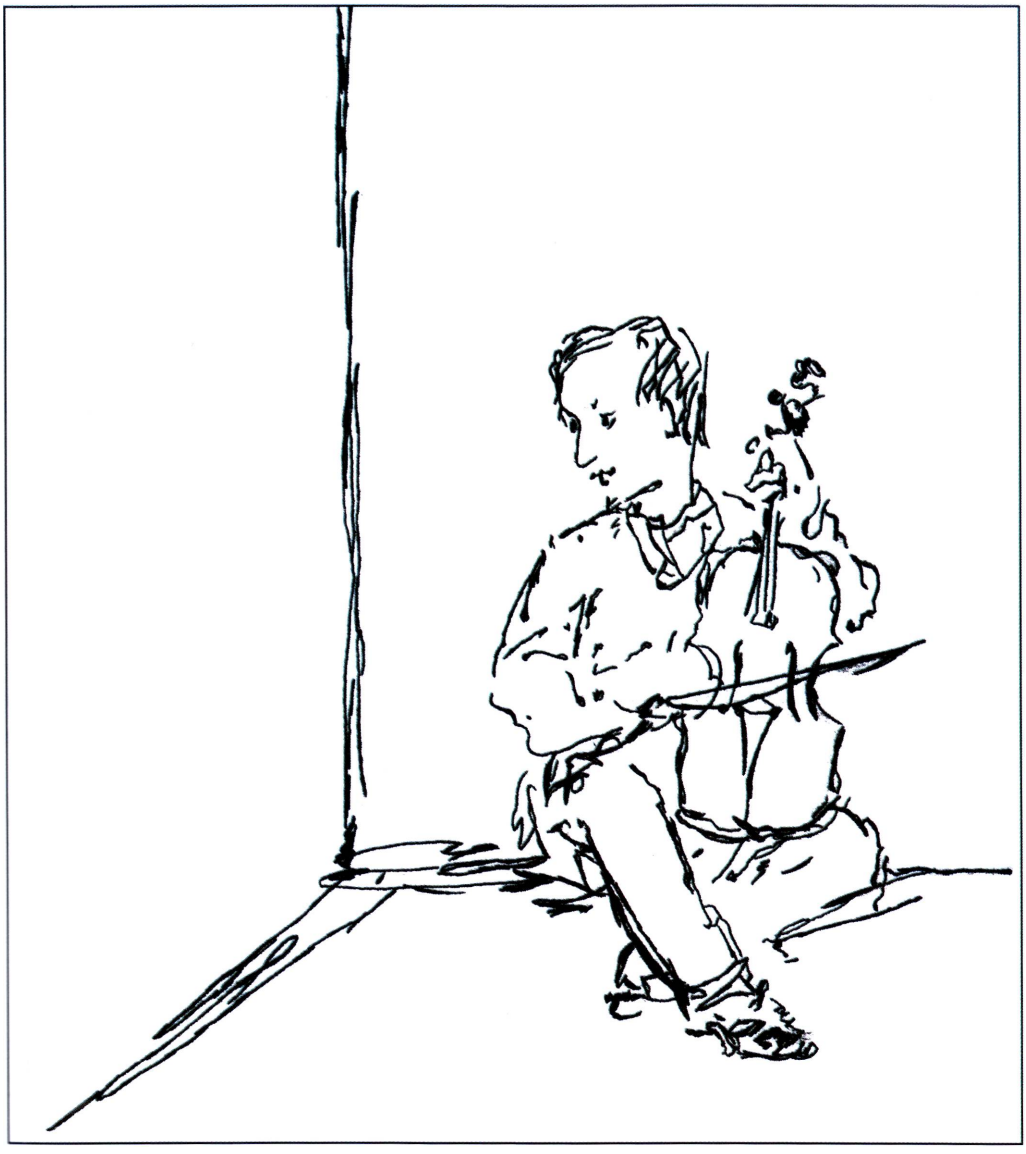
– Иванко, сидай блыжче!

– От послухай, Иванко, таку думу.

И пели, и пели. А сын вслушивался в незнакомую речь и было видно, что ему понятны и слова, и смысл услышанного.

Бывало и такое, что кобзари заглядывали под вечер в дом Гайвазовских. Скромно, как будто стесняясь своих видавших виды заплатанных свит, заходили в калитку.

– Рипсимэ, – окликал отец супругу, – накрывай на стол.



И.К. Айвазовский.
Автопортрет со скрипкой.

Мама собирала небогатый ужин. А на длинных деревянных скамьях уже устраивались гости. Заходящее солнце пробивалось через густой шатер виноградника. Его лучи освещали небольшой уютный дворик. Светлели обветренные загорелые лица.

До поздней ночи со всеми вместе пел отец. Ованес, не зная, получится или нет, как-то взял в руки скрипку:

– Я попробую с вами.

И на удивление быстро вошел в плавный ритм.

– Гучнише, Иванко, – подбадривали музыканты.

А он играл, стараясь только не ошибиться. Он вслушивался в слова песен о тяжелой неволе, разоренных селах и храбрых запорожцах, которые мстили врагам за угнанных в плен земляков.

Запоминал имена героев – кобзарей. Тех, которые не только песней призывали к борьбе. В кандалы заковали Дмитра Бандурку за участие в гайдамацких походах против польской шляхты.

Ослепили турки бесстрашного Грицка из Прилук, который устроил побег из плена двадцати казаков.

За участие в крестьянском восстании польский суд вынес смертный приговор трем бандуристам. Их звали Прокоп Скряга, Василь Варченко и Михайло.

А незрячему бандуристу из Прилук Григорию Любыстку императрица Елизавета в XVIII веке присвоила дворянский титул. Тосковал за родиной кобзарь, убегал на родную Украину. Но каждый раз царская стража возвращала его в российскую столицу.

– Зрячие боятся слепых, – гордились кобзарями земляки.

– Що вы всэ про сумнэ? Чи мы вэсэлых писень не знаемо? – вышел вперед молодой бандурист.

Перебрал струны и полилась задорная мелодия:

– Ой сад-виноград, кучерява вишня,
Стоить хлопець пид викном, щоб дивчина вийшла.
А дивчина не виходить, хатину вбырае,
Стоить хлопец пид викном та з жалю вмливае...

Исполнитель на секунду оторвался от бандуры, смешно показывая как печалится молодой казак. Потом сделал серьезное лицо и затопал, якобы с обиды, ногами. Пауза... Он враз преобразился, делая вид, что теперь он – девушка. Неожиданно высоким тонким голосом запел:

– Ой, не стий пид викном, не тупай ногою,
Бо не выйду та не стану говорить з тобою.

Утром гости стали прощаться. Молодой бандурист пожал Ованесу руку:

– Чудово граеш! От побачиш, з твоею вдачею скрипка тоби на все життя.

Кобзари пошли своей дорогой, а у Ованеса в ушах еще долго звучали украинские мелодии.

И такие важные слова: «Скрипка на всю жизнь!»

И.К. Айвазовский. Чумаки в Малороссии.
1870-е гг.

* * *

Для семьи настали тяжелые времена. Отец уже не так часто задерживался на работе. Редко, не как раньше, не каждый день, приносил бумаги домой, сетовал:

– Каждая копейка на учете.

С утра до вечера трудилась в богатых семьях мама. Как выдавалась свободная минута, садилась за рукоделие. Не поднимая головы сидела порой до утра:

– Сделаю на продажу!

Повзрослевший Ованес стал задумываться, чем помочь семье. На его счастье, старый армянин, хозяин кофейни, поделился с отцом:

– Дела идут неплохо. Кофе в твердой цене. Есть покупатели – есть прибыль.

– Хачожутюн – Пусть удачной будет торговля, – пожелал отец.

– Спасибо, дорогой. Вот только бывают дни, что мои работники не за всем поспевают.

– О чем ты?

– То пол подмести, то перемыть посуду. Знаешь, сколько собирается чашек для кофе? А вдруг кто чего разольет, нужно вытереть побыстрее.

– Неужели помощник нужен?

– С кем расчет провести – это я сам. Налить, принести – тоже есть кому. Вот бы мальчишку расторопного. Знаешь, на подхвате. Решил я нанять «мальчика».

– «Мальчик» в кофейне – непростая служба. Вроде как и безделица, а проворство требуется.

– Так и я об этом. Где найти такого, подскажи.

– Подумаю, поищу. Деньги людям нужны. Ох, непростые времена. Сам с хлеба на воду перебиваюсь. Вот и от Аннушки, что по дому помогала, отказался. Может быть, Ованес?

Но сразу отбросил пришедшую мысль. Хотя, если подумать, сын без дела.

Думал ли когда отец, что придет такое время? Вон старшие сыновья образование получают. В люди выйдут.

А его Овику посуду мыть да в кофейне прислуживать?

Нет, это не дело.

– Ты подумай, брат, времена какие. Пусть Овик попробует. А захочет, может и на скрипке играть. Тоже копейка, – прервал его мысли гость.

– Подумаю, дорогой.

Как ни тяжело было, а на следующий день дал добро Гайвазовский:

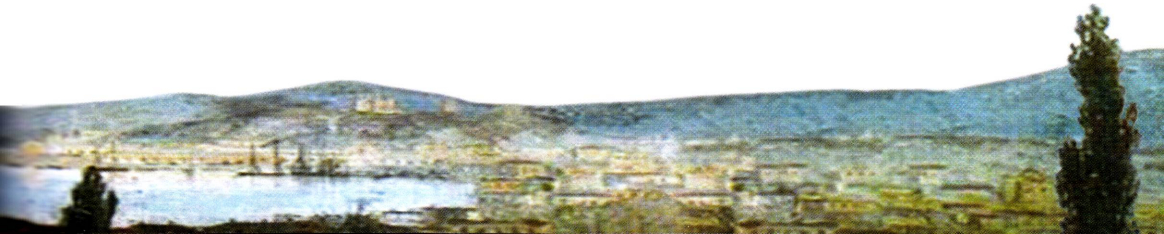
– Это ведь ненадолго.

Армянская кофейня – это не харчевня, не трактир, не шумная татарская бузня. Кофейня не для наполнения желудка. Здесь не утоляют голод и не гремят спьяну рюмками со стаканами. В этом тихом феодосийском уголке собираются мужчины, чтобы поговорить и поспорить, поиграть в нарды и выкурить трубку, обменяться новостями.

И, конечно же, это все за чашечкой кофе.

Ованес вспомнил, как горечь наполнила его рот, когда он впервые попробовал этот напиток:

О. Раффе.
Армяне и татары в кофейне.
1842 г.



– И что в нем нашли?

Но горечь прошла, и с ним стало происходить что-то необыкновенное. Он вдруг почувствовал себя свежим и бодрым. Даже дышалось как-то по-другому. Ованес испытал необычайный прилив энергии.

Феодосийская кофейня с ее тишиной и неспешным ритмом – это место ритуала, обряда, который становился понятным по мере того, как Ованес наблюдал за происходящим.

Он следил, как трепетно обжаривает хозяин светлые зерна и они на глазах темнеют. Как бережно крутит ручку мельницы, превращая их в душистый порошок. А как его молодой помощник варит кофе! Это сродни восточному таинству.

Много чего непонятного «мальчик» Гайвазовский открыл в первые дни своей службы.

Мужчины сидели по краям тахты, поджав ноги и облокотившись на мутаки – длинные округлые подушки. Удобно устраивались на войлочных подстилках, покрытых ворсистыми коврами.

– У родителей в спальне тоже тахта. Только ночью они на ней спят, – замечал мальчик.

Он бегал от тахты к тахте, выполняя желания гостей.

– Мальчик, воды! – звали из правого угла.

И он спешил с кувшином. Усвоил, что завсегдатаи запивают жгучий кофе холодной водой.

Убирал с сини – медных подносов, что стояли на столе, пустые крошечные глиняные чашки. Торопливо мыл их и ставил сушиться на длинный тарек. На этой полке уже стояли низкие чашки для воды. А рядом такие же, только чуть побольше, для спиртного. Правда, ими почти не пользовались. Татарам и туркам употреблять виноградное вино запрещал их мусульманский закон.

А остальные?

– Мальчик, позови хозяина! – звучало слева.

У хозяина за стойкой два кожаных бурдюка. В одном – водка, в другом – вино. Он брал заказ.

– Что вы за народ? – шутил он. – Что мало пьете? Хотите меня разорить? Хотите, чтобы вино прокисло?

Покупатели отвечали ему в тон. Пускали дым из длинных трубок и по привычке потягивали кофе:

– Благодарим, хозяин. Нам и без вина хорошо. А скажи, почему Овика не слышно?

– Сейчас, уважаемые, сейчас.

Искал глазами мальчика:

– Где ты? Где твоя скрипка?

Ованес устраивался в уголке. Привычно ставил скрипку на колено и начинал играть.

И тогда в зале наступала тишина. Звуки скрипки рождали мелодию морского прибоя и переливы свистящего ветра, скрип мачты и шелест упругих парусов.

Лица посетителей светлели. Но, кажется, больше всех игрой был доволен хозяин. Не потому ли, что с появлением скрипача в кофейню заглядывало все больше народа? Не оттого ли, что и сам он в такие минуты забывал о многих проблемах?

– Сыграй, мальчик, для нас, – просили татары.

– Ай, молодец, Ованес джан, – нахваливали армяне, услышав свои мелодии.

Не раз под аплодисменты греков он ритмично наигрывал «Сиртаки».

А сколько мелких монет опустили в его карман украинские торговцы!

Со стороны посмотреть – чем не жизнь?

Но, возвращаясь поздним вечером домой, отгонял от себя мысль: «Неужели вот так и будет всю жизнь?»

* * *

В то утро он настежь открыл окно. Набежавший соленый ветер ударил в лицо:

– Новый день пришел!

– Ги-ги! – смеялись над головой чайки.

Он присел на подоконник, а руки сами потянулись к скрипке.

Какой чистый воздух! Как эта красота не вяжется с дымной кофейней. С бесконечными трубками. С руками покупателей, что тянутся в принесенные кожаные сумки за табаком. Как эти руки теребят кремень с огнивом, как разжигают трут и прикуривают.

Или как иногда торопят голоса:

– Мальчик, огня! Мальчик, сюда!

И он бросается принести из мангала яркие дымящиеся угольки.

Но все это там, далеко. В другом, взрослом, мужском мире.

А здесь – ветер в лицо. Здесь – чайки в небе.

Здесь он и его скрипка.

Он играл, забыв, что где-то совсем другая жизнь.

В саду подала незнакомый голос залетная пичужка.

– Соловей?

И вспомнил задорную мелодию:

– Ранним утром соловей поет,
Резвая и маленькая птичка.
Звук божественный несет
Птичка-невеличка.
Пой, соловушка, пой, пой!
Голос твой всегда со мной!

Потом он вспомнил еще одну мелодию. За ней еще! Он закрыл глаза.

Все в мире пропало. На земле остался только он и музыка. Он сделал паузу...

И вдруг с улицы раздался мягкий голос:

– Отменно! Отменно играешь!

Он вздрогнул и увидел роскошный экипаж. А в нем – важного господина.

От растерянности почему-то покраснел и... спрятал скрипку за спину.

– Экой ты робкий. Неужто я тебя напугал?

– Нет, вовсе нет.

А важный господин повторил:

– Право, ты отменно играешь.

– Спасибо!

– Зовут-то тебя как, юный виртуоз?

Виртуозом его прежде никто не звал. Забавно!

Он встал и почему-то вытянулся, точно на уроке:

– Ованес!

– А фамилия?

– Гайвазовский.

– Хорошее имя Ованес. Стало быть, по-русски Ваня?

– Меня и так зовут.

– А что, Ваня Гайвазовский, не твой ли отец староста на базаре?

– Это он.

– И кто тебя, Ваня Гайвазовский, так искусно выучил играть?

– Я сам.

Важный господин с неподдельным интересом посмотрел на юного музыканта:

– Талант. У тебя, бесспорно, талант.

Попрощался ласково и кивнул на прощание:

– До встречи! Отцу привет от меня!

Тогда Ваня не знал, что его собеседником был феодосийский градоначальник Александр Иванович Казначеев. Как не знал и того, что его службе «мальчиком» в кофейне после этой встречи суждено вскорости закончиться.

Советы архитектора Коха

Из знакомых отца Айвазовского городской архитектор Кох обратил внимание на склонность мальчика к живописи и, желая развить в нем зачатки несомненного дарования, занялся преподаванием ему первых правил перспективы и черчения архитектурных деталей. Эти первые уроки, по словам Ивана Константиновича, принесли ему большую пользу, и признательный художник доныне сохраняет о покойном Кохе самое отрадное воспоминание.

Журнал «Русская старина», 1878 г.

Все реже удавалось заполучить у отца бумагу для рисования. Дела у старшего Гайвазовского стали совсем плохи. Купить самому? Об этом юный живописец мог только мечтать. Как всегда, выручила смекалка:

– Ну и что за беда? Выход всегда найти можно.

Стал наведываться во двор. Там под навесом стояло ведро с углем для растопки самовара.

– Мягкий уголек, что твой грифель.

Это была находка. Где такую находку применить? Да не вопрос. Вон сколько каменных заборов. Хорошо, конечно, по свежей побелке. Чем не картина выйдет?

Попробовал раз – получилось. Хотя про себя подумал: «Влетит, не влетит?»

Первый раз пронесло:

– Хорошо ведь, что заборы длинные. На них рисовать, не перерисовать.

Со случайно попавших в руки гравюр переносил изображения на побелку:

– Эх, хороши солдаты в полной воинской амуниции!

Радовался, пока не попал под горячую руку. Ну откуда он знал, что кому-то его художества не понравятся?

Однажды ему влетело по первое число. Вон сколько шума было, когда он изобразил парусник на стене дома Кристины Дуранте.

А ведь прикидывал, где лучше нарисовать: на стене или на заборе.

– Не рассчитал, значит. Неужели не понравилось? – недоумевал «живописец», – ведь такой замечательный парусник.

А крик какой был! Просто на всю улицу:

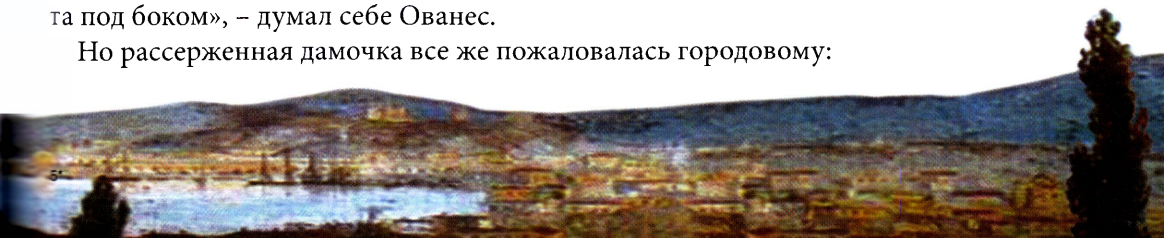
– Безобразие! Скандал! Когда это кончится?

И жалобы отцу тоже были:

– Приструните, наконец, этого разбойника! Сегодня мой дом разукрасил, а завтра городскую думу?

«Вот непонятливая какая. Кто же на думе рисует? Она ведь далеко. А тут красота под боком», – думал себе Ованес.

Но рассерженная дамочка все же пожаловалась городовому:



– Так, мол, и так, неподобство, вольнодумие!

Жандарм, ясное дело, с мальчишкой связываться не стал. Провел беседу с Константином Григорьевичем.

Тот, как положено, но больше все-таки для порядка, внушение сделал:

– Попробуй еще только!

Что в таких случаях делают все дети?

Правильно. Плачут и обещают.

Ованес плакать не стал, но пообещал, как положено:

– Я больше не буду!

Отец отвернулся и хмыкнул:

– Как же, не будешь... Знаю я тебя.

Думал, что сын не услышит. Забыл, видать, что у Ованеса музыкальный слух.

На сына он зла не держал. Потому, наверное, что понимал и свою вину. Ну где денег на карандаши и рисовальную бумагу наберешься?

Старается отец, как может. То лист-другой, исписанный с одной стороны, даст. То наберет обрывки писчей бумаги, что размером побольше. А про себя думает: «А вправду, ловко у Ованеса выходит. Молодец мальчишка».

– Ладно, художник, иди ужинать, – зовет сына к столу.

Тот видит, что гроза миновала:

– Папа, а скажите, корабль у меня отменный вышел? И паруса, и мачты! Правда?

Ну что ты с этим проказником будешь делать? Только ничего не сказал, а про себя подумал: «Конечно, отменный. Еще и какой отменный».

Мама с бабушкой не вмешиваются. Хватит мальчишке отцовского наставления. А сами, наверняка, думают, как и Константин Григорьевич: «Способный парнишка растет. Просто молодец».

Прошло несколько дней, а бумагу Ованес всю изрисовал, даже кусочка чистого не осталось.

Эх, чешутся руки.

– Овик, воды принеси, – дает ведерко бабушка.

Побежал к фонтану, что напротив дома. Очередь занял, а глаза по сторонам, по старой надписи на фасаде бегают. Там на армянском языке написано про то, что фонтан построен в память Ходжи Аствацатура, его жены и детей в 1588 году.

И тут – открытие!

Стена их дома, что надо! Пусть два окна в центре мешают. Это – пустяки.

Главное, что на ней можно рисовать.

А почему и нет?

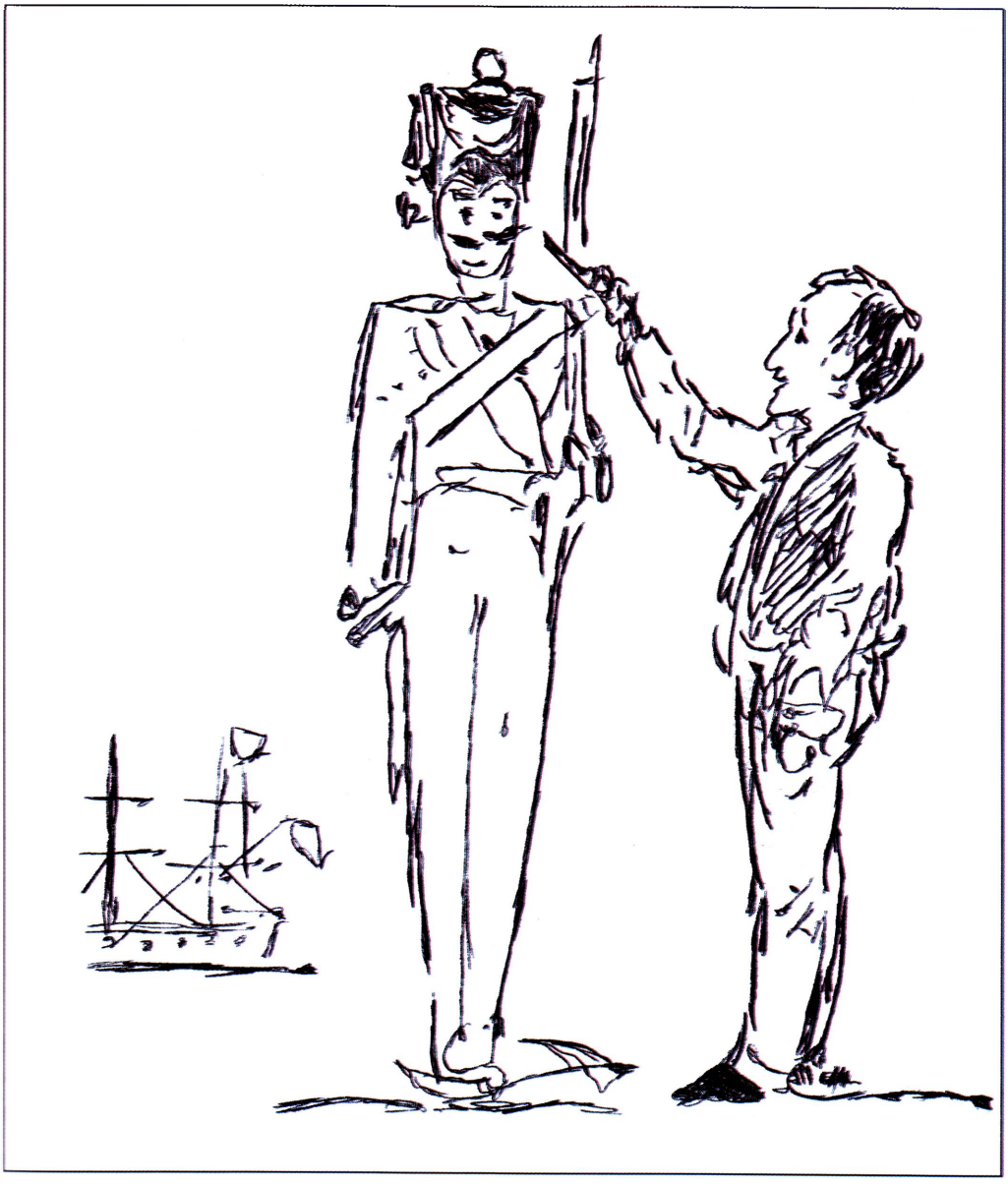
Ведерко домой отнес и уголь прихватил. Дождался, пока народ разойдется:

– Эх, была ни была!

На этот раз он вывел русского гренадера. Высокого, в полный рост. Солдат вышел геройской выправки. Еще и усы вразлет! И ружье за спиной!

Отошел в сторону, оценил:

– Герой!



И.К. Айвазовский.
Автопортрет.

А вокруг никого.

– Повезло!

И быстро нарисовал внизу боевой корабль.

Уж как получилось, что этот рисунок увидел городской архитектор Яков Христофорович Кох, никто точно не скажет. Приходил, может быть, по делам к отцу?

И не только солдата увидел. Прошелся улицей и с другими рисунками познакомился.

Константин Григорьевич про увлечение сына своему знакомому рассказал. Показал архитектору рисунки сына, что хранил у себя:

– Вот посмотрите. Это тоже он.

– Его увлечение рисованием возникло самопроизвольно. Не так ли? – поинтересовался Кох.

– Разумеется. Никто из нас не принуждал.

– Думаю, что дальнейшее развитие всецело зависит от нас – взрослых. Мальчику нужно помогать.

– Я согласен. Тогда это увлечение перерастет в художественное творчество. Ведь научить творчеству нельзя.

С этого дня начались занятия. Находил архитектор время и в его просторном кабинете шли долгие разговоры.

– Коли ты решил всерьез заняться художеством, следует многое уметь. Но прежде – нужно знать об окружающей нас жизни. Существуют законы видимого изменения формы, цвета, размеров предметов, что находятся на разных от нас расстояниях и на различной высоте относительно линии горизонта. Правильно изобразишь изменения, значит, добьешся правдивости своего рисунка. Законы, про которые я веду речь, составляют науку, название которой «перспектива».

Ованес слушал, не зная, что и сказать.

– Знаю, знаю. Ты про это пока не слышал. Эта наука – целый раздел начертательной геометрии. Давай вместе попробуем разобраться хотя бы в общих положениях перспективы.

Яков Христофорович подошел к окну:

– Каждый день, чуть не на каждом шагу, ты сталкиваешься с так называемой наблюдательной перспективой. Только не обращаешь на это внимание. Смотри, на рейде корабли. Одни – совсем близко, другие чуть видны. Почему так?

– Другие далеко и кажутся маленькими.

– А почему?

– Так я и говорю: далеко.

– Почему они маленькие? Ведь в жизни они тоже большие. Почему так происходит?

– Наверное, есть какой-то закон. Верно?

– На это есть законы биологической науки. Они изучают строение и работу наших глаз. А законы оптики говорят, что лучи света распространяются строго прямолинейно и отражаются от всех предметов, но по-разному.

– Поэтому мы видим одни предметы светлыми, другие темными?

– Правильно, Ваня. За счет законов рассеивания света в атмосфере от ближних предметов в глаз попадает больше отраженного света.

– Корабли, что здесь рядом, большие и четкие. А далекие – маленькие и неясные.

– Согласен. В науке это называется свето-воздушной перспективой. А теперь смотри сюда.

Архитектор на листе бумаги набросал на одной горизонтальной линии контуры двух одинаковых кораблей.

– Задам такой вопрос. Корабли по величине одинаковы?

– Одинаковы.

– Рисую оптическую систему.

– Это не система, это глаз.

– Так я и говорю: система. Ну, если хочешь, глаз. Через глаз проходят отражения кораблей. Они преломляются в хрусталике. Потом попадают на светочувствительную ткань – сетчатку. Чем ближе к глазу корабль, тем больше угол между лучами, которые отражаются от крайних точек. Значит...

– Значит, изображение на сетчатке глаза больше.

– А второй корабль находится дальше.

– Я понял! Угол между лучами меньше и изображение на сетчатке – маленькое.

– Самое интересное, что это явление люди заметили очень давно. Проблема была в том, как объяснить его с научной точки зрения. Это удалось три сотни лет тому, в эпоху Возрождения. Художники стали использовать открытие. Установленные закономерности легли в основу современной теории перспективы.

Встречи с архитектором повторялись. Это от Коха Ованес впервые услышал незнакомые слова: «контур», «композиция». Хоть и мудреными показались они с первого раза, через неделю-другую юный художник выговаривал их смело и четко.

Оказалось, что в переводе с французского «контур» не что иное, как «очертание какого-либо предмета», «линия, очерчивающая форму».

А латинское слово «композиция» означает «составление», «соединение». Композицией архитектор называл размещение рисунка на листе бумаги.

– Не торопись, – наставлял Яков Христофорович, – прежде чем начать рисовать, хорошенько подумай. Что будешь рисовать? Как зритель поймет, что в твоей картине главное? О чем хочешь рассказать? Какой будет композиция? Обозначь силуэты.

Ну вот! Еще одно новое слово – силуэт. С этим словом вовсе смешная история. Во Франции в XVIII веке жил министр финансов по фамилии Силуэт. Уж чего он там натворил, неизвестно, но один художник нарисовал на него карикатуру. Вышел смешной рисунок в виде его теневого профиля. Он так понравился, что с тех пор силуэтом стали называть одноцветное плоское изображение, подобное тени.

Так стали появляться на рисунках юного художника силуэты парусников и гор, людей и животных. Часто нарисованные по памяти изображения имели четкие, легко узнаваемые характерные очертания.

* * *

Стук в дверь оторвал градоначальника от бумаг:

– Заходите! О, уважаемый Яков Христофорович! Рад! Рад видеть! Принесли?

На стол легла довольно объемная пачка листов разного размера.

– Так-с, что мы имеем... Так-с, интересно... Виды морские...

– Вот, обратите внимание.

– Да, да. В изображении боевого флота у него явные успехи. Кстати, вчера я воспользовался вашим советом. Прошелся по улицам.

– Посмотрели?

– Занятно. Наклонности к рисовальному искусству очевидны. Четкость линий, детали. Не заборы у нас в городе, а вернисаж какой-то.

– Это вы о кораблях?

– И не только. Что до кораблей, то вижу пристрастие к баталиям.

– Александр Иванович, а греческие герои?

– Тут, замечу вам, смотреть надобно шире.

– Поясните.

– Что до кораблей, понятно. Мальчик живет на море. Романтика и все такое. Появление традиционных парусников объяснимо.

– Согласен.

– А вот виды взятых нами турецких крепостей! А каковы греческие герои! Одна Ласкарина Бобулина чего стоит! Знаете, я усмотрел в этом не просто желание рисовать. Это, знаете, порыв души. Так, так. Именно порыв во славу Отечества. Вдуматься, кто есть этот ребенок? Обычный ребенок из обычной армянской бедной семьи. Но не рисует же он бабочки-цветочки.

– Так точно, не рисует.

– В своем благородном порыве, видите ли, он на стороне России. Задумайтесь, батенька, маленький мальчик проникся сознанием патриотизма. Да, да. И не надо бояться высоких слов. Он воспевает силу российского оружия, что пришло на помощь греческому народу в его борьбе за независимость.

– Ну вы, Александр Иванович, взяли.

– А неужто не согласны?

– Почему не согласен?

– Вот, вот. Этот Гайвазовский поддерживает, если хотите, наши государственные устремления. Вдумайтесь только. Совсем недавно земли Тавриды вошли в состав империи. А народы, населяющие сии пространства, уже сделали свой выбор. Заметьте, не в пользу турок, что владели Крымом, сами знаете сколько. А в нашу пользу.

Казначеев в волнении прошелся кабинетом:

– Что до очевидного таланта, то не следует забывать, что мы – государственные чиновники. Значит, обязаны выискивать самородки во славу Отечества.

Градоначальник задумался:

– Право, о чем я? Речь о славном мальчике. А что до заборов, то это не дело. Где

вы видели художников, рисующих на заборах? Ох, этот Гайвазовский. Знаете, друг мой, пусть этого мальчика я встретил всего раз, но проникся к нему искренними чувствами. Вы видели его глаза? А эти грациозные движения смычком!

Александр Иванович вдруг засмеялся:

– Я вас спрашиваю – видели ли вы его глаза? Извините, ей Богу, не хотел обидеть. Впрок пошли ваши занятия.

– Благодарю. За недолгое время нашего обучения он показал превосходные результаты.

– Надеюсь, планируете продолжать?

– Вне всяких сомнений.

– Замечательно. Уверен, что ваш труд не пройдет даром.

– Хотелось бы верить.

– Спасибо вам за ученика. Хотел бы завтра видеть вас у себя.

– Вдвоем?

– Разумеется. А я схожу, куплю нашему герою поощрение.

Мудрый градоначальник – Александр Иванович Казначеев

Личность Казначеева очень замечательна. Энергичный, деятельный до неутомимости, он был всецело предан исполнению возложенных на него обязанностей. Высоко религиозный и нравственный человек, неподкупно честный, строгий к самому себе, он был строг и к подчиненным... следил за преподаванием в школе, требовал самого точного исполнения принятых обществом обязанностей относительно школы.

А. Половецкий. «Исторический очерк Феодосийского уездного училища», 1918 г.

Кто говорит, что градоначальники – люди суровые и грозные, что не дай Бог? Это конечно, когда дело доходит до строгости. Без строгости в таком деле никак.

Феодосии на градоначальников повезло. Взять хотя бы Броневского. Принципиальный и требовательный, даже жесткий, когда речь заходила о порядке в городе. Это с одной стороны. Но с другой стороны посмотреть, так такого дальновидного администратора еще поискать.

Только в должность вступил, а уже училище для детворы открыл. На страже старины первым встал и музей древностей основал.

Градоначальник Казначеев ему ни в чем не уступает.

Вот и сейчас. Встреча с подающим виды молодым дарованием.

* * *

– Заходи! Заходи смелее, – слегка подтолкнул Гайвазовского в спину Яков Христофорович.

Вместе вошли в просторный кабинет.

Ваня оробел вначале:

– Какие картины на стенах!

С полотен на него смотрели важные персоны в мундирах с эполетами. Поодаль, писаные маслом, обворожительные пейзажи.

Смелость, которую он копил с вечера, как волной смыло. А взгляд прикован был к картинам. Изображенные сюжеты казались столь великолепными, что захватывало дух. Никогда прежде он ничего подобного не видел.

А навстречу, улыбаясь, шел градоначальник:

– Ну, здравствуй, друг мой!

И от этих слов и такой непринужденной улыбки, сразу стало мирно и спокойно.

– Здравствуйте, – ответил еле слышно.

– Господин градоначальник… Александр Иванович, – шепотом подсказал Кох.

– Да знает он. Правда, Ваня? Мы ведь давние знакомцы.

– Правда, господин градоначальник Александр Иванович, – уже громче произнес Ованес.

Казначеев засмеялся:

– Каков ты, однако!

И они повели разговор. Правда, все больше говорили взрослые, спрашивали. А он рассказывал об учебе в училище, как применяет наставления архитектора Коха, о братьях, уехавших на учебу.

– Стало быть, есть с кого брать пример?

– Так я беру, учусь хорошо.

Его врасплох застал вопрос Казначеева:

– А чем бы ты хотел заниматься в жизни? Чего желал бы достичь?

Он ответил не сразу, задумался. Хотел бы, конечно, чтобы из дома ушла нужда. Чтобы мама не сидела до утра над рукоделием. Хотел бы своими руками сделать что-то такое…

Вслух повторил вопрос:

– Чем бы хотел заниматься?

На него с ожиданием смотрели две пары внимательных глаз.

– Играть на скрипке. По-настоящему… Еще писать музыку… Свою музыку. Только я не умею…

Потом встрепенулся:

– Нет! Не так все. Я бы больше хотел рисовать картины. Вот такие!

И он кивнул на полотна в дорогих рамах.

– Эк ты замахнулся! – усмехнулся Казначеев.

И они снова говорили. И несколько раз повторили одни и те же слова:

– Надобно всерьез учиться. Закончить училище, гимназию. А там видно будет.

И.К. Айвазовский.
Портрет сенатора
Александра Ивановича Казначеева.
1847 г.

Александр Иванович открыл шкаф. Сверток, перехваченный лентой, который он держал в руках, выглядел большим и тяжелым:

– Это тебе, Ваня, подарок.

– Спасибо! Большое спасибо.

И, совсем осмелев, спросил:

– А что здесь?

– Вот домой придешь и увидишь.

– Так я пошел?

– Иди, художник, иди.

Простились, и Ованес, не удержавшись, бросился к двери:

– Подарок!

– Не упади ненароком, художник, – бросил вслед архитектор Кох.

Лицо Ованеса сияло:

– Спасибо. Не упаду!

Александр Иванович улыбнулся:

– А на заборах, Ваня, ты уж больше не балуй.

– Не буду, Александр Иванович!

* * *

Дома Ованес торопливо развернул пакет. Его охватил неописуемый восторг:

– Краски! Настоящие водяные краски! И цветные карандаши! И целая стопа рисовальной бумаги! А какая плотная! Настоящая!

О таком он даже не мечтал:

– Какой подарок! Это не самоварным углем упражняться.

Провел ладонью по шероховатой поверхности листов:

– Теперь не нужно выпрашивать бумагу у отца.

Бережно открыл коробку.

Что изобразить на первом рисунке?

Можно и не спрашивать. Это будет море.

Конечно, море!

Вспомнил советы Якова Христофоровича:

– Бумагу к планшету прикрепить прищепками. Краску слегка водой развести. Кисти в чистоте держать. Как вода в баночке станет грязной, сразу заменить. Не то яркие прозрачные краски потеряют цвет.

Осторожно нанес на лист синюю краску. Добавил рядом желтую. Две краски на глазах смешались.

– Открытие! Получился зеленый цвет!

Продолжил. Красный цвет смешал с тем же желтым.

– Что это? Вышел оранжевый.

Кисть ходила по бумаге, создавая задуманную тему. Когда закончил, схватился за голову:

– Это что, море? Срам какой-то!

Первый рисунок вышел, что твой блин комом. От обиды Ованес даже слезу пустил:

– Вроде все правильно делал. И что вышло? Какое-то несуразное пятно. Бумагу хорошую мне Александр Иванович подарил, а я все испортил. Эх, растяпа…

Мальчик смотрел на сморщенный от высохшей воды, покоробленный листок. Как ни старался его разгладить, вдавить и выровнять пузыри и впадины, ничего не получалось.

Решил повторить. И снова та же история.

Ну что это такое?

Беда даже не в том, что не ясно, где море, а где небо. Горбатый рисунок вызывал сожаление.

– А ты лист сперва слегка намочи и к планшету влажным прикрепи, – посоветовал на следующий день архитектор.

– Неужто поможет? – удивился Ованес.

– Давай попробуем вместе.

И у них получилось.

С появлением цветных красок Ованес иначе стал смотреть на мир. Вспомнил свой давний детский восторг, когда на Тепе-Оба увидел весной красно-бордовый бутон горного пиона. Вспомнил, что с помощью мамы он узнал, что небо голубое, а трава зеленая.

Он приготовился рисовать. Но почему-то медлил. Стоял на берегу, и к нему приходило понимание, что теперь каждый отдельно взятый цвет выражает его новое чувство. Совсем не так, как это было еще несколько дней назад.

– Возьмем черный цвет. Что он для меня? Понятное дело, это цвет горя и беды. Не буду про него.

Сорвал зеленый листок:

– Это надежда, жизнь. А синий?

Прошелся у кромки воды. Вдохнул полной грудью:

– Море! Конечно же, это цвет моря. И голубой, и фиолетовый, и белая пена волн. Это все цвета морского простора! Какие они вызывают чувства?

На минуту задумался:

– Величия… Свободы… Счастья!

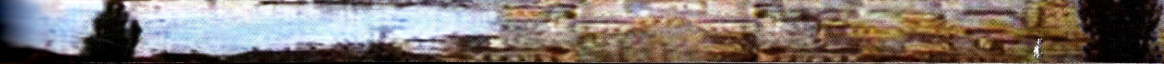
Он развел краски и попытался поймать цвет.

Писал широко, размашисто. Бумага высыхала, а море оставалось в своем увиденном только что разноцветии.

Не успел сменить лист, а настроение волн поменялось. Мгновение, и фиолетовая поверхность покрылась еле заметной рябью. Набежал ветерок и побежали барашки.

А еще у Ованеса был страх. Тот давний, с той поры, когда отец стал приносить домой когда один, когда несколько листов для рисования.

Это был его извечный страх перед белым пустым пространством. Он боялся сделать не так, нарисовать плохо и неверно.



Первый штрих был страшен и волнителен.

И тогда он вспоминал советы архитектора Коха. Мысленно заполнял белую пустоту. В уме продумывал композицию.

Уже после окончания работы с нетерпением ждал, что скажет отец.

Волновался, ожидая услышать мнение Коха. И, конечно, следил за реакцией мамы и бабушки.

А те находили достоинства его «картин». И даже хвалили, и одобряли. И про погрешности в пропорциях, композиции или цвете говорили тактично и доброжелательно.

Тогда об этих педагогических секретах он не подозревал. Он вдохновенно работал, ободренный похвалой. И с радостью брался за кисть и карандаш.

Юный художник взрослел.

* * *

Однажды Александр Иванович познакомил его с сыном.

– Александр, – представился тот.

«Чудно как, – еще подумал тогда Ованес, – и папа, и сын с одним именем. Чудно».

Библиотека в доме градоначальника поразила. И даже не высокими книжными шкафами с тонкой резьбой и дорогими бронзовыми ручками.

Книги! Вот что захватило его тогда.

В их училищной библиотеке их тоже было немало. Но это были, в основном, учебники.

А здесь!

Оказалось, что Саша увлечен географическими картами, чертежами и книгами о дальних странах.

Мальчики подружились быстро. Саша оказался открытым и искренним. Он часто улыбался и пересказывал истории, прочитанные в книгах из отцовской библиотеки. Это были захватывающие рассказы о дальних странах, где побывали европейцы. Об обычаях и занятиях их обитателей.

Ованес слушал и с интересом листал страницы. Присматривался к иллюстрациям, которые можно было бы перерисовать.

Когда Саша пересказывал случай о путешественниках, решивших переплыть океан, он взялся за карандаш.

Всего несколько минут – и на листе бумаги появился парусник. Он несся навстречу неизвестности. Но буря не пугала отважных моряков. Они искусно управлялись с парусами. Эти люди бесстрашно держались на палубе.

– Они победят грозную стихию? – посмотрел на рисунок Саша.

– Конечно, победят!

Минуло несколько дней, и Ованес принес на встречу с Сашей краски:

– Попробуем вместе? Еще я захватил несколько домашних работ.

Саша посмотрел на рисунки и замотал головой:

– Я так не смогу!

– Попробуем! Нарисуем мыс Ильи!

Когда они уже закончили рисунок, в комнату вошел Александр Иванович. Посмотрел на перепачканные краской руки сына и только хотел побраниться, как Саша протянул еще не просохший лист:

– Смотри! Правда, похоже?

От неожиданности Александр Иванович забыл, что еще секунду назад хотел сделать замечание.

– Молодец, Ваня.

– Это не я. Мы вместе.

С цветной картинки на градоначальника смотрело Феодосийское лукоморье. Ровными рядами мачт отдавали честь корабли. А правую часть рисунка занял пологий мыс, окунувший свои бока в шумные волны.

«Недаром, значит, я познакомил мальчиков», – подумал Казначеев.

Но вслух этого не сказал.

Потрепал Ваню по курчавой голове. Посмотрел на перепачканные краской руки сына:

– У вас правдиво получилось. Моряки побеждают стихию. Слава победителям!

* * *

Константин Григорьевич о всех городских новостях узнавал одним из первых:

– Александр Иванович уезжает.

– Как? Куда? Зачем?

– Его переводят «в губернию».

– А как же я?

– А как же Феодосия?

Новость Ваню просто обескуражила. Он остается без друга Саши?

Александр Иванович Ване на прощание сказал:

– Надеюсь, скоро увидимся. Не вешай нос. Встретимся в Симферополе. Готовься, гимназист!

Александр Иванович был по-житейски мудр. Служба в Санкт-Петербурге, потом в должности правителя канцелярии Новороссийского и Бессарабского наместника графа М.С. Воронцова, общение с М.И. Кутузовым и многими военными и государственными чиновниками России сформировали его неординарный характер. Все это помогло ему превратиться в видного государственного деятеля, Таврического губернатора, градоначальника Одессы, сенатора.

В сознании Гайвазовского сложился собирательный образ градоначальника:

– Он должен быть таким, как Александр Иванович. Подтянутым, стройным, с легкой проседью в темных волосах. Обязательно в мундире с орденами. И главное – заботливым.

Кем был Казначеев для Вани Гайвазовского?

Благодетелем!

Конечно же, благодетелем!

А еще внимательным и мудрым старшим наставником.

Симферопольский гимназист.
Здравствуй, гимназия!

Симферополь был центром Таврической губернии, самым крупным городом, ее сердцем. Он являлся одним из тех русских городов, которые имели самые тесные связи с Петербургом и Москвой. Многочисленные очаги культуры города и аристократическая прослойка благоприятствовали творческому росту молодого художника...

Минас Саргсян.
«Иван Константинович Айвазовский».

Месяца не прошло, как отпраздновали четырнадцатый день рождения Ованеса. Семья жила в ожидании.

– Не сегодня-завтра бумага придет, – приговаривал отец.

– Ох, скорей бы. Только бы ничего не изменилось, – переживала мама.

Один Ованес, хоть волновался, виду не подавал. Помнил последние слова Александра Ивановича:

– В августе встретимся в Симферополе. Готовься, гимназист!

А что готовиться? Нехитрые подарки с дня рождения сложены. Вот рубашка тонкого полотна, сшитая мамой. Вот теплые носки от бабушки. А от папы, как давно ожидал, блестящий перочинный ножик. Без него карандаши не наточишь.

– Ованес!

– Ованес! Айда на море! – позвали с улицы друзья.

– Какое море? А листья на толму собрал? – остановила мама.

– Собрал, майрик. Только жесткие уже, – поставил на стол таз, полный виноградной зелени.

– Ничего, сынок, в рассоле размякнут. Ну беги уже. Калитку прикрой! – бросила уже вдогонку.

– Лав! Лав! – Хорошо!

И вприпрыжку, наперегонки босоногая компания понеслась в сторону берега.

– Худой какой! – покачала головой женщина. – Как там ему будет в том Симферополе? Кто приглядит? Кто накормит? Вах-вах, мой Овик.

А жаркое солнце разливалось по саду. Нагревало уложенные камнем дорожки. Играло в оконных стеклах и купалось в бескрайнем море.

Море! Оно было везде. Его запах был сквозь. Его соленые брызги, казалось, живут с тобой вместе.

Скрипнула калитка. Обветренное лицо Константина Григорьевича светилось радостью:

– Пришла! Бумага пришла! Собирай, Рипсимэ, сына в дорогу.

Враз женщина сникла. Вот какая ты – судьба матери. Сперва уехал на учебу старший Григорий. Теперь вот учительствует в Симферополе. Не свыклась с мыслью, что нет в доме старшего сына, как в далекую Италию судьба забросила Габриэла.

– Теперь вот Овик. Мой мальчик. Мой маленький, – вытерла набежавшую слезу.

– Ну не плачь, не плачь, – успокаивал жену Константин Григорьевич, – славные у нас сыновья. Гордись, жена. Пойду, сундучок в дорогу погляжу.

А что в него глядеть? Вещи давно уже собраны. Пара обуви на сейчас. Сапожки сафьяновые да ботинки на зиму. Постель да белье, штаны и рубашка. Да еще подарки и бумага с красками.

В день отъезда встали чуть не затемно. К сундучку с вещами добавок – мамин узелок с припасами.

Помолились, присели на дорогу.

– Господи, помоги! – тихо сказали в один голос.

Плакала мама:

– Когда еще вернешься, Овик?

– Александру Ивановичу кланяйся. Учителей и брата Григория слушайся. Он тебя в Симферополе встретит, – наставлял отец.

Не удержался от слез завтрашний гимназист:

– Я вам писать буду.

А слезы текли и текли. Да и как иначе? Впервые он уезжал так далеко от дома. Впервые расставался с самыми дорогими на свете людьми. Прощался с родными стенами, в которых родился и вырос.

* * *

Поскрипывают колеса.

– До свидания, Феодосия! – одними губами шепчет юноша. – Скоро ль вернусь к тебе?

Строго по расписанию, дважды в неделю из приморского города курсируют дилижансы и почтовые кареты. Одни в Керчь и Судак. Другие в Симферополь.

Неторопливо катит дилижанс. Ваня во все глаза глядит то вправо, то влево:

– Насыпкой проехали… А тут с левого бока миля Екатерининская осталась…

В Солхате сделали остановку. И снова в путь.

Смотрел и запоминал конструкции встречных повозок. Легкие крытые брички, с парой лошадей. На боку эмблема казенного почтового ведомства. Рядом, знай себе, катят четырехколесные тарантасы. Из окошек этих длинных телег смотрят путники. Поскрипывают рессоры.

Иногда проплывет мимо блестящий экипаж, запряженный четверкой, а то и шестеркой сытых лошадей. Простому человеку такая роскошь не по карману. Застекленные рыдваны прячут от пыли и непогоды едущих высокопоставленных государственных чиновников и небедных граждан.

А вот на развилку выскочили легкие дрожки. Помещику для коротких поездок лучшего экипажа не найти.

Удобно Ване катить в дилижансе. А что в салоне 12 человек – не беда. И не тесно вовсе.

Вот позади осталась, крытая тентом, неповоротливая татарская мажара.

Изредка навстречу попадались верблюды, впряженные в скрипучие арбы. Восседали наверху этих неуклюжих, покрытых холстами фур загорелые погонщики. Кто дремал, кто напевал одному ему знакомую мелодию.

А близ дороги – глубокие лощины, местами покрытые кустарником. За ними поодаль золотом блестят скирды хлеба на осиротевших пашнях. И рассыпанные там и сям, точно невзначай выроненный на землю бисер, редкие строения под красной черепицей. И стада баранов. И тут же квадраты огородов и пасущиеся на воле кони. И зелень. Не буйная, не пестрая, как на рыночных картинках. Блеклая зелень редких кустарников и невысоких орешников. А рядом, точно на плацу, ряды стройных пирамидальных тополей.

И дорога. Бесконечная лента крымского битого шляха. Грустная своей нескончаемой длиной. Радостная сознанием скорого окончания. Веселая – сказочными видами из окна, которые так и хочется перенести на бумагу.

– Карасу-Базар! – хрипло объявил возница.

При въезде Ивану честь отдавали горделивые тополя. Взор радовали приземистые деревья, увешанные персиками и айвой, грушами и инжиром, яблоками и хурмой…

На путников смотрели русские дома с выбеленными стенами. Все как один окнами – на узкие улицы. Прочие дома смотрели во двор. А в центре города за высокой стеной находился гостиный двор.

Коням дали передышку, напоили.

Не успел Ваня перекусить и осмотреться, снова хриплый голос:

– На Зюйской станции остановка!

Солнце клонилось к закату, когда неожиданно открылся Симферополь. Вот так враз успела взобраться на вершину холма порядком надоевшая дорога. И вот он – город.

Явились верхушки минаретов и колоколен, красные крыши домов и букеты южной зелени, рассеянные по ковру долины и пологим склонам серых холмов.

– Вот ты какой – город пользы, пользу приносящий, – прошептал Ваня.

А взгляд перебегал от одного к другому.

Юноша смотрел вдаль и представлял, как эту панораму славно было бы выразить пером и тушью. Притом, лист взять во всю длину стола. И узкий, точно увиденная панорама.

«Нарисую! Как есть нарисую», – решил про себя.

Еще недолго и вот она – Соборная церковь. И спешащий навстречу такой взрослый и такой родной брат Григорий.

И гимназия. Первая на всю Тавриду мужская гимназия. В том доме, что в 1810 году был куплен у княгини Горчаковой. Хоть и одноэтажный, а каменный, прочный, аккуратно оштукатуренный, крытый черепицею. При нем и флигель, и сад. И все хозяйство за добротной каменной оградой.

И.К. Айвазовский.
Вид в Крыму при закате солнца.
1862 г.

Год рождения – 1812.

Роковой для России 1812 год.

Только и было слышно:

– Беда пришла в Отечество. Наполеон идет! Француз напирает!

Полуденный край несчастье, казалось, обошло стороной.

В далекой Тавриде жизнь шла своим чередом. Край развивался, расцветал. Да и как делу хорошему тормоз дать? Всюду храмы православные поднимались. Близ деревни Никиты сад диковинный заложили. А Симферополь готовился к открытию невиданного доселе учебного заведения.

Правду сказать, не все гладко выходило. Так всегда, если дело новое. А в краю отдаленном, недавно вошедшем в состав империи, – так и подавно.

А тут еще новость страшная – чума.

– Обойдется! – решили в Симферополе.

1 сентября 1812 года громко и пышно отпраздновали открытие.

Загодя о событии оповестили губернию через городскую и земскую полицию. Вручили программы уважаемым особам города. В день торжества ученики с учителями, сам губернатор и все почтенные гости двинулись в церковь. А после литургии – в гимназический зал.

– Гимназию объявляю открытой! – завершил свою приветственную речь профессор Харьковского университета Дегуров.

А на другой день страшная болезнь ворвалась в новые стены. Не обошла беда стороной – явилась, откуда не ждали.

– Учеников по домам! Заведение закрыть! – прозвучал приказ.

Зимние морозы навели порядок и чума отступила.

А 13 декабря в классных комнатах снова зашумели дети.

– Трудно было? – спросит кто-то.

Как не трудно, если ты – первый.

Хорошо, что гимназия в подчинении у Харьковского университета. Хоть и далеко он, и связь медленная, а помогает, чем может.

– За преподавателей спасибо! Чуть не все – питомцы университета! – говорили родители.

– Молодые люди образованы и развиты. Краю отдаленному и неустроенному – выгода. Городу это на пользу! – замечали горожане.

– А что нужда во всем, то время такое, – сетовали чиновники, – год-другой пройдет – легче будет.

И то правда. Незавидное положение учителей. Материальная база гимназии – хоть плачь. Книг в библиотеке всего 145. Учебных пособий – и того меньше. Деревянных геометрических тел – 13. Карт и чертежей – 23.

Библиотека – сердце гимназии. Все об этом знают. Через шесть лет она увеличилась в четыре раза. Появилось пять физических машин и две готовальни. К радости художников – даже ящик с красками.

Таким было начало.

Ж.К. Мивилль.
Окрестности Симферополя.
1814 г.

В 1819 году бывший дом княгини Горчаковой, в котором обосновалась гимназия, капитально отремонтировали. В 1825 году на берегу Салгира завели ботанический сад для практических занятий гимназистов. 29 июля 1825 г. губернатор Д.В. Нарышкин по ходатайству Дирекции училищ губернии предписал губернскому землемеру отвести гимназии большой участок еще свободной земли от реки Салгир и почти до Полицейской улицы. Губернатор писал: *«Преподаваемые в здании гимназии естественные науки не могут приносить существенной пользы без практического упражнения в оных. Познание растений тогда будет занимательным, когда учащиеся под руководством своего наставника будут сами упражняться в разведении оных…»*.

Из Императорского Никитского сада перевезли туда четыреста деревьев и кустарников.

Условия для учебы были не самые лучшие:

– Классы к учебе не приспособлены!

– В библиотеке не развернуться!

– Кабинет естественной истории и канцелярия вовсе плохи, – жаловались учителя.

Каждый учебный год за парты садились от двадцати до пятидесяти мальчиков.

В середине августа 1831 года началась гимназическая жизнь Вани Гайвазовского.

Раззнакомились ребята быстро.

– Ованес… Нет, Иван, Иван Гайвазовский из Феодосии, – представился Ваня.

– Идет! Директор идет! – выпалил вбежавший из коридора одноклассник.

О директоре Феодоре Петровиче Заставском Ваня был наслышан от брата Григория. Как же, выпускник Санкт-Петербургской семинарии, он начал учительствовать в Таврической области с 1788 года. Преподавателям и гимназистам хорошо было известно его пособие «О начальном учении французского языка». Многосторонне образованного, преданного своему делу педагога не случайно перевели на должность директора гимназии.

И хотя был он уже в летах, как-никак исполнилось шестьдесят шесть, повсюду поспевал.

Вот и нынче вошел быстрым шагом в класс:

– Добрый день, господа!

– Желаем здравия, господин директор!

– Садитесь. Вижу, уже познакомились, огляделись, что к чему. Поведу речь о завтрашнем дне.

– Завтра воскресенье, господин директор, – выпалил неожиданно кто-то.

Строго посмотрел Феодор Петрович:

– Так-с. С кем имею честь… Вы, молодой человек, только зачислены в гимназисты. По прежнему месту учебы положено вам знать две вещи. Во-первых, перебивать наставника, как и всякого взрослого, непозволительно. Этим вы не столь вызываете неуважение к возрасту, сколь накликаете на себя неудовольствие. Во-вторых, для каждого христианина воскресенье – день особый. Чем особый, ответьте.

Гимназисты наперебой:

– В этот день воскрес Христос!

– Он вознесся на небо и открыл путь к нему для всего человеческого.

– Это единственный православный праздник, что отмечается чаще других – каждую неделю.

– Верно ответили, – обвел взглядом учеников Феодор Петрович, – в воскресенье предписывается директору, инспекторам, учителям с учениками собираться в зале. Как священник урок Закона Божьего окончит, идем в церковь к обедне. Вразумели?

– Вразумели! – дружно ответили гимназисты.

– И смотрите мне, чтобы тихо и благоговейно стояли и слушали чтение и пение церковное. Да чтоб без разговоров и шума. Не то взыщу, запишу на черную доску.

Ученикам про эту запись и слышать страшно. Упаси, Господи, появится там твоя фамилия. Нет, лучше об этом не думать.

– Так, о чем это я? Ну да, о мерах строгости. Всюду носить узаконенную одежду. Не баловать, не нарушать городской покой. Инспекторы с сего дня станут наблюдать за вами не токмо в классах. Также в церкви, по квартирам и вообще в городе. Заведен будет список с объяснением места жительства каждого. Отослан будет сей список в городскую полицию. Начальство подобает вам почитать и повиноваться. Жизнь следует вести богобоязненно, по правилам религии. И чтобы ни в какие тайные общества, всякие трактиры и бильярдные ни ногой. Все ясно?

Ванин сосед по парте робко поднял руку:

– А в театр можно?

– На то следует получить письменное разрешение. Будет нужда за город на прогулку или, скажем, на ботаническую экскурсию, милости прошу испросить дозволение. Да глядите, не читайте книг вольнодумных, противных христианской вере.

– А какие книги дозволено? – хотел было спросить Гайвазовский.

Директор, будто прочел его мысли:

– Сейчас идите в библиотеку. Там ждет вас учитель российской словесности Анастасий Иванович.

Вздохнули юноши с облегчением:

– В библиотеку!

Хоть невелико книжное хранилище, а чуть не тысяча томов в нем уместилась.

Учитель, не торопясь, стал доставать учебники:

– Два года тому введен курс всеобщей истории Шрекка. Полюбопытствуйте.

Потом по очереди показал книги, по которым предстояло учиться:

– Это «Логика». Автор Кизиветтер, перевод Толмачева. А вот собрание арифметических задач… Греко-российский словарь Грефе… «Алгебра» Бурдона… Чтение из евангелистов… Послания апостолов… «Латинская грамматика» Кронеберга… «Краткое всеобщее землеописание»…

Ване не терпелось задать вопрос. Он не решался и все искал встречи с взглядом учителя. Наконец!

– Что-то не так?

– Разрешите полюбопытствовать?

– Прошу.

– А по рисовательному искусству есть книги?

– Увы, друг мой. Изданий всего несколько… Вот на этой полке. Причина их незначительности проста. Каждый гимназист в первую голову учит предметы все без исключения, что предполагает программа. А рисование и военные науки предоставляются к обучению по воле каждого. А вы, уважаемый, склонны к рисованию? Пером или водяными красками?

Одноклассники с интересом смотрели на Гайвазовского. А он покраснел, стесненный неожиданным вниманием. Стоял и не мог пошевелить языком. Секунда, две… и на помощь пришел учитель:

– Ну да ладно, потом расскажете.

И перевел разговор на другую тему:

– Знаю, будут среди вас лучшие.

Отворил дверцу крайнего шкафа. Бережно взял в руки небольшую книгу:

– Кто отличится благонравием и успехами в учении, награжден будет сим изданием.

Вслух прочел текст на обложке:

– «Краткий и легчайший способ молиться».

– Вижу, все вам понятно. Идите, господа, по домам. Увидимся завтра на уроке Закона Божьего. До свидания, юноши.

– До свидания, Анастасий Иванович.

Стихотворение на память

Так завелось, что на уроки выходил Ваня загодя. Так было и в то сентябрьское утро. Да и что спать, когда на улице осень золотая.

От его «гимназической квартиры» до самой гимназии – рукой подать. Немного по берегу Салгира. Там на пригорок подняться. Раз, два – вот тебе и знакомые ступени.

– Повторим выученное! – сказал себе.

Остановился, приосанился:

– С левой ноги шагом марш!

Забуду ли тебя!
Счастливый край Тавриды!
Стяжанье грозное Дианы-Немезиды…

Остановился, осмотрелся:

– Никого, слава Богу! А то еще, чего доброго, прохожие подумают: «Что это, мол, с утра пораньше гимназист сам по себе марширует?» Не дело это… Да, наверное, и маршировать с поэзией негоже.

Под ногами смиренным ручейком тихо пробирался Салгир. Огибал массивные валуны. Перекатывался еле слышно по острым бокам мелких камней.

Ваня остановился. Закрыл глаза и вдохнул полной грудью:

– Точно в Феодосии. Мальчишки с Карантина уже, верно, купаются.

А солнце играло в прозрачной воде. Осенние лучи его сверкали ярко-синим и бликами с серебристым оттенком. На глазах отблески становились зеленовато-салатовыми. Потом раскатывались чистым серебром.

– Писателю, поди, непросто слова для такой красоты подобрать. Да и сколько слов наберешь для спокойной сентябрьской речки? Вот красками, это да!

Как бы это сделал он – Ваня Гайвазовский? Тоже штука непростая. Но ему казалось, что все краски мира уместил бы он, доведись рисовать это теплое симферопольское утро. А можно нарисовать совсем не утро. И не плавный ручеек. Вот случится буря, побегут облака. И дождь стеной встанет. Зашумит, заревет. Враз затопит берега, мутными бурунами заворочает камни. Что только от тихого ручейка останется. Не речка – характер.

– Ко-ко-ко! – прервал его скрипучий голос.

Мимо вразвалку в сторону воды направлялась рыжая курица.

– Ты куда, ряба? – засмеялся юноша.

Та обернулась, будто удивившись неуместному вопросу:

– Ко-ко!

Как будто спрашивала:

– А тебе что за дело? Вот иду своей дорогой. Сама знаю, куда.

И смело ступила в воду. С камешка на камешек неторопливо двинулась на тот берег.

Вот уж точно – у каждого своя дорога.

А Ваня повторял слова выученного стиха:

– … хребты твоих приморских скал,
Средь коих Чатырдаг за облака возстал –
Оракул жителей, предвестник непогоды…

А ведь и вправду, посмотришь на вершину Чатырдага, точно на барометр. И оттого, покрыта она облаками или нет, узнаешь погоду и на сегодня, и на завтра.

Нет, не будет сегодня гимназист Гайвазовский глядеть на гору. Ему самое время на уроки торопиться.

Бросил напоследок взгляд на Салгир. Прошептал со вздохом:

– Вот стоял бы так и стоял. Только урок повторить надо… Эх, тяжела жизнь гимназическая. И кто придумал по русской словесности произведения выучивать?

Вздохнуть Ваня вздохнул, а про себя подумал, что не прихоти ради учитель задал найти самостоятельно современное произведение. Хоть прозу, хоть поэзию. И не только выучить все полностью или отрывок из него. А главное – проанализировать, пояснить авторский замысел и основную идею.

Был ли строг их учитель русской словесности, как однажды сам пошутил: «С исконно российской фамилией – Смоленский?»

Наверное, не назовешь Анастасия Ивановича строгим. Скорее – требовательным. Даже недовольство проявлялось как-то по-особенному.

Видя в ком-то нерадивое отношение к предмету, слушая неподготовленный урок, снимал на секунду пенсне. Зачем-то протирал его носовым платком в крупную серую клетку. Вновь одевал и едва заметно пожимал плечами:

– Досадно…

Вот это «досадно», сказанное как бы в никуда, порой было обиднее самой расплохой отметки в классном журнале.

Ленивые недоросли были и будут. Ну не дано им понять, что значат знания для человека. Не хотели это понимать в первую очередь некоторые из тех, кому богатый папенька уготовил загодя теплое место.

Другое дело – Гайвазовский. Отец, как ни образован, скольким языкам ни обучен, а все никак из бедности не вырвется. Впору самому помогать.

Ваня не из таких, не из ленивых. Понимает, что знания – его единственная возможность выбиться в люди.

Потому в свой адрес не услышит он это обидное «досадно». И не будет Анастасий Иванович протирать в огорчении свое пенсне носовым платком в крупную серую клетку.

– Ну-с, послушаем Гайвазовского. Что приготовили, сударь?

Он вышел вперед, такой щуплый и невысокий. Такой нерешительный с виду четырнадцатилетний гимназист.

«Главное – первые слова! Четко и решительно! Потом все будет как надо!» – приказал себе.

Он посмотрел на учителя. Потом обвел взглядом одноклассников:

– Поэт Норов. Стихотворение «Таврида»…

Зачем-то ступил шаг вперед… и враз исчезла скованность. И перед глазами встал феодосийский берег, стекающие к морю холмы.

Под сводами просторного класса раздался негромкий чувственный голос:

– Забуду ли тебя, счастливый край Тавриды,
Стяжанье грозное Дианы-Немезиды!
Но страшный гений твой спешил с твоих брегов;
На скалах гор твоих, в тени твоих лесов.

Чуть заметно, одними уголками губ, улыбался учитель. Поверх стеклышек пенсне смотрел внимательно и одобрительно.

Твердым голосом Ваня уверенно продолжал:

– Я видел, скрытый древами в забвенье,
Жилища праздности и неги с вдохновеньем.
Как я любил хребты твоих приморских скал,
Средь коих Чатырдаг за облака возстал –
Оракул жителей, предвестник непогоды,
И образованный как жертвенник Природы.

А. де Палдо.
Река Салгир в Симферополе.

* * *

Вспомнит ли тот урок начинающий художник, когда из-под его кисти выйдут неповторимые виды Крыма?

Немало их будет у молодого дарования – вчерашнего симферопольского гимназиста.

Учитель рисования

Учитель может задать ученику, как тему для сочинения, сюжет для пейзажа; но для исполнения его для разрешения задачи, художник должен обратиться к живой природе и по естественным данным выработать заданный ему сюжет.

И.К. Айвазовский.

Везло Ване Гайвазовскому на наставников. Так случилось и с учителем рисования Иваном Даниловичем. Хотя никакой он был не Иван Данилович. Так на русский манер звали немецкого колониста Иоганна Людвига Гросса. Жил он сперва в немецкой колонии в Судаке. И на всю округу славился как искусный художник. Благодаря этому дару оказался в окружении своего знаменитого соотечественника Петра Симона Палласа.

Как именитому ученому в экспедиции обойтись без художника? Оказались кстати способности молодого живописца. Уж сколько дорог вместе исходили! Сколько уголков потаенных исследовали и зарисовали! А как запечатлел Гросс археологические раскопки в Керчи! И каждое новое научное путешествие – открытие миру земли крымской.

А еще была у Иоганна Гросса мечта давняя. Свое искусство живописное хотел он передавать людям. Мечтал учить других тому, что сам умел.

Знал об этом академик Паллас. Потому лично походатайствовал перед училищным комитетом Императорского Харьковского университета.

Так в 1821 году художник был определен в Таврическую гимназию на должность учителя рисования.

Через год в семье молодого педагога – пополнение. Наследника нарекли Фридрихом. Хотя чаще звали Федором, что было понятней для окружающих.

Совсем небогато жила семья Гросса. Да и какой достаток у учителя, пусть и дворянского звания?

В «Табели о рангах», введенной еще Петром Первым, числился он титулярным советником. Стало быть, чиновником совсем низкого ранга. Ниже были разве что коллежский регистратор да коллежский секретарь.

– Мои ученики – вот мое богатство, – любил повторять Иван Данилович.

Любимцем был, конечно же, Федор. Спокойный благовоспитанный немецкий ребенок радовал отца склонностью к рисованию. Не мог знать тогда учитель Гросс, что сын станет автором изысканных литографий. Это о его работах одна одесская газета напишет, что «они сделали бы честь лучшим столичным литографиям». Будут у Федора Гросса успешные выставки, батальные картины, созданные во время Крымской войны. Будет роскошный альбом «Виды Крыма» – самое объемное литографированное издание с видами полуострова первой половины XIX века.

Среди учеников Ивана Даниловича будут Адольф Феслер и Николай Иванов.

На десятом году своей службы в гимназии Гросс обратил внимание на щуплого черноволосого паренька.

– Иван Гайвазовский, – прочел в классном журнале его фамилию.

Был четырнадцатилетний юноша исполнителен и трудолюбив. Впервые в жизни с ним занимались серьезно и систематично. Многое из того, о чем он лишь догадывался, имело свое объяснение.

Уроки Ивана Даниловича опирались на его собственные знания. И конечно же, на опыт художников прошлых лет.

О вещах сложных говорил он понятно и ясно:

– Твоя задача показать пластику движения. Понаблюдай, как по-разному двигаются те же кошки и собаки. Как ведет себя кошка, которая выслеживает воробья? А как она выглядит, когда за ней гонится собака? Наблюдай, подмечай что-то особенное, узнавай, осмысливай.

Ваня был добросовестным учеником. Слова учителя становились руководством к действию. И он наблюдал и делал собственные выводы:

– А ведь правда, за любым движением хоть человека, хоть животного, всегда стоит логика поступка. В движении проявляется характер.

Рисовать движущиеся предметы было непросто. Но ученик был внимательным и настойчивым. Такая работа требовала большого нервного напряжения.

А Иван Данилович не уставал повторять:

– Наброски движения с натуры – вещь весьма полезная. Кроме всего прочего, это немалая тренировка в верности руки и глаза.

Педагог говорил с сильным акцентом, иногда, второпях, вставлял немецкие слова. Гайвазовского это ничуть не смущало. Слова он быстро запоминал, искал их перевод. Новые знания пошли на пользу.

Учитель немецкого языка даже как-то похвалил:

– Герр Гайвазовский! Гут! Зер гут! * Начальные правила немецкого языка осваиваете с успехом изрядным!

Не сиделось Ивану Даниловичу в гимназических стенах:

– Сегодня выпал нам неблизкий путь. Идем на натуру.

Ученики только того и ждали:

---

* Хорошо! Очень хорошо! (нем.)

– Наконец! Дождались!

– Что брать с собой?

– На Салгирку пойдем?

– Что рисовать будем?

Учитель многозначительно поднял палец:

– Наш путь в иную историческую эпоху. Покажу вам городище Неаполя. Рисовать вам сегодня надлежит столицу Скифского государства.

Минута, другая пролетела, а стайка гимназистов уже на улице. Вот позади губернаторский дом. Вот за спиной Салгирка и центральные улицы. И бежит вдаль дорога, обращаясь в почтовый тракт. Где-то там за поворотом Алушта и Ялта. А совсем рядом, вот здесь, под ногами, древняя история.

Неспешен рассказ учителя:

– Неаполь Скифский был большим городом. От врагов его защищали мощные стены и боевые башни. С юга вели в город главные ворота. Рядом, вот на этом месте, стоял дворец царя Скилура.

Ваня наклонился:

– Я черепок нашел.

Ребята с разных сторон подхватили:

– И я тоже!

– И я!

– И у меня глиняный осколок!

Иван Данилович остановил собирателей:

– Не забывайте, что у нас урок. Осмотритесь, решите, откуда кому удобнее рисовать. А что до обломков, это следствие нашествия врагов. В конце второго века до нашей эры скифы боролись с греческими колониями. Вот тогда-то город и был сильно разрушен. Через несколько десятилетий сюда хлынули аланские племена. Так скифское государство и его столица перестали существовать. Работайте, не торопитесь.

Ваня все никак не мог найти себе место:

– Присяду здесь... Нет, отсюда вид лучше...

Рисуя с натуры, Ване порой сложно было выбрать место. Иван Данилович подсказывал:

– Посмотри по сторонам вначале. Вглядись в пейзаж с разной высоты. Мысленно перенеси увиденное на бумагу. Чем выше стоишь, тем дальше видишь и изображаешь глубину пространства. И, наоборот, чем ниже, тем меньше глубина и заметнее будет передний план. Средний и дальний планы в этом случае будут второстепенны. И помни, что линия горизонта – самая дальняя граница земли или моря, которую ты можешь видеть.

Следующий урок тоже прошел на старом городище. На этот раз учитель взял с собой сына. Тому хоть и девять лет всего, к занятиям относился вполне серьезно.

– Принадлежности все взяли? – спросил Иван Данилович.

Маленький Федя первым показал:

Ф.И. Гросс.
Скачки в Симферополе.
1830-е гг.

– Вот планшет с бумагой. А вот карандаши. А когда ножик мне позволишь носить? Чем карандаши заточить?

Отец успокоил:

– Рано тебе еще ножиком управляться, порежешься. Как надобность будет, тебе Ваня заточит.

На природе Иван Данилович по очереди подходил к ученикам:

– Как будет выглядеть небо на твоем пейзаже? Как сделаешь облака без белой краски?

– Каким основным цветом будет изображен дальний план?

– Покажи на зарисовке крепостные стены. Что будет самым светлым и что самым темным?

– Ты, Ваня, все линии разметки наноси тонкими и малозаметными линиями. Размечай только основные очертания городища.

Гайвазовский отличался исполнительностью:

– Конечно, без деталей. Подробности сделаю кистью.

И дома достаточно быстро выполнял рисунок красками. Как учил преподаватель, в последовательности сверху вниз. Появлялись облака в голубом небе. Рождался дальний, средний и ближний планы.

Все, как учил Иван Данилович.

Проходят недели занятий. На смену дождливым осенним дням пришли такие же дождливые, но уже холодные зимние дни. На натуру в сырость – ни ногой.

Да что там сырость. Дождь в Симферополе – вот это беда.

Не раз Ваня слышал возгласы рассерженных горожан:

– Состояние дорог просто безобразное!

– А как вам нравятся содержатели лавок и трактиров? Они в любую погоду позволяют себе выбрасывать сор и нечистоты прямо на улицу.

– Даже по центральным улицам в дождь с трудом переберешься!

У самого даже случай был, как добрых полчаса выкарабкивался из топкой лужи на твердую почву.

А однажды Иван Данилович, ругаясь незнакомыми немецкими словами, вытащил застрявшего в грязи Федора.

Ваня тогда еще заметил:

– Это почва виновата. Сплошная глина.

На что раздосадованный преподаватель выпалил:

– Да причем здесь почва? Что, в Дрездене, Берлине или Санкт-Петербурге другая она? Это начальство делом не занимается. Где тротуары? Где замощение мостовых?

Хватит про плохое.

Потрескивает дровами камин в классе. Бросает редкие отблески на темные парты. По серому небу знай себе гонит серые тучи студеный ветер. Мокрые стены домов грустно смотрят в серые лужи.

И только свежестью лета дышат пестрые листы бумаги.

– Только с виду работа водяными красками проста и неприхотлива, – ведет урок Иван Данилович.

Кто-то из ребят пошутил:

– А что сложного? Разводи себе краски кисточкой с водой. Никакой премудрости не нужно.

– Запомните все: эта техника живописи одна из самых сложных в изобразительном искусстве. Даже выдающиеся художники и те не все были ее мастерами.

Вскоре водяные краски получат более поэтичное название – акварель. От латинского слова «аква» – вода. От одного урока к другому Ване будут открываться секреты этой техники:

– Я понял! Тайна – в прозрачности красочного слоя, сквозь который легко проникают лучи света. Они проходят сквозь краску и отражаются от белой бумаги. Перетекание одного цвета в другой придает рисунку особое очарование.

Советов у Ивана Даниловича было столько, что Ваня боялся, что все и не запомнит:

– Пригодна не всякая бумага, а только плотная, очень белая и шероховатая. Или, как мы говорим, крупнозернистая.

– После высыхания бумага будет просвечивать через краску.

– Учись рисовать на обычном плоском столе. Тогда краска не будет стекать вниз и образовывать потеки.

– Используй только мягкие беличьи или колонковые круглые кисти.

– Никогда не проводи по одному месту на бумаге дважды. А то бумага разрыхлится и потеряет прозрачность.

– К кистям относись бережно. Как промоешь холодной водой, вертикально не ставь, а положи горизонтально или повесь волосом вниз.

В классе тихо. На уроках у Ивана Даниловича всегда так.

– Пришла пора освоить новую изобразительную технику. Карандаши, водяные краски вам известны. Итак...

Учитель поставил перед собой пузырьки с черным чернилом и баночки.

Ваня нашелся первым, сказал тихо:

– Рисунок пером.

– Техника, как подсказал мне Гайвазовский, называется «рисунок пером». В этой технике возможно создание сложного, тщательно проработанного рисунка. Пером можно также сделать... подскажите что...

С места ученики ответили:

– Эскиз.

– Набросок.

– Зарисовку.

Учитель согласился:

– Конечно. И во всех случаях рисунок пером будет точным и четким. Опыт работы пером выработает у вас стремление к ясности формы и пропорции изображения. Перьевой рисунок – один из старейших видов графики.

7 - Zak-0087-88

Учитель говорил еще много интересных вещей. О том, как на заре книгопечатания тексты набирали машины, а художники создавали цветные иллюстрации.

– Главное изобразительное средство в этой технике – линия и производные от нее штрих и точка. Красота рисунка зависит от движения руки художника. Попробуем вместе.

Иван Данилович раздал ручки и пузырьки с чернилом:

– Рука должна быть одновременно не напряженной, но твердой в движениях. Задание первое: проведите прямую линию.

Медленно пошел мимо рядов парт:

– Проведите еще одну.

Кто-то из учеников недовольно пробурчал:

– Мне бумага попалась шершавая. Перо цепляется.

– А ты руку не зажимай, легко веди. Перо должно едва касаться листа.

Кто-то поставил на бумаге кляксу. У кого-то вместо прямой линии вышла дуга.

Учитель успокоил:

– Это ваша первая проба. Не серчайте, у кого нескладно вышло. Следующее задание такое. На одной строчке в линию проведите штрихи. На другой – точки.

Видимо, потому, что у мальчиков уже был опыт письма, с этим заданием справились все.

– Посмотрим, что у нас получилось? А у кого вышло лучше?

Иван Данилович обошел класс, взял в руки Ванин листок:

– С заданием справились все, потому хвалю каждого. А вот посмотрите на работу Гайвазовского. Линия прямая?

– Прямая.

– Штрихи и точки ровно расположились?

– Прямые, как ваша указка.

– Стало быть, молодцы все, а Гайвазовский снова умение свое показал. Молодец!

От занятия к занятию Ваня рисовал все лучше. Заметил, что легкость движения передается рисунку. Широкие, размашистые движения всей кистью руки придавали работам свежесть и динамичность.

Рисуя пером, обратил внимание на красивые, четкие контуры, которые проводились без отрыва пера от бумаги. И наоборот, составные линии образовывали загрязнение рисунка случайными пятнами.

Стал правильно выбирать материалы. Бумагу – прежде всего. Обязательно гладкую, белую, которая почти не требовала нажима на перо.

Как-то сделал собственное открытие:

– Для рисунка пером требуется особый темп. При подготовке – неспешно. При исполнении – собранно и быстро. Причем рисовать следует без ошибок и промахов. Ведь такой рисунок не исправишь, не переделаешь. Иначе начинать придется заново.

На особенность ученика быстро работать обратил внимание Иван Данилович:

– Для художника такое умение важно. Ох как важно! Успехи твои очевидны. Быть тебе художником!

Сбывалась мечта семьи Гайвазовских.

Сын станет художником!

* * *

27 февраля 1832 года брат Григорий написал родителям: «*...Мой братец Иван по выдержании экзамена будет отправлен в С.-Петербург, в Академию художеств...*»

Евреи в синагоге

Есть в Симферополе широкая улица, место бойкое. Чуть не вся предоставлена евреям под лавки и магазины. Любому покупателю товар отыщется.

В инструменте нужда есть? Вот вам хоть плотницкий, хоть столярный.

Орудия по металлу интересуют? Выбирайте слесарные, токарные, какие хотите. Тут и тиски, и пассатижи, сверла и напильники, металл в листах и готовая ковка.

А посуда и одежда!

А ткани на любой вкус и достаток!

Совсем рядом – Гостиный двор. Такое бурное средоточие магазинов, что глаза разбегаются.

А как обойти этот магазин на Малобазарной улице? Как не отворить эти блестящие лакированные двери?

Если заглянуть через большое окно – открывается целый мир таких разных вещей. На полированном деревянном прилавке всякие мелочи. Рядом с рулонами бумажных обоев – коробки с мылом, пузырьки чернил и туши. В общем – всякая неинтересная Ване всячина. Была, правда, и вовсе ненужная безделица – веревки, шпагаты, промокательная бумага. А вот в открытых полках шкафов – совсем другое дело. Тут тебе бумага и писчая, и газетная.

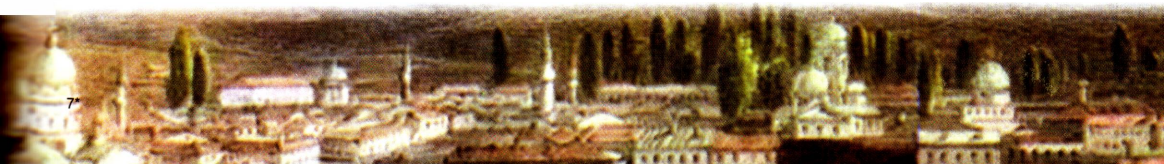
– Цена подходящая, от четырех до двенадцати рублей, – прочитал Ваня ценники.

– А это вовсе дорогая – почтовая. Что подешевле, то по пятнадцати рублей. Которая побелее да поплотнее – целое состояние. Аж двадцать рублей серебром за полную стопу. Кому ж такое по карману? За год учебы в гимназии и то меньше – пятнадцать рублей, – покачал головой.

Ровными стопками лежала рисовальная бумага разнообразных сортов и размеров. Тут же – картон для водяных красок. В пузатых баночках кисти и перья. Рядами, как по ранжиру, улеглись карандаши. По-соседству устроились рулоны холста и позолоченный багет.

Ваня проходил мимо и раз, и другой, и третий. Правда, на третий не утерпел:

– Зайду!



Вернулся и толкнул таки тяжелую дверь. Звякнул колокольчик и из-за высокой узкой конторки на него посмотрели большие, черные, выразительные, и как показалось, печальные глаза юноши. Даже не юноши, а скорее, высокого черноволосого мальчика.

Про себя Ваня отметил: «Лет, наверное, столько, сколько и мне. Не больше».

Обвел взглядом магазин. Тот на деле оказался совсем маленьким. Собственно, не магазином даже, а средних размеров лавочкой. Правда, лавочкой опрятной и приятно пахнущей краской.

– Уж точно, хозяин любит свою лавку, раз хочет чистотой и порядком угодить покупателям, – пришел к выводу Ваня.

– Что желает господин гимназист? – раздался голос из-за конторки.

Ваня не знал, чего он желает. К тому же с деньгами было не густо. Если посчитать – копеек пятнадцать, не больше. Да и те не лишние. Когда еще брат передаст? Как сказать продавцу, что пришел из любопытства? А тот вроде понял Ванино переживание. Молча отошел в сторону и стал заниматься чем-то своим. Ваня решил, что ничего страшного не произойдет, если купит несколько недорогих листов для водяной краски. Цена вроде подходящая. Попросил продавца показать.

Тут отворилась служебная дверь позади конторки и к прилавку пробрался мальчик лет шести. Дернул за рукав продавца:

– Моня, можно я корабль посмотрю?

Продавец постарался незаметно оттолкнуть малыша. Посмотрел на него сердито и к Ване:

– Для водных красок не подойдет, тонкая.

А малыш наседал:

– Моня, Моня, ну дай корабль посмотреть!

Продавец сердито сделал внушение:

– Таки Фима не видит, что в магазине уважаемый покупатель?

Мальчишка вытаращил глаза. Слов явно не находил.

Улыбнулся Ваня. Улыбнулся молодой продавец, как старому знакомому:

– Дите! И что вы с него возьмете?

– А что он просит?

– Не поверите. Мой младший брат думает, что это не папин магазин, а городская читальная. Ему корабль подавай.

Продавец снял с полки большой лист с изображением парусника:

– Фима раскрасит и вырежет, а Моня деньги в кассу? Как вам это нравится?

– Мне нравится. Сам бы раскрасил. И вырезал бы вместе с Фимой.

– Если хотите знать, этот ребенок раскрасит бумагу не хуже вашего. Дайте ему волю… Нет, будет ему подарок в следующий раз.

– Вам виднее. Кстати, меня Ованес зовут. Если по-русски, то Ваня, Иван.

Продавец протянул руку:

– Будем знакомы. Правда, Моней меня родители зовут. И вот этот шалапут. Правильнее Мойше.

– Значит, по-русски Миша?

Юноша смутился:

– Нет, извиняюсь. Миша – русское имя, неправильное. По-нашему – русский парень – шейгец. Вот вы – шейгец. А я – еврей. Зовите меня Мойшей. Или Моней, извините.

Что-то кольнуло Гайвазовского в сердце. Кто же я? Ованес, Овик или Ваня – Иван?

Но он промолчал. А новому знакомому сказал искренне:

– Хороший вы человек, Мойше. Увидимся.

А увидеться довелось через несколько дней. В пятницу Ваня сидел в парке, выполнял задание Ивана Даниловича. Карандаш быстро выводил на листе склон у Салгира, тропинку, что сбегала к воде.

– Добрый день, Ованес, – прозвучал знакомый голос.

На рисунок внимательно смотрел Мойше:

– Вы таки художник, Ованес?

Гайвазовский смущенно улыбнулся:

– Пока нет, но дело к тому идет.

– Так быстро у вас выходит. Спорый вы на руку, Ованес. А легко рисовать?

– Я только учусь.

Резко встал и неожиданно предложил:

– Кажется, мы ровесники. Может, лучше на «ты»?

– Согласен. А ты рисуешь потому, что задали? Или потому, что нравится?

– А ты в свое еврейское училище почему ходишь? Заставляют или нравится?

– Разве сам ответ не знаешь? Без этого нельзя. Еще немного и свое дело начну. Отцу за науку спасибо скажу. Учителям скажу. Семью без грамоты не прокормишь.

Мойше говорил правильные слова и не согласиться было нельзя.

Рассудительно о своем делился Гайвазовский.

– А чем Фима займется, как подрастет?

– Сперва хедер закончить нужно.

– Что закончить? – не понял Ваня.

– Ну, хедер. Значит нашу начальную школу. Рисовать любит – не оторвешь.

– Что, художником будет?

– Ну, ты сказал, художником. Подрастет – увидим.

– Я, кстати, ему подарок приготовил.

– Подарок? Фиме? Это радость. А что за подарок?

– А вот завтра и принесу. Пока секрет.

– Завтра нельзя – Шабат.

Гайвазовский не понял:

– Почему нельзя?

Мойше пояснил:

– Шабат – Священная Суббота. Работать нельзя, магазин будет закрыт. Все евреи после трудов отдыхают. Приходи в воскресенье.

– В воскресенье не могу. У нас православный праздник. В церкви – литургия.

– Ну да, – с пониманием закивал Мойше, – может быть, в понедельник?

– Договорились. Хотя, постой. Хочешь, возьми рисунок на память.

– С радостью. Спасибо! Я его в комнате повешу.

Два дня пролетели незаметно.

– Это тебе, – протянул Гайвазовский, здороваясь, листок с новым рисунком своему знакомому.

Мойше от удивления раскрыл глаза:

– Ованес! Это же ты сам снова нарисовал!

Разложил листок на конторке, разгладил:

– Ты таки мастер. Это же наша улица! Вай ме! А что, папин магазин как в жизни. И дверь, и окно!

Юноша неожиданно рассмеялся:

– А в окне у прилавка Моня с покупателем. Ой, Ованес…

В двери за конторкой показалась голова Фимы:

– Где Моня с покупателем?

– Иди сюда. Ованес наш магазин нарисовал.

Малыш рассмотрел рисунок:

– А мне подарок?

– А вот и тебе.

Ваня аккуратно вынул из папки листок с изображением парусника. По высоким волнам стремительно летел красивый корабль.

Мальчик схватил подарок и в ту же секунду скрылся за дверью:

– Папа! Папа! Шейгец мне корабль подарил! Бесплатно!

Через минуту, держа одной рукой сына, другой рисунок, выплыл полный, уже немолодой мужчина:

– Где вы? Дайте на вас таки посмотреть. Мойше говорил…

Отец мимолетом бросил взгляд на конторку. Внимательно рассмотрел со всех сторон рисунок, прищурился:

– Магазин… Ах, какой красавец… Мне Мойше говорил…

И от удивления запнулся. Медленно подошел к Гайвазовскому, взял за руку и посмотрел в глаза:

– Я – Иосиф, отец этих двух созданий. Пятьдесят лет живу в Симферополе, но такого юношу, как вы, не встречал. Пусть бросит в меня камень тот, кто скажет, что вы – не настоящий художник.

– Ну, что вы… – покраснел Ваня.

– И не спорьте…

Потом вдруг замолк. Посмотрел на Ваню. Посмотрел на Мойшу. Подвел обоих к зеркалу:

– Вы таки смотрите!

Молодые люди посмотрели друг на друга.

– Вы на них смотрите! Что вы разглядываете друг друга, будто с Пасхи не виделись? Вы в зеркало глядите.

Ребята, не понимая, уставились в зеркало.

– Ваня, Моня говорил, что вы себя Ованесом зовете. А скажите мне… Хотя это, наверное, секрет… Но старый Еся умеет хранить секреты. Как ваше настоящее имя?

– Ованес. В детстве меня родители звали Овик.

– Овик… Овик… Это уже ближе. А что, но это, конечно, по секрету, ваш папа еврей?

– Нет!

– Я так и знал. Вы умеете хранить тайны семьи. И что, мама тоже не еврейка?

– Тоже не еврейка.

– Тогда посмотрите в зеркало. Вы же точная копия Мони. Да вы, юноша Овик, внимательно посмотрите. Откуда тогда эти черные волосы? Откуда, я вас спрашиваю? А нос с горбинкой тоже не еврейский? А лицо?

Мужчина неожиданно с конторки взял в руки рисунок:

– А как красиво! Как в жизни. Хотя, если подумать, таки лучше, чем в жизни.

Пользуясь паузой, Ованес пояснил мужчине:

– Извините, я объясню. Я из армянской семьи. Мама – Рипсимэ. Папа – Каетан. Дедушку звали Григориан. Он из польских армян.

Иосиф развел руками:

– Тогда мне понятно… Как раньше не догадался?

И медленно пошел к двери, тихо приговаривая:

– Не еврей… Как жаль… Такой замечательный ребенок и не еврей…

Ваня уже выходил из лавки, когда его окликнул хозяин:

– Таки успел… Подождите, юноша.

Стал развязывать небольшой узелок:

– Чем вас кормит ваша армянская мама, надеюсь, она знает толк. Но вы посмотрите сюда.

На прилавок встала мисочка с крышкой:

– Вы думаете, это просто покушать? Это я отдаю за ваш талант. Посмотрите на эту курочку… А эта картошечка… А как пахнет чернослив!

Мужчина поднес пальцы к губам, громко причмокнул:

– Цимес! Это называется цимес. Понюхайте и скажите, что моя Сара не золото. О, святой человек. Богиня! Какие у нее золотые руки!

Ваня наклонился, понюхал:

– Да, спасибо. Пахнет вкусно.

– Вы слышали? Вкусно! Не надо слова. Просто цимес! А что я вам здесь покажу!

В следующей мисочке лежали аппетитные на вид жареные лепешки из тертого картофеля:

– Знаю, это драники.

Хозяин возмутился:

– Вы только посмотрите! Язык не поворачивается повторить, что вы только это обозвали. Запомните до старости и не говорите, что не слышали от старого Еси. Картошечку меленько потерем. Лучок меленько, тоже меленько. Яичко вбили. Мукой чуть-чуть и на сковородку. И вы называете это… Язык не поворачивается. Повторяйте, как я.

И по слогам выговорил:

– Буль-бе-лат-кес…

– Но это таки еще не все. Посмотрите сюда. Только умоляю, ни слова. Это не просто маца. Это память о том, как сорок лет наши предки ходили по пустыне! О, мой несчастный народ! Кстати, самый древний, если хотите, народ на этой земле. Две тысячи лет до прихода Иешуи, две после. Это вам не просто так. А что в пустыне кушать?

Хозяин лавки разломил мацу:

– Только мука и вода. Вода и мука. И зачем это я говорю? Может быть, я таки верю, умный Овик нарисует моих бедных соплеменников? Хотя почему бедных? Ну идите уже, идите.

– Спасибо вам, дядя Ёся, – поблагодарил хозяина. Отворил дверь. А за спиной услышал тихое:

– Такой хороший мальчик…

* * *

Как-то под вечер, в пятницу, Ваня проходил мимо освещенной синагоги. Мойше не раз рассказывал о внутренней обстановке в их церкви. Показывал, как молятся евреи.

– Только шамес – служитель тебя не пустит. Можно только евреям, – предупредил друга.

Ване повезло, шамеса у входа не оказалось. Шло богослужение и люди слушали слова молитвы. Ваня тихо присел на свободную скамью, недалеко от двери. Рассмотрелся. На плечи прихожан наброшены шерстяные накидки в черную полоску. На потолке и стенах роспись на библейские темы.

За темной бархатной занавесью, расшитой золотом, виднелся ковчег. Еще шатер на деревянных колоннах. Под ним, в окружении хора мальчиков, грустную мелодию выводил кантор.

Люди набросили молитвенные накидки на головы. Прикрыли ими глаза, повторяя молитву. Стали раскачиваться в такт пению.

Ваня наблюдал внимательно:

– Запомнить! Нужно все хорошенько запомнить!

Толпа с закрытыми лицами колыхалась, точно волны прибоя. Молитва объединила людей.

Воображение юного художника мысленно перенесло увиденное на бумагу.

Ваня тихо пробрался к выходу:

– Нарисовать! Пока все в памяти! Быстрее!

В. Руссен.
Еврейская синагога
1840-е гг.

Дома наспех зажег свечу, разложил бумагу. Быстро сделал набросок:

– Так, хорошо! А если выделить кантора в центре?

Взял новый лист.

Резкими штрихами набросал контуры шатра. И людей вокруг. Море молящихся людей. Фигуры, казалось, пришли в движение.

На третьем и четвертом набросках крупно вывел мужские фигуры в необычной одежде.

– Вышло! По-моему, неплохо вышло! – сказал и бросился, не раздеваясь, на кровать. Забылся счастливым сном.

На следующий день в доме Нарышкиных поведал другу Федору тайну о посещении синагоги. Говорил, а руки тянулись к бумаге.

* * *

В 1878 году журнал «Русская старина» со слов знаменитого художника напишет: *«В одно из своих посещений Айвазовский предложил Ф.Д. Нарышкину нарисовать ему евреев и тут же нарисовал пером группу евреев в синагоге. Молодой Нарышкин показал этот рисунок Наталье Федоровне».*

«Татарская свадьба»

Свадебные обряды отличаются необычной красочностью и богатством. Это наиболее значительный в жизни татарина праздник.

Глеб Бонч-Осмоловский.
«Крымские татары», 1924 г.

Когда выдавалась хорошая погода, Ваня брал карандаши и папку. Ходил, бывало, улицами Симферополя. Иногда выбирался на прогулку за город.

Нравилось выполнять задания Ивана Даниловича. Вот и сегодня. Говорят, что тяжелый день – понедельник. Вовсе нет. Хороший день. За спиной остался шумный город. Ну и славно!

Ведь правда, привольно на природе осенью. На сердце состояние покоя. А как легко и свободно. Он прислушался. Посвистывало и шуршало поле с разбросанными тут и там невысокими кустарниками шиповника, терна, кизила. Пело и звенело высокое синее небо с редкими курчавыми облаками.

Природа, казалось, делилась с художником своими загадочными звуками. В пожелтевшей траве шла своя жизнь.

– Жу-жу! – суетились черные жуки.

С треском, выпустив прозрачные крылья, прыгали кузнечики.

В кустах боярышника чем-то важным занимались взъерошенные воробьи.

И.К. Айвазовский.
Татарская свадьба.
1833 г.

– Вот ведь как выходит. Живешь и не замечаешь, что рядом идет другая, вся в хлопотах, жизнь.

Наклонился, сорвал пожелтевший цветок. Потом еще и еще один.

– Нет, большой букет собирать не стану. Он тяжел, громоздок и больше похож на охапку сена.

Решил зарисовать осеннюю красоту:

– Цветы завянут – останется рисунок. Воспоминание об этой прогулке, о прекрасном осеннем дне.

Выбрал место поудобнее, повыше. Только открыл папку, укрепил лист, как раздались веселые голоса:

– Той! Той – дюгюнь!

– Папуччы Мустафа!

Ване язык крымских татар знаком хорошо. Понял о чем речь: «Свадьба! Сапожник Мустафа женится».

Тот самый молодой парень, что пару раз чинил ему башмаки.

Мустафа громко поздоровался:

– Селям алейкум!

– Алейкум селям! – помахал рукой Ваня.

Своим друзьям жених объяснил:

– Ованес-рессам. О яхшы чалгыджы.

Что значило: «Ованес-художник. Он – хороший музыкант».

Ваня замахал обеими руками:

– Мустафа! Джан-юректен хайырлы олсун! – Поздравляю от всего сердца!

– Тешеккюр! – Спасибо!

Шумная толпа проходила мимо. Пританцовывали разгоряченные парни. Что-то весело говорили друг другу мужчины. Кто-то хлопал Ваню по плечу. Кто-то протягивал тарелку со сладостями.

Неожиданно его спросили:

–Миллетиниз недир? – Кто ты по национальности?

Перед ним стоял старик с седой бородой и в чалме.

– О эрменидир! – Он армянин! – ответил за Ваню Мустафа.

– Теляфузыныз догру, Ованес, – У тебя правильное произношение, Ованес.

– Мен Феодосия догдым. – Я родился в Феодосии, – пояснил Ваня.

– Якшы. Сен кырым тилини яхшы биле. – Ты хорошо владеешь крымскотатарским языком, – похвалил старый человек.

Улыбнулся на прощание:

– Бахтлы олуныз! – Будь счастлив!

И шумное шествие пошло своей дорогой.

Ваня расправил бумагу:

– Вот тебе совсем другая жизнь. Пришла осень, и он продолжает свою учебу. А татары к этой поре, когда окончены полевые работы, приурочили свои свадьбы.

Решил нарисовать, что увидел. Хорошо бы, конечно, понаблюдать свадьбу с самого начала. Как готовятся на стороне невесты. Какие заботы у родствен-

ников на стороне жениха. Вот бы в воскресенье вечером посмотреть, как молодежь с песнями мелет кофе. А утром в понедельник послушать пришедших музыкантов. И вместе с ними, родственниками и знакомыми жениха пойти с поздравлениями в дом невесты.

– Вот какой вышел у меня понедельник. Следует зарисовать все, что увидел, – сказал себе и принялся за работу.

Время летело быстро. Не заметил, как настал вечер. Продолжил уже дома.

Дневные наброски вот они – на столе. Какой будет будущая работа?

– Сюжет понятен – свадебная процессия. Это будет передний план. Как будет выглядеть группа, тоже ясно. А что на втором плане? Горы? Степь?

Задумался на минуту и твердо решил:

– А пусть будет море. Но это не главное. Праздничная толпа вся должна быть в движении. Сколько людей и молодых, и старых. И каждый вел себя по-особому. Моя задача через движение передать характер, настроение и даже возраст. Что, непростая задача? А ты пробуй! За работу, Ованес!

Наконец, карандашные наброски закончены. Очередь за красками.

Рисунок на глазах оживал. Вот ветер наклонил ветви деревьев. В движение пришли облака. Зашаркал ногами старик в чалме. А совсем рядом заплясали молодые друзья жениха.

– Танцуй, Мустафа! И вы, парни, идите в пляс!

В 1953 году в книге о жизни великого мариниста Н.С. Барсамов написал: «*Айвазовский в начале 1830-х гг. уже проявлял блестящие успехи в рисовании. Он много рисовал, писал акварелью. Один из рисунков, вероятно посланных из Симферополя в Академию художеств, сохранился по настоящее время. Он изображает свадебное шествие. С неожиданным для возраста художника мастерством построена многофигурная композиция. Все фигуры в движении; ритму движущейся процессии вторят крупные, легко написанные деревья второго плана и облака над морским заливом вдали. Трудно поверить, что это самостоятельная композиция гимназиста второго класса... В исполнении есть что-то общее с гравюрами из книги Сумарокова «Досуги крымского судьи», но тем не менее акварель Айвазовского выполнена с большим умением и непосредственностью*».

В доме губернатора

Способности гимназиста Гайвазовского удивляли. Его рисунки, выполненные в разной технике, поражали.

– Юноше необходимо профессиональное образование за рубежом.

– В Риме замечательная художественная школа.

Так говорили губернатор Казначеев и княгиня Нарышкина, педагоги гимназии и знакомые.

Вместе со всеми о будущем младшего брата переживал Григорий. Он видел «братца Ивана» студентом Академии художеств.

Совсем мало известно о Григории. В «Новороссийском календаре» на 1841 год

приводятся списки учителей Симферопольской губернской гимназии. Инспектором служил коллежский асессор Анастасий Иванович Смоленский. Рисование преподавал титулярный советник Иван Данилович Гросс. А в татарском училищном отделении при гимназии в графе «Учитель» значился Григорий Константинович Гайвазовский.

Это было то самое «отделение», о котором в 1806 году таврический губернатор Б.Д. Мертваго писал, что его создать крайне необходимо «... *для татарского населения к делу приобщения к интересам Российского государства*», ведь «*даже мурзы не имеют никаких знаний и многия из богатейших, грамоте не умеющия и даже языка русскага не понимающия, не могут спопешествовать установлению порядка... необходимо учить их, особенно детей мурз, вместе с дворянскими детьми*».

Существующее на то время Симферопольское малое народное училище реорганизовали. Нашли нужные средства, подобрали смотрителя и учителей.

19 мая 1809 года уездное училище открыли. За парты сели 75 мальчиков и 20 девочек.

Через три года в этом же доме распахнула двери первая в Крыму губернская мужская казенная гимназия. Что из того, что всего десять комнат в основном здании. Это ведь только начало.

Молодой учитель Григорий Гайвазовский пришелся к месту:

– И образование подходящее, и язык татарский знаете. Приступайте к работе!

17 апреля 1829 года Таврическим губернатором становится Александр Иванович Казначеев.

Продолжает службу Григорий Гайвазовский.

В 1831 году учится в первом гимназическом классе Ваня. Предметы даются легко. Но в рисовании успехи прямо таки отменные.

– Рисуй больше. Лучшие работы отправим в Академию, – советует старший брат. – Подмечай, что тебе интересно. Старайся больше бывать на натуре. Заметил я, что почти нет внутренних интерьеров. Что, не выходит?

– Мне больше пейзажи нравятся. И, конечно, море.

– А не пробовал нарисовать комнату? Обратить внимание на ее обстановку, мебель?

– Это что, гимназию? Наш класс?

– А хотя бы и гимназию. И своих товарищей. Зарисовки интерьера позволят тебе развить умение строить композицию. Ты научишься улавливать тончайшие оттенки цвета. Вот, скажем, ты решил нарисовать комнату. С чего начнешь?

– Выберу тему, выполню два-три эскиза. Только пока сложно изображать человека. Знаешь, брат, особенно соблюдать соотношение размеров головы, рук, ног с размерами всего тела.

– Это у всех начинающих так. Но с опытом дело наладится. Ты рассказывай, не торопись.

– Первым делом определю пропорции. Стены являют собой прямоугольники, поэтому выстрою перспективу.

– Хорошо. А дальше что?

К.Б. Боссоли.
Симферопольский базар.
1842 г.

– Решу, где световая, а где теневая стороны. Расставлю основные предметы.

– Тоже правильно. А детали?

– Это уже в конце. Мелкие детали, тень и полутень в полную силу проработаю в последнюю очередь.

– Все правильно. И у тебя обязательно выйдет, – поддержал Григорий.

* * *

Дом Александра Ивановича для Вани точно родной.

А место какое!

Иван Данилович как-то рассказал:

– Это не просто участок земли. В 1795 году императрица Екатерина Великая подарила его...

Он сделал паузу и благоговейно произнес:

– Самому гениальному ученому Петру Симону Палласу! О, наша гордость! О, герр Паллас! Светоч немецкой науки! Это был подарок за его труды во благо полуденного края! Через десять лет герр Паллас участок с домом уступил казне.

– Зачем? – не понял Ваня.

– О, мой любознательный друг. Ты ведь не знаешь, что в Симферополе тогда не было казенного дома к помещению в нем губернатора. А дом Палласа был прочный. К тому же вмещал в себе все выгоды, какие для жительства желать можно. Да ты и сам знаешь.

– Знаю, конечно. Немалый дом, каменный, что твой дворец.

– А хозяйство при нем какое!

– Хозяйство еще то!

Ваня перечислил:

– Домик для прислуги, с кухней. Еще каретный сарай и амбар, ледник и конюшня, кладовая и другой сарай. Все под черепицей. Стеной каменной обнесено. Вот как!

– Слышал я, что задумал Александр Иванович новый дом построить.

– И я про такое знаю.

– Так ты, Ваня, не медли. Коли интересно самому, рисунок сделай.

Гайвазовский ответил нерешительно:

– Я подумаю.

В доме губернатора Ване нравилось. Здесь он общался с семьей Казначеева и его гостями.

Здесь открывал для себя тонкости этикета и изящные манеры.

В этом гостеприимном доме зачитывался книгами и свежими столичными журналами.

И, конечно, играл на скрипке.

И, конечно же, рисовал.

* * *

Н.С. Барсамов об этом периоде жизни великого мариниста напишет: «*Пребывание Айвазовского в Симферополе запечатлено в акварели, на которой изображена гостиная в доме Казначеева. С большой внимательностью передана перспектива богатой комнаты с лепным потолком и паркетным полом. В открытую дверь видна анфилада комнат. На стенах висят портреты и картины. В центре гостиной в креслах сидят дама в черном платье и чепце, против нее мужчина в военной форме. Возле них стоит мальчик, сын Казначеева, и сам художник в гимназическом мундирчике.*

Изображение выполнено с большой тщательностью, в лицах переданы индивидуальные черты. Во всем видна острая наблюдательность и любовное отношение к работе».

В Рим или Санкт-Петербург?

Подходит к концу второй год учебы Гайвазовского в гимназии. На улице – весна. Для начинающего художника – пора ожиданий. Каким будет его путь в искусство? Где продолжит образование?

Симферополь уже не кажется, как прежде, громадным и загадочным. Увиденное перенесено на сотни листов бумаги.

Город как город. С исхоженными необычайно широкими улицами и разбросанными далеко один от другого домами. С великолепной Соборной церковью святого Александра Невского. Не случайно вознесла она свои купола в самом городском центре, недалеко от гимназии. Говорят, на этом месте великий Суворов выстроил редут при покорении будущей крымской столицы.

Городской базар – вот где восточная экзотика. По пятницам со всех окрестностей стекается народ. Везут, кто чем богат. Пестрые одежды, горы товара на любой вкус, колоритные лица торговцев – где еще такое увидишь.

У взрослых – свои развлечения. Простые горожане вечерами знай себе сидят на лавочках близ своих домов. Лузгают семечки и толкуют о жизни, о ценах и последних новостях. И спокойно смотрят на смуглого паренька с карандашом и бумагой в руках.

Рисует? Ну и ладно. У каждого свои заботы.

Дворяне и те, кто побогаче, вон гляди – по вечерам и в выходные в городском саду прогуливаются да духовой оркестр из военных музыкантов слушают. Или за городом конные скачки устраивают. Или в любительском театре спектаклями наслаждаются.

Такой он – Симферополь, губернский город, в котором Гайвазовским прожито два важных года. Ване город казался составленным из двух частей. Современная европейская половина выделялась высокими, светлыми постройками и подчинялась своему европейскому ритму.

3 - Zak-0087-88

Вторая часть – азиатская. С мечетями и восточными банями – хаммамами. С узкими улочками и низкими саклями под красной черепицей. Кофейнями, где собирались мусульмане за чашкой кофе, нардами и трубками. И татарскими бузнями, где подавалось просяное пиво – буза.

Одна часть контрастно переходила в другую, дополняла. Пройдет время, и город будет стремительно расти, удивляя путешественников и местных обитателей.

Ваня жил ожиданием перемен. Что принесет ему весна 1833-го года? Сбудется ли мечта продолжить художественное образование?

Как сказала на днях Наталья Федоровна:

– Ни я, ни Александр Иванович своими заботами тебя не оставим. Тебе надобно учиться. Не суть важно – на родине или за границей.

Отец уже обратился к директору училища Таврической губернии статскому советнику Ф.П. Заставскому. В своем письме изложил суть: «Родной мой 16-летний сын, Иван Гайвазовский, обучающийся в Таврической Губернской гимназии, отправляется ныне в Санкт-Петербург для вступления в Академию художеств и имеет надобность в свидетельстве об успехах в науках, о снабжении коего таковым свидетельством покорнейше прошу Ваше Высокородие не оставить благорассмотрением и резолюцией».

* * *

Вечереет. В теплых майских сумерках в сторону загородного дома в гости к Нарышкиным идет Ваня Гайвазовский. В одной руке – скрипка. В другой – папка с последними его рисунками.

На берегу Салгирки безлюдно. Но что это за шум?

Резво прыгая с камня на камень, перебирается через речку веселая мальчишечья компания. Враз босоногая ватага усаживается на берегу.

Отброшены в сторону длинные, аккуратно обструганные удочки. Каждый раскладывает свой улов.

Стихает шум, и рыбаки принимаются за дело.

Голоса доносятся изредка. Серьезные голоса, деловитые:

– Красноперка... Пескарь...

– Плотва...

– Зырьте, пацаны. У меня ханская рыба, – держит за жабры цветастую красавицу самый маленький из ватаги.

– Ой, ханская рыба! Пеструшка и все!

– Так я и говорю.

Смотрит на добычу, соглашается:

– Пусть пеструшка. А все одно, красивая... Ханская!

– Ты сюда глянь. Вот тебе рыба... Тарань. У кого еще есть?

Тарань никто из мальчишек не поймал.

Ваня спускается к компании:

– Что, неужто в Салгирке наловили?

– А где еще?

Один мальчишка показывает вдаль:

– Ближе к Палат-горе. Там заводи.

– У плотины, – добавляет его товарищ.

Мальчишки споро собираются, поднимают удочки. По-хозяйски, как заправские рыбаки, укладывают улов и спешат своей дорогой.

– Вот так же, наверное, сейчас в Феодосии мальчишки с рыбалки возвращаются. Хорошо им, мальчишкам, – вслух говорит Ваня.

И улыбается чему-то своему, сокровенному:

– А мне неужто худо? Повидаюсь с Натальей Федоровной, Александром Ивановичем. Там и друзья старые – Федя Нарышкин и Саша Казначеев.

Прижал к груди скрипку:

– Что играть – знаю. Гостям моя музыка по душе. Новые рисунки покажу, которые Иван Данилович отобрал.

Вспомнил почему-то рассказ учителя об академике Палласе, археологических раскопках в Керчи.

Как все переплелось на этой земле. Имение ученого Петра Палласа после его смерти приобрела Наталья Федоровна Нарышкина, урожденная графиня Ростопчина. Ее муж Дмитрий Васильевич Нарышкин приходился родственником генерал-губернатору Новороссийского края М.С. Воронцову. В 1823 году Нарышкин становится Таврическим губернатором. А еще через три года возводит в имении прекрасный дом-дворец с великолепной мебелью и интерьером. Украшает его живописными полотнами и скульптурами, вазами и светильниками. Вход поставил охранять мраморных львов, точь в точь, как в Алупкинском дворце. Отличное убранство комнат говорит не только о вкусе Нарышкиных, но и об их достатке.

Правда, без помощи и денежного участия Воронцова вряд ли можно было сотворить «Дворец в Салгирке». Да только ли дворец?

Новые хозяева благоустраивают роскошный сад. А рядом с домом строят вычурный кухонный корпус в стиле Бахчисарайского дворца.

Все бы хорошо, но раны, полученные Дмитрием Нарышкиным во время войны с Наполеоном, дают о себе знать. В 1829 году он умирает. Без отца остаются трое сыновей – Федор, Анатолий и Сергей.

Но жизнь продолжается. Дом посещают путешественники и ученые, писатели, художники, чиновники.

Со временем Наталья Федоровна имение продаст Воронцову. С той поры «Дворец в Салгирке» получит новое имя – Воронцовский.

Но это будет позже, а сейчас...

Сейчас перед дворцом светло. Ну не так светло, как днем, а светло разноцветно, по-праздничному.

– Иллюминация! Иллюминация! – кричит кто-то рядом.

– Иллюминация! – радостно повторяет Ваня.

Прелестные сумерки дворцового парка плавно перетекают в цветное облако. Оно перед парадным в раскидистых кронах деревьев.

Облако-праздник!

И только подойдя ближе к массивным дверям, Ваня разглядел его внимательно. Там плавали дюжины громадных светлячков. Крайние из них норовили спрятаться в темноте. Иные беспечно колыхались на нижних ветках.

Юноша, не в силах отвести взгляд, смотрел вверх. Страстно прижал к груди скрипку и папку с рисунками:

– Вот это да! Праздник! Конечно же, это праздник!

Это сказал еле слышно он – Ваня. Думал, что сказал про себя. Вышло не про себя. Вышло так, что его услышали.

– Да, господин гимназист! Истинно праздник. Впечатляют фонари на проволоке? – спросил статный господин в цилиндре.

Почему фонари? Почему на проволоке?

Присмотрелся к иллюминации. Что из того, что это не светлячки. Пусть фонари из грубого стекла. Одна полоса – красная, другая зеленая. Пусть в гнездах с зубчатыми краями горели простые свечи.

Все равно это праздник со сказочным светом в летящем эфире.

Этот мягкий огонь от стеклянных фонарей освещал широкие ступени. Ваню встречали красно-сине-зеленые фигуры гривастых львов.

И он представил себя в эту минуту далеко-далеко. Может быть, в загадочной Италии? А может, в холодном Санкт-Петербурге? Его окружают заботливые учителя. И он рисует, рисует...

* * *

Он присел на большой мягкий стул с резной спинкой. По привычке поставил скрипку на колено. В нарядном, ярко освещенном зале на него устремились десятки взглядов. Стихли голоса, и смычок привычно вывел первую ноту. Пальцы уверенно прошлись по струнам.

Это была старая армянская мелодия. Одна из тех, что играл гостям отца в Феодосии. Звуки разливались неспешно, а он глазами искал знакомые лица. Он выводил для них грустную восточную тему. Смычок послушно и плавно менял интонации.

В эту минуту в зале не было равнодушных. Дамы в изысканных нарядах, солидные господа в темных костюмах были во власти музыки. Это он, скромный армянский юноша, привлек все их внимание. Своей искусной игрой заставил задуматься и помолчать.

Его слушали, ему апплодировали.

А он находил все новые мелодии и скромно кланялся:

– Благодарю, господа! Благодарю!

Выступали приглашенные артисты. Прекрасно владея голосом, пела Варвара Аркадьевна Башмакова, урожденная княгиня Суворова. Слушала восторженные отзывы и складывала на крышку рояля пышные букеты цветов.

Что-то веселое рассказывала Наталья Федоровна Нарышкина.

А один из гостей – знаменитый врач, один из ведущих специалистов русской армии Федор Карлович Мильгаузен так и вовсе озадачил вопросом:

Дом Воронцова — «Дворец в Салгирке».
Фото 1910-х гг.

– А не думали вы, юноша, вместо живописи всерьез заняться музыкой?

Ваня ответил что-то такое, чем вызвал добрые улыбки на лицах всех, кто стоял рядом.

Доктор улыбался со всеми:

– Похвально, юноша, похвально. При случае жду в гости. Мой дом открыт для людей неординарных.

Пройдет всего чуть больше десяти лет, и крымчане будут отмечать 50-летие врачебной деятельности своего выдающегося земляка. Среди подарков юбиляру выделится особый. Великолепную серебряную вазу будет украшать рисунок известного в Европе и России молодого художника из Феодосии Ивана Айвазовского.

Но это будет потом, в 1846 году.

А сейчас во дворце шумит бал.

Ваня выждал момент и подошел к беседующим в сторонке Казначееву и Нарышкиной:

– Вот принес, как обещал. Это из последних...

Пусть вокруг шумит праздник. Пусть кружатся в танце веселые гости.

Один за другим ложатся на стол рисунки.

– Неплохо. Весьма неплохо.

– И этот сюжет интересен. Каково подмечено!

Александр Иванович аккуратно сложил работы в папку:

– Свидетельство из гимназии об учебе и успеваемости получили. Прочие документы тоже подготовлены. Теперь вот вместе с рисунками направим в Москву архитектору Тончи. Будем просить его содействия для отправления тебя для художественного обучения в Рим.

Ваня слушал и не верил. Кружилась от счастья голова. Что-то щемило в груди. Он чувствовал, что краснеет. Хотел что-то ответить, а не мог. Почувствовал только, что по щеке побежала слеза.

– Ванечка, ну что ты. Уймись, мой хороший, – успокаивала Наталья Федоровна.

– Держись молодцом, художник, – положил на плечо руку Александр Иванович.

А дворцовыми залами вдруг понеслось:

– Фейерверк!

– Фейерверк, господа!

Вот так вместе, как стояли, разом, втроем заспешили на улицу.

А разноцветно взрывающееся, вращающееся и стреляющее зрелище, казалось, только и повторяло:

– В Рим! В Рим!..

Перед глазами вспыхивали снопы искр, пляшущие и летящие в никуда огненные шары, павлиньи хвосты и еще невесть что. Тут тебе и простые ракеты, и римские свечи, и бураки, шутихи...

И срабатывала память художника. Этот пестрый коловорот оставался где-то на ее задворках. В чем-то подсознательном, что можно было при желании разбудить. А растормошив ночные эмоции, восстановив вспышки в синеве бархатной тем-

ноты, всколыхнуть глубины памяти. Уже тогда, без труда, увиденное ночью, мог перенести на бумагу. Благо дома ее целая стопа. И карандаши, и пестрая палитра водяных красок.

* * *

Домой Ваня возвращался уже под утро. Ночной фейерверк запомнился в деталях. Но праздник ушел. В обгоревших рейках, веревках и проволоках уже не виделся минувший карнавал. То был скелет, недостойный внимания.

Выискивал взглядом пустые гильзы ракет. Эти синие трубки еще пахли гарью. Но их не заставишь ожить. Они выполнили в этой жизни свой долг. Вспыхнули, поразили, ослепили, вдохновили, осчастливили и... умерли.

Так устроена жизнь. У каждого в ней свое предназначение. Художник ведь тоже не просто копирует увиденное. Он поражает, ослепляет, вдохновляет. Но надо учиться!

Надо слушать добрейшего Ивана Даниловича. Сколько раз он говорил о динамике и силе настроения. Следует больше рисовать. Смотреть на других и становиться лучше.

Он сможет! Он будет стремиться, чтобы его работы вспыхнули, вдохновили и осчастливили...

Тончи... Рим... Или северная столица?

Как это сложно. Но к этому нужно идти.

Ваня подбросил носком ботинка пустую гильзу. Та, постукивая, покатилась по камням. А перед глазами стоял праздник.

Он сможет! Он будет художником!

Четыре важных документа

Как известно, чтобы достичь цели, одного желания мало. Что же нужно еще? Талант. Это во-первых.

Стремление идти к цели. Это второе.

Работоспособность. На третьем месте.

Везение, случай, поддержка близких людей.

Еще счастье оказаться в нужное время в нужном месте. Пусть это будет четвертой составляющей.

Если все складывается вместе, тогда и сбывается мечта. Так сложилось и у простого армянского паренька из простой крымской семьи.

Один из первых в его жизни документов подводил итоги его двухлетних гимназических стараний: *«Ученик Таврической гимназии 2-го класса из мещанского звания – Иван Гайвазовский, поступив в Таврическую гимназию в 1831 году августа 15 дня, обучался в первых двух классах оной по нижеописанное число, как из*

засвидетельствования учителей гимназии явствует, российской грамматике и логике, всеобщей российской истории и географии, начальным основам алгебры и геометрии, начальным правилам немецкого языка с успехом изрядным, начальным правилам латинского и французского языков – с хорошим, начаткам зоологии и линейному рисованию – с очень хорошим, вообще рисовальному искусству – с превосходным…».

В этом гимназическом свидетельстве есть признание и стремления, и работоспособности Гайвазовского.

А превосходные успехи в рисовальном искусстве! Это ведь заслуги не только ученика, но и его учителя Ивана Даниловича Гросса.

А главное – признание таланта.

Долго ли, коротко ли, на стол министру Императорского Двора князю Волконскому лег документ.

Прочел князь бумагу:

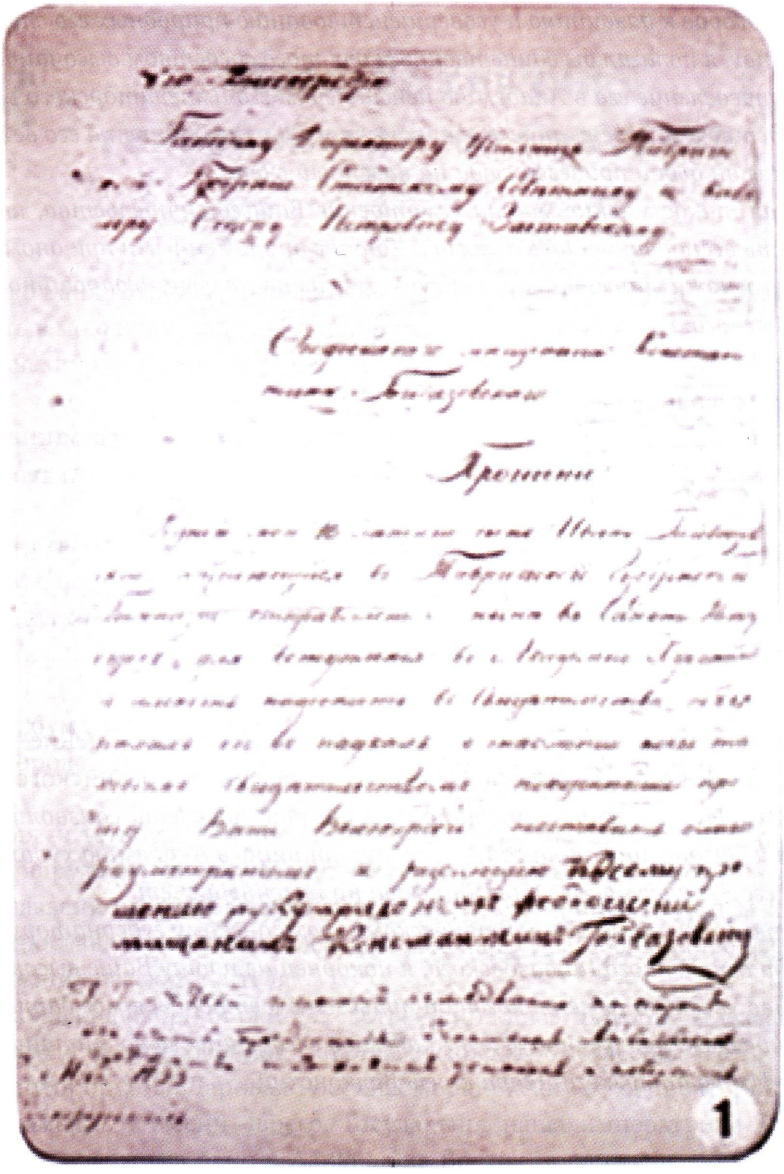
– Откуда? Из Москвы. Интересно, интересно, про что пишет в прошении любезный живописец Тончи? Хлопочет о юном даровании из полуденного края? Благородно!

Задумался министр:

– Спехом такие дела не делаются. Кто у нас живописцами опекается? Граф Оленин. Прикажу отписать ему.

Через несколько дней президент Императорской Академии художеств, член Государственного совета, действительный тайный советник Алексей Николаевич Оленин получил такой запрос: *«9 июля 1833 года. По высочайшему повелению препровождая при сем на рассмотрение всеподданнейшее прошение живописца коллежского советника Тончи, при коем представляя на высочайшее благоусмотрение выписку из полученного письма от жены действительного статского советника Нарышкиной из Симферополя, и при оном рисунок, сделанный с натуры сыном армянина из Феодосии Иваном Гайвазовским, просит об отправлении его в Рим для обучения живописи, я покорнейше прошу Ваше высокопревосходительство уведомить меня, нельзя ли наперед взять Гайвазовского в здешнюю Академию художеств, а вместе с тем и возвратить означенные бумаги и рисунок. Министр Императорского Двора князь Волконский».*

Что время тянуть? К важной бумаге семидесятилетний, умудренный опытом, президент Академии отнесся со всей серьезностью. Потому не замедлил с ответом: *«13 июля 1833 года. На предписание Вашего сиятельства от 9-го сего июля за № 2719 насчет сына армянина из Феодосии Ивана Гайвазовского, имеющего отличную способность к художествам, честь имею уведомить Вас, милостивый государь, что молодой Гайвазовский, судя по рисунку его, имеет чрезвычайное расположение к композиции, но как он, находясь в Крыму, не мог быть там приготовлен в рисованьи и живописи, чтобы не только быть посланным в чужие края и учиться там без руководства, но даже и так, чтобы поступить в штатные академисты Императорской Академии художеств, рисовать хорошо, по крайней*



Прошение Г.К. Айвазовского за 1833 год.

мере с оригиналов человеческую фигуру, чертить ордена архитектуры и иметь предварительные сведения в науках, то дабы не лишать сего молодого человека случая и способов к развитию и усовершенствованию природных его способностей к художеству, я полагал бы единственным для того средством высочайшее соизволение на определение его в Академию пенсионером его императорского величества с производством за содержание его и прочее по 600 р. из Кабинета его величества с тем, чтобы он был и привезен сюда на казенный счет.

Предавая такое мнение мое на усмотрение Вашего сиятельства, имею честь возвратить всеподданнейшее письмо г. Тончи с приложенными при оном выпиской из письма госпожи Нарышкиной и рисунком действительного даровитого мальчика Гайвазовского. Президент».

Наконец!

Наконец, свершилось!

А российский государь, покровитель Императорской Академии художеств, Николай Первый дал свое согласие на обучение Гайвазовского в Академии.

А Италия?

– По моему мнению, будет очень полезно обучить сего способного отрока сперва здесь, а не в Италии. А за границу отправить через шесть лет, – решил граф Оленин.

* * *

Но был еще один, четвертый, важный документ. Это сообщение князя Волконского президенту Академии художеств о решении российского царя: «*22 июля 1833 года... государь император высочайше повелеть соизволил: ... сына армянина из Феодосии Ивана Гайвазовского принять в Академию художеств пенсионером его величества и привезти сюда на казенный счет.*

Вследствие сего отнесясь к Таврическому гражданскому губернатору о доставлении сюда означенного Гайвазовского, я покорнейше прошу Ваше высокопревосходительство уведомить меня, когда он привезен будет, дабы я мог дать Кабинету предложение о ежегодном отпуске в Академию следующих за воспитание его денег. Министр Императорского Двора князь Волконский».

Императорская Академия художеств.

Просьба внучки генералиссимуса Суворова

К поездке Ваня готовился основательно. Это не просто дорога в столицу.

– Это путь в мою новую жизнь! – говорил себе.

Собирал нехитрые пожитки. Прощался с друзьями и представлял города, которые увидит.

Перво-наперво, конечно, Петербург.

– Как ты меня встретишь? Как пойдет учеба в Академии? Не строги ли будут учителя?

Уверенно и твердо сказал:

– Все у меня получится!

Представить только – три недели путешествия! Так далеко уезжать еще не приходилось. Сперва думал, что от Феодосии до Симферополя путь ох какой неблизкий. А тут – в Петербург!

Заготовил бумагу, карандаши:

– Какие города увижу! Сколько мест новых открою! Зарисовать следует побольше!

Не ленился читать все, что попадалось под руку. Старался запомнить все, что касалось маршрута будущей поездки. Взять хотя бы Екатеринослав…

Звучное название, гордое. На уроках российской истории не раз о нем говорили.

– Екатеринослав! Какой ты, город славы императрицы? – спрашивал себя.

Ваня вспомнил рассказ учителя:

– Аки сокол дальнозоркий окинул светлейший князь Григорий Александрович Потемкин земли благословенной Тавриды. Изрек громогласно: «Петр Великий окно в Европу прорубил. Даровал России к морю-океану путь просторный. Миру явил град каменный имени своего. Государыня наша императрица Екатерина Великая идеею одержима окно в Азию да на Восток проложить. Дорогу к Морю Черному иметь желает. Никто из правителей многосильных турков из Европы не выгнал. А матушка наша полчища османские одолела. Еще и казаков запорожских осилила. Токмо за возведением новой столицы полуденной дело стало».

Как-то гимназист Гайвазовский вычитал, что уже полсотни лет тому имел город четыре церкви. Понятное дело, русскую православную. Еще греческую, армянскую и католический костел. А на воскресные торги возили свой товар не только окрестные жители. Нередко наведывались даже продавцы из Крыма.

Вот только беда: что не весна, затопляла вода молодой город. И речка Самара оказалась мелководной. Большим торговым судам не подойти.

Тогда царица Екатерина повелела:

– Место для устройства нового города избрать на высоком правом берегу Днепра. Где быть – укажет его светлость генерал-губернатор Екатеринославский, Саратовский и Астраханский, князь Григорий Александрович Потемкин.

Тому дважды приказывать не нужно. Рукава засучил да за работу взялся.

Правителю Екатеринославского наместничества генерал-майору И.М. Синельникову в сентябре 1786 года написал:

«… Вашему превосходительству рекомендую переместить тот уездный город… на возвышеннейшее место, предоставя купцам, в оном живущим, полную свободу селиться там или в новом Екатеринославе… Живущих же там армян всех перевесть в оной губернской город, доставя выгоды и помощь со стороны казенной к переселению их».

А вскорости князь Потемкин представил императрице собственноручно начертанный «проект города Екатеринослава».

Ваня Гайвазовский читал исторический документ, а воображение рисовало просторные и светлые улицы, величественные здания и праздничный радостный город.

Ведь как писал в «проекте» Потемкин: *«Всемилостивейшая государыня, где же инде, как в стране, посвященной славе вашей, быть городу из великолепных зданий. А потому я и предпринял проекты составить, достойные высокому сего града названию. Во-первых, представляется храм великолепный, посвященный Преображению Господню, в знак, что страна сия из степей бесплодных преображена попечениями вашими в обильный вертоград, и обиталище зверей в благоприятное пристанище людям, из всех стран текущих… Как сия губерния есть военная, то призрение заслуженным престарелым воинам – дом инвалидной со всеми возможными выгодами и с должным великолепием. Дом губернаторской, вице-губернаторской, дом дворянской и аптека. Фабрика суконная и шелковая. Университет с академией музыкальной. Для всех строений довольно всяких припасов приготовлено».*

Ваня закрыл глаза:

– Университет… Храм Преображения Господнего… Театр… А еще дом губернаторский, не хуже, чем у Александра Ивановича в Симферополе.

О мечтах всесильного фаворита императрицы воздвигнуть огромный, блещущий богатством и величием Екатеринослав не один год ходили слухи.

– Каков же ты, памятник деяний великой Екатерины? – не раз спрашивал себя будущий художник.

Но пора пришла – простился с Симферополем Ваня Гайвазовский. Вместе с семейством княгини Варвары Аркадьевны Башмаковой, внучки генералиссимуса Суворова, тронулся в путь.

Стучат копыта. Катит битым шляхом конный экипаж.

День прошел – за окном растаяли вершины горные. Не задувает ветер запахи Сиваша.

Еще день прошел, и еще. Потянулись степи, что нет им ни конца и ни края.

Как остановка случается, Ваня за дело:

– Отдохну немного, порисую!

Вот проехали Никополь. А тут уж и до Екатеринослава рукой подать.

Наконец, долгожданная остановка.

Высоких гостей радушно встречал губернатор Никанор Михайлович Лонгинов:

– С приездом! Как доехали?

Отдал честь главе семейства – Дмитрию Башмакову. Как-никак, князь – адъютант самого М.С. Воронцова.

Приветствия и рукопожатия, обычные в таких случаях любезности завершились приглашением:

– Милости просим отобедать!

Ваня, не избалованный подобными приемами, был в восторге от изысканного обеда, данного в честь семейства Башмаковых.

Потом, как было принято, высоких гостей повезли в мужскую классическую гимназию.

А Варвара Аркадьевна улучила минутку:

– Ванечка, любезный! Не откажи срисовать вид города! Лично для меня!

– С радостью! Конечно же! Только принадлежности возьму!

Времени было вдоволь. С ночлегом определились. В путь решено было тронуться на утро.

Ваня брел пыльными улицами города, а в глазах стояло разочарование:

– Как же так? Где роскошь и блеск града императрицы?

Он смотрел на стены деревянных оштукатуренных и глинобитных домишек. А память восстанавливала слова Потемкина об университете и музыкальной академии.

Он шел мимо покосившихся, старых от времени деревянных заборов. И все искал сюжет для будущего рисунка.

Высматривал интересное место, которое хотелось бы перенести на бумагу.

Увы!

– Не рисовать же купеческие дома в один-два этажа. А кругом хаты и хаты. Такое где хочешь увидишь. Где каменные дворцы, обещанные Потемкиным?

Хотя, если правду сказать, есть постройки из кирпича. Это корпуса суконной фабрики.

Побродил Иван по развалинам Потемкинского дворца, а настроение праздника никак не приходило.

А без настроения какой тебе рисунок?

Вышел на центральный проспект – Большую улицу:

– Что там вверху строится? А, кафедральный Преображенский собор.

Присмотрелся:

– Уж больно пустынна нагорная часть. А дома, что твоя река, потоком спуска-

ются вниз. Да вовсе это неприглядно. Хорошо хоть на улице сухо. Говорят, что после дождя по Большой не пройти – грязь по колено.

Ваня приготовил бумагу:

– Пусть в центре будет улица. Вот она сбегает с крутого холма. А справа и слева высокие, в два, а то и в три этажа, дома каменные. Добавим пожарную каланчу и длинные торговые склады. Это справа. А слева еще домов прибавим. И просторную площадь для ярмарок.

Юный художник критически осмотрел рисунок:

– А что, не худо. Не забыть губернаторский дом. В нем бывал Пушкин и семья генерала Раевского. Добавим движение.

И нарисовал идущих пешеходов и конные экипажи.

– Получилось? – спросил себя.

И сам себе ответил:

– Вышло недурно!

И в подтверждение своих слов услышал за спиной:

– Экой юноша умелый!

– Справно начертал!

Рядом стояли двое аккуратно одетых молодых мужчин. Один из них приподнял в знак приветствия шляпу:

– Отменно вышло. А что приукрасили малость – не беда. На то вы, юноша, и художник!

Ваня улыбнулся:

– Благодарю великодушно!

А сердце стучало: «Художник! Художник!».

Сложил аккуратно карандаши с бумагой:

– И пусть на рисунке отнюдь не то, что предстало взору. Пусть картина радует благодетельницу Варвару Аркадьевну.

Ну и что из того, что медленно, не как думалось, рос город.

Что из того, что после смерти Екатерины и Потемкина о Екатеринославе вроде как забыли.

Пусть из задуманной столицы Новороссии стал он глухой провинцией.

Это ведь только сегодня здесь жизнь еле теплится. И год 1833 неурожайный и голодный.

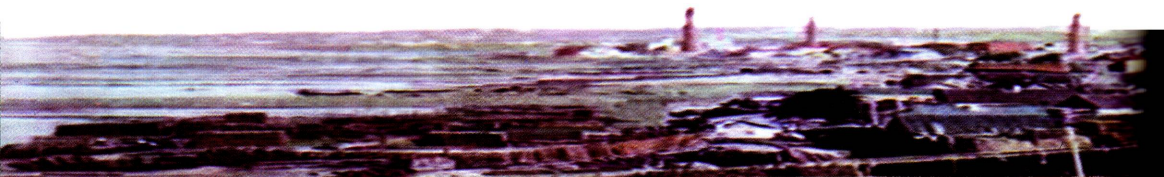
– Настанут иные времена. Еще краше нарисованного быть Екатеринославу!

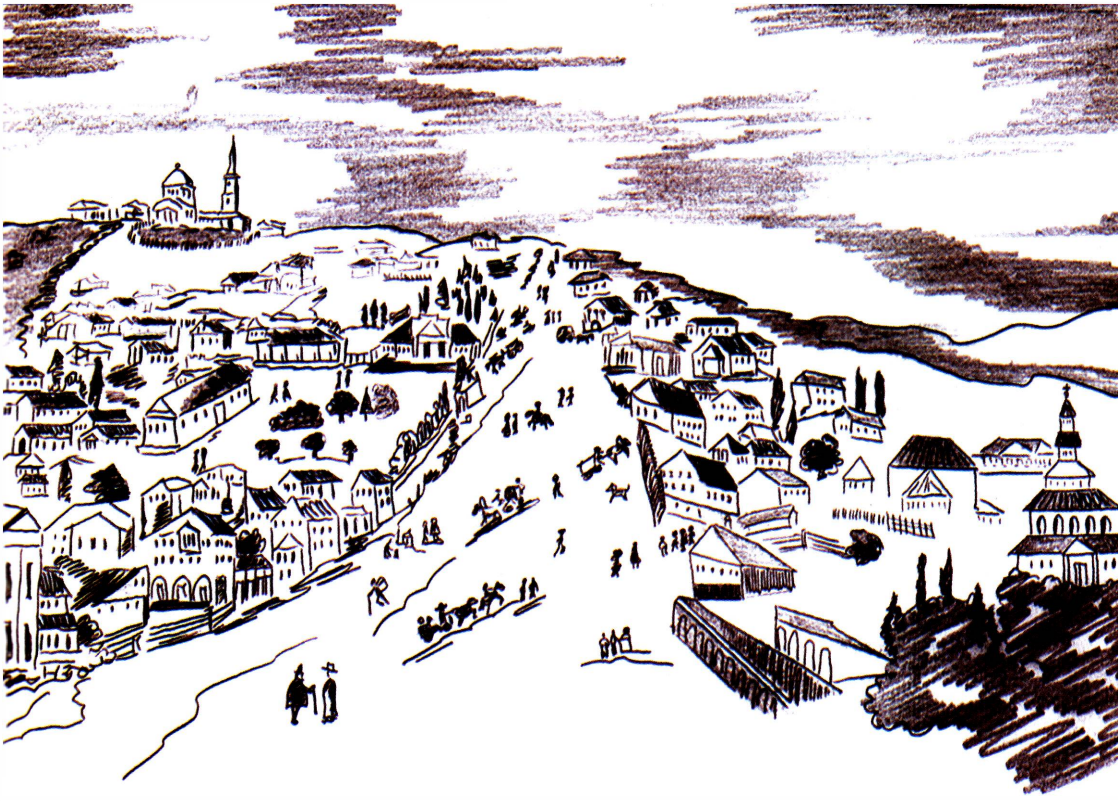
* * *

Пройдет много лет. Немолодая уже княгиня Башмакова станет восстанавливать в памяти прожитые годы. С нежностью возьмет пожелтевший листок. Рисунок как рисунок. Такой себе путевой набросок подающего виды юноши.

– Ах, милый Ванечка. Сколько же мне тогда было?

Задумается. Вспомнит то далекое путешествие. Как славно общались дети. Как увлеченно рисовал Ваня.





И.К. Айвазовский.
Вид Екатеринослава.
1833 г.

Станет подписывать рисунок: «Рисовал для меня…».

Рука потянется вывести такое знакомое слово: «Ванечка». Остановилась.

* * *

В своей книге «Иван Константинович Айвазовский», вышедшей в Москве в 1962 году, Н.С. Барсамов напишет: «*Она сохранила его детский, ничем, в сущности, не примечательный рисунок и позднее, когда Ваня Гайвазовский стал Иваном Константиновичем, сделала на рисунке следующую надпись: «Рисовал для меня Ив. Конст. Айвазовский с натуры Екатеринослав в 1834 году на пути в П-бург с В.А. Башмаковой». Надпись сделана была, видимо, много лет спустя после исполнения рисунка, так как дата указана ошибочно. Позднее этот рисунок вернулся в семью Айвазовских, откуда он поступил в Феодосийскую галерею*».

Один из лучших

Из ста двадцати товарищей моих по Академии – прилежнейшие в науках оказались, как художники, самыми посредственными, и, разумеется, наоборот: из так называемых «лентяев» выработались художники замечательные.

Из воспоминаний И.К. Айвазовского.

Закончился долгий путь.

– Вот и славно.

Радостно бьется сердце в ожидании встречи:

– Здравствуй, город Петра!

А за окном проплывают торжественные ряды дворцов, ровные, точно по струнке, проспекты. Серебристо-холодным взглядом, укрывшись за серым гранитом набережной, встречает юношу Нева. И свинцовое небо с холодными облаками. И гулкая серая булыжная мостовая.

С непривычки Ваня поежился. От окружающего величия веяло немой торжественностью.

– Вот мы и дома, Ванечка, – теплый голос Варвары Аркадьевны оторвал от окна.

– С приездом, – встречают у особняка Суворовых-Рымникских домашние.

Он здоровается, почему-то смущается встрече с незнакомыми людьми. А взгляд убегает к кораблям со сложенными парусами, юрким баркасам на речной глади.

И не терпится быстрее пройтись этими широкими улицами. Постоять на берегу такой не похожей на Черное море реки.

– Первые дни поживешь у нас. Пока не решится с твоей квартирой в Академии, – кладет руку на плечо Варвара Аркадьевна.

– Да, спасибо…

И он идет в какую-то спальню, садится за богато сервированный стол. Он здесь, конечно же здесь, в этом гостеприимном особняке.

А мысли? Какие у тебя мысли, академист Гайвазовский?

Да что спрашивать? Они рвутся наружу, где теплый августовский ветер и знакомая прохлада волны.

Вместе с добрейшей Варварой Аркадьевной знакомится с городом. Про себя отмечает: «Как много она знает о Санкт-Петербурге».

– До начала занятий время есть, – доносится откуда-то издалека.

Кто это сказал? Ну конечно, это Варвара Аркадьевна. Вот она показывает в сторону Адмиралтейства. Что-то объясняет. Они прощаются. Теперь он один. Вот уже в пути.

– А что там за поворотом? А что это за дворец по соседству?

Что время терять? Пользуйся, Ваня, свободой. Смотри во все глаза, запоминай.

Спроси его, сколько он бродил по этому замечательному городу, вряд ли он ответил бы вразумительно. Он не замечал времени. Он был счастлив.

В следующие дни возвращался на одно и то же место, знакомое со вчерашней или позавчерашней прогулки. Но с первых минут решил твердо:

– Спрашивать дорогу не буду! Сам разберусь!

Прислушивался к разговорам прохожих. А глаза воспринимали увиденное с пониманием свершившегося:

– Начинается новая жизнь! Начинается на новом месте, в городе великого Петра I.

Далеко глядел царь Петр.

Ох, далеко!

16 мая 1703 года заложил государь на берегу Невы крепость. Назвал ее на голландский манер Санкт-Питер-Бурх. Название выбрал не случайно – в честь Святого апостола Петра.

А тут вдруг первая сенсация! Шел ноябрь 1703 года.

– Важнейшее событие в жизни нового города!

– Корабль! Торговый корабль пришвартовался!

– Все на пристань! Голландцы товар привезли!

Шкиперу-капитану корабля на радостях царь 500 золотых вручил:

– С почином!

Растет крепость на Заячьем острове. Рядом город молодой поднимается.

Вот только народу русскому названия иностранные выговорить, что тебе наказание принять.

Крепость стали называть по-своему: Петропавловская.

А город и того проще: Питер или Питер-град.

Принял царь сторону народа и поменял название. Стал именоваться с 1720 года город Санкт-Петербургом.

За несколько лет до этого объявил Петр:

– С 1712 года провозглашаю новый город столицей Российской империи! Из Москвы перенести сюда весь мой царский двор и все официальные учреждения!

Нравится кому или нет, а те из людей, кто посмышленнее, государеву волю одобряют:

– Вот и повернулась Россия к Западу!

– Спасибо царю-батюшке, прорубил окно в Европу!

Люди друг дружке пересказывают:

– Слыхали, как крепость поднимали, так царь Петр самолично первый камень заложил!

– Это все знают. А что в этот самый час в небе орел парил, слыхали?

– Как не слыхать? Сами не видели, но люди про то сказывают. Хорошая примета.

Услышал эту легенду Ваня Гайвазовский и не поймет:

– А ведь орлы в этой местности не водятся. И еще говорят, что царь в это время был в Лодейном поле. Там строились корабли для будущего Балтийского флота. Было или не было, не важно. Легенда и есть легенда. Значит, по нраву она пришлась солдатам и матросам, местным жителям русских и чухонских деревень, переселенцам из других российских мест.

Царь пригласил талантливых архитекторов и инженеров. И в подтверждение державных замыслов руками тысяч крепостных поднялись величаво Адмиралтейство и Кронштадт, Александро-Невская лавра и Петровские ворота, Летний дворец Петра I и Петропавловский собор в Петропавловской крепости.

А еще государь строго-настрого на несколько лет запретил каменное строительство по всей стране, кроме новой столицы.

Каменщикам деваться некуда – поехали в Петербург.

Хочешь въехать в город? С каждого воза уплати «каменный налог». Значит, привези с собой несколько камней.

Растет столица, становится краше и краше.

А какая столица без художественной Академии?

У итальянцев есть?

Это Академия Святого Луки в Риме. Год рождения – 1593.

У французов есть?

Еще в 1648 году открыли Королевскую Академию живописи и скульптуры в Париже.

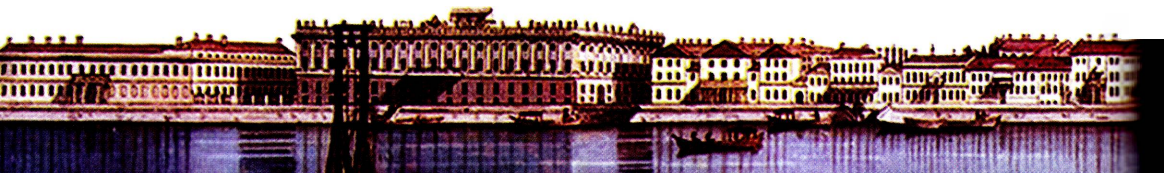
Есть Болонская и Флорентийская Академии, Венская и Берлинская. А Российской нет.

Твердо засела мысль о будущем храме искусств у царя Петра.

Дело до проекта дошло.

Не успел.

Мечте Петра I суждено было сбыться уже после его смерти. Спасибо стараниям И.И. Шувалова и М.В. Ломоносова. Это они посчитали правильным устроить ее под началом Московского университета. Так указом Сената от 6 ноября 1757 года родилась Академия трех знатнейших художеств – живописи, скульптуры и архитектуры.



Через год в Санкт-Петербуре начались занятия в особняке Шувалова на Садовой улице. Своего помещения у учеников на первых порах не было.

В 1764 году следует ее преобразование в Императорскую Академию художеств «с особенными привилегиями и уставом».

Новоселье питомцы Академии отпраздновали в 1789 году. Великолепный трехэтажный комплекс стал украшением Васильевской набережной.

В учебных аудиториях зашумели голоса лучших выпускников российских гимназий.

Истинные самородки, в большинстве своем, показавшие незаурядные способности, горящие желанием учиться, прибыли в город на Неве. Прибыли, чтобы со временем встать в ряд лучших российских и европейских мастеров живописи, ваяния и зодчества.

Был среди них и скромный юноша из маленького южного города. Мечтал ли он стать лучшим из лучших?

Это ли важно?

Главное, Иван Гайвазовский хотел учиться.

Каждый вечер он возвращался в свою маленькую комнатку в дальнем крыле Академии. В ушах еще стоял шум городских улиц, а мыслями он был уже в классе: «Научиться писать так, как это умеют лучшие».

Кажется, только уснул, а на дворе уже светает.

– Подъем! Подъем, господа ученики! Уже пять часов! – под звук медного звонка ворвался из коридора немолодой голос.

– Ура! Начинается мой первый учебный день! – подбежал к умывальнику Ваня.

Холодная вода сбросила сон. Окончательно проснулся, застелив аккуратно кровать. Одел выглаженный с вечера академический мундир:

– Хорошо-то как!

А из коридора несется:

– Господа ученики! Все на утреннюю молитву!

И уже после скромного завтрака шумная толпа учеников расселась в просторном классе.

Юноши были такими одинаковыми в своей строгой казенной «экипировке». Но, одновременно, такими непохожими внешне и по своей манере держаться.

Отметил для себя: «Какие все разные».

А преподаватель уже начал перекличку. Ваня решил запомнить всех, но не получилось. Разве что некоторых.

По алфавиту перед Гайвазовским назвали фамилию Воробьева.

Запомнил. Правда не потому, что фамилия запоминающаяся, а потому, что у юноши было совсем необычное имя:

– Сократ – так звучит величаво. Как, интересно, его звала нянюшка в детстве?

Список их класса завершали фамилии двух молодых людей, на которых он сразу почему-то обратил внимание:

– Не выговорить сразу: Шамшин и Штернберг. Ничего, привыкну.

Занятия начались в семь. Он ожидал урока рисования. Он вообще представлял все будущие годы учебы сплошным уроком живописи.

С утра до вечера!

Только живопись и ничего более!

Вышло совсем прозаично. Алгебра чередовалась с географией. На смену русскому приходила история.

Через неделю-другую раздался первый ропот:

– Слава Богу, эти предметы только до обеда. После хоть рисовать дают.

Горячие головы тихо возмущались:

– Целых пять часов общеобразовательных наук!

– Мы что, сюда приехали формулы учить?

Кто-то был не столь категоричен:

– Друзья, это же для нашей пользы. Художник должен быть всесторонне образованным.

– Следует прилежно относиться ко всем дисциплинам.

И снова голоса недовольных:

– Художник рисовать должен, а не падежи со склонениями зубрить!

– Не станем побочные уроки выполнять! Даешь рисование!

Лагерь «лентяев» был непоколебим. В противовес прилежные ученики своих позиций сдавать не собирались. Но и те, и другие с двенадцати до трех увлеченно работали красками.

А вечером в классе зажигались свечи и начинались уроки рисования.

К девяти часам шум в коридорах затихал.

И так изо дня в день.

Кто-то скажет:

– Утомительно и однообразно.

Только ученики с этим уж никак не согласны. Они увлечены любимым делом. Все их мысли заняты творчеством. Каждый день дарит им радость открытия.

Новичков с первого дня разделили на классы живописи, скульптуры и архитектуры.

– Гайвазовский!

– Я.

– Распределяетесь в класс профессора Воробьева.

Академисты зашушукались:

– Того самого…

– Ученика Алексеева и Иванова…

– Максим Никифорович – знатный пейзажист.

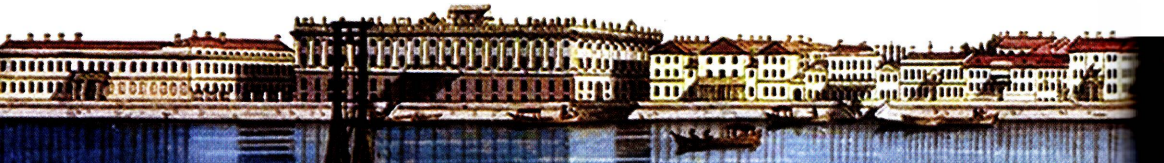
Ваня тогда еще пожалел:

– Это плохо.

На него зашумели:

– Да ты что! Это ж сам Воробьев!

– Ты его картин не видел.



Такой увидел Академию шестнадцатилетний Ваня Гайвазовский.
Рисунок XIX в.

Ваня парировал:

– Я в класс морской живописи хотел.

Оказалось, что классов морской живописи просто не было. Это направление в изобразительном искусстве причислялось к пейзажам. А профессор Воробьев был в числе самых крупных российских пейзажистов того времени. Он много путешествовал, мастерски перенося на холст увиденные достопримечательности. Это он заложил элементы нового направления – романтической живописи.

Для начинающего художника Гайвазовского особый интерес представляли написанные преподавателем первые русские марины и морские баталии. Его «Буря на Черном море» и «Вид Одессы», «Взрыв под Варной», «Русский флот под Варной» и другие стали для него примером в изучении живописи.

Опыт Воробьева в точности изображения предметов и местности, изучения обстановки, в которой происходят события, знакомство с конструкциями боевых кораблей, помогали становлению начинающего мариниста.

А с каким восторгом рассказывал Максим Никифорович о наследии художников прошлого! Как зажигались его глаза, когда перед классом ставилась задача нарисовать окружающую природу:

– Восторгайтесь ежеминутно! Пусть ваше воображение поднимает вас в облака! Изучайте постоянно и любите матушку-природу! Прочувствуйте сердцем все ее изменчивое состояние!

– Творите! – призывал он своих питомцев.

Старый профессор был истинным педагогом. Так же, как его ученики, мог обсуждать академические новости и городские события.

В окружении жаждущих открытий юношей он сам становился моложе. А те отвечали взаимностью.

Частенько в выходные академисты собирались в гостеприимном доме профессора. Такие встречи хозяин приветствовал еще и потому, что среди учеников был и его сын – Сократ.

Максим Никифорович наизусть читал любимых поэтов. Гости читали свое. Не отставал от остальных Гайвазовский, декламируя стихи о полуденном благословенном крае.

И пусть на улице дождь и хмурое небо. На смену спешат светлые летние ночи, воспетые пушкинским гением.

И звучит в гостиной голос хозяина:

– Люблю…
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я, в комнате моей,
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла!

Сам того не замечая, Ваня сблизился с Воробьевым. Их непринужденные разговоры об искусстве иногда прерывались.

Это когда профессор приносил из кабинета скрипку. Из футляра доставал инструмент.

В такие минуты начинающий художник и маститый живописец забывали обо всем. Они могли играть по очереди. По едва уловимому кивку головы профессора в начатую партию вступала Ванина скрипка.

И перед глазами слушателей оживало холодное дыхание Финского залива или теплый черноморский прибой, гремели морские баталии и лились восточные мотивы.

Заканчивался первый учебный год.

Ваня уже не представлял себя без ежедневных занятий, выполнения уймы академических заданий и походов в Эрмитаж.

А новые друзья!

Лучшими стали Василий Штернберг, Петр Ставассер, Павел Шамшин и сын профессора Воробьева – Сократ. Под руководством своих педагогов они изучали работы Щедрина и Брюллова, Бруни и Гюдена. С восторгом обсуждали произведения классиков маринистической живописи Схотеля, Бакхейзена, Лоррена.

Однажды Ваня в разговоре с друзьями вспомнил давний спор о построении учебного процесса в Академии:

– Жалко времени. Сколько его уходит на побочные предметы.

– А что мы говорили, – поддержал Штернберг, – предварительное образование нужно еще до вступления в Академию.

– Конечно, математику и историю следовало освоить раньше. Заниматься живописью и зубрить математические формулы – труд непосильный.

– Заниматься одновременно и тем, и другим – ошибка.

– Каковы же последствия такого смешения? Кто из нас имеет истинное призвание к искусству, только и ждет часов в художественных классах. Потому к другим предметам равнодушен.

Ваня высказал наболевшее:

– Академия должна, по моему убеждению, быть посвящена исключительно преподаванию живописи, зодчества и ваяния. И, конечно, тех прикладных знаний, которые нам необходимы. Например, теория архитектуры и история живописи. Следует вообще больше отдаваться искусству. Минута вдохновения художника не может быть подчинена бою часов или звонку колокольчика, зовущего в мастерскую, как в класс.

– Ты прав, Ваня, – согласились друзья.

– Да кто с этим поспорит?

И молодые люди учились. И не только в стенах Академии.

Праздничные и воскресные дни в комнатах Ваню не застать. То он в гостях у Суворовых-Рымникских, то у Воробьевых.

Однажды Максим Никифорович познакомил его с поэтом Василием Андрее-

вичем Жуковским. В другой раз с баснописцем Иваном Андреевичем Крыловым, меценатом и виолончелистом Матвеем Виельгорским.

Как-то его представили Алексею Романовичу Томилову.

Воробьев еще сказал тогда:

– Добрейшей души человек, страстный любитель живописи. Нет такого именитого художника, который бы не бывал в его доме. Ты, Ванечка, попроси его показать тебе его немалую коллекцию.

Видя неподдельное удивление на лице ученика, пояснил:

– Собрание картин богатейшее. Обрати внимание на офорты Рембрандта.

– Что, неужели подлинники?

– Чудак-человек, знамо дело, подлинники.

Вскорости Ваня стал частым гостем в доме Томилова.

Алексей Романович усмотрел в нем незаурядное дарование и принял самое теплое участие в судьбе юноши.

– А не попробовать тебе писать копии? Для художественного развития это весьма полезно, – сказал он как-то.

– Я попробую.

– Наблюдал за тобой, как ты изучаешь манеру Сильвестра Щедрина. Выдающийся, скажу тебе, мастер пейзажа. Чего стоят его картины, созданные в Италии. Каков живой блеск и трепет воздуха! А его морской бриз!

– Это написано так искусно. Я глядел и вспоминал наши края.

– Ну вот тебе и карты в руки. В том смысле, что есть оригиналы. Пиши копии, коли по душе.

И Ваня взялся за работу.

Бывало, отдыхая, делал небольшие по размеру рисунки. Они создавались столь стремительно, что, знавший толк в этом деле Томилов, от удивления воскликнул:

– Ну ты мастак! Лихо пишешь, точно пирожки печешь! А пошли в кабинет!

И увлек ничего не понимающего Ваню за собой:

– Гляди! Каково!

Перед Ваней лежали десятки самобытных оригинальных рисунков:

– Кто это?

– Что, задело? Каков мастер! Это Орловский! Александр! Мой гость и друг. Его меткий карандаш отличался необыкновенной быстротой. У меня-то, почитай, каждую неделю многолюдно. Сам видел, не протолкнуться от любителей и любительниц живописи. А Орловский – в центре собрания. Кто ни попросит рисунок, всех ублажал. Хоть наездников изобразить, хоть сцены из быта, никому не отказывал.

– Это как понимать?

– Столичному высшему обществу его рисунки по вкусу. И в моей гостиной, и в других местах богатая публика тому рада. Свой процесс работы Орловский называл «печением пирожков». Испекал в один вечер по несколько вполне законченных рисунков.

– И раздавал гостям? – спросил наивно Ваня.

– А то как? Знамо дело, раздавал. Разве по десяти или пятнадцати рублей за рисунок богатый заказчик не выложит?

– Сколько, сколько? – не поверил своим ушам юноша.

– Эх, каков ты, однако. Кому за десятку месяц жить, кому за вечер выложить. Так-то вот. У тебя-то, вижу, готовых акварелей с полдюжины?

– Они со мной.

– Ну так пошли!

И стремительно двинулся к гостям:

– Господа! Прошу внимания! Вам предлагаются петербургские виды даровитого отпрыска из полуденного края, пенсионера его Императорского Величества Академии художеств господина Ивана Гайвазовского.

Сердце «господина Гайвазовского» ушло в пятки. Он краснел, стоял ни жив, ни мертв. И от неожиданности происходящего готов был провалиться сквозь землю.

А гости говорили приятные слова, выбирали понравившиеся виды и были благодарны хозяину за столь интересную выдумку.

Уже много лет спустя, именитый художник расскажет:

– Алексей Романович давал мне все возможные средства к развитию и усовершенствованию моего таланта. Продажа акварельных рисунков доставляла мне незначительные карманные деньги на мелкие расходы.

Когда Томилов предложил Ване провести летние месяцы в его имении в селе Успенском, близ Старой Ладоги, Гайвазовский с радостью согласился. Там, на берегу Волхова, он много рисовал угольным карандашом виды села, развалины староладожской крепости, окрестные пейзажи.

Часто наведывался к крестьянам и тогда рука тянулась к акварельным краскам.

Когда Томилов увидел акварель «Крестьянский двор», он отметил тягу юноши к стилю Орловского.

В том же 1834 году рождается композиция «Предательство Иуды».

– Заметьте, эскиз отличается профессионализмом, свободой выполнения. А какое стремление к психологическому раскрытию сюжета, – отмечали преподаватели.

Зрители, увидевшие его другую работу – копию с картины Сильвестра Щедрина, переговаривались:

– Этот Гайвазовский далеко пойдет.

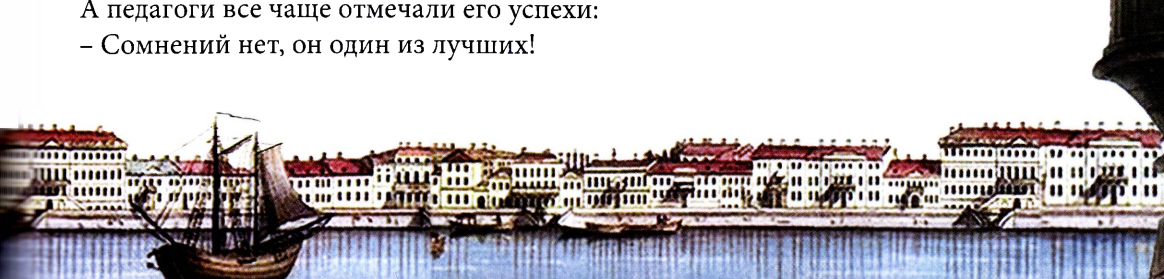
– «Вид Амальфи близ Неаполя» у Щедрина – одна из лучших картин. Копия выполнена в размер оригинала. Попробуйте отличить.

Шел второй год обучения.

Талант юноши из Феодосии развивался столь стремительно, что на подающие виды ученика, особое внимание обратил президент Академии Алексей Николаевич Оленин.

А педагоги все чаще отмечали его успехи:

– Сомнений нет, он один из лучших!



Чужим трудом счастлив не будешь

Пошла вторая зима, как Гайвазовский в столице. А все никак не может привыкнуть к здешним морозам.

– Зябко! Ох и зябко! Спасибо, бабушкины носки да рукавицы выручают.

Прибавил шагу:

– В Эрмитаж! В Эрмитаж!

Обогнал двух девиц, что весело болтали по-французски.

Обернулся:

– Наши, русские!

Поравнялся с тщедушным, в запотевших очках, гувернером-французом. Тот наставлял двоих малышей, лет семи, не более. А те, раскрасневшиеся от мороза, послушно кивали головами.

– Ох, не дело это. Ну да ладно... А вот и Эрмитаж.

Влетел в парадную дверь, остановился:

– Уф! Теплынь какая! Отдышусь – и за дело.

А на ум пришли давно прочитанные слова: *«К несчастию моему, все почти хорошо говорят по-французски. Куда эта зараза не проникла! Постыдно... болтать на многих языках и ни на одном не уметь мыслить... А дети под руководством наемников и наемниц (гувернеров и гувернанток – авт.), разумеется, иностранцев и иностранок, приучают менее всего знать свое отечество».*

– Где это я вычитал? Конечно, в Симферополе... у Геракова.

Вспомнил гимназическую библиотеку и тонкую брошюрку «Путевые записки по многим Российским губерниям в 1820 году статского советника Гавриила Геракова».

Как верно написал в ней автор: *«Невежа не может быть добрым человеком, ибо невежество воспрещает ему понимать, что другие делают и что он сам делает».*

– Вот и выходит, Ованес, что нужно учиться! Нужно непрестанно учиться! – сказал себе так и поспешил на встречу.

Как заранее условились, повидались и много говорили о живописи с Ладюрнером. Этот французский художник повторял судьбу некоторых своих соотечественников.

Так повелось, что иностранцы издавна легко находили теплое место при дворе императора. Не беда, что были порой и ленивы, и бездарны. Их услуги предпочитались работам своих российских живописцев.

– Иностранец! Француз! Куда там нашим! – вторила государю свита.

А понаехавшие художники держались особняком. Поддерживали друг друга. Восторженно отзывались о произведениях соотечественников.

И надо такому случиться, что как раз в январе 1835 года пожаловал в столицу сорокалетний пейзажист Филипп Таннер. Искусен он был в изображении мор-

И.К. Айвазовский.
Автопортрет за столом.

ских видов. Что правда, истинное дарование его обошло стороной. Зато технику перенял у старых голландских мастеров отменно.

Жить бы ему в Париже, да чего не сделаешь в погоне за удачей. К тому же был он строптив и неуживчив.

А богатый Петербург сулил щедрый заработок из государственной казны.

Не успел перебраться из Парижа, как некоторые работы разместили в Эрмитаже. Казалось, публика этого только и ждала. Посыпались заказы. Одному подай такой вид, другому – другой.

– Как самому с ними справиться? – стал размышлять.

Следовало нанять профессионального художника для наиболее трудоемкой работы. Тот должен был срисовывать виды Петербурга и окрестностей. А это время, поездки... Но помощнику следует платить, а это никак не входило в планы заезжего француза.

– А не подыскать мне кого из молодых? Может, вовсе без платы обойдется?

Такая вот забота вышла у Таннера.

Что делать?

Как-то в Эрмитаже среди восторженной толпы присмотрел чернявого мальчишку в костюме академиста. Тот с виду совсем подросток, да такие вопросы Ладюрнеру задавал! А глаза какие! Как на картины смотрел вдумчиво! Не из глупых, видать! Познакомились. Собеседнику бросил:

– Взглянуть бы на твои работы.

А мальчишка чуть не в рот смотрит. Посмеивается француз:

– Дивная страна – Россия.

На следующий день Ваня встал чуть свет и сразу за стол:

– Скорее! Написать письмо Томилову! Как бы Таннер не передумал мои рисунки смотреть!

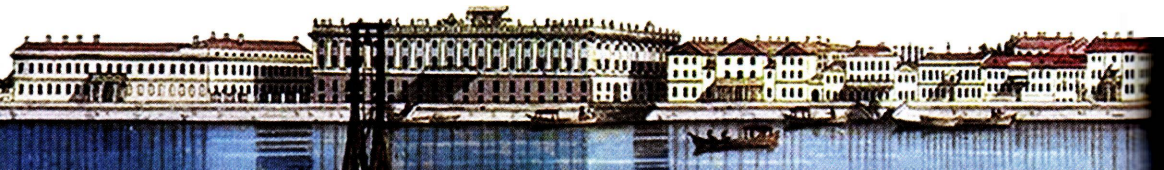
Придвинул чернильницу, обмокнул перо и аккуратно вывел: *«8 января 1835 г. Милостивый государь, Алексей Романович! Вчера я был в Эрмитаже у Ладюрнера и даже честь имел тут же видеть несколько картин великого Таннера. Не могу Вам выразить мое удивление, которое я испытываю, смотря на его произведения. Не знаю, кого не удивит. Он сам очень ласков и просил что-нибудь из моих работ показать ему. Так прошу Вас, Алексей Романович, прислать с сим подателем записки натурные мои рисунки с папкой, и даже, если можно, рисунки, которые в Вашем альбоме, особливо последнюю бурю, чем Вы меня весьма обрадуете... Остаюсь благодарный покорный Ваш слуга И. Гайвазовский».*

И не мог представить тогда Ваня, что всего через несколько месяцев «ласковый» Таннер решит его уничтожить. Сделает все, чтобы ноги его в Петербурге не было.

Но это случится позже.

А пока...

Император Николай Первый Таннера слушал внимательно. Как тот выполняет государевы заказы. Как ночи напролет трудится и все о будущих картинах для него печется.



И вовсе не удивился просьбе прислать бескоштного ученика Академии. Мол, научу его морской живописи.

Милостиво обещал пожелание выполнить.

Президенту Академии художеств Алексею Николаевичу Оленину вопрос поставил:

– Кто из нынешних учеников в пейзажной живописи преуспел?

– Ваше высочество, академист Гайвазовский. Успехи заметны, особо в писании морских видов.

– Это какой Гайвазовский? Тот... из Феодосии? А направим его к Таннеру. И славному гостю нашему подмога. Да и Гайвазовский выучится у него многому.

Хотел было Оленин не согласиться. Не лучший из француза живописец и учитель. Стоит ли прерывать занятия юноши в классе?

Но с царем спорить – себе хуже.

Так через несколько дней разлучили Гайвазовского с Академией.

Таннер сперва удивился, увидев недавнего случайного знакомого. А что работы подающего виды академиста хороши, то и на руку.

Просторная и роскошная мастерская приезжего живописца стала для академиста вторым домом. Утром пораньше прийти. Вечером допоздна задержаться. А работы и вправду доставало. Только куда девалась любезность господина Таннера? Не иначе как бесплатным подмастерьем видел он этого мальчишку:

– Ваня, разотри краски!

– Ваня, вычисть палитру!

– Ваня, тут прибери!

Вот такая началась «учеба». Но трудолюбивый академист и не думал унывать. Все ожидал начала занятий с «великим Таннером». Шли недели, а занятий все не было и не было. Хорошо хоть Таннер поручал выполнять рисунки с натуры. Это были живописные уголки величественного Петербурга, знаменитая Петропавловская крепость, Эрмитаж, Зимний дворец...

Сдав подготовленные работы, с удивлением наблюдал, как ловко и быстро Таннер пишет по ним дорогие заказы.

И еще для себя отметил:

– Когда учитель приступает к работе, его отсылает. Неужто опасается, что открою тайны живописные?

Однажды, как ни осторожничал Таннер, Ваня долго наблюдал за учителем. Потом выпал еще случай, и еще.

Техника работы кистью была вовсе не нашей, не академической. Такого он еще не видел у знакомых живописцев. Попытался описать движения словами – не выходит.

– А ведь это несложно. Важно перенять манеру нанесения красок на холст. Своеобразный такой таннеровский рецепт вида земли и облаков, морской волны и пены.

В тот день Таннер был в отъезде. И... И Ваня решился. На загрунтованый холст легли первые мазки.

Он писал по памяти Финский залив. Повторял увиденные движения, а когда закончил, посмотрел на картину. Критично так посмотрел:

– Уж точно, несложная эта кухня. Недурно вышло.

Оглядел пейзаж еще раз и сказал:

– Кажется не хуже, чем у Таннера.

Сказал и испугался собственных слов:

– Неужто не хуже?

А в воскресенье в гостях у Оленина поделился сокровенным. Закончил словами:

– Будто в темнице я. Чувствую, что могу писать. Правда могу!

Оленин смотрел на своего любимца. Его печальные глаза говорили сами за себя. Да как ты поможешь? Таннер в фаворе. Бороться с ним бессмысленно и опасно. Профессор ругал себя за искреннюю хвалу царю Ваниного таланта. Разве думал, что так обернется?

И тогда Оленин решился:

– Эх, была – ни была. Попробуй. Раз можешь – покажи себя.

– Позволит ли Таннер?

– А что нам его позволение? Ты напиши. Коли выйдет, непременно дадим на осеннюю выставку. Изобрази по-своему. По-сво-е-му!

– Я напишу море.

– Истинно так. Море, как ты можешь. Только воздух и море...

* * *

Посетители академической выставки были в восторге:

– Вы видели этюд Гайвазовского? Как мило!

– Какой берег! Вот какой Финский в тихий день!

– Блестяще передан передний план. Мастерски вышла лодка со спящим рыбаком!

– А вдали! Тихое море и высокое небо без облачка.

Некоторые из посетителей тихо переговаривались:

– Положа руку на сердце, следует признать: Гайвазовский Таннера обошел.

– Как есть обошел.

24 сентября 1835 года совет Академии за «Этюд воздуха над морем» награждает Гайвазовского малой золотой медалью.

А тщеславный Таннер негодовал:

– Это конец! Коли императору понравится картина этого дерзкого Гайвазовского, что со мной будет? Что-то нужно придумать. Наказать! Выгнать вон из Академии!

И нажаловался на академиста. Мол, этот негодный Гайвазовский творит, что вздумает. К учителю никакого уважения. Где такое видано, чтобы ученик на выставку картину давал без согласия учителя. Безобразие! А про то, что юноша выполнял задание президента Академии художеств – ни слова.

Свою жалобу императору закончил словами:

– Вот вам налицо грубейшее нарушение всех заведенных порядков. Что это будет? Сегодня преподавателя ни во что не ставит, а завтра?

Государь скор на расправу:

– Как посмел? Мальчишка! Ослушаться самого Филиппа Таннера! Снять его картину с выставки!

Средь бела дня 30 сентября 1835 года в выставочном зале шум:

– Смотрите, картину выносят!

– Зачем?

– Почему?

– Кому «Этюд» Гайвазовского не по нраву?

А как публика узнала, что на это воля царя, успокоилась:

– Значит, так надо, есть причина. Государю виднее.

И никто не знал, что творится на сердце у начинающего художника.

– Несправедливо! Незаслуженно! Пошто так жестоко наказан? Как смел Таннер так поступить? – со слезами на глазах повторял потрясенный Гайвазовский.

Снятие картины с выставки означало не просто царскую немилость. Это был конец учебы в Академии.

Но нашлись справедливые и смелые люди, известные деятели российской культуры, преподаватели Академии:

– Не дадим губить будущее Гайвазовского!

Сперва к разгневанному императору пришел знаменитый Василий Жуковский. Выдающийся поэт, воспитатель царских детей, откровенно поведал о наговоре Таннера.

Гайвазовского утешил:

– Не унывай, не падай духом. И по-прежнему занимайся живописью.

«Дедушка Крылов»

Ну кто не знает в столице знаменитого баснописца «дедушку Крылова».

Кто не держал в руках издание его басен 1834 годы в двух массивных томах.

Академисты напамять зачитували мудрые строки. Подолгу всматривались в прекрасные рисунки художника Андрея Петровича Сапожникова:

– Каково!

– Как иллюстратор понял народный характер басен!

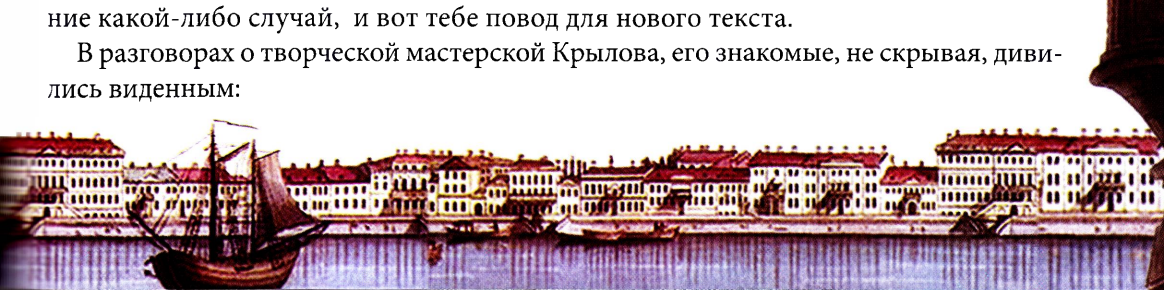
– Вот, братцы, как следует воплощать образы что сотворил пиит! – отметил Гайвазовский.

Несколько лет спустя, Белинский высоко оценил иллюстрации:

– Сколько в них таланта, оригинальной жизни! Какой русский колорит в каждой черте!

Басни Ивана Андреевича Крылова рождала сама жизнь. Привлечет его внимание какой-либо случай, и вот тебе повод для нового текста.

В разговорах о творческой мастерской Крылова, его знакомые, не скрывая, дивились виденным:



– Ведь каждая басня стоит Ивану Андреевичу немалого труда.

– Точно ювелир над драгоценным камнем, он бесконечно тщательно шлифует и оттачивает ее грани.

– По десятку черновиков и несколько редакций у каждой.

– И целыми днями бормочет про себя начатую басню.

И выходили не навязчивые поучения, а сценки, полные неподдельного юмора. Под его пером, события получали жизненную правдивость и точность.

Ну скажите, разве это дело, когда на страницах газет и журналов беспринципные журналисты беззастенчиво восхваляют и рекламируют своих друзей-товарищей?

А как заезжие французские живописцы наперебой поют дифирамбы друг другу. А как они расхваливают свои несуществующие достоинства.

Не об этом ли нашумевшая басня «Кукушка и Петух»?

Поговаривали, что в стенах Академии художеств не раз слышали, как академисты декламировали:

– За что же, не боясь греха
Кукушка хвалит Петуха? –
За то, что хвалит он Кукушку.

Справедливости ради, надо сказать, что в кругах столичной интеллигенции известен был баснописец и как автор капитального труда под названием «Библиографические алфавитные указатели, составленные Иваном Андреевичем Крыловым, библиотекарем Императорской Публичной библиотеки»

Да, да! Прославленный баснописец служил библиотекарем и составил рекомендательный перечень около трех тысяч названий работ по философии и праву, химии, физике, художественной литературе. В нем Крылов поместил наиболее значимые книги по различным отраслям знаний.

Времени предаваться ленивому безделию попросту не было. Служба в библиотеке требовала немалого труда, регулярных дежурств, чтения выходивших новинок, переговоров с издателями и книготорговцами о пополнении библиотечного фонда.

А как выходил свободный вечер, он отправлялся к Олениным. Занимавший должности Президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки, Алексей Николаевич Оленин с супругой Елизаветой Марковной жил в собственном особняке на Фонтанке, близ Семеновского моста. Благо от библиотеки до их дома рукой подать.

Алексей Николаевич славился гостеприимством, потому дом вечерами был полон народа. Среди солидных господ во фраках и цилиндрах то и дело мелькали фигуры юношей в форме академистов.

Молодежь, надо сказать, не скучала. Игры в нарды и фанты, чередовались танцами. Знакомства гостей происходили зачастую просто и естественно.

Не раз молодые художники радовали гостей на глазах нарисованными на них безобидными шаржами. Порой гости уходили не с пустыми руками. Они держали

нехитрые рисунки с видами Петербурга или бытовыми сценками. На некоторых из них стоял скромный автограф: «И. Гайвазовский».

В доме Оленина Ивана Андреевича встречали как родного:

– Проходите, любезный! Отдохните с дороги!

Он усаживался в свое привычное кресло, закуривал свою вечную сигарку, наблюдал за гостями и внимательно прислушивался к разговорам.

А вот и ужин.

На правах давней знакомой, с материнской опекой Елизавета Марковна брала его за руку:

– Крылочка! Небось, изголодался, родной?

Их полные фигуры медленно шествовали к столу:

– А вот и твой любимый поросенок под хреном.

Гости улыбались, наблюдая как «дедушке Крылову» подавался лучший кусочек.

Иван Андреевич любил бродить по городу. Заходил на Дворцовую площадь, где летом строили пестро раскрашенные качели. Молодежь шумно веселилась, а ему такое развлечение не по летам. В торговом шатре он «развлекался» по-стариковски. Выпивал кружку кваса или сбитня. Со смаком откусывал печеные пирожки, жареную рыбу. Массивной пятерней поглаживал немалых размеров живот, отправляя в рот очередную порцию хрустящих груздей. Отвечал на приветствия знакомых и с удовольствием наблюдал за пытливыми взглядами проходящих мимо будущих живописцев:

– Смотри, цепко глядят, запоминают, точно всю Дворцовую на бумагу норовят занести.

Прогуливался вдоль Гостиного двора, поворачивал по Большой Суворовской линии, где торговали шелками и «сурожскими» товарами из-за Сурожского, Азовского моря да из Крыма. За спиной слышал громкое:

– Здравствуйте, Иван Андреевич!

Медленно поворачивал свое тучное тело. Мимо проходила группа академистов. Не раз обращал внимание на темноволосого паренька, что улыбался открытой, почти детской улыбкой.

Отвесил поклон:

– Приветствую, господа живописцы!

Молодежь закивала и пошла своей дорогой.

«Это тот, что в помощники к Таннеру попал… Исхудал-то как, за то время, что не виделись. Гайвазовский… Точно. Иван Гайвазовский. Каково тебе, тезка Ваня, у этого напыщенного французика?» – подумалось Крылову.

Вспомнил услышанное о невеселом житье-бытье этого способного юноши.

– А Таннер - то каков, русских живописцев и за художников не считает. Мол, покажу вам, русским как велик мой талант. Покажи, покажи… Синица тоже летела море зажигать…

Эх, сколько раз появлялись на Руси самонадеянные Синицы.

– Да кому они любы, хвастуны? Над хвастунами народ смеется!

Так было в одной из его басен:

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочет море сжечь.
Расславилась тотчас о том по свету речь.
Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
Летят стадами птицы;
А звери из лесов сбегаются смотреть,
Как будет Океан, и жарко ли, гореть.

А в жизни выходило все, как в басне. Начинающий живописец из окраинной Феодосии на сентябрьской выставке 1835 года получил золотую медаль за «Этюд воздуха над морем».

И всем стало ясно – вот где талант мариниста. Синица-Таннер негодовал. Задумал выгнать Гайвазовского из академии и пожаловался царю.

Средь бела дня картину с выставки сняли, а студента отстранили от занятий.

Крылов не побоялся заступиться за юного самородка.

И в памяти Гайвазовского навсегда остались слова Ивана Андреевича:

– Поди, поди ко мне, милый, Что, братец, француз обижает? Э-эх, какой же он… Ну, Бог с ним! Не горюй…

Гайвазовского поддерживали в эти дни самые разные люди. Даже те, кто не был с ним знаком. Были и те, кто знал секрет: выставленная картина не мальчишеская выходка, а исполнение предложения президента Академии Оленина, с ведома и согласия профессоров. Люди восторгались героизмом Гайвазовского. Ведь и правда, его исключали из числа студентов, жизнь рушилась, но он гордо молчал. Знал наверняка, если царь узнает правду, многим не поздоровится.

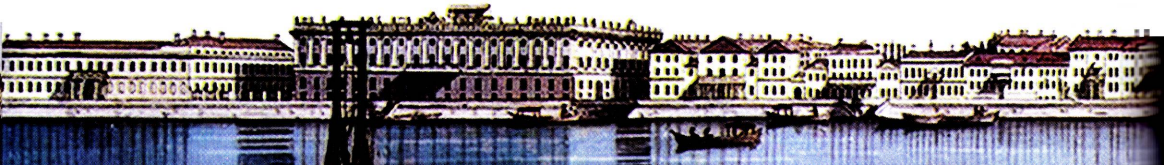
А студенты? Уж в долгу они не остались. Спустя годы, а точнее в 1878 году журнал «Русская старина» напишет: «*Товарищи Айвазовского, возмущенные изветом Таннера, его очевидным недоброжелательством к русскому таланту, – недели через две после снятия картины с выставки, отплатили виновнику этого события по заслугам. Таннер, приехавший на выставку, был встречен воспитанниками Академии таким неприязненным шиканьем и ропотом, что принужден был поскорее удалиться. На эту демонстрацию он, однако же, не имел духа жаловаться высшему начальству*».

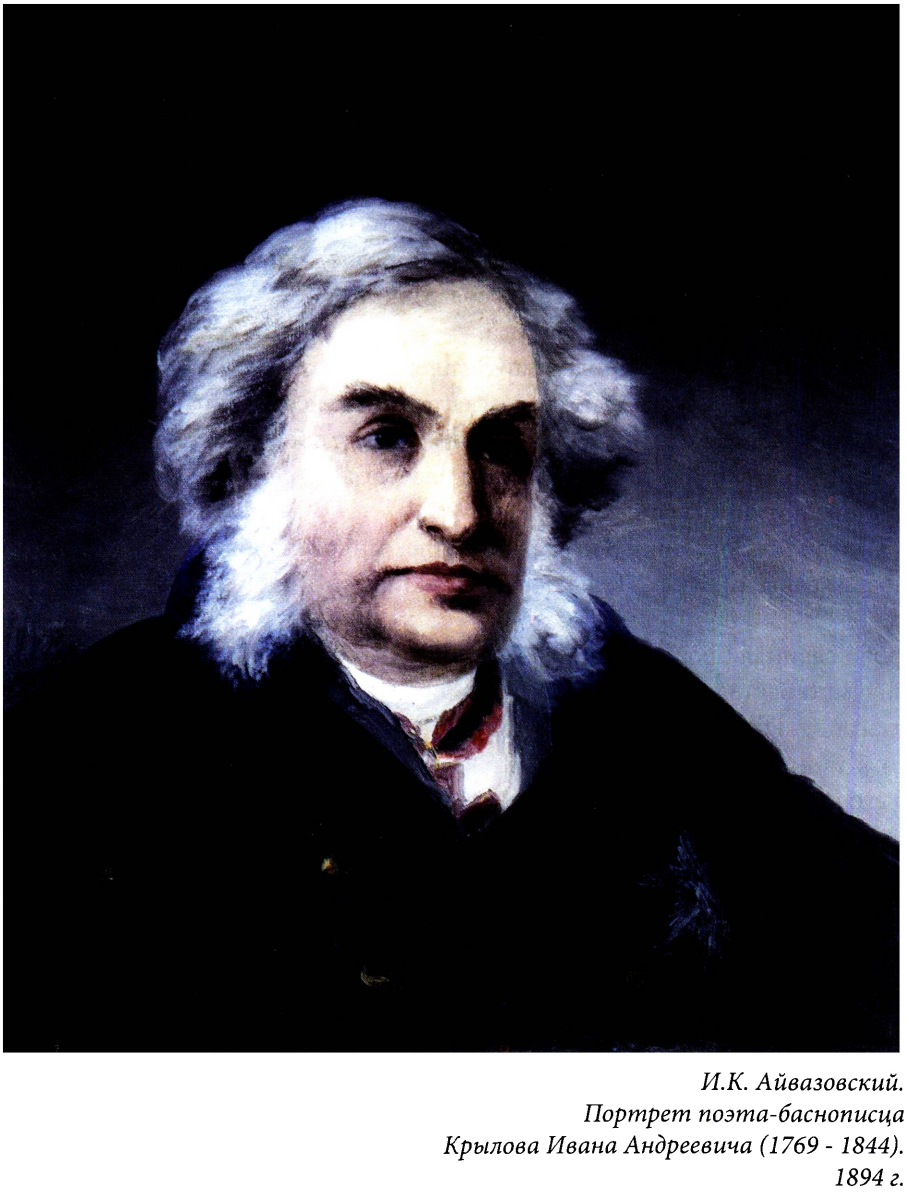
В басне Крылов беспощадно развенчал нелепую затею Синицы. Злым сатирическим словом прошелся по ее хвастовству и позорному провалу. Не загорелось море, «величавые затеи» потерпели фиаско: «Синица со стыдом восвояси уплыла»

А в жизни тоже вышло, как в басне. Через несколько месяцев Таннер с позором покинул Россию.

* * *

Тогда же Крылов создает свою последнюю басню «Вельможа». Он как бы прощается со своей полувековой писательской деятельностью, высказывая все, что думал об алчных и недобросовестных чиновниках и государственных мужах.



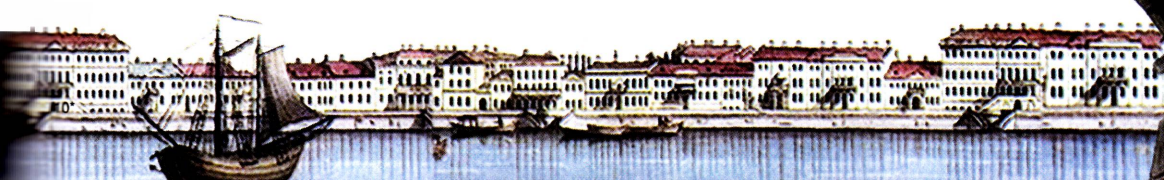


И.К. Айвазовский.
Портрет поэта-баснописца
Крылова Ивана Андреевича (1769 - 1844).
1894 г.

В 1836 году журнал «Сын отечества» напечатал это последнее сочинение великого баснописца. Больше басен он не писал, он сказал все, что мог. Литературная деятельность Крылова была завершена.

А Гайвазовский? Талант мариниста набирал силу.

Пройдет почти шесть десятилетий и знаменитый художник нарисует портрет поэта-баснописца. Поэта, так им любимого – «Дедушки Крылова».



Куда делась картина?

Улеглась история с Таннером. Гайвазовский вернулся в класс профессора Воробьева.

А что случилось с картиной? Той самой, что наделала столько шума?

А история вот какая. Профессор А.И. Зауервейд был частым гостем Зимнего дворца. Педагог он известный, потому Николай I предложил ему обучать своих детей, а заодно и придворных дам искусству рисования.

Случай этот вышел в марте 1836 года.

Так вот. Идет он как-то коридорами Зимнего.

В большой зал заглянул, где по стенам картины Таннера. Тут навстречу император. Поздоровались они, а царь на одну из картин взгляд бросил. И так неодобрительно:

– Сдается мне, фигуры здесь выписаны неверно.

К другой картине шаг сделал:

– А на этой все достойно. Что скажешь, Александр Иванович?

– Правда ваша, государь. Только наш русский художник Гайвазовский не хуже напишет.

Сурово сдвинул брови хозяин дворца. Видать, подумал: «Как смеешь перечить и вольнодумствовать?»

А благородный профессор как будто и не заметил вспышку гнева:

– Хотя Таннер и отзывался об Гайвазовском, как о человеке неблагодарном и описывал его черными красками, мы знаем, что это не так. Мы, профессора Академии, справедливее относимся к ее ученикам. А Гайвазовский похвалы заслуживает.

Улыбнулся император, и стало понятно художнику, что бури не будет.

– Зачем же ты раньше мне это не сказал? – пожал плечами Николай Первый.

Зауервейд простодушно ответил:

– Ваше величество. Во время бури маленьким лодочкам небезопасно приближаться к линейному кораблю, да еще и стопушечному... В тихую погоду – можно!

Засмеялся громко император:

– Ты вечно со своими прибаутками! Где же Гайвазовский?

– В Академии, ваше величество.

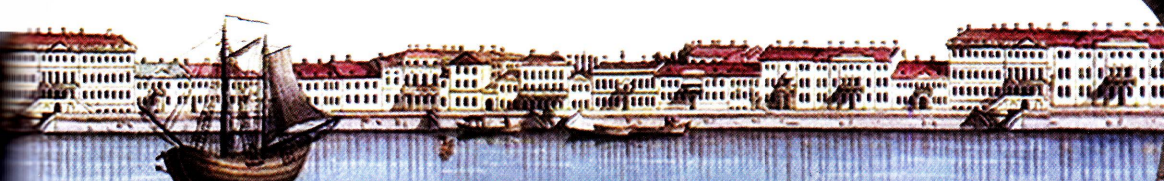
– Завтра же ты представишь мне его картину, снятую с выставки.

* * *

«На следующий день картина Айвазовского была препровождена в Зимний дворец. Государь ее одобрил, повелел выдать художнику 1000 рублей ассигнациями, с назначением Айвазовского сопровождать Его Императорское Величество Великого Князя Константина Николаевича, который летом 1836 года должен был совершить первое практическое плавание по Финскому заливу». Так написала «Русская старина».

А «Этюд воздуха над морем» занял свое место в Зимнем дворце. Согласитесь, достойное место.

И.К. Айвазовский.
«Вид на взморье в окрестностях Петербурга».
«Этюд воздуха над морем». 1835 г.



Первый поход

Поход – действия флота, включающие передвижение кораблей на значительные расстояния.

Военный энциклопедический словарь.

И вот он на борту.

Сердце стучит громко:

– Уж повезло мне. Я – участник летнего учебного похода военных кораблей Балтийского флота по Финскому заливу.

А с берега, казалось, все летели слова, что сказал на прощание профессор Зауервейд:

– Ты уж Академию не осрами, милый. По сторонам гляди. Осматривай там все хорошенько. Впечатлений набирайся да научайся писать виды морские еще искуснее. А что про Балтику художники говорят, будто неживописна, тому в противоположном убедишься. Сам своим взглядом изучай как многолики эффекты света и тени на море. Желание имею, чтоб продолжил ты мое дело, вырос в морского баталиста.

Веселой и свежей волной блистал залив. Император Николай перед бригом явился не один. Как обычно, с многочисленной свитой. Зашевелился разукрашенный лентами в три цвета свежевыкрашенный трап.

Офицеры на палубе, как один, замерли в ожидании. Лица матросов сияли пронзительным счастьем:

– Поди ты, император на меня глядит!

Волнуется в шеренге государев сын – Константин Николаевич.

Гайвазовского переполняет восторг. Такой, что хоть смерть подступит – не заметит.

Поход! Император! Счастье!

Напутственное слово звучит по-гвардейски, молодецки. Неужели это говорится и морякам, и провожающим, и ему – академисту Гайвазовскому?

Про долг и силу флота Российского. Про незыблемость границ империи и важность практического плавания.

А ему, академисту Гайвазовскому, эта важность давно понятна.

Наконец, голос с хрипотцой протянул:

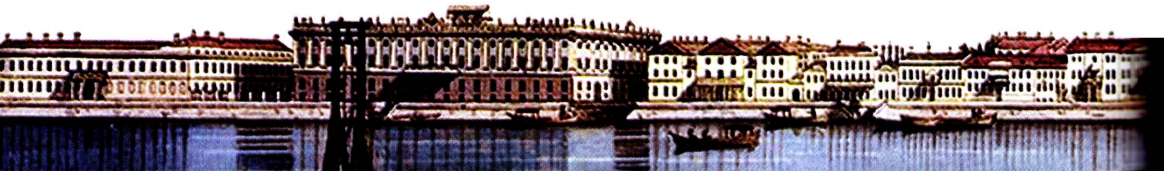
– Отдать швартовы!

И распахнулось огромное безбрежное пространство. Пошло ходуном, в крупную раскачку, море.

Дни потекли, точно волны за бортом.

Ваня, не имея другой заботы как рисовать, не ленился. С утра до вечера на палубе.

– А какой, интересно, вид с мостика?



Поднялся к капитану:

– Позволите, я рядом постою.

Смотрел вдаль, а берег все не уходил. Далекие его очертания нестройной полоской тянулись справа.

Капитан протянул зрительную трубу:

– Так лучше будет.

В окуляре появилась далекая зыбкая земля. Юноша повернулся в противоположную сторону:

– А красиво-то как! Какой простор! Есть где ветру разгуляться! Свежо так дует, ровно!

Вот и сбываются его детские мечты! Вот он – бриг с парусами! Вот они – офицеры и матросы на грозном и гордом военном корабле.

С моря Балтика виделась совсем иной, чем с берега. Ваня наблюдал, запоминал и зарисовывал столь очевидную разницу.

Часами не мог оторваться от созерцания этой суровой красоты.

Перенес на холст впечатления одного серого облачного дня. Море волновалось.

Немногословный капитан заметил:

– Выходит, как в жизни, по-нашему, по-морскому. Цвет стали в волне. И небо свинцовое.

– Я еще не закончил.

– Конечно, продолжайте.

А на следующий день подарил работу капитану:

– Извините, рамы нет.

Тот повесил ее в кают-компании.

Однажды заметил, как за его работой наблюдает царевич. Тот подошел ближе:

– Позволишь мне с тобой вместе? Я обучен!

Увидел замешательство академиста, пояснил:

– Меня Александр Иванович научил.

И вправду, первоначальные навыки у ребенка были.

Поглядел в сторону приставленных к Константину офицеров. Те одобрительно кивнули:

– Можно!

И они вместе рисовали. И в тот день, и в следующие. В деталях переносили на бумагу изображения мачт, парусов, корабельной оснастки.

Иногда Ваня прерывался и лез в карман. Оттуда извлекал крохотный блокнотик и записывал:

– Руслени.

– Что, еще новое слово узнал? – спрашивал Константин.

– Такое чудное слово. А на деле – площадки с наружного борта.

Ваня листал странички:

– Ванты – канаты... Книпель – острый снаряд... Галс... Вахтенный журнал... Такелаж... Шкипер...

Молодой художник и девятилетний сын императора Константин Николаевич подружились быстро. Мальчик добросовестно выполнял наказ папеньки обучаться морскому делу. Со всей серьезностью относился к первому в своей жизни морскому плаванию.

Занимались с ним по специально составленной программе те же офицеры. Готовили наследника к взрослой морской службе.

Ване Гайвазовскому выпадали иногда целые часы общения с любознательным ребенком. И он давал волю воспоминаниям:

– А вот однажды отец подарил мне игрушечный бриг…

В сторонке, в белых мундирах, стояли строгие наставники Константина. Прислушивались, как бы академист чего дурного не сказал.

А у того воспоминания, что тот фонтан:

– Один раз на стене дома Кристины Дуранте я нарисовал парусник. Ох и влетело мне!

– А как это влетело?

Ваня наклонился к уху цесаревича и стал быстро что-то рассказывать, смешно жестикулируя руками.

Потом они дружно смеялись и мальчик все повторял:

– Вот так влетело! За парусник влетело! А каково, кабы ты целую эскадру нарисовал?

Так выйдет, что вся жизнь Великого Князя Константина Николаевича постоянно будет связана с морем. Будущий адмирал, министр Морского флота и председатель Адмиралтейств-совета, наверняка, будет помнить свой первый морской поход. И уроки морских офицеров. И, конечно же, молодого художника.

И для Гайвазовского тот поход стал началом многолетней дружбы с российским флотом.

Здесь, на борту брига, он увидел то, чего не постичь ни в одном академическом классе. Он увидел жизнь корабля.

Долгие летние вечера чем занять? Шел, бывало, художник к морякам.

– Садитесь, уважаемый. Вот здесь удобно?

– Да, спасибо, – пристраивался Ваня в углу кают-компании.

– Ну раз так, то хотите – чай пейте. Хотите – нам, балагурам, внемлите. А то, коли воля ваша, рисуйте.

Молодые мичманы и лейтенанты обсуждали свое житье-бытье:

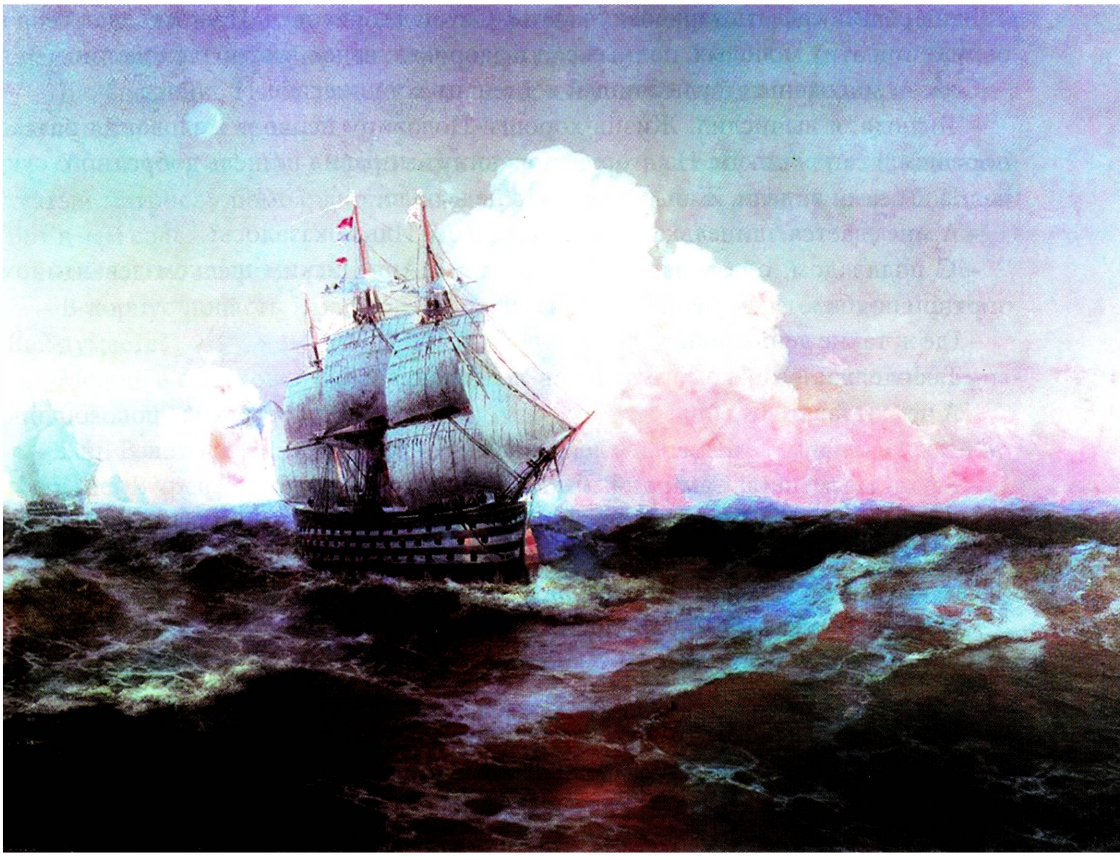
– При береге стоять – сущий ад. На рейде от скуки хоть дуло к виску.

– Кабы жалование поболе. Мне, мичману, шестьсот ассигнациями в год. Это жизнь?

– Кронштадские цены чуть не вдвое против столичных. Беда.

Кто-то пошутил:

– Квартирных денег, что по закону полагаются, пожалуй, на извозчика от канцелярии до квартиры только и хватит.



И.К. Айвазовский.
Корабль «Двенадцать апостолов».
1897 г.

Ваня решил сделать зарисовку каюты. Слушал и рисовал. И чувствовал себя в окружении этих молодых, полных сил и здоровья людей, уютно и спокойно.

Совсем молоденький улыбчивый лейтенант вставил свое:

– Господа, я вычислил. Жизнь хороша! Половину первого жалования раздал портным и сапожникам. На вторую половину выправил шинель добротного сукна. Да вы сами видели. Жаль на подклад не вышло.

– А мне сдается, шинелька твоя с подкладом. Иль показалось?

– С подкладом, с подкладом. Не простым. Английским шелком-левантином портной подбил.

– Где ж такие деньжищи взял?

– Так одолжил у знакомого капитан-лейтенанта.

– А чем отдавать будешь?

– Так у вас займу, – засмеялся лейтенант.

– Ха-ха! Насмешил! Самим как бы до получки дотянуть.

– В таком случае маменька из деревни прислать обещали. Хотя есть другой поворот.

Рассказчик вдруг в шутку обхватил голову руками:

– О, горе мне! Разве что у господина Гайвазовского займу.

Ваня оторвался от бумаги. Не ожидая вопроса, сказал невпопад:

– Так у меня, господа, нету.

Каюта взорвалась хохотом, а улыбчивый лейтенант продолжил:

– Это сейчас нету. Как поход закончится, напишете большую картину с нашим бригом. И купит эту картину сам государь. Как вам такое?

– Кабы так... Хорошо бы...

И совсем неожиданно признался:

– Коли так выйдет, я в Феодосию матушке деньги пошлю. Тяжело им там с отцом.

Сколько в каюте стояла тишина, кто знает? Каждый думал о родном доме, о своем, о близком и далеком.

Вечером одного из первых дней Ваня спустился к матросам. Разговор стих, и усатый здоровяк пригласил:

– Смелее, барин, смелее. А ну, братва, покучнее. Дай барину место.

В кубрике тесно, но Ваня нашелся:

– Мне места много не надобно. И какой из меня барин? Не зовите меня так. Условились? Я – Ваня, Иван.

– Все одно, вы – человек в почете. Вон как искусно море изображаете.

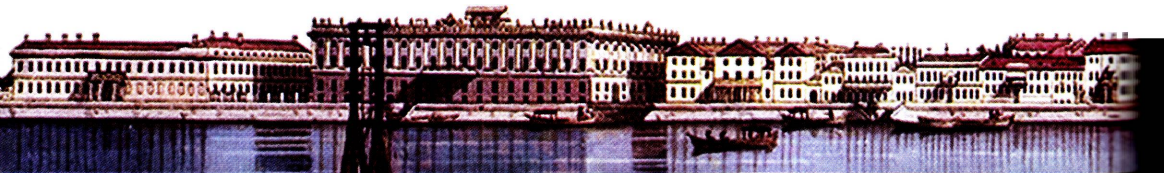
– Выходит наш человек, мореход.

Заулыбались служивые:

– Мореход... мореход...

– А точно, мореходу нашему места много не требуется. Щуплый-то какой. Видать, в академиях житье не сахар. Что, не кормят?

Усатый матрос засуетился:



– Про сахар, дурья моя голова, забыл. Вы, барин... извините, Ваня, чай пейте. Да смелее, сахар вприкус. Берите сахар, у нас есть.

– Да, спасибо... Не беспокойтесь, – взял аккуратно сладкий кусок, размером с крупный грецкий орех.

– Так я что говорю, – продолжил прерванный разговор все тот же бывалый усатый матрос, – бомбардир не токмо руками да ногами службу несет. Головой! Вот в чем соль.

Немолодого матроса слушали внимательно.

– В корпус попасть нехитро. Надо так снаряд положить, чтобы вред налицо. Как думаете?

– Можно в пороховой склад поцелить! Бац! Взлетела вражья посудина! – выпалил розовощекий матросик.

– Бац! Взлетела! Экий ты дурак, однако. Крюйт-камера, то бишь пороховой погреб, где? В чреве! Глубоко спрятано! Как бомбардиру быть?

Молчат матросы. Кто постарше тоже молчит, виду не подает, что ответ знает.

«Это же урок. Занятие для новичков», – догадался Ваня.

А усатый матрос продолжил:

– В чем у корабля уязвимость?

И снова тишина. И снова вопрос для молодых:

– Так спрошу. Ванты и снасти на виду? Мачты на виду?

– Как есть на виду. Значит, стараться по ним бить?

– Точно так. Порушь оснастку. Мачту завали. Натяжки у парусов не станет. Замрет на месте. Парусами людей укроет. Готово дело!

Голос подал розовощекий паренек:

– Вот я слушаю, а не пойму. Бомбы стрелять – дело бомбардирское. А матросу оно зачем?

Зашумел кубрик:

– А коли неприятель бомбардира поцелит? Поранит того или, чего хуже, убьет. Кто заменит?

– Матрос! Матрос!

– Матрос на корабле наипервейший человек. На нем весь корабль держится.

Все лето, до первых осенних холодов провел Гайвазовский на борту. Не прятался в бурю в каюте. Стоял на палубе, чем мог помогал матросам. С отважным экипажем смело смотрел в лицо опасности.

А как плавание к концу подошло, подвел итоги:

– Полезным вышел мой первый морской поход. И за стихией понаблюдал, и матросов с офицерами близко узнал. Рассмотрел и срисовал конструкции парусников. Собственными глазами увидел, как ими управляют.

К осенней выставке 1836 года написал семь картин. Узнал, что участвуют не только студенты, а и признанные мастера. От знаменитых имен в глазах зарябило:

– Ладюрнер, Зауервейд, Кипренский, Воробьев, Фрикке, Лебедев, Штернберг, Иванов, Бруни, Таннер...

«Художественная газета» в том же 1836 году подробно разбирала произведения Таннера и Гайвазовского: «*Виды морские – этот род пейзажной живописи у нас еще весьма малочисленен... Из выставленных немногих картин две принадлежат французскому художнику Таннеру... По доброй совести не можем не сознаться, что воздух и земля нам весьма не понравились, воздух как-то похож более на дым, никакой ветер не в состоянии заклубить таким образом туч... Земля не имеет сходства с природой: она как-то пемзообразна,.. а поэтому с трудом можно верить. Равно и огонь, брошенный вдали, неопределительно изображает идею художника. Мы слышали три догадки. Молния, пожар, заря, – говорили многие. В другой картине вода хотя и не заключает тех же достоинств, как в «Буре», но не лишена их... Две картины Гайвазовского, изображающие пароход, идущий в Кронштадт, и голландский корабль в открытом море, говорят без околичности, что талант художника поведет его далеко... Рожденный в Крыму, на берегах Черного моря, как сон детства, он голубит теплые воспоминания золотого возраста, что уже громко говорит о внутреннем поэтическом даровании в картине его «Вид Феодосии», написанной по памяти. Произведения Гайвазовского теперь поражают, кидаются в глаза*».

А что же высокомерный Таннер? Эти отзывы он вряд ли читал. За год жизни в российской столице он умудрился перессориться со всем своим окружением. Даже с придворными был вызывающе груб и заносчив. Надежды на покровительство царя не оправдались. Кончилось тем, что Филипп Таннер был выдворен из страны.

– Так ему! Поделом! – с облегчением вздохнули многие.

Встреча с Пушкиным

Осенняя выставка того далекого 1836 года девятнадцатилетнему академисту Гайвазовскому запомнилась не только увиденными замечательными работами. Да, он был в восторге от «Явления Христа Марии Магдалине» Иванова и портретов Кипренского, скульптур Пименова «Парень, играющий в бабки» и «Парень, играющий в сывайку» Логановского. Да, он подолгу стоял у пейзажей Лебедева и Воробьева.

Но в те сентябрьские дни произошло Событие! Случилось то, что в мельчайших деталях осталось в памяти до конца дней.

19 мая 1896 года из своего имения Шейх-Мамай он написал подробное письмо Н.Н. Кузьмину: «*Милостивый государь, Николай Николаевич! Третьего дня я имею удовольствие получить Ваше любезное письмо, на которое спешу Вам сейчас же с удовольствием ответить... В настоящее время так много говорят о Пушкине и так немного остается из тех лиц, которые знали лично солнце русской поэзии, великого поэта, что мне все хотелось написать несколько слов из моих воспоминаний о нем.*

И.К. Айвазовский.
Прощание Пушкнина с морем.
1887 г.

Вот они:

«В 1836 году, до смерти за три месяца, именно в сентябре приехал в Академию с супругой Натальей Николаевной на нашу сентябрьскую выставку Александр Сергеевич Пушкин.

Узнав, что Пушкин на выставке, в Античной галлерее, мы, ученики Академии и молодые художники, побежали туда и окружили его. Он под руку с женой стоял перед картиной Лебедева, даровитого пейзажиста. Пушкин восхищался ею.

Наш инспектор Академии, которые его сопровождал, искал между всеми Лебедева, чтобы представить Пушкину, но Лебедева не было, а, увидев меня, взял за руку и представил меня Пушкину, как получившего тогда золотую медаль (я оканчивал Академию). Пушкин очень ласково меня встретил, спросил, где мои картины. Я указал из Пушкину; как теперь помню, их было две: «Облака с ораниенбаумского берега» и другая «Группа чухонцев на берегу Финского залива». Узнав, что я крымский уроженец, великий поэт спросил, из какого города, и если я так давно уже здесь, то не тоскую ли я по родине и не болею ли на севере. Тогда я его хорошо рассмотрел и даже помню, в чем была прелестная Наталья Николаевна.

На красавице супруге поэта было платье черного бархата, корсаж с переплетенными черными тесемками и настоящими кружевами, а на голове большая палевая шляпа с большими страусовым пером, на руках же длинные белые перчатки. Мы все, ученики, проводили дорогих гостей до подъезда…Теперь я посчитаю на пальцах тех немногих, которые его помнят, а я вдобавок был любезно принят и обласкан поэтом. Из Москвы меня просят прислать на выставку к осени картину из жизни Пушкина (и в Исторический музей в Москве). Я послал им две картины: «Пушкин у Гурзуфских скал», «Там, где море вечно плещет» (Иначе, чем прежде написанную другую «Пушкин на берегу с семейством Раевских у Кучук-Ламбата». Искренне уважающий Вас И. Айвазовский».

Новый 1837 год принес трагическое известие – скончался Пушкин. Потрясенный Гайвазовский часто уезжает в зимний Кронштадт и под грохот бушующего моря приступает к картине «Берег моря ночью».

По щекам текут слезы? Или это соленые морские брызги?

А губы еле слышно шепчут:

– Пушкин… Незабвенный Александр Сергеич…

На картине, на берегу, рождается силуэт юноши. Он протягивает руки, приветствуя приближение бури.

Непростая вышла работа. Родилась первая дань молодого художника памяти великого русского поэта.

Сколько раз, спустя годы, художник брался за кисть, стремясь через его поэзию постичь образ морского простора. Почти два десятка картин и рисунков выполнил Мастер на пушкинскую тему. Попробуем перечислить: «Пушкин у скал Аю-Дага» и «Пушкин на вершине Ай-Петри при восходе солнца», «Пушкин на берегу Черного моря близ Одессы» и «Буря у крымских скал», «Пушкин на берегу Южного Крыма» и «Пушкин на берегу с семьей Раевских у Кучук-Ламбата».

И.К. Айвазовский.
Берег моря ночью. У маяка.
1837 г.

Однажды Маэстро вместе с Ильей Репиным задумает полотно. На нем, стоя на скалистом берегу и сняв шляпу, поэт прощается с Черным морем. И в рокоте волн разносятся слова:

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой...

* * *

17 марта 1837 года министр императорского Двора князь Волконский подписал предписание президенту Академии художеств: «*Государь император высочайше повелеть соизволил художника Гайвазовского причислить к классу батальной живописи для занятий его под руководством профессора Зауервейда морскою военною живописью и представить ему по сему случаю мастерскую, устроенную подле мастерской художника Пиратского. Свою высочайшую волю я объявляю Вашему высокопревосходительству для надлежащего распоряжения*».

В Качановку! К Тарновским!

Академист I степени Гайвазовский за написанные три морские вида и в особенности за превосходную картину «Штиль», причем положено Гайвазовского отправить для усовершенствования на первые два лета в Крым, на Черное море, в качестве пенсионера с содержанием за границею находящихся художников и затем куда по усмотрению Академии признано будет за полезное.

Из постановления общего собрания
Совета Академии художеств.
26 сентября 1837 г.

Весна 1838 года выдалась ранняя. Над Невой повеяло теплом. И только посеревшие от первого солнца сугробы напоминают о недавней стуже.

– Ваня, ты дома? – раздался стук в дверь.

– Заходи! Заходи, друг мой Штернберг!

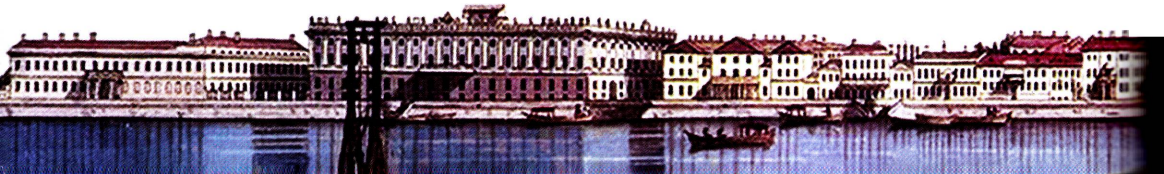
Друзья обнялись. Василий из внутреннего кармана шинели бережно достал сложенный вчетверо листок:

– Вот, почитай!

Гайвазовский пробежал глазами первые строчки: «Предъявитель сего, императорской Академии художеств академист Василий Штернберг отправляется...».

– Ты на мой билет посмотри, – протянул такой же документ товарищу

– А ну, что тебе написали? Так... для свободного его господина Гайвазовского проезда в Крым и обратно, а равно для беспрепятственного занятия его писания видов в пути и на всем Крымском полуострове, где пожелает и для оказания ему в случае нужных содействий...



– Тебе билет когда выдали?

– Мне – первого марта.

– Выходит, нас в столице ничего не держит?

– Выходит, что так. Только маленькое дельце улажу.

– Гайвазовский, что за дельце? На Украине весна, а у тебя дельце. Нас в Качановке ждут.

– Во-первых, не нас, а тебя одного. Во-вторых, не шуми. В Академию сбегаю, узнаю у Зауервейда, поступили ли мои картины в баталический класс.

– Что за картины?

– Шесть работ, что были во дворце.

– Думаешь, без тебя не доставят?

– Пошли вместе?

– Пошли. Заодно с хранителем академического музея Ухтомским простимся.

– Договорились.

– Вещи-то собрал?

– А что их собирать? Бедному одеться, лишь подпоясаться. Все уже уложено, – показал Гайвазовский на кожаный саквояж.

– А подарки родителям где?

– Там, внутри.

– А портфель?

– Думаешь бумагу с карандашами забуду? Вон стоит. Сам то ничего не оставишь?

– Это я то? За меня не переживай!

Гайвазовский назидательно в шутку поднял указательный палец:

– Я с младшими всегда так. Научить тебя, подсказать. Ты-то по малолетству, вижу, совсем несмышленый.

– Ах, ты так! – смешно размахивая кулаками, набросился на друга Василий. – Вот я тебе поддам!

– На старших руку поднимать? – смеясь, защищался тот.

– На полгода старше, а уж нос задирать!

– Ладно уж, пошли!

И друзья направились в Академию. Потом были шумные проводы с друзьями, прощальные визиты к Томилову и Брюллову, Оленину, Воробьеву, Зауэрвейду.

Через несколько дней они уже катили на юг.

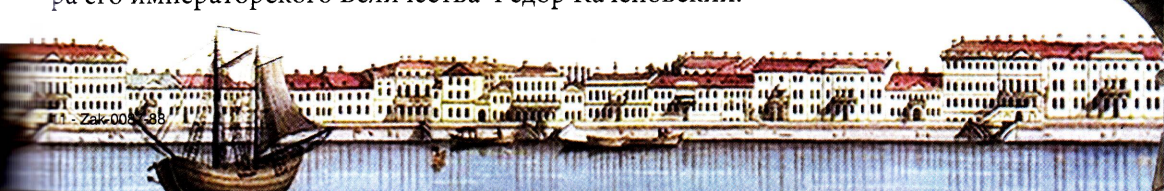
* * *

Всю дорогу Штернберг не умолкал. В который раз восторгался Качановкой. В который раз рассказывал о ее хозяине Тарновском.

А восторгаться и вправду было чем.

Почему Качановка?

В 1742 году хутор на берегу реки Смош на Черниговщине приобрел певчий двора его императорского Величества Федор Качеловский.



В 1770 году эти земли по поручению императрицы Екатерины II были куплены и подарены фельдмаршалу Петру Румянцеву-Задунайскому. Началось большое строительство. Поднялся барский каменный дом-дворец и заложен великолепный парк.

Григорию Степановичу Тарновскому, потомку известного казацко-старшинского рода Тарновских, имение переходит в 1824 году. С именем этого мецената связана слава Качановки. Он изменяет планировку придворцовой части. Там, где прежде был лес, появляются десятки парковых дорог и мостов. Облагораживается обширный пруд и на нем насыпают два острова для гуляний. Завозятся лебеди и коллекция водных растений.

Образованный помещик-миллионер содержит собственный крепостной театр и духовой оркестр, собирает большую библиотеку и создает картинную галерею. К гостеприимному хозяину приезжают известные деятели искусства, литературы и культуры. В уютном уголке украинской природы, в общении с высокообразованным хозяином, они чувствуют себя свободно и непринужденно.

* * *

– Подъезжаем, – выглянул в окно кареты Штернберг.

К поместью тянулась широкая аллея из пирамидальных тополей. Вот дорога пошла на подъем. Впереди на пригорке из окружения вековых дубов и кленов выплыл огромный замок-дворец.

– Комнат сто, не меньше, – присвистнул Ваня.

– Бери скромнее, Гайвазовский. Всего семьдесят шесть, – «успокоил» Штернберг.

Лошади встали, а к молодым людям уже спешили слуги:

– Позвольте ваши вещи, господа.

А по широким ступеням в вышитой сорочке, синих шароварах, заправленных в высокие сапоги, спускался хозяин:

– Рад приезду! От души рад!

– Добрый день!

– Не изменился за год ничем, – обнял Штернберга. – Здравствуй, Василий! Здравствуй, дорогой!

– Григорий Степанович, – представил хозяина Штернберг.

Тот протянул руку.

– Гайвазовский. Иван, – поклонился и ответил рукопожатием Ваня.

– Стало быть, тоже академист?

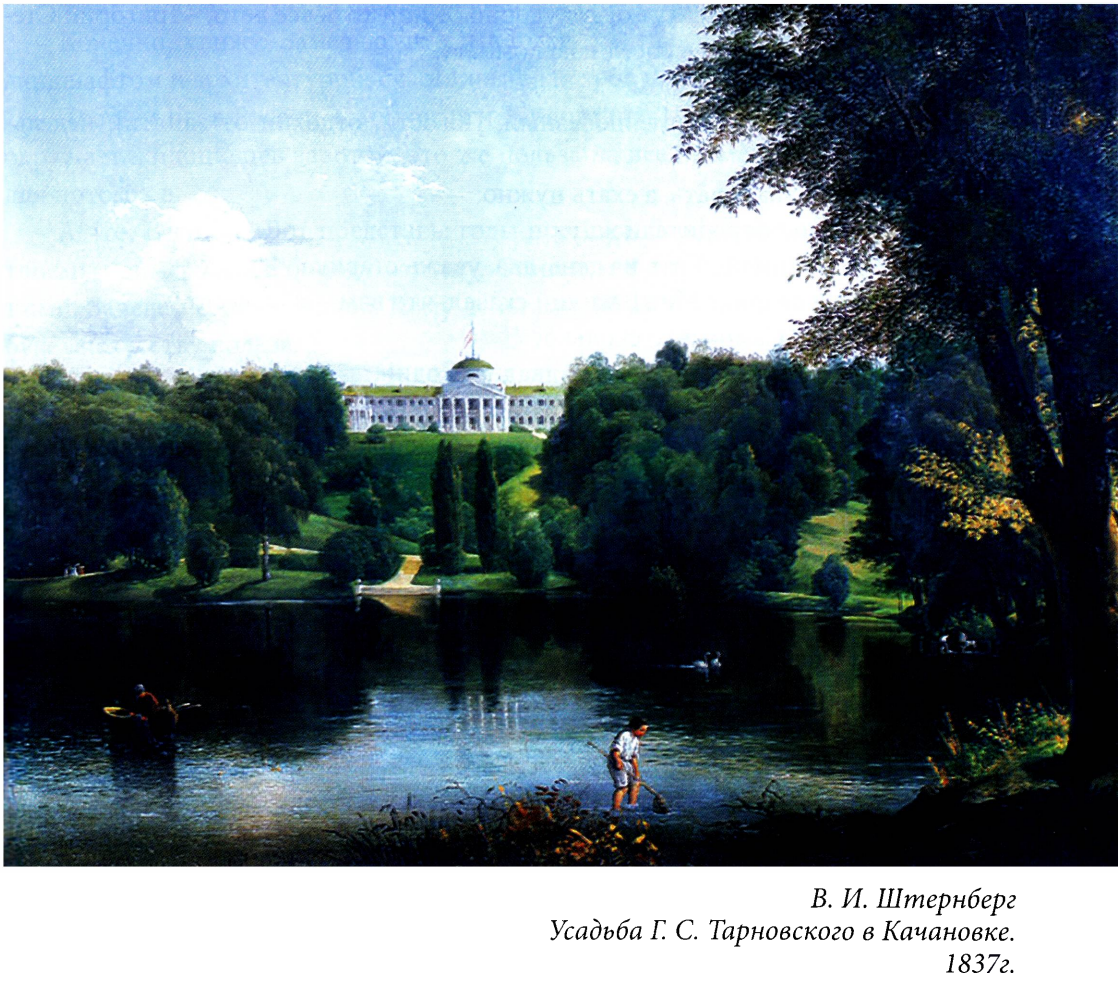
– Мы учимся вместе.

– Замечательно! Прошу, господа, в дом, – увлек за собой. – Ты, Василий, как обычно в свой «фонарик». А Ваня по соседству.

Почему «фонарик», Ваня спрашивать не стал. Заглянул в комнату Штернберга, окна которой закрывали разноцветные витражи. Не удержался от возгласа:

– Точно, «фонарик»!

Цветные зайчики прыгали по стенам, резной мебели, создавая праздничное настроение.



В. И. Штернберг
Усадьба Г. С. Тарновского в Качановке.
1837г.

– Вот и твое обиталище. Тут будет удобно. Живи хоть все лето, – Григорий Степанович пропустил Ваню в соседнюю комнату.

– Извините, я ведь проездом.

– Что из того? Не отпущу, любезный. Погости, отдохни от занятий недельку-другую.

Неловко Ване отказывать, а ехать нужно:

– Меня в Феодосии родители ждут.

– Понимаю, понимаю. Хоть на день-два, уважь старика.

– Какой же вы старик? Мне Василий сказал, что вам – пятьдесят.

– Неужто мало? Самому-то сколько?

– Всего ничего – двадцать. В июле двадцать один.

– Вот, вот. Мне бы твои годы. Ну не буду мешать. Отдохни. Жду в столовой.

В тот день они ходили гулкими коридорами дворца. Ваня разглядывал обитую кожей мебель, мраморные фигуры. У высокого зеркала остановился:

– Старинное.

– Со времен фельдмаршала Румянцева-Задунайского.

– Сколько же лиц оно видело?

– А сколько еще увидит!

Григорий Степанович показал на одну из стен, увешанную десятком картин:

– Знакомая рука?

Ваня прошелся взглядом:

– Батюшки, это же Штернберг! Неужто все ты?

– А то кто? Недаром два лета в Качановке прожил.

– Твоя правда, недаром.

Тарновский присел на большой диван со спинкой из красного дерева:

– Присаживайтесь. Отсюда лучше видно. Как вам центральное полотно?

На Ваню смотрела большая живописная работа с видом усадьбы:

– Смотрите, это же ваш дом на холме. А как выписана гладь озера. Молодец, Штернберг. А мальчишке с сачком в воде стоять не холодно? На дворе – апрель. Ты бы его на берег посадил, что ли.

– Эй, Гайвазовский! Вот я тебе покажу. Над моим творением насмехаться!

– Ладно, ладно, шуток не понимаешь. Замечательная работа.

Тарновский улыбнулся веселым товарищам и серьезно заметил:

– Мне по душе малороссийские мотивы. И «Пастушок» хорош. А какие рядом два киевских сюжета: «Переправа через Днепр под Киевом» и «Вид на Подол». А как Василий ухватил «Малороссийский шинок». Одним словом – молодец!

Тогда Ваня не знал, что Академия за эти полотна наградит его друга двумя золотыми медалями.

А вечером друзья бродили аллеями парка. Прокатились в лодке по одному из прудов, которых в имении, оказывается, двенадцать.

А Василий то и дело останавливался, осматривал уголки парка.

– Примеряешься? – спросил товарища Гайвазовский.

– А как ты думал? Места и впрямь дивные. Еще увидишь мои работы.

– Конечно, увижу. Замечаю, что и впрямь местная природа с продуманным ландшафтом и архитектурой, счастливый для тебя перекресток.

– Поболее бы в России Томиловых и Тарновских. Просвещенный меценат, что окружает живописцев заботой, это же польза на все времена. Картины – это же для потомков.

– А что, Василий. Вот представь: годы пройдут, борода твоя поседеет. И я, по твоему примеру, себе бороду отпущу. Станем мы с тобой богатыми и знаменитыми. Заведем себе учеников. Кому деньгами, кому чем другим подсобим. Вот и будет искусству польза.

– Будет ли так?

– Точно будет! Зачем же тогда все это?

С ветки на ветку прыгали белки. На берегу пруда стояли двое молодых людей. Над холмами и долинами Качановки опускался закат...

– Утром поеду, – сказал Гайвазовский.

– Может быть, еще погостишь?

– Ты-то с родными в Питере попрощался. А меня в Феодосии родители ждут.

– Твоя правда.

– Поеду. Увидимся в Академии.

* * *

«Тарновский, отличавшийся гостеприимством, быстро сблизился с Айвазовским. Мы встречаемся с указанием, что через несколько лет у него находилось уже несколько произведений Айвазовского и среди них одна из его капитальных работ 1839 года – «Лунная ночь в Гурзуфе».

Это слова Н.С. Барсамова из его книги о великом маринисте.

Два крымских сезона

По прибытии в Крым, после кратковременного свидания с родными, я немедля отправился с благодетелем моим А.И. Казначеевым на южный берег, где роскошная природа, величественное море и живописные горы представляют художнику столько предметов высокой поэзии в лицах.

Из письма И.К. Айвазовского, 1839 г.

Плакала от счастья мама и светились радостью глаза отца:

– Ованес приехал!

– Сынок!

Он обнимал самых дорогих на этой земле людей и не мог удержаться от слез:

– Родные мои... Сколько лет.

Мама хлопотала у плиты. Торопливо ставила на стол все новые и новые кушанья, приговаривала:

– А худой какой!

Накладывала в еще полную тарелку очередную порцию:

– Кушай, Овик. Кушай, мой мальчик.

Отец рассказывал о городских новостях, все повторяя:

– Сколько мы не виделись, сынок? Вах, вах, почти пять лет.

Когда обед подошел к концу, взял сына за руку:

– Пойдем, покажу.

С гордостью привел к новой шпалере с виноградом:

– Как ты в столицу уехал, так я саженцы посадил. Смотри, какой прирост.

По молодым ветвям и вправду можно было судить о силе кустов. От еще не толстого, но достаточно крепкого корневища расправляли молодые ветви прошлогодние побеги с набухающими почками.

– Уже пора обрезать. Может быть, завтра? Вместе? – спросил у сына.

– Конечно, папа. Я помогу.

– Ты на персики посмотри. А миндаль как за эти годы поднялся. Сад крепнет. И ты вовсе взрослым стал. Уже, небось, по имени-отчеству величают? А?

– Есть такое.

– А что я тебе еще покажу! Пойдем в дом, Иван Константинович.

В комнатах вкусно пахло лавашами и пловом.

– Мама все не присядет. Думает, что я голодный.

– Мама есть мама.

Отец выдвинул ящик стола:

– Сберегли. Смотри сам.

– Мои письма.

И что-то защемило в груди:

И.К. Айвазовский.
Старая Феодосия.
1839 г.

– Даже десяток не наберется. И это за долгие четыре с половиной года.

– Овик-джан, а сюда гляди, – отец выложил на стол сверток, завернутый в плотную бумагу.

Ованес не торопясь, развернул. Это были его старые рисунки. Один за другим разложил их на столе:

– Как давно это было...

Он посмотрел на свои неумелые пробы. Память возвращала его в далекую юность. В годы, которые никогда не вернутся. Так же, как не смогут родиться вновь такие вот несмелые акварельные пробы. Он оценивал эти работы новым взглядом профессионально подготовленного художника. Понимал, что его рост как художника напрямую зависит от педагогов и окружающей обстановки.

– Все-таки я – счастливый человек. Кем бы я стал без Академии, без людей, что меня поддержали? Что бы со мной сталось, останься я в Феодосии?

С родителями он говорил до глубокой ночи. Слушал и снова рассказывал о далеком северном городе.

– За деньги, что ты присылал, спасибо. Если б не они, то мама все бы за рукоделием сидела. Глаза-то уже не те. Да и руки.

Ованес смотрел на родителей грустным взглядом: «Постарела... Как ты постарела, моя мама. И отец. Все молодится. Все такой же бодрый. Но время берет свое».

* * *

Молодой художник стоял на берегу. Все было родным и близким, хорошо знакомым с детства. Он ходил у кромки воды. В уме стремительно проносились события последних лет. Друзья-академисты и педагоги, встречи с Пушкиным и Брюлловым, Крыловым и Глинкой, Томиловым.

Почему-то вспомнился батальный класс профессора Зауервейда. Как все удивлялись его работоспособности, а педагог все повторял:

– Плодовит! Образцово плодовит!

И приказывал ежедневно менять холсты на его мольберте.

С сожалением вспоминал о завистниках, которых природа не одарила талантом, но которые критиковали на все лады даже его лучшие картины.

Весеннее море, казалось, соглашалось с ним, перекатывая блестящую гальку:

– Пр-ра-виль-но... Пр-ра-виль-но...

Он докажет всем и, в первую очередь, себе, что учеба не прошла даром.

А море бросало в его сторону соленые брызги. Оно волновалось вместе с ним:

– Пришла новая весна в твоей жизни!

И дни были ясными, безоблачными. И будущие два года его крымской практики тоже обещали выйти светлыми и плодотворными.

Впечатления от холодной седой Балтики прятались в подсознание. Родное Черное море будоражило воображение, рождало сюжеты будущих картин.

– Феодосия. Город моего детства. Я обязательно тебя нарисую! – дал себе слово.

А сине-голубой простор заливал сердце радостью будущих открытий.

А вот и первая неожиданность.

– Ованес! Радость-то какая! Александр Иванович приехали! – торопился с новостью отец.

Наскоро переодевшись, Гайвазовский поспешил на встречу с Казначеевым.

Оказалось, что Таврический губернатор недавно вышел в отставку. Он внимательно следил за успехами юноши. Гордился его ранней славой. А когда предложил стать попутчиком в поездке по Южному берегу, Ваня, естественно, с радостью согласился.

И вот они в Гурзуфе. Здесь все напоминало о Пушкине. Путешественники первым делом заглянули в дом Ришелье:

– Прямо не верится. Ведь по этим дорожкам ходил великий поэт. В этом доме у Раевских он жил.

Шумело море и Казначеев рассказывал о встречах с Пушкиным. Ваня тоже вспоминал о своей единственной встрече с Александром Сергеевичем. Ведь с тех пор и без того любимый им поэт сделался предметом его дум, бесед и расспросов о нем.

И делал зарисовки. На одних появлялся пустынный берег и скалы-близнецы Адалары. На других громада Медведь-горы и задумчивый высокий тополь. Он старался перенести на бумагу даже ощущение безмятежной ночи и серебро одинокой луны.

– Это тоже станет картиной? – спросил Александр Иванович, глядя на очередной этюд.

Слева на рисунке возвышался типичный южнобережный дом в два этажа. Второй этаж – терраса, увитый виноградом, как-бы развернулся лицом к морю. Мимо на утоптаной дорожке контуром выведена женщина. И кипарисы, и далекое очертание гор, тоже контуром.

– Пока не знаю, – спрятал набросок художник, – была бы моя воля, каждый бы день писал по картине. Где еще можно лицезреть столь роскошную природу? В каких уголках земли такие величественные горы и безбрежный морской простор, как в Крыму?

– Это ты верно подметил. На Балтике такого не увидишь. В твоих последних работах небо жесткое, свинцовое. Волны характерно суровые, серые. Уловил ты строгость и холод. Не зря медаль золотую получил. С превеликим удовольствием смотрел я на твои картины, – заметил Казначеев.

Ваня от неожиданности даже оробел:

– Неужели? И вправду видели?

– И не просто видел.

И Александр Иванович по памяти перечислил все шесть работ, купленных у Гайвазовского для Академии:

– «Море при заходящем солнце», «Два корабля, освещенные солнцем», «Мрачная ночь с горящим судном на море», «Тихое море и на берегу судно с матросами»...

На секунду замешался:

– Ох, стар стал. А еще две работы забыл.

Ваня с радостью помог:

– Одна – «Кораблекрушение». Другая – «Часть Кронштадта с разными судами».

Казначеев по-отцовски прижал Ваню к себе:

– Ты вырастаешь в мастера. Потому я посчитал, что грешно тебе на одном месте, в Феодосии, сидеть. Путешествие тебе нынче на пользу пойдет. Здесь твой талант поболе окрепнет. Ты, любезный, еще Ялту не видел. Вот где красота!

– Спасибо, Александр Иванович, за подарок! – порывисто произнес Ваня.

– Что ты? О чем?

– Эта поездка ценнее многих месяцев занятий в академических классах. Там все по памяти, а здесь... Истинно подарок!

Он не ошибся.

Дорогим подарком вышло путешествие. В роскошном букете южнобережного великолепия Ялта была истинной находкой.

Путешественники никуда не спешили:

– Когда еще выпадет такой случай? Жара начнется в июле. Вот тогда и посмотрим.

Да и можно ли бежать от розовой глади моря, одетой дымкой утренней зари? Уснешь ли при виде сиренево-серебристой вершины Ай-Петри, набрасывающей темный покров на сказочное великолепие крошечного приморского городка.

Хоть и мала Ялта, но с 1838 года получает новый официальный статус.

Уездный город!

Строится порт и поднимаются двухэтажные каменные дома. Открываются магазины и гостиницы. На недорогой отдых к морю начинает ехать народ.

Рейсы Русского общества пароходства и торговли становятся регулярными. Ялтинский порт оживает. Заезжие артисты развлекают публику.

– О, какой ландшафт!

– О, это теплое море и благодатный климат!

– Сказочное место успокоения и отдохновения! – вздыхают отдыхающие и путешественники.

Уже с конца 1830-х годов Ялта начинает ассоциироваться с курортом. Пусть основная масса российской публики лечится и отдыхает на хорошо обустроенных, комфортабельных курортах Европы и Египта.

Ялта и все Крымское южнобережье все громче заявляет о себе.

Домой Гайвазовский вернулся в середине лета. Быстро оборудовал себе мастерскую и с головой ушел в работу. Часов он не замечал. Да что там часы!

В окно мастерской застучал осенний дождь:

– Работай! Мешать не буду!

Мороз разукрасил стекла узорами:

– Все работает! Значит так надо!

Уже весеннее солнце пригревает:

– Вместе со мной встает художник. Кисти до вечера не выпускает. Вот она – усидчивость.

Но как бы ни был занят, находил время для длинных писем знакомым. Выходи-

И.К. Айвазовский.
Ялта.
1838 г.

ли, бывало, совсем наивные строчки: *«Я живу в Феодосии вместе с родителями. У нас уже весна и петрушки много, только не в оранжереях...»*.

Иногда делился сокровенным: *«Сколько перемены в моих понятиях о природе, сколько новых прелестей добился и сколько предстоит впереди...»*

А на мольберте – новая работа.

– Как назову?

Задумывается:

– «Феодосия». А может быть «Моя Феодосия»?

Смотрит на контуры берега, башню Константина и все посмеивается:

– Или лучше будет назвать «Старая Феодосия»?

Решил, что в новом пейзаже особая прелесть выйдет при панорамном изображении:

– Здесь не нужно нагромождение пышной растительности и эффектных скал. Пусть на рейде замрут корабли и мыс Ильи замыкает тихую бухту. Погода ясная и теплая. И виноградник слева. И фигуры моих земляков. От картины должно веять покоем и умиротворением. Вот и выйдет подарок любимому городу.

Как-то в дверь раздался настойчивый стук.

– Мама стучит тихо. Друзья тоже так не стучат.

Отворил:

– Ой, Николай Николаевич...

Ступил на шаг назад:

– Добрый день, проходите... А я вот пишу...

Генерал Раевский, начальник Черноморской береговой линии, крепко, по-мужски, пожал руку:

– Здравствуй, дорогой Иван Константинович!

Зашел, огляделся:

– Я проездом по пути на Кавказ. Мы там десант готовим. А ты как?

Ваня стал рассказывать о событиях минувшего года, встречах, планах на будущее.

Увидел с каким интересом гость смотрит на его картины:

– Ой, извините. Что я все говорю и говорю?

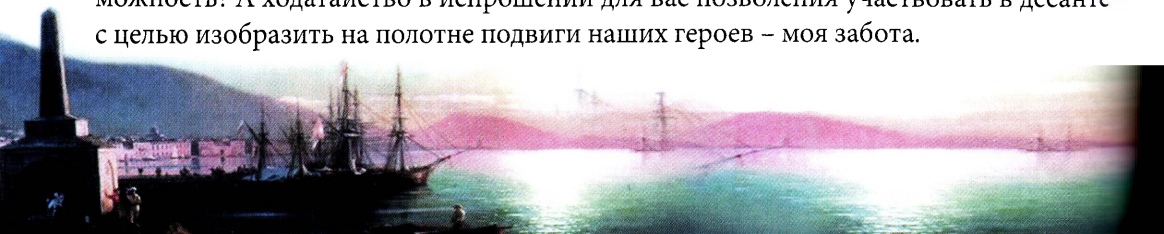
И стал показывать генералу новые работы. Объяснял, рассказывал о рождении того или иного сюжета, а сам ожидал от Раевского объяснения цели своего визита.

Николай Николаевич изъяснился по-военному, четко:

– Нашим войскам надлежит занять местность на восточных берегах Мингрелии в районе Субаши. Приглашаю присутствовать при высадке десанта на оных местах. Представится редкая возможность обозрить красоты природы малоизвестных восточных берегов Черного моря.

И уже почти официальным тоном:

– Когда вам, уважаемый Иван Константинович, предоставится такая редкая возможность? А ходатайство в испрошении для вас позволения участвовать в десанте с целью изобразить на полотне подвиги наших героев – моя забота.



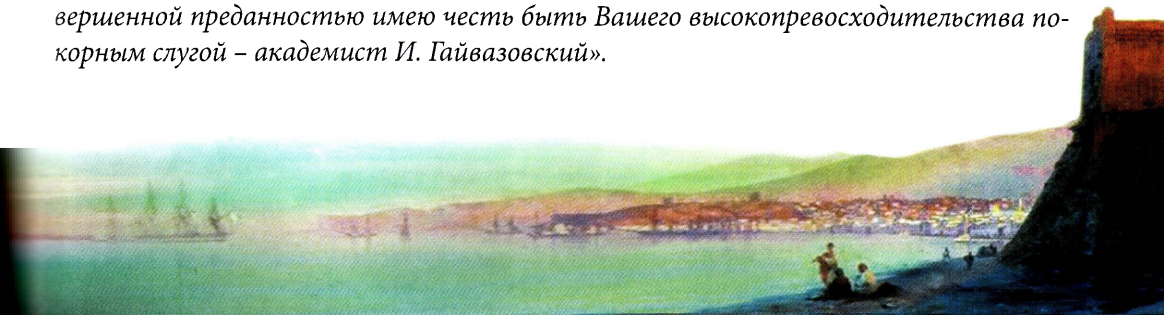
– Согласен! Конечно, согласен! – с радостью воскликнул Гайвазовский.

27 апреля из Тамани в адрес А.И. Оленина ушло его подробное письмо:

«…по прибытии в Крым, после кратковременного свидания с родными, я немедля отправился, как Вам известно, с благодетелем моим А.И. Казначеевым на южный берег, где роскошная природа, величественное море и живописные горы представляют художнику столько высокой поэзии. Там пробыл я до июля месяца 1838 года и сделал несколько удачных эскизов. Оттуда возвратился в Симферополь и в короткое время нарисовал множество фигур с натуры, потом устроил свою мастерскую на родине моей в Феодосии, где есть и моя любимая стихия.

Тут отделал я пять картин и отправил их месяца три тому к Александру Ивановичу Зауервейду, прося представить их по принадлежности, о сем тогда же донесено мною В.И. Григоровичу. К сожалению, до сих пор не имею я никакого известия о участи посланных картин. Вероятно, вы уже благоволили их видеть. Кроме сих приготовил шесть сюжетов, из которых три отделал и к выставке будут представлены Вашему Превосходительству. Одна представляет лунную ночь, во второй – ясный день на южном берегу, третья – буря. Сверх того сделал и еще несколько новых опытов и эскизов, думал уже приступить к отделке всего, чтобы привезти с собою в Петербург, не пропуская данного мне срока. Я еще в феврале просил отсрочку до августа, но до сих пор никакого ответа не получил и решил остаться до ответа. Между тем генерал Раевский, начальник прибрежной кавказской линии, проезжая через Феодосию к своей должности для совершения (военных подвигов при занятии мест на восточных берегах Мингрелии, был у меня в мастерской и настоятельно убеждал меня поехать с ним, дабы обозреть красоты природы мало известных восточных берегов Черного моря и присутствовать при высадке на оные войск, назначенных к боевому занятию означенных береговых мест. Долго не решался я на это без испрошения позволения Вашего, но с одной стороны убеждения генерала Раевского, и принятие им на себя ходатайства в испрошении мне сего позволения, с другой – желание видеть морское сражение при такой роскошной природе и мысль, что изображение на полотне военных подвигов наших героев будет угодна… В продолжении этого времени я успею окончить все и явлюсь… может быть еще прежде отсрочки. Здесь на берегу Азии удалось мне рисовать портреты многих черкесов, линейных казаков, для будущих картин, – но вот уже пароходы и флот стоят перед моими глазами для принятия войск, послезавтра надеюсь увидеть то, чего еще я не видел и может быть никогда в жизни моей не увижу.

После первого десанта, что будет около 1 мая, я отправлюсь в Феодосию докончить совершенно картины к выставке и потом опять притти с флотом на второй и третий десант, если на то будет Ваше согласие. Повергая себя продолжению благодетельного ко мне расположения Вашего, с душевным высокопочтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашего высокопревосходительства покорным слугой – академист И. Гайвазовский».



* * *

На корабле встретили его радушно. Флот в составе пятнадцати судов быстро вышел к цели. После бомбардировки побережья высадился семитысячный десант.

Вместе со всеми шел в атаку молодой художник. В одной руке – пистолет. В другой – портфель с бумагой и рисовальными принадлежностями. Вот и все вооружение.

Черкесы сдали свои позиции и настала передышка. Не теряя времени, Гайвазовский принялся рисовать:

– Где бы я подобное увидел? Рядом – группа солдат. Чуть поодаль – сидящие на барабанах офицеры.

Тут за убитыми приехали черкесские подводы. Только хотел зарисовать бородатого кавказца, как тот, ни слова не говоря, взял портфель из рук.

Хотел было Гайвазовский крикнуть: «Ты куда?» Да черкес уже показывает рисунок своим.

Подождал художник и решил спросить: «Нравится, не нравится?» А горец молча возвращает листок, выпачканый в крови, и уходит.

Так и не узнал Иван Константинович, понравилась ли жителям гор живопись.

В другой раз разговорился художник с другим черкесом:

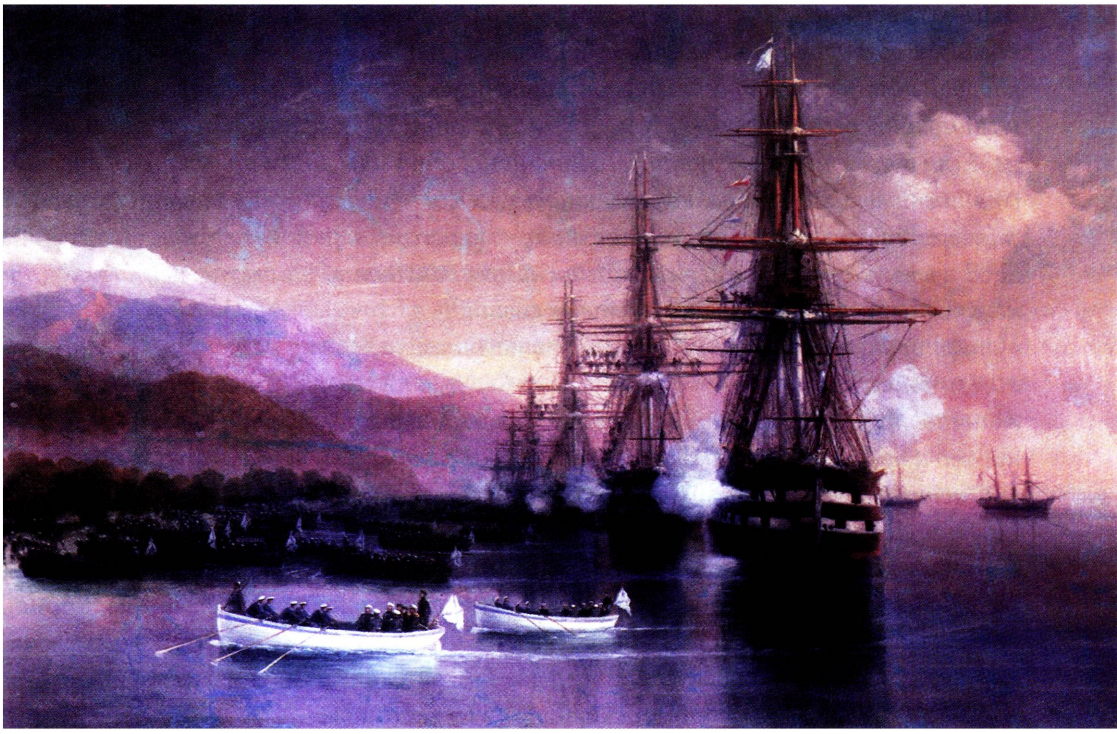
– А что, если бы я к вам в плен попал, позволили бы мне рисовать?

– Нет, это пустяки. Вот, если бы ты был портной, мы бы тебе не запрещали работать. А это – пустяки.

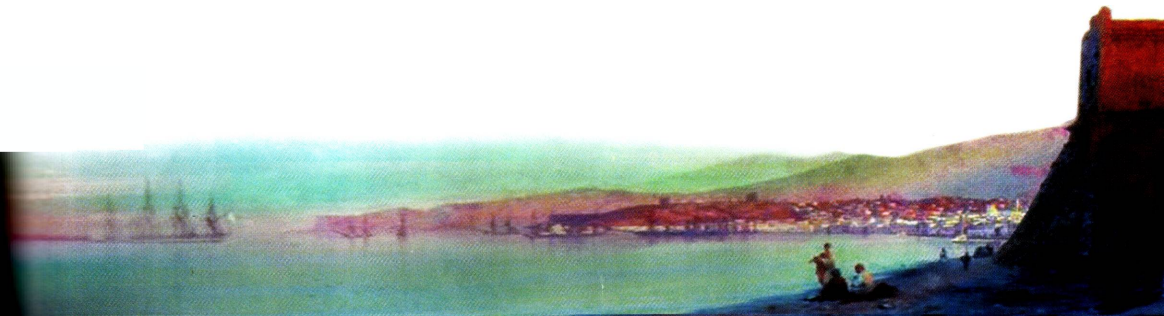
После второго десанта, вернувшись в Феодосию, поспешил отчитаться перед Академией письмом на имя В.И. Григоровича:

«Милостивый государь, Василий Иванович!

Второй вояж с Н.Н. Раевским к Абхазским берегам помешал докончить все картины, которые я назначил было к выставке и потому, возвратившись с первого десанта, я занялся окончанием картины, но немного успел, как видите, одну картину, которую посылаю с этой же почтой. Я предвижу, что также найдутся некоторые, которые скажут, что не довольно окончены. Это зависит от того, как зритель захочет смотреть. Если он станет перед картиной, напр. «Лунная ночь», и обратит главное внимание на луну и постепенно, придерживаясь интересной точки картины, взглянет на прочие части картины мимоходом, так назову, и сверх того, не забывая, что это ночь, которая нас лишает всяких рефлексий, то подобный зритель найдет, что эта картина более окончена, нежели как следует… Я знаю, что и на этой моей картине луна полтинник да спрятать не за что было, да кто написал не только луну, но даже свет луны так сильно, как он есть в натуре, тот [убедится]что вся живопись слабое подражание природы. Я Вас попрошу обратить внимание на сочинение этой картины… прошу Вас, если согласитесь, выставить прежние картины: Ялту, Греки, Пурга, Утро и Ночь. Я знаю, что в них есть недостатки, но есть и то, чего прежде я не писал. Наконец, эти все пять картин доказывают, что я об себе мало думаю, смотря по сюжетам картин, которые немного сложны. Впрочем представляю в Вашу волю делать как Вам угодно. Если я пишу, что лишнее,



И.К. Айвазовский.
Десант в Субаши.
1839 г.



только чтобы изъявить свое желание. Через эти вояжи у меня пропасть эскизов кавказских, а кроме того масляными красками написал одну картину десант, когда корабли обстреливают берег, но послать к Вам я раздумал, ибо картина небольшая и много интересных предметов, которые в миниатюре, хотя картина более аршина. Если б я послал эту картину, то значит, [хотел бы] этим отделаться впоследствии стольких способов, какими я пользуюсь, а эти десанты я начал на хорошем размере и подробнее будет… кроме того, у меня есть картины четыре, только что не кончены как следует и нет возможности докончить на выставку, ибо сегодня получил известие от Раевского, чтобы спешить в Керчь мне, чтобы вместе отправиться опять на третий десант с флотом и сейчас спешу на почту отдать это письмо и картину и потом отправлюсь в Керчь, а по возвращению из Кавказа начну оканчивать картины и по порядку буду отсылать их Вам. Итак, простите за экое письмо и просьбы, а все причиной Ваше доброе сердце, если немного смелее просил.

С истинным уважением и всегда преданный Вам от всей души.

И. Гайвазовский».

Три раза в 1839 году довелось плавать Гайвазовскому к берегам Кавказа. Немало материала собрал для будущих картин. А еще познакомился с Лазаревым, Корниловым, Нахимовым и многими известными в будущем офицерами морского флота.

А вернувшись в Феодосию, написал две замечательные картины из жизни флота: «Десант в Субаше» и «Черноморский флот в Севастополе».

Хороший вышел отчет о работе в Крыму. В этом отчете были и десять других произведений.

Два года его самостоятельного труда немало значили в его творческом становлении. Привычным за это время стало писать картины с натуры.

Он был уже не просто талантливым академистом.

Он становился зрелым, блестящим мастером.

* * *

«Санкт-Петербургская императорская Академия художеств в силу своего устава, властью от монарха ей данною, воспитанника своего Ивана Гайвазовского, обучавшегося в оной с 1833 года в живописании морских видов, окончившего курс своего учения, за его хорошие успехи и особливо признанное в нем добронравие, честное и похвальное поведение, возводя в звание художника, уравниваемого по всемилостивейше данной Академии, привилегии с 14-м классом и наградя его шпагою, удостаивает с потомками его в вечные роды пользоваться правами и преимуществами, той высочайшею привилегией таковым присвоением. Дан сей аттестат в Санкт-Петербурге за подписанием Президента Академии и с приложением большой ее печати».

Из аттестата художнику И.К. Айвазовскому. 23 сентября 1839 г.

Европа рукоплещет.

Мотивы Средиземноморья

3 июля 1840 г. Свидетельство.
От императорской Академии художеств художникам 14 класса Николаю Бенуа, Михаилу Шурупову, Сократу Воробьеву, Ивану Гайвазовскому и Василию Штернбергу в том, что они, во исполнение высочайшего его императорского величества повеления, ныне отправляются за границу для дальнейшего усовершенствования в художествах пенсионерами Академии. Во уверение чего и дано сие свидетельство от Академии с приложением меньшей печати ее.
Конференц-секретарь Григорович.

– В путь, друг мой Штернберг!

– Прощай, российская столица! Прощай, Кронштадт! – пафосно выговорил Василий.

Мелькают за окном незнакомые места. Сменяют друг друга города.

Только вчера Вену проехали, а тут уже Грац. За ними Лейбах и Рим. Италия – столица художественного мира. Это классическое искусство Древнего Рима и великие мастера эпохи Возрождения. Это прекрасная природа, которая так влекла сюда наших молодых художников.

Музеи, дворцы и художественные галереи Венеции, Флоренции и Неаполя покорили Гайвазовского. А Рим просто потряс. Не удержался, чтобы не описать свои ощущения: «Я видел творения Рафаэля и Микеланджело, видел Колизей, церкви Петра и Павла. Смотря на произведения гениев, чувствуешь свое ничтожество! Здесь день стоит года».

Легко и быстро он взялся за работу. Казалось, ни на минуту не выпускал из рук карандаш с бумагой.

Его воображение поражало многое. И он рисовал, будучи в дороге, во время встреч и просто на улице. Папка заполнялась десятками карандашных рисунков.

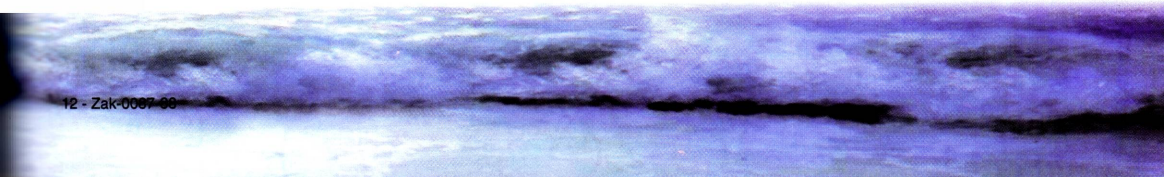
В мастерской одна за другой появлялись все новые законченные работы.

Только за полгода он написал около двадцати крупных картин. А были еще произведения небольших размеров.

Постепенно сложился новый метод его работы.

– Ты индивидуален и не похож ни на кого, – замечал Штернберг.

Теперь он уже не мог с мольбертом просиживать часами на берегу. Не мог методично переносить на холст изменения освещения или движения волн. Его феноменальная зрительная память прочно сохраняла эффектные моменты изменения увиденного. А в тишине мастерской филигранное мастерство позволяло точно и убедительно воссоздавать запомнившиеся картины природы.


12 - Zak-0067-09

На выставках его полотна, созданные воображением, собирали толпы зрителей. Это был успех.

Прошел всего год, и о его произведениях стали писать в газетах. Любители живописи заслуженно называли его имя в числе лучших маринистов Европы.

Посмотрев на картину «Неаполитанский залив в лунную ночь», великий английский маринист Джозеф Тернер свой восторг выразил стихами: «*На картине этой вижу луну с ее золотом, стоящую над морем и в нем отражающуюся... Поверхность моря, на которой легкий ветерок нагоняет трепетную зыбь, кажется полем искорок или множеством металлических блесток... Прости мне, великий художник, если я ошибся, приняв картину за действительность, но работа твоя очаровала меня, и восторг овладел мною. Искусство твое высоко и могущественно, потому, что тебя вдохновляет гений*».

Слава российского живописца облетела Европу. Его успехами гордились на родине. «Художественная газета» поместила обширный материал об успехах Айвазовского в Италии: «*В Риме, на художественной выставке, картины Айвазовского признаны первыми. «Неаполитанская ночь», «Буря» и «Хаос» наделали столько шума в столице изящных искусств, что залы вельмож, общественные сборища и притоны артистов оглашались славою новороссийского пейзажиста; газеты гремели ему восторженными похвалами, и все единодушно говорили и писали, что до Айвазовского никто еще не изображал так верно и живо света, воздуха и воды. Папа Григорий XVI купил картину его «Хаос» и поставил ее в Ватикане, куда удостаиваются быть помещенными только произведения первейших в мире художников. Изображение Хаоса, по общему мнению, отличается новою идеею и признано чудом искусства*».

На острове святого Лазаря

За один день на острове художник сделал несколько этюдов и, полный впечатлений, вечером покинул остров. Увы, светским людям ночевать здесь не разрешается.

Минас Саргсян. "Иван Константинович Айвазовский".

Эту встречу он ждал. Наверное, с того далекого дня, когда его старший брат Габриэл уехал в далекую загадочную Италию. Покинул, чтобы учиться и жить в не менее загадочном монастыре святого Лазаря.

И вот теперь, попав в Венецию, он представил, как обнимет брата, какие слова скажет.

Сколько сейчас Габриэлу? Если ему – двадцать три, а брат на пять лет старше. Выходит уже двадцать восемь.

Каким он стал?

А. В. Тыранов.
Портрет И.К. Айвазовского.
1841г.

В памяти выплывали картинки далекого феодосийского детства. Они идут по берегу и Ованес прячет свою маленькую ладошку в руке брата. А Габриэл такой взрослый и высокий-высокий. Чтобы посмотреть ему в глаза, нужно было запрокинуть голову.

Ованес прижимался своим худеньким тельцем к брату и радовался:

– Вот он какой у меня!

Потом были редкие письма. Уж кто-кто, а Ованес не виноват, что у почтмейстера такие дорогущие заграничные конверты.

Однажды мальчик даже задумал: «Вот вырасту, заработаю много денег и тогда уж точно куплю целых... десять. Нет, целых двадцать конвертов».

Что написать, он знал твердо. Об успехах в училище, о новых рисунках, о рыбалке.

Но отец собрал нужное количество копеек и купил сыну конверт. Всего один. И он передал брату привет и в подарок нарисовал беседку. Сейчас задумался: «А почему беседку? И почему именно готическую?»

Усмехнулся:

– Каким смешным я был тогда. Можно было море изобразить или парусник.

И в эту секунду встрепенулся от вспышки памяти:

– Это же все Саша. Друг детства Саша Казначеев увлекался чертежами. У него-то я и срисовал эту готическую беседку.

Венеция поразила Гайвазовского. Примерно такой он себе ее и представлял.

Все, что прочел о ней в Петербурге, теперь находилось перед его глазами. Какие каналы! В окружении прелестного каменного города они казались сказочно романтичными. Здесь не было привычных невских лодок и парусников. По глади каналов плыли грациозные гондолы.

Шел август 1840 года.

До острова Святого Лазаря рукой подать. И вот он поднимается по влажным от утренней росы гранитным ступеням. А навстречу уже спешит молодой мужчина в черной монашеской рясе.

Неужели этот человек в очках и с густой черной бородой его брат?

«Как изменился», – отметил про себя.

А слова летят сами собой:

– Габриэл! Родной!

– Здравствуй, братец! – обнимает его Габриэл.

Умные глаза на бледном лице затворника смотрят изучающее:

– Каким ты стал, Ованес!

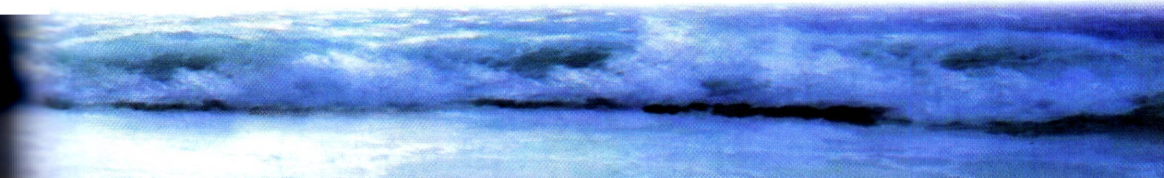
Вот и встретились. Как много нужно сказать. А еще больше хочется расспросить.

– Как живется в уединении? Как проходят ученые занятия?

Речь Габриэла размеренна и нетороплива. Он рассказывает об учебе в духовном училище мхитаристов, о том, как много читает.

Необычайно увлеченно знакомит с работой просвещенных монахов и их трудами.

И.К. Айвазовский.
Хаос.
1841 г.



– А это – наша гордость, – водит между шкафов и стеллажей библиотеки.

Ованес решается спросить:

– Можно посмотреть?

И с трепетом переворачивает страницы древних армянских рукописей. Подолгу останавливается на цветных художественных миниатюрах:

– Какие иллюстрации! Я восхищен!

А Габриэл смотрит с любовью:

– Да, Овик, да. Познакомиться с такой коллекцией многого стоит.

Ованес поднимает глаза:

– А в келью пригласишь?

– Конечно, пойдем.

И добавляет смущенно:

– Только у меня не прибрано.

– Наша мама тоже так говорит, когда в дом кто приходит, – засмеялся Ованес.

Габриэл порылся в бумагах, протянул несколько сложенных листов:

– Узнаешь?

Ованес замер… Говорят, что мужчины не плачут. Это неправда. Разве прикажешь слезинкам не течь по щеке? Разве прикажешь рукам не дрожать?

Пусть будут слезы, он не стесняется их. Они, точно роса памяти, отдают дань ушедшему детству.

Он вслух прочел:

– Любезнейший братец. Свидетельствую вам мое усерднейшее почтение…

И наивный детский рисунок с ровными буквами надписи: «Древняя беседка готическая». И дата внизу: «Июнь 1829 года».

– Одиннадцать лет прошло. Целая жизнь, – проговорил тихо Габриэл.

– Жизнь, которая только начинается, братец. Знаешь, хотел с тобой посоветоваться. А что, если я изменю фамилию?

– Что это ты надумал?

– Ты послушай. Может быть, убрать первую букву? Выйдет «Айвазовский»!

Габриэл задумался:

– Это для благозвучности, насколько я понимаю?

– Именно так.

– Думаю, что это может иметь место.

– Значит, ты согласен?

– Согласен. Пусть предки были Айвазяны. Польское окончание «ский» тоже уместно. Первоначальная буква «Г» осталась от буквального перевода армянской буквы «h», созвучной русскому «Г», которой нет в славянском алфавите. Разумно, братец. Стало быть, в среде русских художников тебя станут именовать «Айвазовский Иван Константинович».

– Я так решил подписывать свои работы. Но письма-то пишу на армянском. И подписываюсь «Айвазян».

– Раз решил, так тому и быть. Хотел спросить, в Италии ты надолго?

И.К. Айвазовский.
Посещение Байроном мхитаристов на острове св. Лазаря.
1899 г.

– Думаю, четыре-пять лет пробуду. Так Совет Академии решил. Потом домой.

– А домой – это в Феодосию или Санкт-Петербург?

– По правилам Академии, о командировке должно отчитаться. Да и столица есть столица. Но сердцем я в Феодосии. Сам-то на родину приехать не хочешь? Мама ведь одна осталась. Папа недавно умер. Навестил бы.

– На то воля руководства аббатства. Не забывай, что я монах.

– Позволишь, я обращусь к аббату?

– Спасибо, Ованес. Отцу настоятелю я тебя представлю. Но это позже. Пойдем, покажу тебе храм.

В монастырской церкви братья поставили свечу:

– За упокой раба Божьего Каетана.

– А приходилось тебе слышать о Байроне в связи с нашим монастырем?

– Неужели он здесь бывал?

– Пошли, покажу комнату, где он жил, – пригласил Габриэл, – там все осталось в таком виде, как было при Байроне.

Художник с немым восторгом рассматривал скромную комнату, а Габриэл рассказывал о великом английском поэте:

– Джордж Байрон родился в Лондоне в знатной семье. Унаследовал титул лорда, закончил Кембриджский университет, много путешествовал. Да ты, наверное, об этом знаешь.

– Да, Габриэл, это известные факты.

– Но не часто говорят о его бунтарском характере, протестующем против старых норм морали, любых форм насилия. Еще меньше о том, что в 1816 году он навсегда покинул родину и прибыл в Италию. Представь, он начал изучать армянскую литературу, историю Армении и армянский язык. В нашей библиотеке он проводил целые дни и в итоге написал «Словарь английского и армянского языков».

– Невероятно. Англичанин учит язык далекой страны.

– А что тут удивительного? Это был его протест против турецкого ига. В предисловии к «Словарю» он написал: *«Какой бы ни была судьба армян, а она в прошлом была горькой, какой она ни будет в будущем, родина их должна остаться навеки одной из интереснейших стран мира»*.

* * *

Солнце клонилось к закату. Айвазовский зарисовал монастырские строения. Перенес на бумагу очертания береговой линии. Сделал несколько портретов.

Заканчивалась его встреча с любимым старшим братом.

Всего один день на одиноком острове. Под впечатлением от увиденного, в том же 1840 году, рождается картина «Монастырь Святого Лазаря».

А еще Ованес запомнил рассказ брата о Байроне. Образ выдающегося поэта, отдавшего жизнь за освобождение Греции от турецкого владычества, вдохновлял Айвазовского. Пройдет время, и он напишет картину «Посещение Байро-

ном мхитаристов на острове Святого Лазаря». На ней он изобразит поэта с мхитаристами С. Сомаляном, А. Авгеряном и другими.

Со временем обитель монахов-ученых украсило великолепное полотно «Хаос», переданное из Ватикана.

А в июне и августе 1842 года Иван Константинович снова побывал на острове. Монахи-ученые устроили признанному художнику торжественный прием.

Теплой вышла ответная речь мариниста. Закончил он словами:

– Для меня высокая честь быть принятым в этом святом месте. Примите от меня скромный дар – мою новую картину «Маяк в Неаполе».

В сентябре от настоятеля монастыря на имя Айвазовского пришло письмо: *«Благородный господин! Наша любовь и благодарность не меньше проявленной Вами любви и признательности к нашему Ордену. А теперь, даря творение вашего чудесного таланта монастырю, обязываете нас, чтобы наши последователи, имея перед собой эту бессмертную работу, всегда помнили о вашей любви и признательности. Знайте, что мы всегда гордимся вашим талантом, благородством и всегда молимся за ваше здоровье и счастье.*

Остаюсь молящимся слугой благородного господина. Сукьяс Самоян».

О маркизе, картине и колбасе

Дело было в Венеции. Шел 1842 год. Поездка по Италии складывалась как нельзя лучше. Создавались все новые и новые картины. И воспринимались они тепло и благожелательно.

А, рожденная в Венеции, «Лунная ночь», как признавался Айвазовский, «вызвала всеобщее восхищение».

Не обходилось, правда, без курьезных историй.

Среди многочисленных поклонников молодого автора оказался один эмоциональный маркиз. Понятное дело, знатный итальянец и художник познакомились. Маркиз не унимался:

– Ах, какие картины! Ах, какой талант! Восхитительно все, что вы пишете! Я потрясен!..

Кому не приятна похвала? Ясное дело – каждому по душе. Тем более, что и вправду, картины стоили тех немалых восторгов.

Художник улыбался, слушал, а сам про себя замечал: «Что-то мой новый знакомец не договаривает».

А тот, как мысли чужие прочитал:

– Ах, как я полюбил ваши гениальные произведения. А мой брат так тот без живописи жить не может.

И давай рассказывать о любви родственника к искусству.

Прищурился хитро Айвазовский:

– Неужто такая страстная любовь к живописи у вашего брата?

– Сильнее не бывает! – закатил глаза маркиз. – На своей колбасной фабрике работает, а все про живопись думает.

Оказалось, что тот – владелец богатого колбасного предприятия в Болонье.

Наконец, маркиз от намеков перешел к делу:

– Если бы он осмелился предложить вам за картину вашей работы что-либо из своих изделий.

Такой поворот от души позабавил мариниста.

Чем же закончилась история?

Много лет спустя Иван Константинович об этом рассказывал:

«– Почему же нет? – отвечал я, смеясь. – Я очень люблю ветчину, колбасы и сосиски, особенно болонского произведения!..

– Стало быть, вы не отказываетесь порадовать моего брата? – воскликнул маркиз.

Я написал в тот же день небольшую картину, которую маркиз переслал своему брату в Болонью. Через несколько времени благодарный колбасник прислал мне огромный запас всякого рода своих изделий, действительно превосходных».

«Айвазовский утонул!»

Путешествие по Европе продолжалось. Вот простился Иван Константинович с Англией.

Куда дальше?

Решил:

– Пароходом в Португалию.

Все бы хорошо, но в Бискайской бухте случилась страшная буря. Точно скорлупку бросало пассажирский пароход с гребня на гребень.

Старый капитан дело знает. От одной волны увернулся. От другой. А буря крепчает.

Пассажиры по каютам спрятались. Кто о спасении молится, кто от страха дрожит.

Тут усилился ветер, и стало понятно, что со штормом судно вряд ли справится.

Налетевший шквал искорежил дымовую трубу. Вот-вот встанет паровая машина.

– Рубить мачты! – отдал приказ капитан.

И.К. Айвазовский.
Кораблекрушение.
1843 г.

* * *

В назначенный срок в порт назначения корабль не пришел. И на следующий день тоже.

Слухи полетели, что по небу молния:

– Утонули!

– Корабль не выдержал шторма!

– Пассажиры погибли! Никто из команды не спасся!

Проверили списки и среди пассажиров нашли фамилию Айвазовского:

– Какое горе!

– Погиб в двадцать шесть лет!

– Это же русский художник!

– Айвазовский утонул!

– Какая потеря для искусства!

Слухи о страшном шторме с разукрашенными подробностями гибели известного художника взбудоражили Европу. Новостью ловко воспользовались продавцы картин Ивана Константиновича. Цены моментально взлетели.

* * *

На рассвете в гавань Лиссабона, едва двигаясь, зашел изувеченный пароход. Он представлял собой жалкое и жуткое зрелище.

Первым по трапу спустился молодой художник. Через несколько дней он рассказывал:

– Страх не подавил во мне способности воспринять и сохранить в памяти впечатление, произведенное на меня бурею, как дивною, живою картиною.

Знакомые и поклонники таланта Айвазовского радости не скрывали:

– Долго жить будете, Иван Константинович!

«Жизнь или кошелек!»

Нашего художника, объездившего весь свет и, постоянно путешествующего, вполне правильно можно сравнить с перелетной птицей, ищущей себе приволья то в одной, то в другой стране.

Н.Н. Кузьмин.

«Воспоминания об И.К. Айвазовском», 1901 г.

Испания для Айвазовского была страной неведомой. Переезжая из города в город, писал множество эскизов.

– Вот куда уж точно никогда не попаду, так в эти края, – говорил себе и все смотрел по сторонам.

В Гренаде решил:

– А поеду я в Малагу. Горы здесь неописуемой красоты.

А в те годы, чтобы попасть в другой город, иначе, как на коляске, и не проедешь. Нанял Айвазовский вместе с испанским купцом возницу.

– Только лошадь покормлю и в путь, – сказал тот.

Дорога по горному хребту Альпухаррас и долгая, и скучная, и утомительная.

Лошадь еле плетется. Ночью, откуда ни возьмись, три молодца, один другого страшнее. Пистолеты и широкие ножи за поясом дополняли их мрачную наружность.

Айвазовский стал ждать возглас: «Жизнь или кошелек!»

Тут один из грабителей взобрался на козлы, а двое других встали у дверей коляски.

– Это бандиты? – спросил Айвазовский у своего спутника.

Тот покачал головой:

– Нет.

– Однако, зачем же они пристали к нам?

– Вы не тревожьтесь, это не бандиты.

Нападавший, сидевший на козлах, получил от возницы несколько монет:

– Свободны!

Соскочил на землю и что-то шепнул товарищу. Тот перелез через плетень и скрылся в винограднике. Через несколько минут вернулся и с улыбкой подал кисть превосходного винограда:

– Счастливого пути!

Поднимавшееся солнце осветило спуск с горы в долину.

– Вот и Малага! – указал купец в сторону белеющего города.

– Отобедаете со мной? – предложил художник.

С веселой улыбкой попутчик согласился и рассказал:

– В своих догадках вы не ошиблись. Это действительно были бандиты.

– Но вы же отрицали это.

– Для того, чтобы вас не пугать.

– Однако, они у вас очень миролюбивые.

– Если хотите – да. Они, как видите, не грабят и не убивают путешественников, но обирают извозчиков. Наш заплатил и мы расстались дружелюбно.

– А если бы он заупрямился?

– Тогда дело могло принять дурной оборот. Но этого не случилось.

– Ничего не пойму.

– Прямая выгода извозчика отделаться несколькими монетами и не подвергать своих седоков опасности. Это повредит его репутации.

– Что вы имеете в виду?

– Извозчик, допустивший ограбление седоков, потеряет свой авторитет. И ни один трактирщик уже не порекомендует его путешественникам.

– Странное дело. Неужели в России настанут времена, чтобы с извозчиков брали только за то, что они извозчики?

Сказал эти слова и решил:

– А разбойников с большой дороги нарисую обязательно!

«В вас стрелять не станут. Особа художника неприкосновенна»

Путешествие Айвазовского по Испании завершилось. Путь к берегам Италии проходит мимо Барселоны.

К берегу пароход подходит, а там стрельба, гул кононады.

Капитан-испанец поясняет:

– Королевские войска заняли цитадель Барселоны. Противники короля осадили город и через крепостные стены бросают бомбы. Но мне крайне нужно по делам на берег. Не желаете стать моим спутником?

– Благодарю любезно за приглашение. Прогулка под выстрелами, думаете, не опасна?

Смелый капитан указал рукой на костюм Айвазовского:

– Любой встречный увидит в вас художника. Испанцы знают, что люди искусства вне политики. Сами убедитесь, что вы и ваши собратья пользуются правами уважения и неприкосновенности даже в минуты сильнейшего волнения народных страстей.

– Ну раз так, то я согласен.

– Спустить шлюпку! – дал команду капитан.

Захватив портфель, Айвазовский спустился в шлюпку. По дороге капитан стал пояснять, что за власть борются карлисты с христиносами. Художнику мало что понятно, но лодка уже у берега. Не успели причалить, как их окружила толпа вооруженных людей:

– Кто такие? Лазутчики? Или вы из наших?

Капитан стал объяснять, что пароход коммерческий и он не имеет к происходящему никакого отношения.

И тут на берег с портфелем под мышкой ступил Айвазовский. Одного взгляда вооруженных людей хватило, чтобы над толпой пронесся возглас:

– О! Художник!

Иван Константинович объяснил по-испански кто он и откуда.

– О, руссо! Руссо художник! – воскликнул начальник отряда.

И с истинно испанским радушием предложил стакан вина. Потом подозвал рослого вооруженного парня:

– Это ваш проводник и личная охрана!

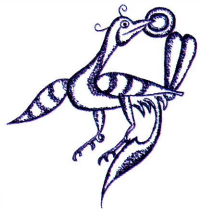
– Что я говорил. В вас стрелять не станут. Особа художника неприкосновенна, – сказал весело капитан, закусывая куском ароматного сыра.

* * *

«В течение двух часов, проведенных нами на берегу, я срисовал вид моря со стоящим на якоре нашим пароходом. Затем, возвратясь на борт, мы поплыли в дальнейший путь к берегам Италии», – вспоминал об этом случае Иван Константинович.

В.И. Штернберг.
Айвазовский в костюме тореадора.
1843 г.

До свидания, Европа!



Во всех журналах очень хорошо отзываются про картины мои… Однако все эти успехи в свете вздор, меня они минутно радуют и только, а главное мое счастье – это успех в усовершенствовании, что первая цель у меня.

Из письма И.К. Айвазовского.

Он собирал вещи и готовился в дальний путь:

– Вот и заканчивается моя командировка.

Раскрыл паспорт с пестрыми отметками мест, где успел побывать. Листал странички, а перед глазами проносились города и страны:

– Сто тридцать пять виз. Ну и проворный ты, Айвазовский. Это что же выходит? В год сорок путешествий.

Задумался:

– Почти четыре года в Европе. Для меня – срок немалый. Каким я был тогда? Двадцатитрехлетним художником с академическим образованием за плечами и двухлетним крымским опытом.

За четыре года настойчивого труда он превратился в сложившегося мастера.

– Метод моей работы отличен от методов моих предшественников. И это радует.

По памяти вспомнил свои основные картины:

– Интересно подсчитать, сколько их в Россию отправил? Сорок? А может быть пятьдесят?

И со вздохом отметил:

– Это мало. Большинство ведь в Европе осталось. Но иначе не могло быть. Взять хотя бы «Хаос». Я ведь не упускал возможности показывать картины на моих выставках по всей Европе. А сколько продано. Как я удачно нашел, свойственную только мне, новую тему в пейзаже.

Основой сюжета стали строки Библии: *«Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою».*

Как удачно он изобразил необузданную первозданную стихию. А на темной поверхности волн отражаются падающие с небес лучи Божьего света.

Вспомнил восторженные отзывы:

– «Хаос» – это чудо искусства.

– Никто ранее еще не изображал так верно и живо игру света, воздуха и воды!

Увидел шедевр Папа Григорий XVI и пожелал его приобрести для своей коллекции в Ватикане. Только Айвазовский отказался принять деньги, а просто подарил ее Папе. В знак благодарности художник получил Золотую медаль от церкви.

Позже в Санкт-Петербурге, на торжественном ужине в честь Айвазовского Гоголь сказал:

– Исполать тебе, Ваня! Пришел ты, маленький человек, с берегов далекой Невы в Рим и сразу поднял «Хаос» в Ватикане!

И.К. Айвазовский.
Берег Неаполя. Вид Везувия.
1877 г.

13 - Zak-0067-20

Да уж, было что вспомнить за эти четыре года.

Как посетил его студию король Неаполитанский Фердинанд II Карл. Как радовался купленной у него картине «Неаполитанский флот».

Вот что было не по душе, так это статья в одной парижской газете. В ней автор писал, что художник, ставший знаменитостью в Париже, вряд ли вернется на Родину.

Айвазовский негодовал:

– Это оскорбительно для российского художника. Что обо мне подумают земляки?

И письменно обратился к русскому консулу во Франции графу М.Ю. Виельгорскому с официальным опровержением клеветы.

Консул успокоил:

– Бросьте, Иван Константинович, заниматься пустяками. Мы-то понимаем, что это досужий вымысел фельетониста. Государь император Николай I имеет желание заказать вам несколько марин.

– Я возвращаюсь в Россию! – решил художник.

Домой! До свидания, Европа!

Мысленно представил маршрут: «Оставляю Бельгию и еду в Голландию. Потом в Гамбург и, наконец, в Петербург. Там останусь месяца на четыре и в Крым».

От предвкушения будущей встречи с родным городом закрыл глаза:

– А ведь и вправду я – счастливый человек.

Домой! В Феодосию!

Возвращение на родину.
«Мастеровым фатеру не сдаем»

Осенью1844 года я уже был в Петербурге. К массе впечатлений, сохранившихся в моей памяти за четырехлетний период пребывания моего за границею, примешивалось, конечно, отрадное сознание в том, что не бесплодно прошли для меня эти счастливейшие годы молодости; что я, по мере моих сил и способностей, оправдал монаршую ко мне милость и те ожидания, которые на меня возлагали соотечественники. Рим, Неаполь, Венеция, Париж, Лондон и Амстердам удостоили меня самым лестным поощрением, и внутренне я не мог не гордиться моими успехами в чужих краях, предвкушая сочувственный прием и на родине.

Из воспоминаний И.К. Айвазовского.

Теперь дело было за малым – найти в Санкт-Петербурге квартиру. Такую, чтобы и в центре, и удобную для оборудования мастерской.

То, что нужно, нашел на Караванной улице. Усатый и бородатый дворник хотел уже было получить задаток, но для порядка спросил:

– А кто вы такой будете? Как доложить домовой хозяйке?

– Живописец Айвазовский.

Дворник изменился в лице:

– Тэк-с, это дело неподходящее.

– Почему так?

Дворник отозвался угрюмо:

– Как вам угодно, но фатеры сдать не могу.

– Это почему? – повторил Иван Константинович.

– А потому, что хозяйка домовая строго-настрого запретила пущать в дом мастеровых. Еще вчерась портному отказала.

– Да я не мастеровой, а живописец.

– Понимаем мы это, – внушительно ответил дворник.

Для убедительности загородил дорогу здоровенной метлой:

– А все же, значит, мастеровые, это по малярному цеху. Фатеру загрязните так, что после и не отчистить. Нет уж, извините. Мастеровым фатеру не сдаем.

Усмехнулся Айвазовский. Идти объясняться с хозяйкой не счел нужным:

– Она, чего доброго, тоже причислит меня к малярам.

Так и не нанял себе квартиры на Караванной улице.

Академик, живописец Главного морского штаба, профессор

16 сентября 1844 г. Государь император высочайше повелеть изволил академика Айвазовского причислить к Главному морскому штабу его императорского величества с званием живописца сего штаба с правом носить мундир Морского министерства и с тем, чтобы звание сие считалось почетным без производства денежного по оному содержания, имея в виду, что труды г. Айвазовского будут вознаграждены особо.

Начальник Главного морского штаба князь Меньшиков.

Квартиру Айвазовский, понятное дело, нашел. Он снял несколько комнат в особняке Яковлевой на Большой Садовой улице.

Друзья и собратья-живописцы торжественно отмечали успехи, увенчанного признанием и европейской славой, Айвазовского.

Да только ли они? Чуть не весь литературный и художественный Петербург поздравлял прославленного мариниста с возвращением.

Поднимались бокалы и провозглашались тосты. Только за весельем застолья художник не забывал о работе. А ее было немало.

Уже 1 июля Президенту Академии художеств пришло важное распоряжение:

«Государь император высочайше повелеть соизволил художнику Айвазовскому заказать написать картины масляными красками, представляющие виды: 1. Кронштадт; 2. С.Петербурга со входа в Неву; 3. Петергофского дворца с фонтанами с моря; 4. Ревеля со стороны моря; 5. Крепости Свеаборга с моря же; 6. Гангута».

– Царский заказ – дело важное и ответственное. Следует показать все свое мастерство, – сказал Айвазовский и с головой ушел в работу.

От дел Айвазовского оторвал голос слуги:

– К вам посыльный из Академии.

– Проси.

– Господину Айвазовскому приглашение, – протянул конверт посыльный.

– Так-с, что там? Ага, приглашают на торжественное заседание по поводу…

Иван Константинович с радостью воскликнул:

– По поводу награждения орденом!

На следующий день живописцу вручали орденские знаки:

– Высочайшим указом художник И.К. Айвазовский, в уважение отличного его таланта в живописи, пожалован кавалером ордена Святой Анны третьей степени.

Прошло чуть больше месяца, и снова радостная новость.

– Поздравляем, Иван Константинович! – ликовали друзья.

13 сентября 1844 года Совет Академии единогласно вынес решение: *«Возвести художника 14 класса Ивана Айвазовского в звание академика».*

Со слезами радости на глазах своего ученика поздравлял профессор Зауервейд:

– Заслужил, Ванечка, заслужил! В Италии приобрел себе имя. В Париже – славу первого художника. В Голландии и Англии – почет и уважение во имя российского искусства. Император, глядя на твои последние работы, так и сказал: «Айвазовский время не потерял!» Теперь, как видишь, настал черед Родины отдать тебе дань уважения.

И снова художник в мастерской. Сменяются холсты и звучат одобрительные отзывы специалистов:

– Эти произведения явственно свидетельствуют об исключительном мастерстве молодого живописца.

– Он превзошел предшественников в изображении баталий и событий, связанных с военной морской историей России.

Флотоводцы и главные чины морского ведомства сходились во мнении:

– Своим творчеством сей искусный живописец свидетельствует о понимании прошлого и заинтересованности впредь прославлять российский флот.

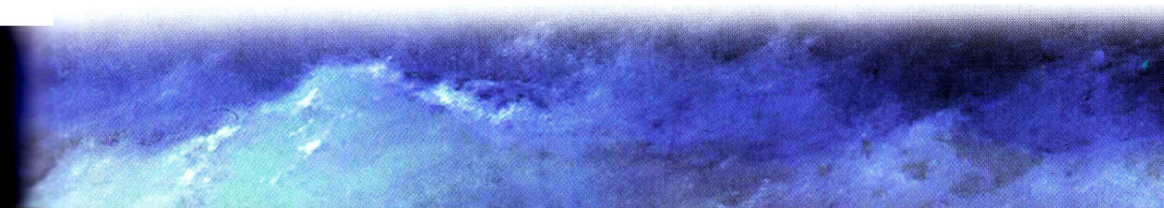
16 сентября 1844 года происходит уникальное событие.

Впервые в российской истории художника официально причисляют к Морскому ведомству.

А еще через время Совет Академии присваивает Ивану Константиновичу звание профессора живописи морских видов.

Почетные звания приблизили мариниста к военно-морскому флоту. Понимание и поддержка руководства Адмиралтейства, уважительное отношение государя окрыляли.

И.К. Айвазовский.
Смольный монастырь.
1849 г.



* * *

Журнал «Русская старина» в 1878 году напечатает обширные воспоминания Ивана Константиновича. Вот небольшой отрывок из них: *«Милость и благосклонное ко мне внимание императора были для меня велики и останутся навсегда незабвенны. По высочайшей воле, мне, когда я писал виды морских сражений, давались всевозможные пособия от Адмиралтейства: чертежи кораблей, рисунки оснастки судов, вооружение и т.д. Для доставления мне случая видеть полет ядра рикошетом по водной поверхности, государь повелел однажды произвести при мне, в Кронштадте, несколько пушечных выстрелов боевыми зарядами. Для дальнейшего ознакомления моего с движениями военных кораблей во время морских сражений, Государь всемилостивейше предложил мне однажды присутствовать на морских маневрах на Финском заливе. Глубоко врезались в мою память эффекты отражения солнечных лучей в клубах порохового дыма, быстро взвивавшихся к небу или плавно расстилавшихся по поверхности залива. Помню, как Государь, осматривая одну из оконченных мною картин, изволил заметить, что изображенные на ней волны и всплески от ядер, падающих в воду, не совсем согласны с действительностью, а потому его величество желал бы, чтобы я сделал некоторые исправления. Я позволил себе отозваться, что предпочитаю, вместо исправлений, написать новую картину... Прибавлю ко всему этому, что обхождение Государя со мною всегда отличалось тою обаятельною благосклонностью, с которой он вообще относился к художникам и артистам».*

«Это всего лишь император...»

Год 1847-й начался удачно. 1 января встреча с вдовой Пушкина Натальей Николаевной. Не удержался – преподнес в дар на память картину «Лунная ночь у взморья. Константинополь».

– Говорят, как год начнется, таким весь и будет, – вспомнил слышанную поговорку.

И точно. В феврале-марте отшумела первая его персональная выставка в столице.

А тут и лето на дворе.

– Эх, в Крыму сейчас благодать!

Стал собираться, как вдруг – неожиданный заказ.

Кто в Петербурге не знает графиню Софью Александровну Бобринскую? Эта пятидесятилетняя великосветская дама – приближенная самой императрицы Александры Федоровны. Ее двоюродный брат – Раевский-старший. В друзьях чуть не весь свет столицы.

Графиня пожелала:

– Напишите мне, любезный Иван Константинович, побережье. Знаете, видит-

ся мне группа. А в ней грек и гречанка. И так, представьте себе, вечереет. И эта пара любуется заходящим светилом. Каково придумано?

– Гениально, сударыня!

– Да, не забудьте: пара эдак беспечно любуется. Бес-печ-но!

– Да, да! Каково придумано! Беспечно!

Молодой художник работе рад. Как-никак деньги немалые. Следует постараться и работу сделать не просто хорошо. Отлично!

Стал думать над сюжетом:

– Местность должна быть колоритной, живописной… Гора… Должна быть гора на берегу моря. Место действия – Греция… Значит – гора Афон. Решено!

Тут же набросал на бумаге эскиз побережья:

– Где разместить группу? Где нарисовать молодого грека? Так, еще забота… Найти смуглого натурщика… Хотя дело простое – в Академии подберу… Найдется натурщик…

Художник из угла в угол мерял шагами мастерскую. Благо, помещение просторное. В доме Яковлевой, что подле Ордонанс-Гауза, плохих не имеется.

– А дама? Должна быть роскошная гречанка. Тонкая, с приятными… даже пышными формами. И волосы! Обязательно длинные распущенные волосы. И не забыть! Не забыть главное! Она беспечно любуется закатом. Бес-печ-но!

Несколькими штрихами обозначил на эскизе красавицу-эллинку.

– И костюм! Каким будет костюм? Народным… с национальной вышивкой.

Начал по памяти рисовать греческий народный костюм. Разом вдруг перечеркнул. Сверкнул недовольным взглядом:

– Что я делаю? Какой такой костюм? Какая может быть вышивка? Ты еще пальто на нее надень. Сказано тебе, Ованес: «Беспечно!»

Отошел от наброска на шаг. Хитро так присмотрелся. Зажал рот рукой и прыснул вдруг от смеха:

– А может вообще без одежды? Без костюма, значит. Купаются себе люди, еще мокрые. Одеться не успели…

– Ованес, уймись, – одернул себя, – тебе уже тридцать. Поди, не ветреный юнец. А ты: «без костюма». Будет тебе от Бобринской.

В модном салоне на Невском присмотрел, что надо. Выбрал восточное одеяние из прозрачной шелковой сорочки, опоясанной шарфом.

– Одна сорочка прозрачная! Ничего более! – решил твердо.

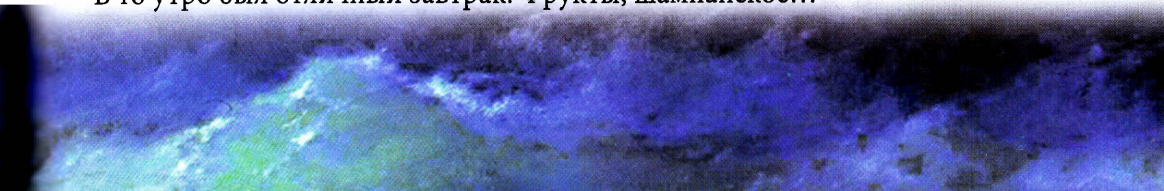
– Где же найти «красавицу-эллинку»?А предложу позировать жене господина Дютье. Мой давний знакомый – брюссельский адвокат. Человек почтенный, разумный. Европеец, наконец. А она – красавица! Нужный типаж. А почему нет?

С охотой согласилась молодая иностранка посетить мастерскую Айвазовского.

В день начала работы слуге приказал:

– Никого не пускать. Я пишу! Посетителям отказывать!

В то утро был отличный завтрак. Фрукты, шампанское…



Красавица переоделась:

– Считаете наряд пристойным?

– Для данной картины вполне! Как, кстати, господин Дютье отнесся к этому вашему решению позировать?

Она закатила глаза:

– О, mon ami!* Вы же его знаете!

– И все же! Благосклонно? Или… как бы это сказать… Ваш муж… Он не ревнив?

Красавица повторила:

– Вы же его знаете.

– Знаю, разумеется. Но в этом смысле…

– Ревнив? Не то слово. Он страшен! Он – чудовище!

Айвазовский не понял, говорит она серьезно или шутит:

– Но вы решились.

– Да, конечно. Ведь это – высокое искусство. И он поймет… возможно…

Айвазовский поднял бокал:

– Ваша правда! Предлагаю за смелых женщин!

Гостья кокетливо улыбнулась:

– Только за смелых?

– О, простите! И за красивых!

Тосты продолжались. Красавица, распустив волосы, расположилась на мягкой кушетке. Иван Константинович переоделся в рабочую одежду.

В коридоре вдруг раздался шум и громкий мужской голос. С палитрой в руках, в короткой рабочей куртке Айвазовский бросился к выходу.

– Нет! Только не это! Он не может знать, где я! Какой конфуз! Скандал! – зашептала женщина.

В дверном проеме показалась фигура российского государя Николая Павловича. Он на мгновение остановился.

Госпожа Дютье с облегчением вздохнула. Еле слышно, одними губами прошептала:

– О, Господи! Это всего лишь император…

Вскочила с места. И, краснея за свой костюм, сделала глубокий реверанс.

Государь любезно улыбнулся и поклонился растерявшейся «гречанке». Видя непростую ситуацию, сделал вид, что ничего не случилось.

– Mon cher!** Как идет работа над моим заказом?

Художник смущался, не находя себе места:

– Морской вид для дворца в работе…

– Что пишешь нового? Хотя вижу, вижу…

Шепнул на ухо:

---

* Мой друг (франц.)

** Мой дорогой (франц.)

И.К. Айвазовский.
Молодая женщина на кушетке.
1840-е гг.

– Очень недурна. Кто такая?

Айвазовский назвал имя и взялся объяснять сюжет задуманной работы:

– Этот костюм нужен был для картины...

* * *

Рассказывая об этом случае со слов художника, Н.Н. Кузьмин в своей книге «Воспоминания об И.К. Айвазовском», вышедшей в 1901 году, писал:

«– Да, да… нужен, очень нужен! – сказал государь, улыбаясь, и, отходя к картине, опять произнес вполголоса:

– Барыня очень недурна… для картины. А кому ты ее пишешь?

– Графине Бобринской, ваше высочество.

– Так, так, хорошо.

Откланявшись француженке, государь вышел.

Возвратясь, в другую комнату, опять напомнил художнику о заказе и, простившись с ним, сказал:

– Смотри, моря-то мне не забывай!»

Как женился Айвазовский

Теперь я спешу сказать Вам... о моем счастье. Правда, я женился как истинный Артист, т.е. влюбился как никогда. В две недели все было кончено. Теперь после 8-ми месяцев говорю Вам, что я так счастлив, что... я никогда не воображал половину этого счастья. Что день, то более и более молю Бога за счастливую судьбу. Я работаю более нежели когда-либо...

Из письма И.К. Айвазовского, 1849 г.

Год 1848. Столица империи – Санкт-Петербург.

Госпожа Н., дама весьма знатная и богатая, возраста старше среднего, не сказать пожилого, переживала:

–Да-с-с, вот задача. Кто по сердцу пришелся?

Посмотрела в зеркало, поправила спадающий локон:

– И не седой вовсе.

Как всегда, перед променадом по полчаса прихорашивалась. Благо и румяна, и белила модистка приносила самые модные, самые дорогие. Посмотрела внимательно в зеркало:

– Хороша… Как есть хороша. Хоть самой замуж. Ой, что это я. Тут бы дочерей пристроить.

Задумалась:

– А что старшая. Умна, образована, как положено. На французском, что на родном, и читает, и пишет. А может, и думает по-французски? Чем не пара человеку почтенному. А что вьется подле чиновник почтовый, то пусть найдется кандидат подходящий, откажу от дома.

Госпожа Н. нежно, двумя пальчиками, дотронулась до пудры, легким движением коснулась одной щеки… Раз, другой… Выше, еще выше. Морщинок у глаз, как ни бывало. Припудрила носик, подмигнула себе:

– Чем не хороша!

Отступила на шаг. Поправила корсет, критично оценила глубокое декольте:

– Хороша!

И уже не задавала себе вопрос, кого из дочерей выберет именитый живописец.

– Ну пригласила, да. Не надолго приехал в Санкт-Петербург. Ведь барышни сами пожелали учиться искусству. Пусть девочки поучатся, поймут толк в живописи. Ох, одних кисточек с водяными красками накупила столько, что одно разорение. А бумага рисовальная – по копейке лист. Пусть Иван Константинович видит, что для искусства мне ничего не жалко. Ох, Иван Константинович, ох, искуситель. А как посмотрел на меня давеча...

Провела рукой по декольте и вспомнила набежавшую ночью мысль:

– Может, молодому Айвазовскому нравится она? Ой, нет. В сорок лет куда о баловстве думать. Тем более с юношей. Хотя…

Посмотрела внимательно на себя:

– Так ему ведь за тридцать. Стало быть, четвертый десяток. Нет, нет, выбросить из головы эти глупости. Вот дочерей выдам, а там видно будет.

Прислушалась к разговорам за дверью:

– Кстати, чем там мои девочки заняты?

Отворила дверь в гостиную. За белоснежным, с позолоченными вензелями роялем, сидела младшая.

– Как смотрится инструмент. И гардины в белых разводах с золотой нитью. И канапе белое. Что значит вкус собственный, изысканный. Это вам не просто так!

Дочери не замечали стоящей в дверях матери, болтали о своем.

Старшая мечтательно закатила глаза:

– Я и говорю, он такой лапочка.

– А как он на меня посмотрел.

– Когда это?

– Когда, когда? Перед уроком!

– Ой, ой, посмотрел.

– Он меня за руку держал.

– Так это он показывал, как верно тень наложить.

– Сестрица, милая, верно, ревнуешь?

Та покраснела, отвернулась:

– К кому? К этому старику?

– Отнюдь. Ему едва тридцать минуло.

– А что, пятнадцать лет. Ну чуть старше, эка беда. Вон наша матушка от папеньки, царство ему небесное, на двадцать лет в разнице…

Госпожа Н. не верила своим ушам. Но взяла себя в руки:

– Как вы об учителе? Девицам об уроках следует думать.

– Мы думаем, матушка. Вазу, что учитель задал нарисовать, уже изобразили. Теперь вот бомбоньерку срисовывать будем.

– А музицировать когда?

– Мы, матушка, занимаемся.

– Вы в ноты смотрите, – обвела глазами гостиную, – где гувернантка?

– Так она, маменька, гирлянды на музыкальный вечер готовит.

– Вот, маменька, мы уже фонарики вырезали.

– Вечер, маменька, будет на славу. Иван Константинович, как намедни, обещал на скрипке играть.

– Да, маменька, в дуэте с гувернанткой.

– Вижу, вижу, что-то ваш учитель слишком прилежен в занятиях. Не часто ли засиживается в нашем доме?

– Так это для нашей же пользы. Для искусства.

– Ладно, милые, занимайтесь, да гувернантку сюда. Я ей не за гирлянды плачу.

И на следующий вечер, и через неделю в доме госпожи Н. было шумно. Не успевал Иван Константинович отдать лакею пальто и цилиндр, как из-за двери выглядывали ученицы.

– Здравствуйте, мои дорогие, – говорил учитель.

– Здравствуйте, Иван Константинович. Мы задание выполнили. И вазу срисовали, и бомбоньерку…

Девушки жеманничали, неловко кокетничали и всем своим видом давали понять: «Вот мы какие прелестницы».

И только молодая гувернантка-англичанка вела себя строго и предупредительно. Лишь в те минуты, когда ее пальцы касались клавиш, она оживала. Большего восторга, чем от игры на скрипке в дуэте с этой очаровательной девушкой, Айвазовский не испытывал давно.

И уроками знаменитого художника, и дружным музицированием все были довольны.

Чем не идиллия? И только хозяйка дома все гадала: какую из дочерей осчастливит Айвазовский?

Умные глаза художника останавливались на ученицах:

– Красивы? Несомненно! Воспитаны? И этого не отнять!

А взглядом искал встречи с бедной иноземкой. Поражался ее умным ответам. Восторгался чувственной игре на рояле. И диву давался ее начитанности и эрудиции, умению быстро и точно сформулировать нужную мысль.

А как она перечисляла имена известных российских романистов! Даже по памяти читала некоторые полюбившиеся места. А как неожиданно заключила:

– А вот Жан-Жака Руссо и дерзкого Вольтера не уважаю!

«Вот тебе и гувернантка. Хоть бедна, хоть иноземка, а как смела!» – подумал тогда Айвазовский.

И с каждым днем сердце стучало все громче. Прогулки столичными улицами

рядом с хрупкой красавицей-гувернанткой воспринимались как праздник. Такого в жизни у него еще не было.

Это была…

Он не решался сказать.

Да! Да! И еще раз да!

Это… любовь!

В конце концов все разрешилось самым неожиданным образом.

– Будьте моей женой, – сделал предложение гувернантке – Юлии Яковлевне Гревс.

Ну и что из того, что в Санкт-Петербургских салонах только и судачили о любопытных обстоятельствах женитьбы художника.

Это ведь лишь разговоры.

* * *

Через несколько месяцев Айвазовский напишет: *«Теперь я спешу сказать Вам... о моем счастье. Лучшие мои картины те, которые написаны по вдохновению, так я и женился...»*

Разбойник и художник

В Феодосийском уезде у Айвазовского было большое степное имение Шейх-Мамай, где я гостил несколько раз и где постоянно гостили приезжие гости, встречавшие здесь обычно незаурядное радушие со стороны хозяев. К барскому дому этой загородной усадьбы художника вела длинная аллея высоких пирамидальных тополей и кипарисов, окаймлявших живою оградою все строения, утопающие в зелени красивого тенистого сада и напоминавшие столь любимые им малороссийские хутора под далеким небом Украины.

Николай Кузьмин.
«Воспоминания об И.К. Айвазовском».

Посадит человек сад, вырастит его. И человеку, и людям польза.
Уйдет человек из жизни – сад останется.
Поднимет человек детей. Имя свое передаст.
Уйдет человек из жизни. Дети жизнь продолжат.
Выстроит человек дом. Стены семью согреют.
Уйдет человек из жизни. Память останется.
Нарисует художник картину. Страну свою прославит.
Уйдет человек из жизни. Слава останется.
Так в народе говорят.

* * *

Жил в деревне Коперли-кой Феодосийского уезда молодой крестьянин по имени Алим. Ему бы, как всем здешним татарам, на земле трудиться. Ан нет. Не в его характере в поле спину гнуть.

Призвали в армию служить. И это ему не по душе.

– Дезертир! – объявили Алима военные и полицейские.

И решили, как положено, наказать.

– Вы сперва меня поймайте! – засмеялся Алим и в горы подался.

Понятно, что в горах есть-пить надо. Одежду какую-никакую носить. Коня кормить.

Где денег взять?

Пошел молодой татарин на разбой. Одного на пустынной дороге ограбил. Другого на тропе горной обобрал.

– Разбойника изловить! В тюрьму посадить!

Таков приказ был.

Да как его изловишь? Все тропинки-дорожки, что под Судаком или Ялтой, Симферополем или Феодосией, он как свои пять пальцев знал.

Кто из татар и встречал его в горах – никому ни слова.

Сколько раз пытались поймать грабителя, а ускользал тот от облавы.

– Почему не изловили? – допытываются жандармы у подчиненных.

Оправдываются те:

– Так он сквозь чащу пробился!

– Он с крутой скалы в пропасть спустился!

– Верхом, на глазах у всех, взобрался на вершину неприступную!

Однажды, а было это в 40-х годах XIX века, работал Айвазовский в своем имении Шейх-Мамай, расположенном недалеко от Старого Крыма.

Тут группа офицеров и полицейских начальников приезжает:

– Здравствуйте, Иван Константинович! Доброго здоровья, профессор!

– Что за нужда занесла вас в наши края? – спрашивает художник.

– Разбойник Алим скрывается тут недалеко, в старокрымских лесах. На рассвете идем устраивать облаву. Пустите переночевать?

– Отчего не пустить? Заходите!

Чуть свет уехали офицеры. Только на третий день вернулись.

– Что, видали Алима?

– Как же, видали. Цепью окружили гору между Отузами и Кизильташем. Солдаты увидели его в густом лесу и давай стрелять. Конь у него молодой, серый. На голове разбойника – серая смушковая шапка. Рота начала смыкаться, а нет разбойника. А с вершины соседней горы звучный, веселый голос: «Ура!»

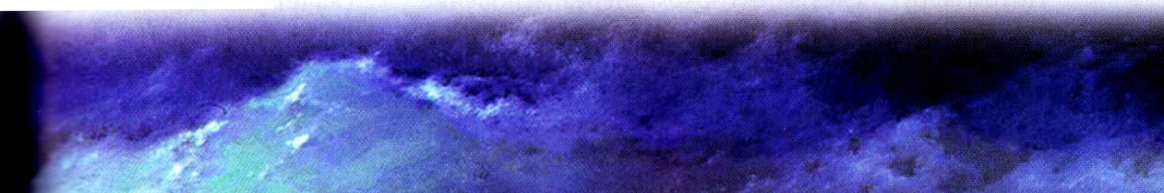
Алим, верхом на коне, махал шапкой. Только его и видели.

Как-то летним утром в мастерскую художника, что в Шейх-Мамае, входит служитель:

– Какой-то татарин желает говорить с вами.

А мастер как раз писал картину для турецкого султана.

Фонтан в имении И.К. Айвазовского Шейх-Мамай.



Бросил Иван Константинович кисти и палитру. Вышел на веранду, спросил по-татарски:

– Что тебе надо?

– Желаю говорить с Ованесом-ага.

– Это я.

– А я – Алим.

– Алим!.. Этот…

– Да, Ованес-ага, это я. Много слышал про тебя. Все тебя знают и хвалят. Говорят, картины пишешь. Можно ли посмотреть?

– Хочешь посмотреть на мои работы? Иди!

Показывает на холсты:

– Вот виды Стамбула, Босфора… Это виды Крыма.

– Узнаю! Места эти мне хорошо известны. Вот Судак, Ялта, Салгир. Часто в них бываю… О, наш Крым лучше всех султанских дворцов!.. Спасибо тебе, Ованес-ага, что все это показал. Теперь понимаю, почему все, даже государь, с тобою знакомы. Спасибо и прощай, Ованес-ага!

– Нет, Алим, не прощай. Я здесь хозяин. Выпьем, по крымскому обычаю, по чашке хорошего кофе!

Стали на веранде пить турецкий кофе. Спрашивает гость:

– Тебе тридцать лет. Мне немногим меньше. А ты холост?

– Да, но думаю скоро жениться.

– Буду на твоей свадьбе. Хочу посмотреть на твою невесту.

Айвазовский похолодел:

– Да, конечно.

А разбойник вышел за плетень сада, вскочил на лошадь и был таков.

Как и говорил художник, вскорости он женился. Свадебная церемония прошла сперва в феодосийской армянской церкви. А за благословением, как пожелала невеста, поехали в цюрихтальскую реформаторскую кирху.

Вот подъезжает свадебный кортеж к Шейх-Мамаю. Карета с молодыми запряжена в четверку лошадей. Следом разукрашенные экипажи шаферов Айвазовского, уважаемых в Феодосийском уезде помещиков. Первым едет Христофор Яковлевич Поренцов. За ним Анастасий Андреевич Лулудаки. Слышен смех, веселые песни.

Вдруг из-за пригорка – всадник. Смотрит Айвазовский – одежда у того праздничная. На левой руке бантом повязан шелковый платок. На голове – шапка смушковая. Серый конь копытом бьет.

Присмотрелся внимательно:

– Алим! Точно, Алим!

А тот лихо так к дверце кареты подскакал. В стременах встал, поклонился учтиво:

– Сказал я тебе, Ованес-ага, что буду на твоей свадьбе. Вот и явился. Поздравляю, невеста твоя хороша!

Потом вдруг исчез за бугорком. Через мгновение уже скачет рядом с другого

бока кареты. Смотрит в упор в лицо молодой. Грациозно, ни слова не промолвив, вынул из-под куртки великолепный шелковый турецкий платок. Еще секунда, и бросил его в поклоне на колени невесты.

– Желаю тебе счастья, Ованес-ага! – крикнул Алим.

Коня припустил:

– Видишь, я сдержал слово. Прощай!

* * *

Прошло немало лет. В гости к маститому художнику в имение Шейх-Мамай заехал ученый Людвиг Колли. Речь зашла об Алиме. Иван Константинович много чего интересного рассказал.

Что услышал Колли от художника и людей, знавших Алима, записал. А в 1905 году в Симферополе записи опубликовал. Были и такие слова: «*Прошло несколько месяцев после этого эпизода. Айвазовские проводили зимние месяцы в Симферополе. В губернском городе, во всех кружках, только и говорили об Алиме. Разбойник был задержан. Надоела ему эта жизнь преследуемого зверя. Передавали, что среди бела дня зашел он в городской сад и лег на скамью в тени, на берегу любимого им Салгира. Довольно разбойнической жизни, довольно борьбы с законом! Настал час искупления. Он заснул. Его окружили полицейские, задержали и под сильным конвоем препроводили в губернский тюремный замок*».

Вскорости легендарный разбойник решением суда был отправлен в ссылку.

* * *

Не вырастил Алим сад.

Детей не поднял.

Дом не построил.

Разбоем славу про себя худую оставил.

Зачем на свете жил?

14 - Zak-0087-88

«Девятый вал»

В 1848 году, проведя, по обыкновению, весну и лето в Крыму, Иван Константинович (в тот год – новобрачный) осенью прибыл в Москву, где выставил до десяти больших картин, из которых шесть были куплены императором. В числе их находился, ныне хранящийся в Эрмитаже, «Девятый вал» – одно из поразительнейших произведений кисти Айвазовского.

Журнал «Русская старина», 1878 г.

Было холодное раннее весеннее утро. На море с ночи разыгрался шторм. Беспокойные волны бросались на каменистый берег. Отступали и снова неслись в своем упорном желании показать свою мощь и величие.

– Первый вал, второй, третий, – считал человек на берегу.

Холодные брызги обдавали лицо, падали на темный сюртук.

– Девятый, – бросил в лицо наступающей грозной волне человек.

А пенистый вал, самый мощный, девятый по счету, бросался навстречу смельчаку. Пытался испугать человека, упорно не желавшего отступать перед ним.

И падал к ногам, останавливался в своем шумном бессилии.

А человек еще громче считал:

– Первый, второй!

И бесстрашно смотрел в лицо набегающего вала девятого. И смеялся громко:

– Меня чужбины вихрь умчал
И бросил на девятый вал
Мой челн, скользивший без кормила…

– Ха-ха! – загремело море, – будь ты в челне, не посмел бы смеяться. Неравные у нас силы. Ты ведь всего-навсего человек. Слабый перед моей всесокрушающей силой.

А человек представлял себя среди волн с упорной радостью возможной борьбы и нахлынувшим чувством побеждающего противоборства.

Разбушевавшаяся буря ликовала в своем прекрасном и грозном величии.

И тут по лицу человека, по гребню волны пробежал светлый луч. Потом еще один и еще. Как бы нехотя, теснимая солнечным светом, пелена расступилась. Сквозь утреннюю дымку в Феодосию пробивался новый день. Его необычайно яркие краски на глазах побеждали.

– Сколько оттенков желтого. А оранжевый соседствует с розовым, голубой со светлым фиолетом. И волны преображаются, светлея от радости поднимающегося светила, – говорил человек.

– Где ты, мощный и гордый девятый вал?

Но волны молчали…

И.К. Айвазовский.
Девятый вал.
1848 г.

* * *

Художник каждое утро выходил на берег. Каждый день он часами работал в своей мастерской. Рождались чарующие морские виды, наполненные теплом и радостью. А сердце? Оно мечтало о ненаписанной картине.

– Я напишу! Дайте время, и выйдет полотно, при виде которого зритель будет потрясен! Ведь смог великий Карл Брюллов создать «Последний день Помпеи».

Ее он увидел в Петербурге в 1834 году и был ошеломлен. Пережитое тогда чувство грандиозности творения Брюллова осталось. И вместе с ним поднималось и росло желание мыслить и обобщать увиденное в широких изобразительных масштабах.

Когда в начале XIX века археологи открыли миру древнюю цветущую Помпею, Брюллов решил воскресить весь трагизм ужасной катастрофы. Его воображение восстановило картину извержения Везувия и страшного землетрясения.

Айвазовский был озарен пафосом полотна, темой единоборства человека со стихией, мужеством и бесстрашием человека в минуты неминуемой гибели.

Теперь он часами не выходил из мастерской. Были дни, когда даже не прикасался к палитре. О чем были его думы? Конечно же, о будущей картине.

И тут настал час вдохновения. Руки сами потянулись к палитре и кистям.

Вот на холсте восходящее солнце осветило бушующий океан и громаду девятого вала.

Но что это? На переднем плане на обломках мачты погибшего корабля группа людей, чудом уцелевших после ночного безумия.

Лишь вчера они беспечно стояли на палубе. Радовались солнцу и безмятежной лазури неба. К далекому берегу манил океанский простор. Но случилась беда. Заволновался океан и грозную песню завел нарастающий ветер. Всю ночь гремели раскаты грома и вал за валом крушил беззащитное судно.

Неравной вышла схватка. В треске падающих мачт, в отблесках молний разносились крики тонущих в пучине.

Выжить удалось немногим.

И вот они в грохочущем хаосе волн вцепились в обломки мачты.

Они выстояли!

Скрылась жуткая ночь, и солнечным светом окрасились хмурые волны. Но девятый вал не сдается. Собрав последние силы, он пытается накрыть смельчаков. Только силы уже не те.

Еще немного – и в утреннем просторе пронесется торжественный возглас:

– Человек победил!

Своей новой картине Иван Константинович дал гордое имя: «Девятый вал».

С холстом – по Невскому

Недостаточные любители картин Айвазовского довольствовались копиями, из которых особенно удачные, часто пройденные кистью самого художника, писал некто О-ский, учитель живописи в нескольких учебных заведениях. Он был знаком Ивану Константиновичу еще со времени посещения Крыма художником, года за три перед сим. Работал он усердно и прилежно и до некоторой степени обладал дарованием хорошего копировальщика, но без особенных задатков быть художником самостоятельным.

«Русская старина», апрель 1878 год.

Доход от продажи копий с картин известного мариниста был весьма порядочен.

– Польза от труда моего изрядна. Далеко не каждому по карману приобрести оригинал, а копия – весьма доступна. Стало быть, любители живописи удовлетворяют моими работами тягу к прекрасному, – любил повторять копиист.

И отношения с Иваном Константиновичем у молодого художника сложились самые приязненные.

Да вот беда, и О-ский, и многие художники, чего греха таить, страдали «звездной болезнью». Раз их копии покупают, стало быть, есть предмет для гордости. А чрезмерная их щепетильность и некая гордыня и неуместная щекотливость, рожденная излишним самолюбием, уж никак не красили таких людей.

Дело было в ноябре 1850 года. Случай, прямо скажем, и не из ряда вон, а все-таки важный для понимания того, с каким уважением относился Айвазовский к искусству.

Зашел Иван Константинович в магазин Риппа, что на Большой Морской. Выбрал для будущей картины небольшой холст на подрамнике, рассчитался, а тут О-ский.

Поздоровались, парой слов перекинулись.

– А я вот домой направляюсь, – сообщил копиист.

– Как удачно. Мы ведь живем по соседству.

– Точно так, Иван Константинович.

– Не будете ли так любезны захватить с собою эту рамку с холстом? Не затруднит?

– Отчего же? Окажу услугу, занесу к вам домой.

– Вот и славно. А я по делам пойду.

Простились, а О-ский из магазина выходит и к извозчику:

– На Михайловскую сколько возьмешь, голубчик?

Не поймет Айвазовский, зачем извозчик? До Михайловской пешком – рукой подать. И погода ясная, и холст небольшой.

А молодой человек – рамку под шинель, и вроде как стыдится показать прохожим свою ношу.

– Или вы нездоровы? Быть может, устали или спешите куда? – спрашивает Иван Константинович.

А тот взгляд отводит, молчит, смущается и ношу свою глубже под полу шинели прячет.

Улыбнулся художник:

– Ну, хорошо, дайте же мне рамку, я понесу ее сам, а вы, если хотите, идите со мною.

И, не торопясь, по солнечной стороне Невского проспекта двинулся вперед.

А день, на удивление, погожий, безветренный. Иван Константинович, с рамкой под мышкой, от солнца щурится, здоровается со знакомыми. А встречные, как нарочно, все люди известные и знаменитые.

– Дайте мне понести! – пытается О-ский несколько раз отобрать рамку.

Куда там! Иван Константинович несет рамку просто, как ни в чем не бывало.

– Отдайте же! – снова требует О-ский.

А Айвазовский улыбается и ношу из рук не выпускает.

Домой пришли, он и говорит:

– Вы стыдились нести по Невскому холст для картины? Чем же эта ноша казалась вам неприличной? Стыдно ли военному идти с оружием, а литератору с книгой? Можно ли художнику стыдиться принадлежностей его искусства? Этой странной стыдливости я не понимаю… Если бы я был ваятелем и купил глыбу мрамора, то, поверьте, не постыдился бы ехать вместе с нею на ломовом извозчике!

Что ответил на эти слова незадачливый копиист никто уже не скажет. А журнал «Русская старина» сообщил: *«Не знаю, – заметил Иван Константинович, рассказывая нам этот случай, – послужило ли впрок мое нравоучение, но подобную щепетильность и как бы пренебрежение к орудиям своего искусства мне случалось встречать во многих художниках. Боясь показаться ремесленниками, они тем самым низводят художество на степень ремесла».*

Накануне и после Крымской войны.
Собиратель древностей

Я в восхищении от Феодосии. До вчерашнего числа открыли пять курганов, в которых ничего не нашли, кроме разбитых кувшинов с углями и золой, но вчера, т.е. в пятом кургане, нашли просто под землей в золе золотую женскую головку самой изящной работы и несколько золотых украшений, как видно, из женского наряда, а также куски прекрасной этрусской вазы…

Как новый и неопытный археолог, не смею дать своего мнения, но что касается до головки золотой, то, как артист, я в восхищении от Феодосии. Эта находка дает надежду, что не напрасны будут наши труды, и все эти открытия доказывают, что древняя Феодосия была на этом же месте.

Из письма И.К. Айвазовского о результатах археологических раскопок в Феодосии, 6 июля 1853 года.

Не один год тянутся споры между историками.

– Где находилась античная Феодосия? Полагаем – у мыса Ильи! – утверждали одни.

– Никак нет! Греки основали город в VI веке до новой эры на Керченском полуострове у горы Опук, – не соглашались другие.

– Феодосия родилась на том самом месте, где расположена и сейчас, – высказывали свое мнение третьи.

Время от времени феодосийцы находили в земле древние монеты, остатки керамики и женское украшения. Прошлым своего города интересовались люди, для которых история и археология не были основным занятием.

Ну что, скажите на милость, толкало градоначальника Александра Ивановича Казначеева, человека с широким кругом интересов, на коллекционирование предметов старины?

А преподаватель мужской гимназии Людвиг Петрович Колли? Неужто мало ему хлопот с воспитанниками, так он пишет труды по истории генуэзских колоний в Каффе.

А как не вспомнить имя Василия Ксенофонтовича Виноградова, кандидата филологии, написавшего в 1881 году первый исторический очерк о Феодосии со дня основания до конца XIX века!

Среди историков-любителей и краеведов были дипломат Луи Алексис Бертрен, инженер Александр Львович Бертье-Делагард и десятки энтузиастов, увлеченно изучающих историю Крыма. Со многими из них Айвазовский был знаком. Не случайно художник сам увлекся археологией.

Вопросы задавал себе один серьезнее другого:

– Где копать?

– Какие места всего вероятнее хранят предметы старины?

– Может, вначале исследовать главную цепь курганов близ Феодосии, которая тянется по гребню гор?

– Или начать разыскания в бухте у часовни святого Илии?

– А, может быть, исследовать местность у подножия Лысой горы?

Свои изыскания Айвазовский начал в 1849 году с раскопок Феодосийского некрополя. Оформил разрешения и прочие бумаги. Деньги на приобретение инвентаря и оплату рабочим получил в Санкт-Петербургском археологическом обществе, куда и отправил первые скромные находки.

Летний сезон 1852 года обрадовал Айвазовского:

– Сенсация! Археолог Сибирский на Карантине у Консульской башни нашел серебряную монету – гемиобол, отчеканенную в V веке до новой эры! Еще найдены античные амфоры, чернофигурные вазы и аттическая краснофигурная керамика!

Иван Константинович с трепетом взял в руки гемиобол, рассмотрел лицевую сторону:

– Монета достаточно сохранилась. Хорошо видно изображение головы бога Ареса в шлеме.

Присмотрелся к оборотной стороне:

– Это же голова быка…

И не веря своим глазам, прочел текст:

– Фе-о-до… Уникальная монета нашего города! Ура! Феодо!

На следующий год, в предчувствии новых находок, он посылает официальное письмо в Министерство уделов. Просит дать разрешение на проведение в Феодосии археологических раскопок.

Переживает:

– Дадут-не дадут. Так я ведь не один, а с Сибирским. Он-то дело знает.

Как оказалось – переживал напрасно. Разрешение было получено, и Айвазовский приступил к работе.

Не расстроился, когда в первых четырех курганах ничего не нашли.

– Копай, Иван Константинович, копай, – подбадривал себя и рабочих.

Невысокий, поросший невзрачной прибрежной травой, пятый курган, таил настоящие сокровища. Там, рядом с берегом, на мысе у часовни святого Илии он открыл женское погребение IV века до новой эры. Среди многих предметов были различные женские украшения и замечательная пара золотых серег – настоящий шедевр древнегреческого искусства.

Результаты исследований показали: древняя Феодосия находилась на этом месте. В одном из курганов Айвазовского и Сибирского ожидало еще одно открытие. Под толщей земли археологи обнаружили каменный саркофаг:

– Это же детское захоронение!

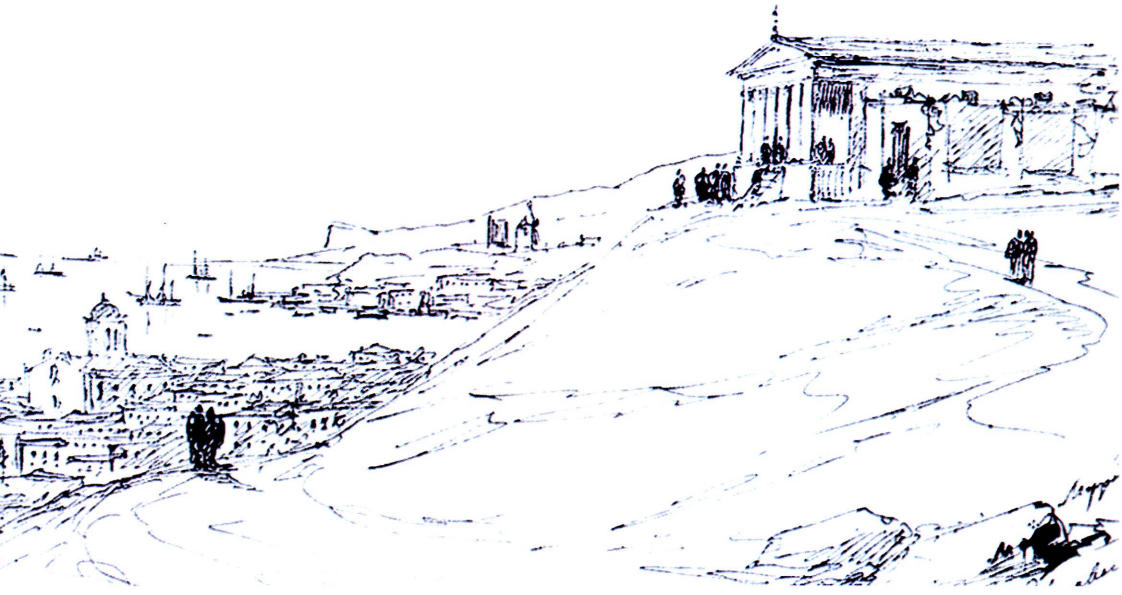
Рядом со скелетом ребенка покоились его игрушки.

Находки Айвазовского имели исключительную художественную и историческую ценность. Они вписали имя художника в отечественную историческую науку и привлекли внимание к Феодосии ученых всего мира.

Внушительный по объему отчет за 1856 год директора керченского музея Люценко об археологических раскопках восьмидесяти курганов, выполненных И.К. Айвазовским и А.А. Сибирским, впечатляет: «... *Дальнейшие разыскания доставили для музея Эрмитажа еще значительное число предметов из золота и обработанной глины. В числе золотых вещей заслуживают особого внимания: а) серьги филигранной работы; б) ожерелье, плетенное из проволоки, с длинными привесками; в) ожерелье из крупных дутых бус; г) такое же проволочное ожерелье с львиными головками на концах; д) золотая булавка с изображением передней части какого-то мифического животного с львиной головой, бараньими рогами и крыльями; е, ж, з) три перстня; и два серебряных зарукавья с золотыми концами; и) золотой сфинкс с диадемою на голове; к) пара золотых серег в виде виноградной кисти; л) три головы Медузы, оттиснутые на золоте; м) бычья голова из дутого золота; н) витое кольцо и о) ожерелье из золотых бус с филигранными на них украшениями и с привесками в виде амфор.*

Из глиняных вещей попадалось много изображений разных божеств и медальоны с головами Горгон, с изваяниями амазонок, поражающих оленей. Стоит заметить, что в древней Феодосии изображения, кроме красок, покрывались еще позолотою».

Пара золотых серег, найденых И.К. Айвазовским



И.К. Айвазовский.
Музей древностей на горе Митридат.

Прошло несколько лет, и у Айвазовского рождается идея постройки в Феодосии нового помещения для Музея Древностей. Этот, один из старейших городских музеев Европы был открыт в мае 1811 года по инициативе феодосийского градоначальника С.М. Броневского. Первое помещение, бывшая мечеть, уже не вмещало всех собранных экспонатов. Пополнялись фонды музейной библиотеки, открытой в 1851 году.

Иван Константинович создает проект здания на горе Митридат. Кроме музейной экспозиции, оно включало часовню-усыпальницу военного деятеля, прославившего русское оружие в начале века, героя кавказской войны генерала С.П. Котляревского. Получив в декабре 1869 года разрешение на постройку, Айвазовский привлекает к работе феодосийцев – архитектора Соломона Нича и коллежского советника Петра Альянаки.

4 июня 1871 года епископ Гурий освящает Музей.

Нарядным получилось здание, выполненное в классическом стиле, опирающееся на шесть мраморных колонн. В новое здание перенесли все экспонаты из прежнего помещения. А в 1872 году Айвазовский дарит Музею и будущей часовне-усыпальнице генерала Котляревского пять своих полотен: «Город Кафа. Первый русский корабль на рейде в 1783году», «Буря на Черном море», «Буря на Северном море», «Туманное утро у берегов Италии» и «Ледяные горы».

Сколько времени минуло, но и поныне они – в Феодосии, украшают экспозицию Феодосийской картинной галереи.

И.К. Айвазовский.
Ледяные горы в Антарктиде.
1870 г.

Художник-баталист

Батальные картины Айвазовского – это летопись русского военно-морского флота в образах изобразительного искусства. Эти картины средствами живописи рассказывают о жизни флота в мирной обстановке и в дни войны. Айвазовский был близок со старой гвардией флотоводцев – Лазаревым, Нахимовым, Корниловым, Истоминым, Литке, а с некоторыми из них был в дружеских отношениях.

Н.С. Барсамов. «Иван Константинович Айвазовский», 1950 год.

Он вспоминал события последнего десятилетия. Год за годом перечислял самое важное:

– В году одна тысяча восемьсот тридцать шестом прикомандирован художником на корабли флота Балтийского. Было дело, было…

Тогда состоялось его первое знакомство с флотом военным и его героями – моряками.

– Минуло три года, и новая мне удача выпала – десант на Кавказ… – тридцатилетний художник закрыл глаза.

Вспомнил строки своего прошения в Академический Совет: «… но вот уже пароходы и флот стоят перед глазами моими для принятия войск, послезавтра надеюсь увидеть то, что еще я не видел и, может быть, никогда в жизни моей не увижу…».

– Увидишь, брат Ваня, не раз увидишь! – улыбнулся, проводя ладонью по плотной ткани строгого мундира.

– Когда причислили меня к морскому ведомству? В году сорок четвертом. Со званием живописца Главного морского штаба. И с правом носить мундир Морского министерства.

Потом в 1845 году было замечательное путешествие. Не потому замечательным оно вышло, что своими глазами увидел южные моря и берега Турции, Малой Азии и Греческого архипелага. Дело было совсем в другом, куда более важном.

Тогда молодой живописец по-новому, теперь уже изучающим взглядом, смотрел на виденное прежде парусное вооружение, стоячий и бегущий такелаж, поднимался на шканцы и бак, следя за поведением парусника, зачитывался книгами по истории морских сражений. Вспоминал, как его поразил подвиг Петра Первого. Это было в августе 1714 года, когда русский Балтийский флот был застигнут чудовищным штормом в Финском заливе. Трещали, ломаясь, мачты и рвались паруса, вода заливала палубу, и гибель кораблей казалась неминуемой. Но Петр I на шлюпке с одним матросом бесстрашно бросился в пучину и разжег на берегу спасительный костер, который указал путь экипажам.

И.К. Айвазовский.
Петр I при Красной Горке зажигает костер для подачи сигнала флоту.
1846 г.

В 1846 году он написал картину «Петр I при Красной Горке зажигает костер для подачи сигнала флоту».

– Эх, Ваня, Ваня, что-то тебя на воспоминания потянуло. К чему бы это? Видать, время пришло знатную баталию написать.

Пройдет время, и он расскажет: «*Когда я писал виды морских сражений, мне давались всевозможные пособия от Адмиралтейства, чертежи кораблей, оснастки судов, вооружение и т.д. Для доставления мне возможности видеть полет ядра рикошетом по водной поверхности при мне в Кронштадте произведено несколько пушечных выстрелов боевыми зарядами. Для ближайшего ознакомления с движениями военных кораблей во время морских сражений я присутствовал на морских маневрах в Финском заливе*».

В 1848 году пришло решение:

– Нынче отменную баталию изображу! Дело в проливе Хиосском и бой Чесменский.

Иван Константинович кропотливо собирал материалы о важнейшем сражении в истории Российского парусного флота, которое состоялось в июне 1770 года. Даже представлял себя на корабле эскадры адмирала Григория Спиридова. Воображение рисовало события того исторического дня…

24 июня, как только рассвело, на флагманском корабле поднялся сигнал. По палубам понеслось:

– Главнокомандующий наказывает: «Гнать за неприятелем!».

Флот тремя колоннами, не мешкая, начал спускаться в Хиосский пролив. Авангард вел Григорий Спиридов, неся свой флаг на «Святом Евстафии» с кораблями «Три Святителя» и «Европа». Главнокомандующий Алексей Орлов с капитаном-бригадиром Самуилом Грейгом шел на «Трех Иерархах» во главе кордебаталии. Арьергардом со «Святославом», «Не тронь меня», «Африкой», «Громом» и «Саратовом» командовал Джон Эльфинстон. За головными кораблями следовали фрегаты, бомбардирские корабли, пакетботы, транспорты и мелкие суда.

За ночь турки успели подготовиться к встрече. «...*Турецкая линия баталии была превосходно устроена, расстояние между кораблями было немного более длины двух кораблей...*», – описал увиденное С. Грейг.

Наши корабли, шедшие под прямым углом к неприятелю, открыли огонь только тогда, когда подошли на пистолетный выстрел и получили сигнал от Спиридова: «Начать бой с неприятелем».

Сам же адмирал взял на себя первый удар. Это было опасно, но необходимо для примера. Он с необычайным хладнокровием, под свист вражеских пуль и грохот ядер, с обнаженной шпагой, со шканцев отдавал приказы. Время от времени поправлял парадный мундир и кричал в рупор на ют непрерывно играющим музыкантам:

– Эй, братцы! Громче играть, братцы!

А двухметровый, атлетического сложения гигант Алексей Григорьевич Орлов вел в дело основные силы. Вот он с тревогой увидел, как «Евстафий» борт в борт

сошелся с турецким флагманом «Реал-Мустафа». Наблюдал, как вдруг вспыхнул пожар на обоих кораблях. Пламя подбиралось к крюйст-камерам.

Израненный, защищавшийся до последней минуты, турецкий адмирал Гассан-паша взобрался на планширь и прокричал изо всех сил:

– Аллах акбар!

И бросился за борт в кипящее море огня.

За несколько минут до рокового взрыва Спиридов вместе с братом главнокомандующего графом Федором Орловым и еще несколькими офицерами успели запрыгнуть в подошедшие шлюпки. Спасать адмирала предписывал Морской устав.

А над грохочущим и пылающим морем звенели российские марши. На юте «Евстафия» продолжал играть военный оркестр. Рядом с музыкантами бесстрашно стоял капитан Александр Иванович Круз.

Раздался взрыв... В морскую пену, красную от крови и черную от обугленных корабельных обломков, взрывная волна выбросила шестьдесят человек.

Корабли авангарда, шедшие в кильватере у Спиридова, ввели в замешательство противника.

– Что делают эти русские? – недоумевали командиры османских судов.

То, как действовала наша эскадра в начале боя, нарушало все принятые правила линейной тактики. Турки, как было заведено, выстроили суда двумя линиями-рядами, обратив борта к русской эскадре. Они только и ожидали, что линкоры замедлят ход, повернутся бортами, выстроятся в линию и начнут, как это было заведено в парусном флоте, артиллерийскую дуэль.

Но спиридовцы применили элемент внезапности. Они пошли на сближение не строем фронта. Ведь это неизбежно поставило бы их корабли под огонь неприятеля, корабли которого стояли на якоре, лагом к объединенной эскадре. Строем кильватера они подошли на короткую дистанцию, где каждое ядро пробивало оба борта навылет. Время было выиграно, и противник не сразу понял неожиданный маневр.

Привычной дуэли не вышло. Один за другим загорелись мелкие турецкие корабли. Гибель флагмана «Реал-Мустафа» деморализовала неприятеля, что использовал Алексей Орлов с судами кордебаталии.

Уцелевшие корабли Гассан-паши в беспорядке покидали боевую линию и спешили укрыться в Чесменской бухте.

Когда бой был закончен, подошли суда арьергарда под командованием Эльфинстона.

И на гафеле засветились три фонаря. Русские моряки одержали победу над сильнейшим противником в условиях незнакомого для них морского театра. Но эта победа соотношения сил не изменила. Численное преимущество по-прежнему оставалось на стороне османского флота, укрывшегося в Чесменской бухте. С интервалом кабельтова один от другого, русские корабли заняли якорную стоянку у входа в нее. Прорваться из бухты в море турецкому флоту стало невозможно.

25 июня Алексей Орлов подписал приказ: *«Всем видимо расположение турецкого флота, который после вчерашнего сражения пришел здесь в Анатолии к своему городу Эфесу (Чесме), стоя у оного в бухте от нас в тесном и беспорядочном состоянии... Всех же впереди мы считаем кораблей 14, фрегатов 2, пинков (средних судов) 6. Наше же дело должно быть решительное, чтобы флот оный победить и разорить, не продолжая времени, без чего здесь в Архипелаге не можем мы к дальнейшим победам иметь свободные руки, и для того по общему совету положено и определяется к наступающей ныне ночи приготовиться, а около полуночи и приступить к точному исполнению, а именно: приготовленныя 4 брандерные суда, на которых командиры гг. Дугдаль, Ильин, Мекензи и князь Гагарин, да корабли «Европа», «Ростислав», «Не тронь меня», «Саратов», фрегаты «Надежда» и «Африка» под командою бригадира Грейга... Господину Грейгу, по его усмотрению, под парусами, а для усыпления неприятеля лучше на завозах, только бы время не потерялось, около полуночи подойти к турецкому флоту и в таком расстоянии, чтобы выстрелы могли быть действительны не только с нижнего, но и с верхнего дека...»*.

Ночь на 26 июня выдалась тихая и лунная. В одиннадцать часов командор Самуил Карлович Грейг распорядился:

– Поднять фонарь на гафеле!

Это был хорошо знакомый сигнал: «Сняться с якоря». На кормовых флагштоках кораблей последовал ответ фонарями: «Готовы».

Командор отдал второй приказ:

– Идти на неприятеля!

«Ростислав» с пятью кораблями и четырьмя брандерами под сильным огнем с кораблей и береговых батарей неприятеля бросили якоря в самом центре бухты. От грозной пушечной стрельбы стонали земля и море. Вдруг в рубашку грот-марселя турецкого корабля попало зажигательное ядро.

– Горит!

– Парусина у басурманина огнем пошла! – закричали русские моряки.

Пламя мигом охватило сухую ткань, перебросилось на такелаж.

– Гляди, братцы, грот-стеньга на палубу упала!

– Огнем пошел верхний дек!

Около двух часов ночи наши корабли получили приказ:

– Прекратить огонь!

Вступить в бой изготовились четыре брандера.

Прошла минута, другая, и, наконец, долгожданный сигнал:

– Спуститься на неприятеля и, сцепившись с ним, зажечь их!

Вперед, на всех парусах, при хорошем ветре, устремились на врага друг за другом наши суда, судьба которых уже предрешена – сгореть самим и уничтожить в своем огне врага.

Но что это? Навстречу передовому брандеру откуда ни возьмись – две гребные турецкие галеры.

И.К. Айвазовский.
Бой в Хиосском проливе.
1848 г.

– Подстерегли, проклятые! Идут на абордаж! – выкрикнул капитан-лейтенант Дугдаль, зажег судно и вплавь бросился к поджидавшей его шлюпке.

Турки пустили горящее судно ко дну.

Лейтенанту Мекензи и мичману князю Гагарину тоже не удалось исполнить приказ. Их зажженные брандеры навалили на уже горевшие турецкие корабли.

И только один брандер, которым командовал лейтенант Дмитрий Ильин, прорвался к турецкому линкору. Команда в нескольких местах подожгла брандер, и огонь тотчас перебросился на турецкое судно.

– Получай, турчин, брандскугель! – размахнулся Ильин и с наветренной стороны ловко запустил шипящее ядро через вражеский фальшборт.

Экипаж, подгоняемый командиром, бросился к шлюпке:

– Поспешай, ребяты! На весла!

А пламя озаряло ночную бухту. К трем часам ночи с турецким флотом было покончено. Оставшиеся в живых турецкие моряки, спасаясь, бросались в лодки, но те опрокидывались. Целые команды прыгали в воду, топя друг друга. До берега удалось добраться немногим. Видя обезумевшую от страха и неминуемой гибели толпу, Орлов приказал остановить стрельбу.

Русские корабли отошли от пожарища на безопасное расстояние. Такелаж и паруса предусмотрительно обливали из пожарных труб, а борта и палубы окатывали водой из ведер.

В Чесменской бухте не осталось ни одного турецкого корабля, который бы не охватило пламя.

Уцелел и был выведен к русской эскадре единственный турецкий линкор «Родос», да еще несколько галер.

– Каковы наши потери? – задал вопрос командирам адмирал Спиридов.

– Из баталии возвернулись с благополучием все суда всех рангов.

– Доложить о людских потерях.

Первым рапортовал капитан Федот Клокачев:

– У меня на «Европе» убито восьмеро.

– Трое душ на «Не тронь меня», – доложил капитан Безенцев.

«Честь Всероссийскому флоту! С 25-го на 26-е неприятельский военный флот атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и в пепел обратили... а сами стали быть во всем Архипелаге господствующими», – написал в донесении в Санкт-Петербург Г.А. Спиридов.

Прошло еще три года, и в 1851 году Иван Константинович присутствовал при морских маневрах Черноморского флота. С борта парохода «Владимир» он наблюдал за действиями боевых судов. Появился новый материал и новый опыт, который так пригодился ему при изображении событий надвигающейся Крымской войны.

И.К. Айвазовский.
Чесменский бой. 1848 г.

Чесменское сражение 1770 года, между русской и турецкой эскадрами в Эгейском море во время русско-турецкой войны 1768 – 1774 годов. Состояло из двух боев. 24 июня русская эскадра под командованием Г.А. Спиридова (13 кораблей, 820 орудий) в бою в Хиосском проливе нанесла поражение турецкой эскадре (Д. Хасан-бей, 22 корабля, 1430 орудий), которая отступила в Чесменскую бухту, где была блокирована русской эскадрой.

Военный энциклопедический словарь.

И грянула Крымская война

Победы наших русских войск на суше и на море радуют меня, как русского в душе, и дают повод, как художнику, изобразить их на полотне.

И.К. Айвазовский.

Последние месяцы как-то тревожно на сердце. Что-то тяготило. Но что? Ощущение опасности?

Вроде нет. С чего бы?

Он – успешный художник. За плечами три с половиной десятка прожитых лет. Два десятка из них он занят любимым делом.

Почти десять лет, как приписан он к Главному морскому штабу. Дружил с великими флотоводцами и участвовал в десантных операциях.

– Верно сказали про мою батальную живопись: она точно летопись побед российского флота.

И все равно неспокойно. Да, да! Ведь неспокойно в мире.

Наступил тревожный 1853 год. Уж сколько месяцев ходят зловещие слухи о грядущей войне. Газеты только успевают сообщать, как турки мучают и притесняют христиан. Очевидцы делятся увиденным:

– Мусульмане не допускают православных ко гробу Господню.

– Турки запрещают православным совершать богослужения в храме Гроба Господня, над которым даже снесли купол.

– Султан не позволяет построить в Иерусалиме православную церковь и приют для бедных и больных богомольцев.

Российский император Николай I отправляет в Константинополь адмирала, князя Меншикова. Его задача обозначена чётко – встать на защиту православного населения Турции.

Требований, которые предъявил султану российский адмирал в феврале, было всего несколько. Выполнить их труда не составляло. Но разве они были причиной обострения Восточного вопроса?

– Войны разгораются при свечах дипломатических кабинетов, – говорят в народе.

В том же феврале 1853 года Франция и Великобритания заключили секретное соглашение о совместных действиях против России.

О причинах Крымской войны в кратком историческом очерке «Оборона Севастополя. Подвиги защитников», увидевшем свет в 1904 году, полковник А.М. Зайончковский написал: «*...Как это часто бывает и в жизни отдельных людей, могущество, соединенное со справедливостью, вызывает желание ослабить, унизить человека, выше стоящего, так и среди государств – могущество Российской*

империи, а также всегда правдивое и сильное слово Императора Николая I вызывало к нам нерасположение остальных держав и желание ослабить Россию...».

11 октября 1853 года турецкий султан Абдул Меджид, подталкиваемый Англией и Францией, объявляет войну России. Черноморский флот к предстоящим действиям не был готов. Англия и Франция успешно переходили от парусов к паровым машинам. Каждый второй их корабль был паровым-колесным или винтовым. А это ни много ни мало – полторы сотни военных судов.

Черноморский флот на их фоне выглядел весьма скромно: 14 парусных линкоров, 6 фрегатов, 4 корвета и 12 бригов.

А паровые винтовые корабли? К сожалению, их не было вовсе. Гордостью черноморцев были лишь 6 колесных пароходофрегатов.

А что же скромные парусные фрегаты? Неужто корму покажут при встрече с неприятелем?

Прошло меньше месяца, как самоуверенный султан Абдул Меджид объявил войну, а россияне ликовали:

– «Флора»!

– Виват фрегату «Флора»!

– Один против троих!

Морская схватка произошла у Кавказских берегов. Случилось это в ночь на 9 ноября 1853 года. Российский парусник шел в районе мыса Пицунда. Вдруг раздался крик дозорного с мостика:

– Вижу неприятеля!

Командир корабля капитан-лейтенант А. Скоробогатов вгляделся в окуляр подзорной трубы:

– Турки! Как есть турки! Впереди – «Таиф». Рядом – «Фези-Бахри». А кто там поодаль трубой дымит? Ага, «Саик-Ишаде»!

Команда застыла в ожидании:

– Что прикажет капитан?

Любой на месте Скоробогатова, от греха подальше, под всеми парусами поспешил бы прочь.

– Ждут турчины, что я им бизань-мачту покажу? Ну уж нет!

Матросы своего капитана знают – враг их заднюю мачту не увидит. А капитан уже командует:

– К бою! Все вдруг! Вперед!

И бросился наш парусник навстречу грозным пароходам.

– Огонь всеми орудиями с двух палуб! – несется команда.

Дым окутал оба борта. Стремительно меняя позицию, умело маневрируя, наш фрегат палил по туркам. Семь часов палил!

Стрелял бы и дальше, да турецкий флагман «Таиф», получив серьезные повреждения, бежал. За ним наутек бросились остальные «грозные» пароходы.

А «Флора» с победой вернулась на родную базу.

Через несколько дней мир облетела новая весть:

– Под Синопом уничтожен турецкий флот!

Погода на море в начале ноября – не приведи господи! Бури с дождем, с пронизывающим осенним ветром, рвущим паруса и сбивающим с ног любого, кто замешкается на палубе.

Турки, хоть и неплохие моряки, известны своей нелюбовью к ненастью. Где непогоду переждать?

Знают капитаны, что к востоку от самого Батума и на запад до Босфора лучшего убежища для эскадры, чем Синопская бухта, не найти. Сам же город Синоп – древняя греческая колония, бывшая столица Понтийского царства, достаточно велик. В прежние годы имел город 60 тысяч жителей. После завоевания здешних земель турками православного населения убавилось. Зато берег укрепили они артиллерийскими батареями, обновили порт, превратив бухту в базу для военных судов.

В месте этом турки уверились в силе своей позиции и мощи стоящих на рейде кораблей. Появления русских если и ждали, то без особой боязни.

Но что это?

В нескольких милях от Синопа показался один корабль, за ним еще. На мачтах русские флаги?

И невдомек было турецкому адмиралу Осману-паше, что это не просто беда, а близкий конец всему его флоту.

Пронзительно свистит ветер в снастях, и тяжко грохочут могучие волны. Курсом зюйд-вест в свинцовой мгле в строе кильватерной колонны идет эскадра Нахимова. Уверенно движется к турецким берегам флагман «Императрица Мария».

– Люди едва на ногах. Первую вахту на отдых на два часа, – распоряжается вице-адмирал.

– Слушаюсь, первую вахту на отдых.

Промокшие до нитки матросы, шатаясь от усталости, спускаются в кубрик и валятся на коечные сетки.

– Вы бы, Павел Степанович, хоть бы сами прилегли. Трое суток на мостике.

– Успеется, – бросает сердито Нахимов и вглядывается во мглу, – до Синопа рукой подать.

Сильнейший шторм повредил линейные корабли «Святослав», «Храбрый» и фрегат «Коварна». Как ни хотелось, но пришлось отправить их для починки в Севастополь. Командиров Нахимов строго предупредил:

– Повреждения устранить и незамедлительно вернуться!

Светает. Присмиревшие за ночь белые барашки тянутся за окоем. Медленно и грозно идет эскадра.

– Земля! На зюйд-вест вижу землю! – кричит с марса дозорный.

Нахимов в окуляре трубы различает длинный скалистый берег.

– За мысом – Синоп. Перекроем выход из бухты.

Прячет в карман подзорную трубу, щелкает крышкой хронометра, обращаясь к адъютанту Острено:

– Пишите в журнале... Десятого ноября сего одна тысяча осьмсот пятьдесят третьего года в шесть часов сорок минут утра блокировали турок в Синопе...

На секунду задумывается:

– Набросайте черновик приказа, в основе коего мысль – готовиться к сражению.

Вспомнились слова из недавнего письма друга – вице-адмирала Корнилова: *«С удовольствием ожидаю с вами встретиться и, может, свалять дело вроде Наваринского»*.

Атаковать турок в бухте заманчиво, да силы вовсе не равны. Под началом Нахимова только три линейных корабля – «Императрица Мария», «Чесма», «Ростислав» и бриг «Эней». У неприятеля явное превосходство: семь фрегатов и два корвета, один шлюп, два парохода и два транспорта. И в артиллерии у турок явный перевес.

Противники замерли в ожидании. Нахимову срочно требовалось подкрепление. Турки, несмотря на явный перевес в силах, отсиживались в спокойной Синопской бухте. И отчего не решались вступить в бой в открытом море?

На что надеялись?

Это потом они осознают, что упустили уникальный шанс воспользоваться превосходством, которое сохранялось у них несколько дней.

16 ноября над морем разнеслись радостные крики:

– Ура!

– Подкрепление!

– Ура контр-адмиралу Новосильскому!

К нахимовской эскадре подошли линейные корабли «Париж», «Три Святителя», «Великий князь Константин» и два фрегата – «Кагул» и «Кулевчи».

А еще к Синопу на всех парах спешили три русских пароходофрегата под командованием вице-адмирала Корнилова.

Нахимов дожидаться их не стал. Он верил в победу. Собрал в адмиральском салоне на борту флагманского корабля командиров, расстелил на столе карту:

– Господа, битва предстоит трудная. Атакуем завтра. Позвольте раъяснить разработанную мной диспозицию. Осман-паша расположил свой флот широкой дугой вдоль берега. Их прикрывают сильные береговые батареи. Подобное расположение, как вам известно, весьма выгодно. Расчет турецких командиров весьма прост – встретить наши корабли огнем береговых орудий, пушками всей эскадры и погубить нас, пока мы заходим в бухту. Враг рассчитывает на привычный в таком деле маневр. Мы же быстротой и натиском, не замедляя ход, ворвемся и откроем огонь. Для сокращения времени пребывания под огнем входим не одной, а двумя колоннами.

Командиры склонились над картой, уточняя расположение мест по диспозиции.

Нахимов пояснил:

– Я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг.

Настало утро, и ветер стал стихать, начало проясняться. В 9 часов 30 минут на «Императрице Марии» взвился сигнал: «Следовать на Синопский рейд».

На мостике в окружении старших офицеров – Нахимов. Он смотрит вперед и выжидает удобную минуту, чтобы отдать приказ.

С мостиков других кораблей за «Императрицей Марией» наблюдают капитаны. Сигнальщики на марсовых площадках, с флагами в руках, в нетерпении.

Павел Степанович четко говорит долгожданное:

– Поднять сигнал: эскадре приготовиться к бою!

Разом затрепетали на фок-мачте три флага, и застыли барабанщики с поднятыми палочками.

Еще минута, и батарейный офицер командует:

– Готовь принадлежности! Орудия от борта!

Над морем несется гром барабанов. бросаются по местам сотни матросов, и, распустив паруса, в бухту устремляются русские корабли.

На резном мостике «Ауни-Аллаха» адмирал Осман-паша в недоумении:

– Русские идут двумя колоннами? Они намерены атаковать в лоб? О, Аллах, такого еще не бывало!

И отдает приказ:

– Огонь!

Синопская бухта тонет в густом дыме. На нахимовцев обрушивается турецкая крепостная и корабельная артиллерия. Русские корабли, маневрируя, разворачиваясь бортами, вплотную, грудь в грудь подходят к неприятелю и принимают решительный бой. Рушатся мачты, и летят клочья парусины.

За развернувшимся боем следят сотни глаз с фрегатов «Кулевчи» и «Кагул», стоящих под парусами у входа в бухту. В атаке участия они не принимают, изготовившись наброситься на турецкие суда, которые ненароком решат бежать с поля боя.

В это время капитан «Императрицы Марии» Барановский и Нахимов в гуще сражения. Они тяжело дышат от едкого запаха пороха и гари.

Удачная тактическая находка Нахимова – избрать строй двух колон, вдвое сократила пребывание наших кораблей под огнем неприятеля. Этот маневр одновременно ускорил развертывание эскадры к бою. Прекрасно действовали команды, прошедшие многолетнюю выучку. Отличным командиром зарекомендовал себя младший флагман Новосильский, находившийся на 120-пушечном «Париже» капитана 1-го ранга Истомина, будущего героя обороны Севастополя. На случай гибели Нахимова предусматривалось, что командование эскадрой перейдет к Новосильскому.

Мокрые от пота канониры, в черных от пороховой копоти рубахах, стремительны в движениях. Они ловко поворачивают тяжелые орудия, забивают картузы с порохом и опускают в пушечную горловину ядра, накатывают орудия к борту, тщательно целятся и застывают на мгновение.

Несутся отрывистые команды:

– Товсь!

– Пооружейно... Батарея! Пли!

И летят точно в цель ядра и бомбы. И понимает Нахимов, что превосходят его матросы в скорости стрельбы и меткости канониров врага. Вот он – результат де-

И.К. Айвазовский.
Синопский бой.
1854 г.

Синопский гром только что прокатился по Европе… С державой, одерживающей такие морские победы, шутить явно не рекомендовалось…
Академик Е.В. Тарле. «Крымская война». 1950 г.

сятков артиллерийских учений и показатель многолетней блестящей выучки. Не зря, выходит, адмирал создавал свою новую школу, воспитывая матросов и офицеров. Настал, наконец, час решительного сражения, которое на деле показывает труд всей его жизни.

Павел Степанович в подзорную трубу рассматривает одну из крепостных башен и радостно обраащется к Барановскому:

– Поглядите! Поглядите, Петр Иванович!

Тот всматривается в даль:

– «Ростислав» экий молодец! А ведь накрыл батарею!

У каменных зубцов разрушенной башни мечутся турки и падают от разрывов бомб. Разбегается артиллерийская прислуга, бросая банники и моля о пощаде.

А Нахимов переносит взгляд на турецкий фрегат, у которого падают сбитые реи и рвутся бомбы на палубе. Вдруг раздается оглушительный грохот, и надстройки фрегата в столбе огня взлетают на воздух.

Нахимов, не веря своим глазам, выкрикивает:

– Мать честная, угодил! В самую крюйт-камеру попал!

Деревянный корпус, еще минуту назад грозного корабля, раскалывается, и вода жадной лавиной, хлынувшей в щели, стремится погубить свою жертву.

– Эк «Фазли» разнесло!

– Молодцы комендоры!

– На одного турчина меньше!

– Ура! Ура! – кричат офицеры и матросы.

– Ура! – кричит со всеми Нахимов, не обращая внимания, что лицо все в копоти и фуражка сбилась на затылок, разорваны рукава сюртука и клочьями висят его полы.

Перепрыгивая через обломки и путаницу сбитого такелажа, навстречу ему мчится с сияющим лицом Острено:

– Павел Степанович! Павел Степанович! «Париж» взорвал «Гюли-Сефид»! А еще... а еще...

Нахимов останавливает флаг-офицера и расплывается в улыбке:

– Феофан Петрович, дорогой, не поспешайте. Что еще, сказывайте!

– Так еще «Низамие», прошу прощения-с, фрегат «Низамие» спустил флаг!

А вокруг ревут сотни орудий и пылают пожары. Санитары с носилками спешат к раненым, и стоны наполняют корабельный лазарет.

В нескольких метрах от Нахимова санитары укладывают обожженного, с черными кровоточащими кистями, артиллериста. Тот хрипит, вырывается и, увидев рядом адмирала, обращается к нему:

– Вашбродь! Вашбродь, не велите в лазарет. Кто при расчете останется?

– Лежи, братец, смирно. Мигом тебя подлечат, успеешь еще повоевать.

– Вашбродь... – шепчет матрос, бессильно опускает голову и затихает, теряя сознание.

В разгар сражения турок постигла еще одна беда. Атакованный «Императрицей Марией» с многочисленными повреждениями и массой убитых, флагманский «Ауни-Аллах» вышел из боя. Он начал дрейфовать мимо своих кораблей, и, когда течение проносило его мимо «Парижа», наш флагман накрыл его продольными залпами. Наконец, он выбросился на мель, чем привел османских моряков в неописуемый ужас. Когда на следующий день команда с «Кагула» поднялась на его борт, наши матросы, найдя Османа-пашу, недоумевали:

– Команда бросила раненого в ногу командира?

– Как они могли так поступить?

– А где его ценности? Где перстни и часы, ордена и сабля?

Оказалось, что он был не просто брошен, но еще и ограблен своими же матросами.

Барановский, Нахимов и Острено со шканцев смотрят на пылающую бухту, оценивая картину полного разгрома. Увиденное поражает. Одни османские суда догорают на берегу. Другие, затонувшие, напоминают о себе торчащими из воды мачтами. Сероватый дым стелется над водой, скрывая пеленой деревянные, обуглившиеся обломки судов и спасающихся, плывущих к берегу турок.

Павел Степанович щелкает крышкой хронометра:

– Все дело заняло... два часа с половиною. Запишите в журнал.

А на палубе «Императрицы Марии» уже полным ходом идет уборка.

– Поспешай, братцы, завтра в Севастополь возвертаемся!

– Обломки рей за борт.

– Руби негодящие ванты, новые крепи! – поторапливают офицеры.

Через несколько дней тысячами голосов приветствовал Севастополь нахимовцев.

Сотни героев Синопа были заслуженно награждены. Творец Синопской победы был удостоен ордена Святого Георгия 2-й степени. Император Николай I в именном рескрипте написал: «*...Истреблением турецкой эскадры вы украсили летопись русского флота новою победою, которая навсегда останется памятной в морской истории...*».

Творец Синопской победы заслужил вечную память как блестящий организатор последнего сражения парусного флота.

И будут вечно звучать гордые слова:

– Слава Нахимову!

19 января 1854 года в своем письме Айвазовский сообщал: «*... Настоящие обстоятельства помешали мне приехать зимой в Петербург. Несмотря на славные наши победы, береговые жители в страхе, и как мы ни стараемся уговаривать – все напрасно, так что и мы перебрались в себе в имение. Кроме этого обстоятельства еще другая причина меня удерживает в Крыму – это заказы на картины, изображающие взятие пароходов. Кроме того, я теперь пишу чудное Синопское дело. Для (сбора) сведений я жил несколько времени в Севастополе, где мог собрать самые верные сведения...*».

Иван Константинович с головой ушел в работу. В который раз он рассматривает рисунки нахимовского флагмана «Императрица Мария» и чертежи «Парижа», схемы расположения русского и турецкого флотов, береговых укреплений Синопа.

И рождается не одно, а сразу два батальных полотна. На одном – начало сражения при дневном освещении. Конец боя в темных красках ночи – на другом.

Пролетела зима, и в мастерской стояли в ожидании уже несколько полотен.

– Время пришло везти вас в Севастополь. Представлю картины на суд моряков, – решил художник.

31 мая 1854 года в Севастополе открылась выставка. Замечательная своей искренностью и правдивостью, вызывающая чувство гордости за наш Российский флот.

Иван Константинович слушал теплые слова и не знал, что офицеры, которых на просмотре было великое множество, не только делились мнениями вслух, но и писали родным и близким об увиденном.

Вот только одно письмо из того далекого времени. Его отправил родственникам 1 июня 1854 года мичман Иванов: «*... Сегодня второй день, как Айвазовский открыл выставку своих картин: двух видов Синопской битвы, двух видов битв «Первас-Бахри» с «Владимиром» и пятый – вход «Владимира» с «Первас-Бахри» на буксире под парами в Севастополь. Перед этими картинами постоянно куча народа, в особенности из офицерства. Первая картина представляет начало Севастопольского сражения. Некоторые суда неприятельские только начали гореть, другие выброшены и, наконец, один фрегат взорван. «Картина чрезвычайно верно сделана» – это сказал Нахимов, герой Синопа. Вторая представляет пожар в городе и судов на рейде ночью. Эта картина так поражает, что трудно оторваться от нее. Флот наш стоит на том же месте, где только сражались. И пароход только что собирается вывозить некоторые корабли сквозь линии. Эту картину можно упрекнуть только в том, что в ней уж слишком много эффекта. Отблеск зарева пожара по борту кораблей и рангоуту – неподражаемо хорош!.. Три картины (изображающие бой с «Первас-Бахри»), полагаю, в 1,5 аршина, а первые (Синопский бой) – огромного размера. Сам Айвазовский там и, вслушиваясь в толки, исправляет свои ошибки*».

Пройдет время и исследователи творчества великого мариниста заметят:

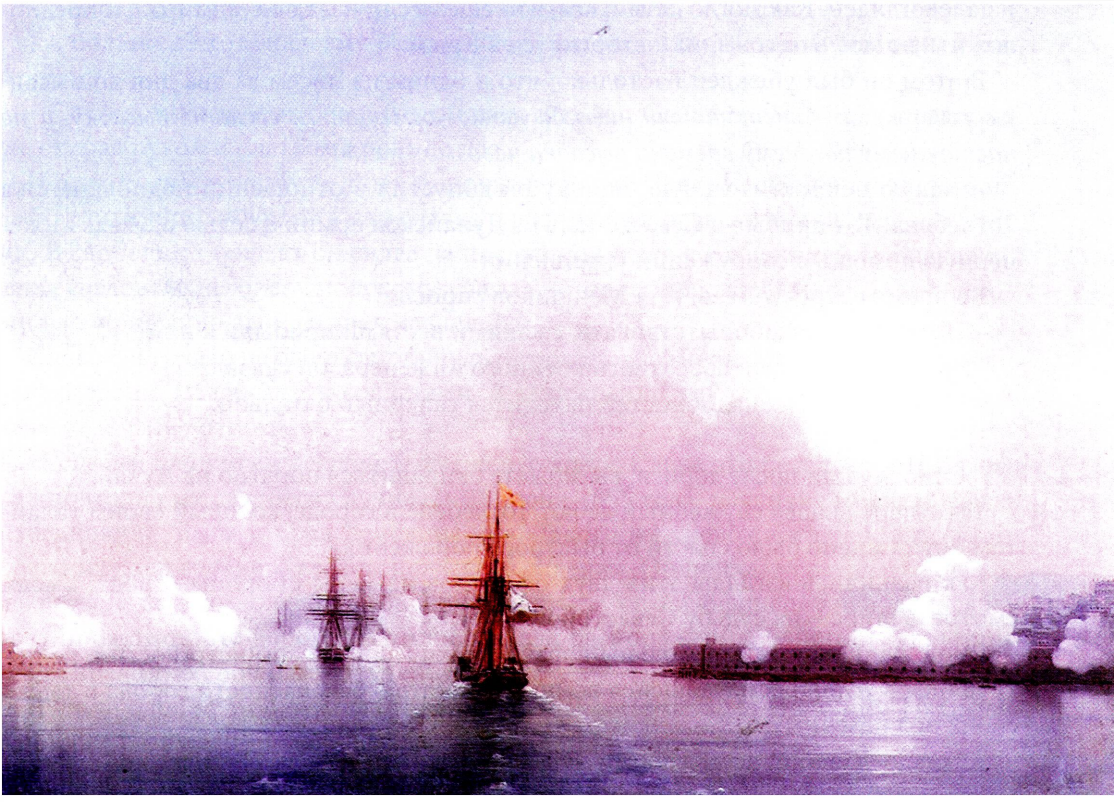
– Севастопольская эпопея занимает в искусстве Айвазовского совершенно особое место.

Сентябрь 1854 года начался с высадки англо-французского десанта. Враг двинулся на Севастополь. Отгремело Альминское сражение и 13 сентября город объявили на осадном положении.

На долю Корнилова выпало руководить обороной Северной стороны, Нахимова – Южной.

Разве знали они, что впереди у черноморской столицы 349 дней испытаний.

Командующему сухопутными и морскими силами в Крыму светлейшему князю Меншикову дел хватало. Не всегда, правда, в мыслях и делах он был прозорлив



И.К. Айвазовский.
Вход в Севастопольскую бухту.
1850-е гг.

и далекогляден. Как могло случиться, что еще месяц назад он, адмирал, и предположить не мог, что союзники вторгнутся в Крым.

В этом он был убежден настолько, что в одном из писем за два дня до высадки утверждал: «*...неприятель никогда не мог осмелиться сделать высадку, а по настоящему позднему времени высадка невозможна...*»

А какую непростительную ошибку он допустил в отношении подполковника Тотлебена! Тот прибыл в Севастополь из Дунайской армии с целью оказать инженерную помощь в сооружении укреплений.

Во время встречи 10 августа Меншиков спросил:

– Позвольте полюбопытствовать, с какими вестями прибыли к нам?

Узнав о цели визита известного военного инженера, он сказал:

– У меня для этих надобностей находится саперный батальон.

И добавил:

– Отдохнувши после дороги, вы можете отправиться обратно на Дунай.

Таким вот вышел служебный дебют Тотлебена в городе, который своим талантом ему суждено было спасти от быстрого поражения.

Как разнились взгляды этих двух офицеров на меры обороны города, а если смотреть шире – на судьбу Севастополя.

Равнодушный и самодовольный, фактически морской министр России, не потрудился в условиях начавшейся войны подумать о безопасности города и тысяч своих подчиненных.

А «надоедавший всем своими опасениями подполковник Тотлебен» изучал местность и состояние немногочисленных укреплений, делал расчеты и составлял планы оборонительных работ. И работы эти начались уже в первые дни сентября.

На проектирование и возведение мощных стационарных укреплений времени уже не было

Как быть?

Одновременно по всей линии обороны возводили продуманный до мелочей комплекс укреплений. Тысячи солдат и матросов вооружились кирками и лопатами, пилами и молотками. На глазах поднимались восемь грозных бастионов.

– Как едешь на бастион, так веселее дышишь, – любил повторять Нахимов.

Первое бомбардирование города 5 октября 1854 года показало силу севастопольских укреплений.

В тот день, 5 октября, союзники открыли ураганный огонь по всей линии. Тучи снарядов понеслись в нашу сторону. В ответ палили русские пушки. Земля содрогалась, а в воздух летели камень и щебень. Пороховой едкий дым застилал узкое пространство между противниками.

Нахимов в этот день хозяйничал на 5-м бастионе. Распоряжался как на корабле. Высоко подняв голову, следил за неприятелем и даже не заметил, что ранен в голову.

– Павел Степанович, вы ранены, – сказал ему один из офицеров.

– Неправда-с! – бросил с неудовольствием Нахимов.

Уж больно не хотелось ему расстраивать матросов своим незначительным ранением.

– Слишком мало-с, чтобы об этом заботиться... Слишком мало-с! – повторял он, стирая рукой и платком кровь со лба.

И в этот день, и в другие дни Обороны, в облике Павла Степановича ничего не было картинного. Фуражка на затылке и удобный сюртук с блестящими эполетами. В свободных брюках он сидел на послушной лошадке с непривычки неловко, как и следовало человеку морскому. Слезал неторопливо, вовсе не так, как сноровисто и привычно выпрыгивал из шлюпки.

Спокойно, будто не было свиста пуль и грохота разрывающихся бомб, общался с офицерами, матросами и солдатами. А те искренне, как родного, любили его и даже величали «отцом».

«Победим или умрем достойно имени русского». Слова эти бесстрашный адмирал повторял не раз. Беда случилась 28 июня 1855 года, накануне именин Павла Степановича. Была вторая половина дня. Такого же тревожного, как и десятки прежних дней грозного севастопольского сидения. Он приказал оседлать лошадь и в четыре часа по-полудни в сопровождении двух флаг-офицеров направился на третий бастион. По дороге Нахимов отдавал распоряжения, одного из адъютантов отправил со срочным поручением.

Путь продолжили с лейтенантом Белавенцем. На батарее Никонова Нахимов осмотрел разрушения, поинтересовался:

– Что, ребята, скоро починитесь?

– К завтрему поспеем, Павел Степаныч, – услышал бодрый ответ.

В блиндаже у Панфилова попили лимонаду и продолжили путь. А бомбы, ядра и пули летели градом.

Адъютанту, который ехал рядом, весело заметил:

– Как приятно ехать такими молодцами, как мы с вами! Так нужно, друг мой, ведь на все воля Бога! Что бы мы тут ни делали, за что бы ни прятались, чем бы ни укрывались, – мы этим показали бы только слабость характера. Чистый душой и благородный человек будет всегда ожидать смерти спокойно и весело, а трус боится смерти, как трус.

Еще несколько минут – и они на Малаховом кургане. На том самом бастионе, где 5 октября минувшего года погиб Корнилов, и который с того дня назвали Корниловским.

Нахимов соскочил с коня и тут же попал в окружение матросов и солдат:

– Здравия желаем!

– Здравствуйте, Павел Степанович! – зашумели защитники, радуясь приезду общего любимца.

– Здорово, наши молодцы, – ответил Нахимов, – ну, друзья, я смотрел вашу батарею, она теперь далеко не та, какой была прежде, она теперь хорошо укреплена! Смотрите же, друзья, докажите французу, что вы такие же молодцы, какими я вас знаю!

И.К. Айвазовский.
Осада Севастополя.
1854 г.

Поговорив недолго с матросами, отдав приказания начальнику батареи, он быстрым шагом направился к банкету у вершины бастиона.

И вот они у цели. Нахимов поднес к глазам подзорную трубу и стал рассматривать французскую батарею. Над головой просвистели пули. Офицеры попросили его пониже нагнуться и зайти за мешки. Одна пуля, явно прицельная, ударилась в земляной мешок. Мундир и адмиральские эполеты были удобной мишенью для неприятельских стрелков.

– Ваше превосходительство, в вас целят. Сойдите с банкета! – в который раз прозвучали предупреждения.

– Они сегодня довольно метко стреляют, – сказал Нахимов равнодушно.

И в эту секунду прозвучал новый выстрел. Но что это? Павел Степанович на мгновение замер, выпустил из рук подзорную трубу и медленно стал заваливаться назад. Тут же его подхватили, и в грохоте разрывов бомб и ружейной пальбы разнеслись тревожные голоса:

– Ранен!

– Господа, Павел Степанович в голову ранен!

Неприятельская пуля пришлась ему в левый висок и крошечным кровавым пятном обозначилась навылет. Адмирал потерял сознание и его тотчас, на солдатских окровавленных носилках, отнесли в безопасное место – в Аполлонову балку. Оттуда не медля, на катере, доставили на перевязочный пункт Северной стороны.

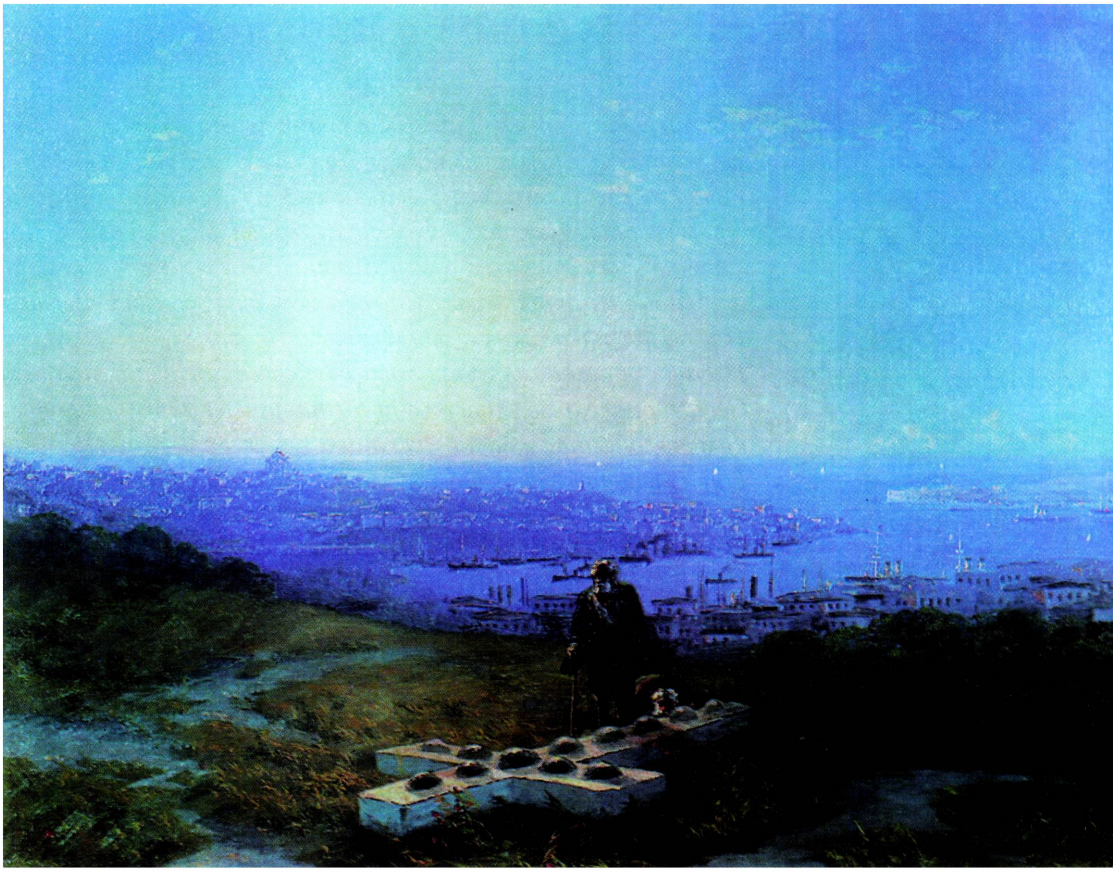
В себя до самой своей смерти в 11 часов утра 30 июня он так и не приходил.

На похоронах его тело покрыли израненным в бою флагом, который гордо развевался на его корабле во время знаменитой Синопской битвы.

«Картина «Осада Севастополя», написанная под непосредственным впечатлением посещения Айвазовским осажденного Севастополя, изображает панораму города от Северной стороны до Херсонесского маяка и дальше, в открытое море. Все в городе изображено с документальной точностью: наиболее крупные дома, береговые батареи, корабельная слободка. За городом, на холмах, идет бой. Горизонт закрыт клубами дыма. Английская эскадра стоит у Херсонесского маяка. На переднем плане, на Северной стороне, изображена группа пленных французов под конвоем казаков…», –написал об этой картине *Н.С. Барсамов.*

В 1893 году Иван Константинович Айвазовский создал прекрасную картину «Малахов курган».

Лучи заходящего солнца освещают святое для каждого россиянина место. Памяти любимого адмирала пришел поклониться седой ветеран-инвалид. И если жива память, жить будут и Севастополь, и Россия, и мы с вами.



И.К. Айвазовский.
Малахов курган.
1893 г.

«Мы остановились в Харькове»

С душевным прискорбием мы должны были выехать из милого нашего Крыма, оставив все свое состояние, приобретенное своими трудами в продолжении пятнадцати лет. Кроме своего семейства, матушки 70 лет, должен был взять с собой и всех родных, мы и остановились в Харькове, как ближайшем городе к югу и недорогом для скромной жизни. Нас все ласкают, как в своем городе.

Недавно я сам один ездил в Крым, был также 28 октября в Севастополе, имел счастье представиться их императорским высочествам и, по желанию великого князя Николая Николаевича, я наскоро нарисовал общий вид Севастополя во время сильной канонады. Грустно русскому сердцу видеть дерзкое предприятие несчастных англичан и французов, но с Божией милостью наше храброе войско отстоит наш дорогой уголок Крыма; храбрость наших моряков выше всякого описания. Надо видеть действие наших бастионов, и тогда можно вообразить и поверить всему, что рассказывают про гарнизон Севастопольский.

Из письма И.К. Айвазовского.
17 ноября 1854 года, Харьков.

Сентябрь1854 года. Семейство Айвазовских, покидает Феодосию. Не хотелось, ох как не хотелось Ивану Константиновичу выезжать, но велика была угроза вторжения противника. И только когда осколком ядра убило его слугу Архипа, решил:

– Едем!

Достойное жилье помог подыскать харьковчанин, выпускник юридического факультета Московского университета и способный художник-любитель Степан Алексеевич Рымаренко.

Просторная квартира в ухоженном доме на Екатеринославской улице отвечала всем пожеланиям семьи художника. А недостающую мебель в спешном порядке привезли и поставили из дома Алфераки.

Вечером следующего теплого сентябрьского дня семейство Айвазовских вышло «на людей посмотреть и себя показать».

Улица Екатеринославская оказалась одной из центральных в шумном Харькове. Глаз радовала булыжная мостовая и зеленые скверы, богатые магазины вместе с домами служащих губернского правления. Совсем рядом от дома Айвазовских – особняк губернатора.

– Шумно. Весьма шумно, – заметил художник, разглядывая толпы гуляющих горожан.

И.К. Айвазовский.
Ночь в Амальфи.
1854 г.

Вскорости после обустройства семьи на новом месте, Айвазовский подыскивает тихое место для мастерской «на хуторе под Харьковом». И с головой уходит в работу.

Сюжеты новых картин слагались в его памяти, как поэтические строки у поэта. Вот в руке карандаш и клочок бумаги. Несколько минут – и художник полностью отдается новой картине. Не отвлекается ни на разговоры, ни на завтрак.

Работает быстро и целеустремленно. Небольшие полотна завершает в один прием. И успевает написать немало нового. И продать успевает тоже.

Один из первых покупателей – харьковский помещик А.Н. Алферов. Уж сколько лет прошло, а «Ночь в Амальфи» так и осталась в Харькове. Сегодня она украшает экспозицию областного художественного музея.

Что из себя представляли картины осенью 1854 года? Сохранилось интересное их описание: «*...В мастерской было две почти законченные картины среди подготовленных холстов и разбросанных дорожных альбомов и этюдов: первая – вид острова Капри, небольшая с морем и сияющей лазурью; вторая – часть южного берега Крыма близ Аю-Дага, с огромной скалой и садами, при едва начавшемся отблеске утренней зари.*

Замечательно, что картина почти закончена: вода, небо, освещенные скалы, деревья – все готово. Величина картины аршина два с небольшим. А начата она только накануне утром – вся еще с мокрыми красками...».

– Место картинам на выставке, – решает маринист.

– Господа, вы слышали? Профессор Айвазовский в январе открывает выставку!

И выставка действительно открылась 10 января 1855 года. И не где-нибудь, а в главном корпусе университета.

Харьковские губернские ведомости сообщили: «*... Художник все написанные им в нашем городе картины выставил...*».

Через год эта же газета написала: «*... картины все почти остались или в Харькове, или в Харьковской губернии...*».

Январская выставка поражала горожан пейзажами: «После бури» и «Амстердам с моря», «Ночь в Амальфи» и «Утро в Неаполе», «Вечер в Салерно», «Вид вечерней Малаги» и другими работами.

Восторженных отзывов на представленные марины было множество. Местный поэт, учитель 1-й гимназии, отважился даже на собственное сочинение: «*Картины г. Профессора И.К. Айвазовского*»:

«Но нет... Картин я не видал!
Я странствовал и созерцал
И неба, и морей пучины!
Что движется, бежит, течет,
То взор в природе лишь найдет
И – Айвазовского картине...».

Еще тянулась вереница посетителей на выставку, а Иван Константинович уже представлял новые работы. 23 января в зале Дворянского собрания для «*аллег-*

И.К. Айвазовский.
Малага. Морской пейзаж.
1854 г.

ри-лотереи» и базара в пользу Харьковского Благотворительного Общества И.К. Айвазовский, желая участвовать в благотворительном деле, предложил три рисунка и одну небольшую картинку, нарисованную масляными красками».

«Сколько работ создал художник в Харькове?» – задают вопрос многие.

Одни исследователи утверждают:

– Сорок.

Иные указывают другое количество. Но как бы там ни было – в Харькове художник трудился напряженно. Несколько раз выезжал в Феодосию и Севастополь. И что важно – часть картин отдал на благотворительность. Деньги, полученные от продажи полотен, пошли на лечение раненых в Крымской войне.

«Харьковский период творчества» завершился в сентябре 1855 года.

«Харьковские губернские ведомости» опубликовали список выехавших из Харькова с 1 по 9 сентября. В списке этом значится имя «профессора Айвазовского», следовавшего в Петербург.

В своем отчете за 1854 – 1855 годы Академия художеств указала: «*Айвазовский находился в Харькове, написал там много разных картин для тамошних дворян, любителей живописи и две картины большого размера, изображение бури под г.г. Балаклавой и Евпаторией в Крыму, и еще несколько картин меньшего размера, которые представлены на академическую выставку*».

Когда художнику за пятьдесят.

«Южный берег Крыма – одно из лучших мест Европы»

Всю осень я провел почти на южном берегу Крыма, где я совершенно наслаждался природой, видя одно из лучших мест в Европе. Да вдобавок еще у себя в отечестве, наслаждаясь настоящим, можешь будущность свою также мечтать тут же. И потому я купил маленький фруктовый сад на южном берегу. Удивительное место. Зимой почти все зелено, ибо много кипарису и лавровых деревьев, а месячные розы цветут беспрестанно зимой. Я в восхищении от этой покупки, хотя доходу ни копейки, но зато никакие виллы в Италии не заставят меня завидовать.

Из письма И.К. Айвазовского, 1846 год.

И кто не согласится с этими словами, что наш Южный берег прекрасен. Любовь к поистине райскому краю сердцем и кистью высказал великий маринист уже в 1838 году. Родилась картина «Ялта», запечатлевшая крошечное местечко у

И.К. Айвазовский.

Вид Ялты.
1870 г.

Вид в Ореанде.
1858 г.

подножия Ай-Петри. Случайно ли, нет ли, но Иван Айвазовский стал единственным художником, изобразившим Ялту в год ее рождения.

Да, да! 23 марта того далекого 1838 года Ялта получила статус уездного города.

Влюбленный в море феодосиец запоминает дыхание полуденного бриза и блики солнца на легких волнах прибоя. Всматривается в серебристый блеск лунной дорожки и густую гамму красок заката. Улавливает еле заметное изменение освещения пейзажа, когда догорает вечерняя заря.

Увидеть такое и забыть?

Не перенести на холст поразившую красоту?

Это было не в его силах. И одно за другим появляются чарующие поэтические полотна.

Южный берег Иван Константинович посетит не раз. В имении «Хорошая пустошь» он в 1840-е годы будет навещать супружескую чету Мордвиновых. В 1848 году, не в силах скрыть свои эмоции от осенней Ялты, он напишет гостеприимным хозяевам: «*Осенью я был в Ялте и зашел в Ваш сад и на каждом шагу я был в восторге, чудо да прелесть*».

После окончания Крымской войны начинается новый этап в развитии курорта. Своим обликом Ялта все больше становится похожей на европейские курортные города того времени. Серьезным толчком в развитии Южнобережья стала покупка императором Александром II имения Ливадия. Случилось это в 1861 году.

Получилось так, что в начавшемся оформлении Большого Ливадийского дворца в 1862 – 1866 годах пришлось принять участие и Айвазовскому. Это была крупная и ответственная работа, которой руководил известный архитектор И.А. Монигетти. Иван Константинович вместе с А. Фесслером по предложению Монигетти украшал фресками балкон, примыкающий к балкону Императора.

Позднее залы дворца и «гостинную для высочайших особ» украсили три десятка картин Айвазовского.

К этому же периоду относится история, в которой проявился практицизм и отзывчивость художника. Вот такой вышел случай: «*У друга Айвазовского, архитектора Манигетти, в Ливадии предстояли крупные строительные работы, для которых нужны были в большом количестве специалисты – мраморщики, скульпторы, резчики по камню, лепщики и другие рабочие, которых, как он знал, в Ялте не было. Надо было преодолеть большие затруднения: подрядить их в Петербурге и доставить из Петербурга в Ялту.*

Монигетти был очень озабочен, но когда узнал об этом Айвазовский – он будто обрадовался. Откуда-то ему было известно, что на окраинах Одессы большим табором в ужасных условиях, без всяких средств к существованию ютились выписанные Воронцовым итальянские рабочие. В надежде на крупные заработки, обещанные графом Воронцовым, приехали они морем в Россию с женами, детьми, целыми семьями и, обманутые им, без знания русского языка и без средств для того, чтобы выехать обратно на родину, влачили нищенское существование. Не задерживаясь в Петербурге, Монигетти отправился в Одессу и действительно

И.К. Айвазовский.
Вид из Ливадийского парка на Ялту.
1866 г.

нашел своих сородичей в ужасном состоянии. Со слезами на глазах они выслушали А. Монигетти, прося дать им работу».

Иван Константинович, естественно, был по-человечески рад, что принял участие в судьбе итальянских рабочих. А те, к счастью, доверие Айвазовского оправдали. Вырвавшись из нужды, они трудились на совесть. А когда закончили работы в Ливадии, без куска хлеба не остались. Трудолюбивых мастеровых пригласили на другие объекты, благо, строительство на Южном берегу разворачивалось полным ходом.

Наблюдал за происходящими переменами Айвазовский, и как-то само собой пришло желание проявить в Ялте свои архитектурные способности. Благо, к тому времени вырос в Феодосии его собственный дом по его же проекту. И с Ялтой его связали родственные узы. С 1870-х годов там жила его дочь Елена, в замужестве Латри. По правилам того времени Елена Ивановна начинает оформление документов на строительство дома по Аутской улице. Сегодня это улица Кирова, 25.

– Соизвольте представить проект, – потребовали чиновники.

На стол лег проект отца, профессора Академии художеств. А 15 декабря 1881 года на утверждение строительной комиссии направляется план мастерской, работы по возведению которой планируются под личным наблюдением автора проекта.

Городской архитектор П.К. Теребенев обратил внимание городской управы:

– Проект выполнен весьма основательно и к оному документу в отношении техническом претензий нет. Однако, по обязательным правилам строительной части, на проекте требуется подпись техника об ответственности за прочность и правильность работ. А подписи нет. Без указания ответственного дать разрешение на строительство никак нельзя.

Городской голова А.Л. Врангель с архитектором согласился:

– Проект утвердим и разрешение дадим, как только будет представлено удостоверение техника.

О том, что было дальше, рассказала заведующая отделом ялтинского историко-литературного музея И.Ф. Фоменко: *«Техник, который подписал проект, нашелся, дом был построен и стал мастерской, где художник создавал свои замечательные марины и ялтинские виды. До сих пор считалось, что этот дом не сохранился, был разрушен при строительстве пятиэтажного дома (ныне ул. Кирова, 25, где расположен гастроном «Ромашка»). Но это не совсем так. На месте усадьбы сейчас остановка «Магарач» и пятиэтажный дом. А также – та самая мастерская, построенная по проекту Айвазовского.*

В фондах Феодосийской национальной картинной галереи им. И.К. Айвазовского хранится фотография, на которой Иван Константинович запечатлен со своей дочерью и членами семьи возле одного из своих домов в Крыму. Сотрудники галереи атрибутировали место как имение Шах-Мамай. Но для меня, выросшей в Ялте, одного взгляда было достаточно, чтобы узнать этот дом и место, где была сделана фотография. Конечно, сегодня этот дом обезображен пристройками, скрыты

огромные окна, наполнявшие дневным светом комнаты мастерской художника исключительного дарования, цветочная клумба перед домом превратилась в гараж, заасфальтированы гравиевые дорожки. Но сохранились каменные ступени, ведущие в дом, и основное здание (ныне ул. Щорса, 3, здание расположено прямо за пятиэтажкой)». («Крымская газета», июль 2007 г.)

В одном из писем 1885 года Айвазовский делится наблюдениями: «*… Ялта сделалась лучшим сезонным городом и туда приезжает лучшее общество со всех концов России. Местность Ялты – центр лучших живописных мест на нашем южном берегу Крыма…*».

Будучи человеком небедным и к тому же предприимчивым, Иван Константинович вкладывает деньги в недвижимость. Так рождаются два доходных дома. На Набережной, с видом на море, поднялась гостиница «Франция». Недалеко от нее выросла уютная гостиница «Морская». Это здание на улице Морской, 3, сохранилось до наших дней.

В 1889 году у Ивана Константиновича – новая идея. На сей раз – построить в Ялте выставочный зал. Одному браться за дело и хлопотно, и затратно. В октябре он пишет письмо своему родственнику, отцу композитора Александра Спендиарова (Спендиаряна): «*Многоуважаемый Афанасий Авксентьевич!... Я вижу, что в принципе Вы не против постройки залы… Залой этой я бы воспользовался, пока я жив и тружусь, затем была бы очень кстати Александру Афанасьевичу как концертная зала…*».

Стороны обговорили технические и финансовые вопросы. Художник даже собирался написать для оформления «художественно-музыкальной

Современный вид дома Е.И. Айвазовской-Латри по ул.Щорса, 3.

Ялта. Гостиница «Франция» и бывшая гостиница «Морская».

залы» большую картину. Но… Но не сложилось. В одном из писем Спендиарову-отцу Айвазовский сообщил, что «нездоровье отняло у него всякую охоту».

Но «выставочная зала» на Южном берегу была все таки создана. «Зала» невиданной площади – в тысячи квадратных метров. Картины великого мариниста в конце XIX века расположились в музеях и дворцах, церквях и частных особняках, учреждениях и учебных заведениях. Вот как об этом писал биограф Ивана Константиновича Н.Н. Кузьмин в 1901 году: «*В Ливадии, в Большом Императорском дворце, где провел последние дни и в Бозе почил император Александр III, все стены кабинета императрицы Марии Федоровны и остальных комнатах дворца украшены найденными государыней подковами, семейными портретами, а также видами Кавказа и Крыма работы профессора Айвазовского. По словам управляющего Ливадией генерал-майора Леонида Дмитриевича Евреинова, картины эти украшают дворец с давних пор. Дивный вид на море, открывающийся из окон дворца, как бы заставляет сравнивать его с той морской панорамой, которая представляется зрителю при обозрении картин кисти Айвазовского. Здесь преимущественно картины Айвазовского, а также есть и Филиппова, и акварели Бланшара, и статуи работы Бюргера, и картины Айвазовского, привезенные из Одессы еще покойной императрицей Марией Александровной. Морские виды Айвазовского украшают также дворцы Ореанды, Гаспры (имение великого князя Петра Николаевича) и Ай-Тодора (имение великого князя Александра Михайловича).*

Картины его кисти находятся и обыкновенно осматриваются туристами в роскошном дворце кн. Воронцовых, ныне гр. Шувалова в Алупке, где собраны были с 1837 года все замечательные произведения искусства, часть которых вывезена отсюда кн. Воронцовой.

Во владельческом доме одного из самых богатых и благоустроенных (после Гурзуфа и Алупки) имений Южного берега Крыма, принадлежащем Ушаковым, Форосе, находится большая картинная галерея, освещаемая, как и парк, электричеством. Картинная галерея устроена по указаниям проф. Клевера, и большинство картин принадлежит здесь его кисти и кисти проф. Айвазовского».

В стране пирамид

В 1869 г. в ноябре И.К. Айвазовский посетил Египет для присутствия при открытии Суэцкого канала 5 (17) ноября; на этом торжестве он имел честь встретить и вследствии выраженного ими желания представляться некоторым высокопоставленным лицам разных европейских дворов, знакомых с ним по приобретенным на выставках картинам его кисти. Здесь находились, как известно, Евгения, императрица французская, и Франц-Иосиф, император австрийский, которым представлялся художник в частной аудиенции.

Н.Н. Кузьмин. Воспоминания об И.К. Айвазовском, 1901 г.

– Событие века! – так говорили о скором открытии канала, который свяжет Средиземное море с Красным.

– Теперь кораблям из Европы не нужно будет огибать Африку, чтобы попасть к берегам Индии и Китая!

– Канал вдохнет новую жизнь в международную торговлю!

Грандиозные торжества решено было провести в Порт-Саиде.

Весь долгий путь от Севастополя до Египта Иван Константинович был верен себе. С раннего утра брался за кисти. Внимательным взглядом всматривался в бегущие волны, делал пометки в блокноте, а все свободное время проводил с младшей дочерью Жанной, которую взял в далекое путешествие. Им было о чем поговорить. Художник вел задушевные разговоры с дочерью о живописи и литературе, загадочном Египте и музыке.

Сойдя на берег, они любовались пейзажами древней страны. Величавой красотой веяло от пологих пустынных берегов.

– Какие громадные! – воскликнула Жанна, впервые увидев исполинские пирамиды. И неожиданно вместе с молодыми пассажирами парохода стала карабкаться по каменным ступеням.

– Ты куда, дочка? – окликнул он девушку, но та с веселым смехом поднималась все выше.

– Вот непоседа, – усмехнулся Иван Константинович и тут-же что-то записал в блокноте.

Отец и дочь слушали старинные египетские легенды, записывали песни феллахов и наблюдали за жизнью горожан. Удивлялись буйной зелени в оазисах и провожали взглядом неспешные караваны верблюдов, нагруженных нелегкой поклажей.

Пройдет всего год с небольшим, и маэстро воскресит в памяти воспоминания того удивительного путешествия. И родится картина «Караван в оазисе. Египет». Спустя десять лет он создаст «Сцены из каирской жизни». В 1895 году напишет работу с лаконичным названием «Пирамиды».

* * *

В тот вечер на борту их корабля стояла необычная тишина. На палубе еле слышно переговаривались пассажиры. И вдруг плавно полилась песня. Приятный мужской голос как-то просто и естественно вывел первый куплет:

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он.
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом…

Его поддержали другие голоса.

Иван Константинович повернулся в сторону трапа, шепнул Жанне:

– Я в каюту, за скрипкой.

И вот уже десятки голосов, под умелый аккомпанемент Айвазовского, разливают у берегов Древнего Египта чудесные русские мелодии о «матушке Волге», о «темном лесе», «о чистом поле». И слова, и с детства знакомые мелодии звучали вдали от родной земли особенно трепетно и трогательно.

Из этого импровизированного хора Айвазовский выделил красивый голос Жанны. Когда пассажиры вдоволь напелись, стали прощаться и желать друг другу доброй ночи, до слуха Айвазовского донеслись отрывки беседы двух представительных господ:

– Без сомнения, это будет сенсация…

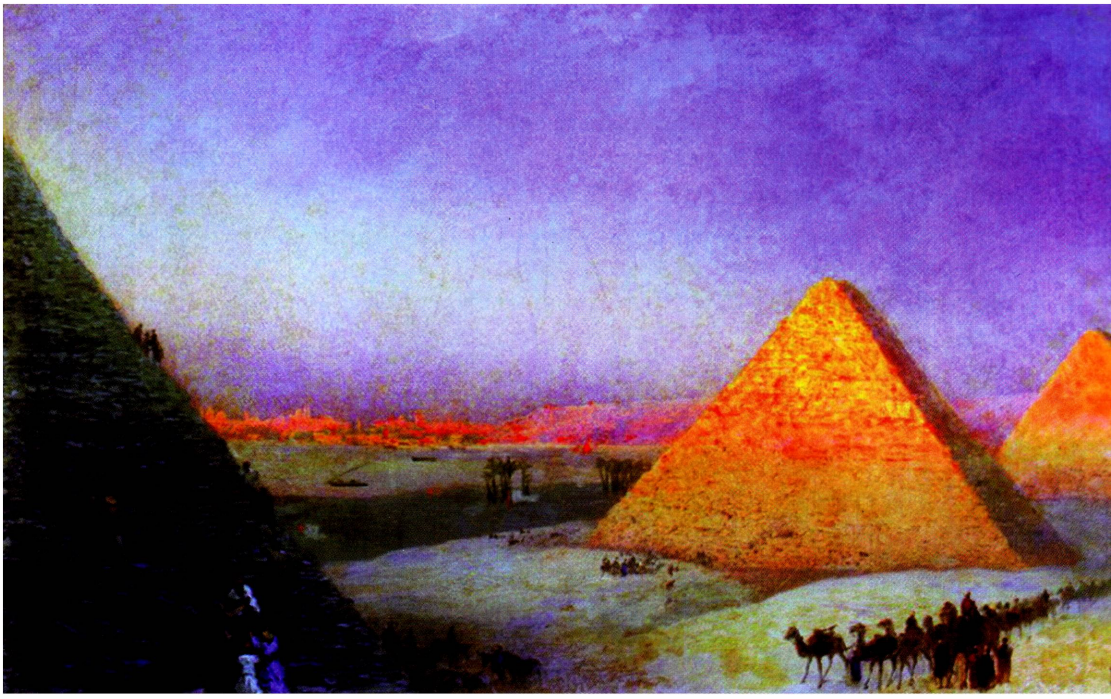
– Представьте, Верди покажет новую оперу под открытым небом…

– Да, да. Пирамиды, пальмы, оркестр…

Все знали, что в Каире к эпохальному событию приурочили открытие оперного театра. Выдающийся итальянский композитор Джузеппе Верди в 1868 году получил от египетского правительства заказ на создание оперы.

Отец и дочь с волнением говорили о предстоящей премьере. Но ни они, ни тысячи гостей, спешащих в страну пирамид, не знали, что постановке не суждено осуществиться. И были на то веские причины.

Уж сколько месяцев композитор в поиске темы. Он изучал тексты драм, которые ему присылали для ознакомления. Но… Ни один текст не пришелся ему по душе. В письме либреттисту Камиллу дю Локлю он написал: *«Увы! Не нашел среди драм ни одной для себя… Наберитесь терпения, мой дорогой дю Локль, ищите, спрашивайте и пришлите мне еще посылку».*



И.К. Айвазовский.
Пирамиды.
1895 г.

17 - Zak-0087-88

В те осенние дни Айвазовскому не удалось аплодировать великому Верди. А как хотелось обнять своего давнего знакомого, того застенчивого Джузеппе, с которым судьба свела его в Италии. Задумался: «Сколько же тебе стукнуло, друг мой? Помнится, ты года на три-четыре постарше. Выходит, если мне пятьдесят два, то тебе пятьдесят пять-пятьдесят шесть? Эх, годы,годы!».

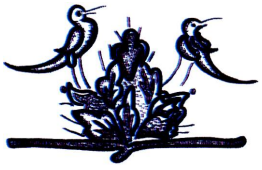
Его мысли прервал тихий голос Жанны:

– Жаль, папа, очень жаль. Здесь все так ждали премьеру. Мне так хотелось хоть разок взглянуть на знаменитого Верди.

Потом взяла в свои хрупкие ладони руку отца и с мольбой посмотрела в его глаза:

– Мы же можем вернуться домой через Италию? Правда, через Италию? Заедем хоть на минутку к господину Верди! Ну, пожалуйста!

Гостеприимное имение Сант-Агата



Миланский поезд подошел к станции Фьоренцуола Арда. Дальше до поместья Верди Сант-Агата нужно ехать на лошадях. Жанна с любопытством смотрела на пейзаж Ломбардской равнины.

Л. Вагнер, Н. Григорович.
«Айвазовский», 1970 г.

Поезд неспешно постукивал колесами на стыках. Взгляд Айвазовского выхватывал в окне желтеющие поля, с которых уже убрали хлеб. Плавными волнами уплывали вдаль осиротевшие виноградники. Осень!

В купе первого класса только он и его повзрослевшая дочь.

– Это хорошо, что рядом ни одного пассажира, – сказал сам себе.

А ведь правда, именно не в поезде, под стук колес, можно спокойно подумать. Напротив дремлет Жанна. Вот она улыбнулась во сне. Может быть, уже представляет встречу с Верди? Что скажет она? Как встретит гостей маэстро? Возможно, избалованный славой, он будет сух и предупредителен? Или, как в старые добрые времена, будет весел и разговорчив? Мысли, перебивая друг друга, проносились в голове. Сменяясь и чередуясь, не оформившись во что-то законченное, рисовали картины встречи.

Ведь сколько лет прошло.

А мысли не давали расслабиться, лечь поудобнее. Или, на худой конец, вытянуть ноги и представить будущую встречу.

Он не заметил, как уснул. Тревога ушла далеко в подсознание, но всё равно осталась. Сквозь сон выплыли наброски последних египетских работ. Тех, что сделал в последний месяц. Где они? Что с ними? Пропали?

И.К. Айвазовский.
Суэцкий канал.
1876 г.

В испуге открыл глаза:

– Что за наваждение? Как пропали? Посылкой отправил в Россию. А та небольшая работа, что приготовил в подарок Верди?

Где она? Неужто украли?

Потер пальцами виски:

– Господи, да она вместе с вещами в багаже.

Вспомнил, что это его дорожное волнение было сродни тому, которое изредка испытывал прежде при постоянных поездках в дорожных каретах.

И тогда же мелькнула мысль: «А зависит ли желание работать от места?»

Нет! Нет! И еще раз нет! Он может черкнуть в свой маленький блокнотик, что всегда при нем, всего несколько штрихов. А что до места, где родятся готовые картины, это вовсе не важно. Куда важнее рабочее настроение. А желания писать ему не занимать. Естественная тяга к творчеству, кажется, уж никак не зависит от окружения. И, по большому счету, не нуждается во внешних возбудителях. Желание писать, выношенное где-то в глубине, вызреет и выплеснется в нужный момент.

Скоро нужная остановка – станция Фьоренцуола Арда. Оттуда до поместья Сант-Агата на лошадях – рукой подать.

Он расслабился:

– Только день-другой. Не докучать Верди. Не требовать внимания. Не брать в руки кисти.

Разговорчивый возница, желая угодить состоятельному пассажиру, показывал рукой то вправо, то влево:

– Глядите, синьор, на пригорке – сыроварня. Чуть дальше – еще одна. Сыр, знаете, у нас отменный. А виноградники, синьор, каковы! Наше вино по всей Ломбардии славится.

В широкой ложбине мирно пасся табун лошадей. Кучер обернулся и показал на постройки вдали:

– Обратите внимание, синьор.

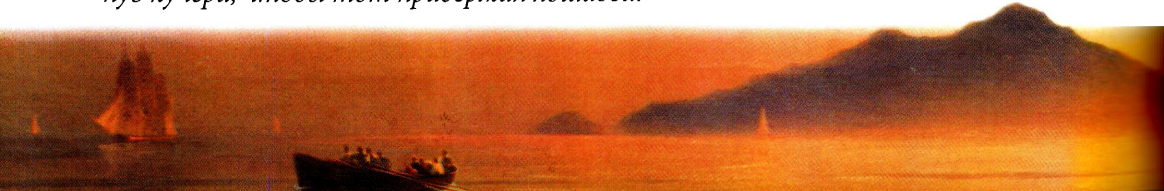
– Никак конюшни? – догадался Иван Константинович.

С видимой обидой на лице, возница изрек:

– А вот и нет. Это прекрасный конный завод синьора Верди. Он – знаток хороших лошадей.

Встречу художника и композитора описали Л. Вагнер и Н. Григорович в своей книге «Айвазовский», вышедшей в московском издательстве «Искусство» в 1970 году: «*Вскоре показался прекрасный парк, через парк вела дорога до самого дома. Аллея тополей напомнила Жанне такую же аллею у них в Шейх-Мамае. Экипаж обогнал пожилого крестьянина с мотыгой на плече. Он шел походкой человека, уставшего после тяжелой работы. Широкополая соломенная шляпа, надвинутая на лоб, бросала тень на верхнюю часть лица, оставляя открытыми крупный шелушащийся от солнца нос и густую с проседью бороду.*

– Здравствуйте!.. Не знаете, дома ли синьор Верди? – крикнул Айвазовский, тронув кучера, чтобы тот придержал лошадей.



Крестьянин остановился, вглядываясь в лицо Айвазовского.

– Неужели это вы, синьор Айвазовский? – радостно воскликнул он. – Здравствуйте!..»

Верди расплылся в улыбке:

– Не может быть! Ванья! Джованни! В Сант-Агату пожаловал сам синьор Айвазовский!

Протянул мозолистую ладонь:

– Добрый день, друг мой.

– Здравствуйте, прелестная синьорина, – поздоровался с Жанной.

Верди легко взобрался на сиденье, и повозка покатила вперед.

… За стол сели вчетвером: Иван Константинович с дочерью и Верди с супругой. Старые друзья были согреты искренней радостью встречи. Женщина в летах и молодая девушка с нескрываемой гордостью смотрели на светящихся счастьем мужчин.

Вот в высоких хрустальных бокалах засверкало темно-золотистое санто – гордость хозяйских погребов. Верди обстоятельно, но как бы между делом, рассказывал об этом вине, которое производилось в имении. А когда речь зашла о посадке и обрезке винограда, монолог сам собой перешел в диалог.

– А вот у меня в Шейх-Мамае.., – то и дело вставлял реплику Айвазовский.

– А я как-то из Франции привез замечательную лозу бордо.., – делился опытом собеседник.

– Обрезку я начинаю с первыми теплыми днями…

– Выдерживаю, знаете, как в старину. Начинаю с того, что…

– Ваше санто ничуть не уступает лучшему французскому…

Неужто это была задушевная беседа винных гурманов?

Вот уж нет. Скорее это походило на разговор двух крестьян среднего достатка.

Они так увлеклись, что вовсе забыли о дамах. Жанна и госпожа Верди посмотрели на говорящих, встретились взглядами и одновременно прыснули от смеха:

– Ваш папа рассуждает, как настоящий виноградарь!

– А господин Верди, по-моему, вовсе не композитор, а зажиточный крестьянин!

После этих слов наступила разрядка. Стало весело и по-домашнему уютно и спокойно.

Верди смотрел на старого друга: «Постарел… Самоуверен… Знает себе цену, труженик… Работать! Следует работать! Ты чувствуешь свой рост и счастлив до безумия».

Задумался: «Как важно, что терзания воли превосходят радость результата!»

Вспомнил слова из письма скульптору Луккарди: *«Я бешено работаю. Одиночество и работа – вот моя жизнь».*

Жанна посмотрела на собеседников:

– Как вы похожи!

У Верди – борода и бакенбарды, будто невзначай посеребренные временем. Юношески густые волосы и блестящие с искрой глаза. Высокий лоб и большой с горбинкой обгорелый нос. А еще морщины и морщинки вокруг глаз.

Боги на полотнах старых мастеров лишь изредка изображались юношами. Чаще они представали как мужи зрелых лет. Старость на них – как некая преобразившаяся форма божественной юности. Это люди, преодолевшие все сомнения и жившие с сознанием понимания истины.

– Ох, дорогой Джузеппе, в наши годы люди становятся сентиментальными. Я уже тоскую по своей мастерской. Тоскую по крымской весне и родной Феодосии. В ушах еще стоит шум Порт-Саида. Вспоминаю до сих пор пряности и запахи восточного базара. А душа – далеко…

Продолжая беседу, как будто о чем-то своем, личном, Верди тихо произнес:

– Суета… Смотрю на себя, и видит Бог, не знаю, кто я сегодня. Сочинять не хочу. Даже не то, что не хочу, а, кажется, уже не могу. Что мог – написал. Лучше все равно не смогу. Может быть, я стал крестьянином? В этих полях, в зелени виноградников – моё сегодня. Там я тот, кто есть.

Он пальцем ткнул себя в грудь:

– Сердце на этой земле. А музыка…

– Отбросьте сомнения, друг мой. Вы просто устали. Поверьте, нет сомнений – нет творца. Как утро сменяет ночь, как солнце приходит на место луны, так и в жизни каждого из нас происходит обновление. А ваша лучшая опера, я в это верю, еще не написана.

– Это «Аида». Еще сыро, но думаю, что выйдет примерно так.

Верди рассказал, как долго искал тему для новой оперы:

– И, наконец, я получил, то, что хотел.

Оказалось, знаменитый французский египтолог Мариэтт составил сценарный план «Аиды».

– О чем будет опера, расскажите!

– В основу сюжета легла старинная египетская легенда. Главная героиня – рабыня Аида. Но на самом деле она – дочь эфиопского царя, попавшая в услужение Амнерис – дочери египетского фараона. Полководец Радамес влюблен в Аиду. Она тоже пылает страстью к нему. Но в Радамеса влюблена и Амнерис.

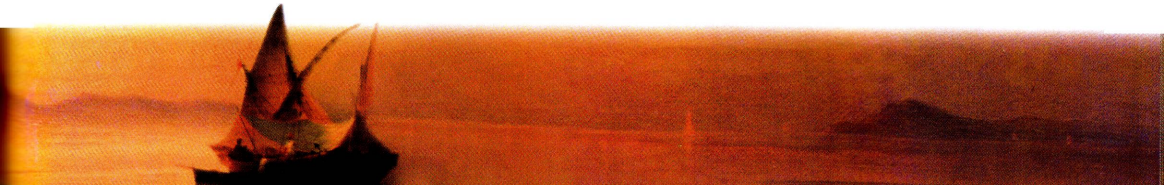
– Выходит, что эти женщины – соперницы?

– В этом и есть интрига. Так вот, Радамес одержал блестящую победу над эфиопами. Он возвращается домой, а среди пленных – эфиопский царь, отец Аиды. Он узнает о любви своей дочери и полководца. Он жаждет освободить отчизну и подговаривает Аиду узнать у Радамеса путь, по которому должны пройти войска египтян.

– Для чего это ему нужно?

– Чтобы эфиопы могли раньше занять стратегическую дорогу. Но царевна-рабыня сперва колеблется, а потом соглашается. Радамес в порыве страсти выдает военную тайну. Но потом, понимая свою измену, отдается в руки стражи.

И.К. Айвазовский.
Караван в оазисе.
1876 г.



– А что было дальше? Что с Аидой?

Верди печально улыбнулся:

– Концовка печальна. Радамеса приговаривают к погребению заживо. К нему через тайный ход в мрачное подземелье проникает Аида, чтобы умереть вместе с любимым.

– Любовь побеждает!

– Как грустно и поэтично, – шепчет Жанна.

– И скоро ли зритель увидит новую оперу?

– Не спешите, друзья мои. Работа только началась. Дю Локль составляет либретто в прозе на французском языке. Стихотворный текст пишет поэт Антонио Гисланцони. Консультирует Мариетт, а я пока изучаю историю Египта и знакомлюсь с египетским искусством.

– Джованни, вы говорили, что госпожа Жанна недурно поет. В Египте вы даже записали песни?

– Да, именно так.

– Тогда, может быть, перейдем в кабинет?

– Жанна, ты не прочь спеть нам песни феллахов?

Девушка не колебалась ни секунды:

– Для меня это – большая честь!

Они поднялись по широкой лестнице и оказались в просторной и высокой комнате. Окна ее смотрели на тенистый парк и широкую аллею. На почетном месте – рояль с аккуратными стопками нот. Стол и несколько кресел, диван и книжный шкаф, белоснежные шторы с темной оборкой и картины на стенах. Рядом с зеркалом – керосиновая лампа. Вот и весь интерьер.

Жанна пробежала пальцами по клавишам. Раскрыла тетради и без подготовки пропела первую песню. Со смущением приняла аплодисменты трех пар рук.

Когда Жанна закончила, Верди заменил тетради на пульте. И после короткого проигрыша, едва глядя в ноты со словами, вполголоса пропел:

– Сердце красавицы склонно к измене…

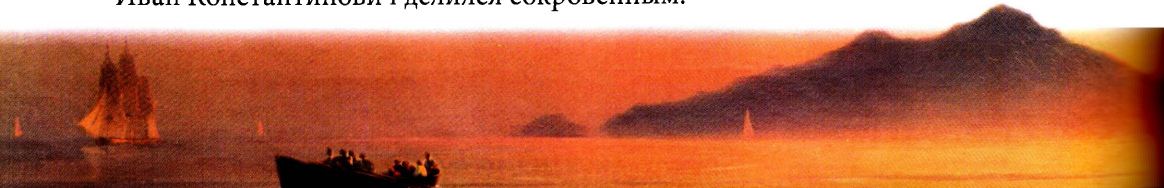
Потом без перерыва, не взглянув на гостей, поторопился к следующей мелодии. Она, как и прежняя, оказалась хорошо знакомой. Мелодия за мелодией сплетались в единый живой разговор, то мягкий и плавный, то дерзкий, несущийся вскачь.

И вдруг в кабинете повисла тишина. Верди раскрыл очередную тетрадь. Айвазовский обратил внимание на массу зачеркнутых, исправленных мест.

Потом они перешли в гостиную, выходили на террасу в ночную осеннюю прохладу. И говорили. И говорили. День настолько выпадал из привычной колеи, что Иван Константинович, обычно пунктуальный, забыл о часах. Была полночь, а сколько еще не было сказано.

Уже кабинет гостеприимного хозяина украсил подарок – египетский пейзаж, еще пахнущий свежей краской. А разговорам нет конца.

Иван Константинович делился сокровенным:



– Наше с вами искусство занимает свою нишу в жизненном здании человечества. Если хотите, удовлетворяет потребности в наслаждении высшего порядка. И я, и вы, Джузеппе, тоже части этого здания. И должны служить ему так же, как служили художники и музыканты во все эпохи. Они ведь творили не ради того, чтобы разрешить проблемы света или формы…

– Интересно, интересно, Джованни. Объясните тогда, ради чего.

– Для глаза и слуха нужна благочестивая, понятная музыка и такие же картины.

– Скорее, это нужно сердцу, остальное второстепенно.

– Да, именно так. Наша аудитория – тысячи обыкновенных людей, а не десятки утонченных умов. Люди понимают наши мысли, потому и переполняют выставки и театральные залы.

– Долгие годы мы на правильном пути еще и потому, что отметаем погоню за всякой оригинальностью. И не по причине недостатка воображения, а потому, что ясно видим существо задачи и конечную цель.

– Да, собственно, что такое оригинальность? В большинстве случаев – отчаяние потерявших почву под ногами. Чем беспочвеннее творец и его творение, тем отчаяннее он бросается в область неизвестного.

Жанна вникала в разговор двух мудрых, убеленных сединой собеседников, всматривалась в их светлые лица и… и вдруг у нее вырвалось:

– Папа! Как вы похожи, папа!

Тогда она не знала еще, что в одном из писем Джузеппе Верди писал: «*…Родившись бедняком в беднейшей деревушке, я не имел возможности подобрать хотя бы крохи образования. Мне сунули в руки жалкий спинет, и вскоре после этого я засел писать. Ноты и ноты – ничего, кроме нот. Вот и все…*».

Выросши в бедности, они знали цену куску хлеба. Ветхая хижина нищей итальянской деревни не многим отличалась от крошечного домика на склоне феодосийского холма.

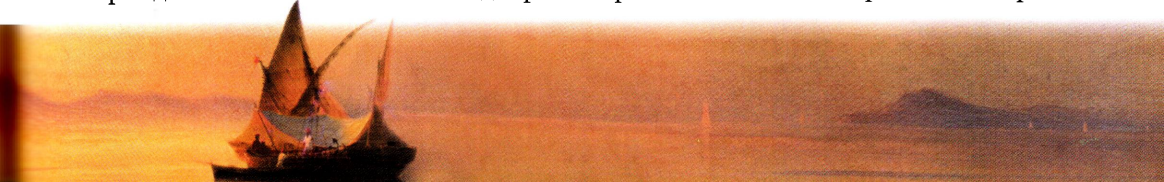
Прокуренную лавчонку, где отец в фартуке и мать в косынке разливали батракам и крестьянам вино, насыпали в глиняные миски еду, Верди помнил до последнего дня.

Так же хорошо помнил Айвазовский, как мел полы и мыл грязную посуду будучи «мальчиком» в кофейне.

Поломанный спинет – старинный клавишный музыкальный инструмент всего на три октавы, был первым музыкальным инструментом гениального Верди. Кусками древесного угля делал свои первые рисунки непревзойденный Айвазовский.

Им ничего не доставалось даром. Их судьбы были необыкновенно схожи. Они не просто поднимались по ступенькам успеха. Они брали их с боя.

В зрелые годы эти люди помнили свое бедное детство и, как могли, помогали соотечественникам. Композитор учреждал в своей округе фактории, фабрики, сыроварни, вкладывая в малорентабельное производство громадные суммы. Создавал в период тяжелой экономической депрессии рабочие места и с гордостью говорил:



– Из моей деревни никто не уезжает!

Художник постоянно помогал малоимущим и одаривал новобрачных, дарил родному городу тысячи ведер спасительной воды из собственного источника, строил музей и картинную галерею.

Всех благородных поступков наших героев не перечесть.

Когда люди со стороны наблюдали, как просто и естественно маэстро общается с простыми людьми, они восклицали:

– Вот это – Человек!

В творчестве они не были подчинены никакому другому выбору, кроме непостижимой силы творчества, которая их столь высоко вознесла.

Джузеппе Верди появился на свет в глухой итальянской деревне Ле Ронколе, в северной части Ломбардии. Отец – Карло Верди – деревенский трактирщик. Мать Луиджа Уттини – пряха.

Доход от трактира-остерии был настолько скудным, что прокормиться на него было сложно. Потому родители Верди, как и другие крестьяне, работали на земле. А еще отец разносил по окрестным фермам соль и бакалейные товары. Выходил дополнительный заработок.

Трактир был своего рода музыкальным центром деревни. Джузеппе по вечерам и в воскресные дни наблюдал, как крестьяне собирались возле остерии попеть и потанцевать. Услышав пение, звуки церковного органа, скрипку или шарманку, мальчик весь обращался в слух. Это не осталось незамеченным, и отец раздобыл для Пеппино, как ласково звали мальчика, поломанный спинет. Сосед, мастер Кавалетти, инструмент починил. Да еще оставил на нем надпись: «*Мною, Стефано Кавалетти, заново сделаны и обтянуты кожей молоточки этого инструмента. Я сделал это бесплатно, видя хорошие способности, которые проявляет молодой Джузеппе Верди. И этого с меня довольно. Год от Рождества Христова 1821*».

С таким увлечением занимался маленький Верди музыкой, что вскоре заменил в церкви старого органиста. В десять лет отец отправляет своего Пеппино в соседний городок Буссето учиться в городскую школу. Здесь на него обращает внимание местный купец Антонио Барецци – страстный любитель музыки. Он принимает деятельное участие в судьбе юного музыканта. Со своими единомышленниками по городскому Филармоническому обществу он выискивал одаренных детей. Верди становится активным членом музыкального объединения, играет в оркестре, сочиняет марши и танцы, расписывает оркестровые партии. И что важно – много читает. Изучает законы стихосложения, произведения классиков, латынь и родной язык.

Видя такие успехи подопечного, Антонио Барецци предоставляет в его распоряжение новое венское пианино, приобретенное для дочери Маргериты. Джузеппе начинает с ней заниматься музыкой, а вскоре рождается их фортепианный дуэт. Девушка оказалась способной пианисткой. Совместные занятия и выступления переросли в тесную дружбу и горячую взаимную любовь.

– У тебя блестящее музыкальное будущее!

– Тебе нужно ехать в Милан – музыкальную столицу Италии, – не раз говорили Верди его знакомые.

Ему выделяют стипендию. Равно как Петербург для Айвазовского, Милан для Верди открыл новую страницу в биографии. Там он получил основательное композиторское образование, приобщился к культурному и политическому движению. По большому счету, Милан сформировал из талантливого юноши композитора театра, композитора-публициста.

Что правда, внешность молодого композитора была отнюдь не респектабельной. В его паспорте той поры говорится: «*Высок ростом, шатен, брови и борода – черные; серые глаза, орлиный нос, маленький рот; лицом худ и бледен*».

– Да это же описание наружности молодого Айвазовского, – скажет кто-то.

И мы с этим утверждением согласимся.

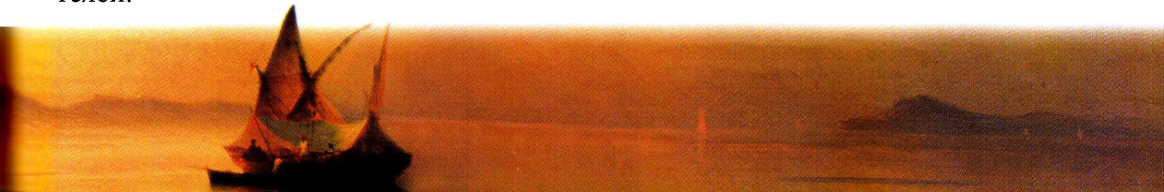
На академической выставке 1835 года картина Айвазовского «Вид на взморье в окрестностях Петербурга» завоевала малую золотую медаль. Это было первое крупное официальное признание таланта будущего великого мариниста.

Верди несколько лет занимался под руководством одного из виднейших миланских музыкальных деятелей – Винченцо Лавинья. Дни и ночи просиживал за работой. Он сочинял кантаты, оркестровые и фортепианные пьесы. Не упускал случая побывать на всех постановках Ла Скала.

Успехами своего ученика Лавинья был поражен. В одном из писем Антонио Борецци он писал: «*Ваш стипендиат будет вскоре гордостью своего отечества*».

Однажды на репетицию оркестра по странному стечению обстоятельств не пришел ни один из трех его руководителей.

Кабинет Верди в Сант-Агате.



Вот как об этом случае рассказал сам композитор: *«Присутствующие начали выражать нетерпение; тогда маэстро Массини… обернулся ко мне и просил меня быть аккомпаниатором… Трудность оркестровой партитуры меня не смутила. Я согласился и сел за фортепиано. Помню очень хорошо несколько иронических улыбок, проскользнувших у этих любителей. Кажется, моя юношеская физиономия, тощий вид и скромный костюм не способны были вызвать большого доверия. Как бы то ни было, репетиция началась, и мало-помалу, разгорячившись и, придя в возбуждение, я уже не ограничивался аккомпанементом, но, продолжая играть одной левой рукой, правой стал дирижировать. Когда репетиция была кончена, со всех сторон я получал комплименты и поздравления, в частности от графа Бельджойозо и графа Ренато Борромео. После этого случая… мне доверили полностью дирижировать концертом».*

В начале 1836 года, победив в конкурсе, Верди получает место maestro di musica в Буссето. Он устраивает концерты, обучает молодежь, занимается с певцами и оркестрантами, дирижирует симфоническим и духовым оркестрами. И, конечно же, много сочиняет.

В биографии молодого Айвазовского вторая половина 1830-х годов вышла также необычайно насыщенной. 1836 год ознаменовался его участием в летнем учебном походе военных кораблей Балтийского флота по Финскому заливу. Он участвует в выставке Академии художеств, на которой знакомится с А.С. Пушкиным. В следующем году его зачисляют в класс батальной живописи профессора А.И. Зауервейда и он получает собственную художественную мастерскую. Годом позже Совет Академии командирует его на натурные работы в Крым. Вместе с А.И. Казначеевым он путешествует по Южному берегу. Наконец, в 1839 году принимает участие в боевых десантных операциях у Кавказских берегов. Рисует вдохновенно и много. Его картины получают самые восторженные отзывы. В конце года он «выпущен из Академии и удостоен звания художника 14-го класса».

А как же личная жизнь? Айвазовскому в 1836 году исполнилось девятнадцать. Верди отпраздновал двадцатитрехлетний юбилей.

У молодого композитора – счастливая пора в жизни:

– Я влюблен! Я счастлив!

Маргерита преданно смотрит в глаза любимому Пепинно. 1 мая 1836 года горожане Буссето ликовали:

– Маэстро Верди женится!

Филармоническое общество на свадьбу прибыло в полном составе:

– Поздравляем, маэстро!

Не скрывал радости отец невесты:

– Пусть небогат, пусть! Зато наделен талантом и умом. А это дороже всякого богатства! Молодой чете в подарок от меня дом – палаццо Russca.

В новом жилище закипела жизнь. Репетиции певцов и оркестрантов сменялись собраниями музыкантов и городскими концертами.

Через год у молодой семьи пополнение – родилась дочь Вирджиния. Еще через год – сын Ичилио.

Отец с рождением детей точно получил новый импульс. Из-под его руки выходят симфонии и марши, ноктюрны и романсы, хоры и оды. В феврале 1838 года в миланском издательстве Канти публикуется цикл его романсов «Шесть песен».

Пролетело три года и молодое семейство переезжает в Милан. Одна из причин – смерть полуторогодовалой Вирджинии.

Верди берется за очередную оперу, но тут… *«Мой бамбино (мальчик) заболевает в начале апреля; врачи не могут разгадать причину его болезни и бедняжка умирает в объятиях полной отчаяния матери. И этого еще не довольно: несколько дней спустя заболевает моя дочка, и ее болезнь приходит к тому же роковому исходу… Но и это еще не все: в первых числах июня моя молодая подруга заболевает острым энцефалитом; 19 июня 1840 года третий гроб выносят из моего дома! Я был один!.. Один!.. На протяжении двух месяцев три дорогих существа исчезли навсегда. У меня больше не было семьи!.. И среди этих ужасных мук, чтобы выполнить взятые на себя обязательства, я должен был писать и закончить комическую оперу!»*.

Почерневший от горя, опустошенный, на грани отчаяния композитор не опускает руки. Он превозмогает себя и садится за свою новую, третью оперу. Через два года ее представляет миланский театр «Ла Скала».

К Верди приходит признание. Среди многочисленных новых знакомых – молодой одаренный художник из России – Айвазовский.

Опера родилась в Италии. Факт известный.

А Джузеппе Верди стал величайшим итальянским оперным композитором. Факт неоспоримый.

Более того, Верди стал национальным героем. Случилось это тогда, когда его Родина боролась за независимость.

За долгие годы своего творчества он изменил направление развития оперного искусства. И что важно – подарил нам величайшие творения. А вокальный стиль bel canto – важнейшая составляющая его мастерства.

Bel canto – итальянский термин, что в переводе означает «прекрасное пение». Это искусство зародилось еще в XVII веке. XVIII столетие – время его расцвета. В середине XIX века Верди объединил совершенное пение с сильной, страстной драматургией. Во многом благодаря произведениям Верди, bel canto во второй половине XIX века стало неотъемлемой частью итальянской народной культуры. Популярные арии из его опер звучали не только в театрах. Их исполняли прохожие на улицах. Из разряда классики они смело шагнули в область городского фольклора.

– Это похоже на нашу современную эстраду, – скажет кто-то. И будет абсолютно прав.

1840-е годы – период напряженного труда и упорного творческого поиска в творчестве обоих мастеров.

Современники искренне удивлялись работоспособности Верди:

– Представьте! У композиторов на создание одной оперы уходит несколько лет! А Верди ежегодно радует нас новой оперой, а иногда и двумя! Да еще какими!

– Крупнейшие театры Италии и Европы считают за честь иметь в своем репертуаре сочинения маэстро Верди!

– Бьюсь об заклад, господа, что «Риголетто», написанный по драме Гюго «Король забавляется», не сойдет со сцены лет сто!

– А, может быть, и более!

Знатоки изобразительного искусства делились мнениями:

– Поразительно! Этот русский, говорят, в полдня может выполнить одну марину. И заметьте, отменного качества!

– Я, господа, удивлен! Как-то самому пришлось наблюдать за работой Айвазовского. Какая легкость мазка! Какое ощущение цвета!

– Недаром его выставкам в Париже, Лондоне да и других городах Европы рукоплещут многочисленные почитатели. Талант, господа, он и есть талант!

11 марта 1851 года в венецианском театре Ла Фенике состоялась премьера «Риголетто». О ее огромном успехе говорили повсюду:

– Необыкновенная новизна сюжета. И новая музыка, и новый стиль, и во многом новая форма номеров!

– А каков оркестр! Он беседует и плачет вместе с нами!

– Никогда ранее звуки не были столь выразительны!

Сразу после премьеры Верди признался:

– Я доволен собой и думаю, что никогда не напишу лучшего!

Россини восхищенно воскликнул:

– В этой музыке я, наконец, узнаю гений Верди!

Тем не менее не обошлось без ложки дегтя. Нашлись критики и враги творчества Верди, которые наперебой твердили:

– И композитор, и поэт, направили поиски идеала красоты в область ужасного и безобразного!

– А какой небрежный стиль!

– Этот Верди не умеет обращаться с голосами певцов!

– А насколько бедный аккомпанемент и грубый вкус!

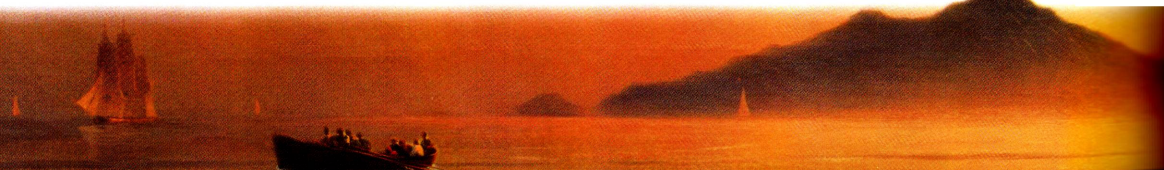
Один рецензент дописался до того, что назвал оперы Верди «достойными лавки колбасника».

Зависть всегда шла рядом с талантом. Не обошли недоброжелатели и творения Айвазовского. Неважно, что крупнейшие художественные академии Европы приняли маэстро в свои ряды. Неважно, что Российская Академия художеств присвоила ему звание профессора и академика.

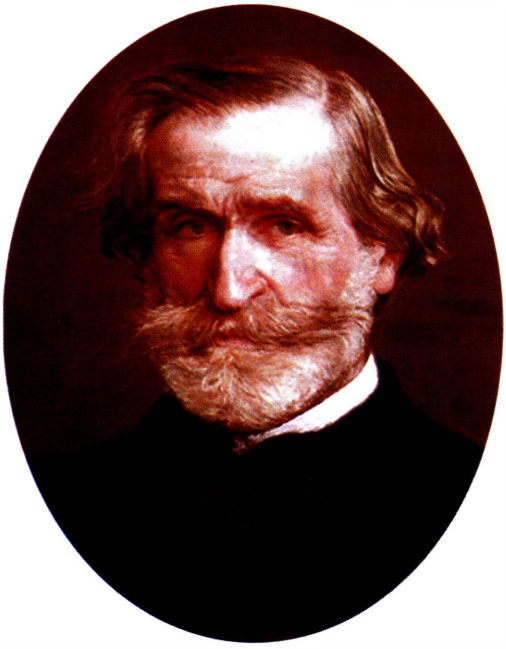
На печатных страницах нет-нет, да появлялись обвинения художника во всех смертных грехах.

И это еще одна из параллелей в творчестве двух великих маэстро.

Часто бывая во Франции, Верди знакомится со многими выдающимися людьми своего времени. Попробуем перечислить лишь некоторые имена: поэт Джузеппе Джусти, историк Джино Каппони, скульптор Джованни Дюпре. В своих воспоминаниях Дюпре рассказал, что композитор прекрасно разбирался в живописи и



И.К. Айвазовский.
Автопортрет.
1881 г.



Джованни Больдини.
Джузеппе Верди.
1886 г.

Так говорил Джузеппе Верди:

«В музыке, как и в любви, нужно прежде всего быть искренним».

«Заявляю, что я готов сделаться горячим приверженцем композиторов будущего, но при одном условии, что их музыка будет не системой и не теоремой, а музыкой».

«Сказывают, что волшебница Венеция опасна для музыкантов. Одна легенда повествует, что в незапамятные времена из волн, среди рыбачьих островов, родилась музыка».

скульптуре. А перед произведениями Микеланджело, которого он искренне любил, проводил долгие часы.

И в Париже у Верди немало друзей. Он, приезжая туда, обязательно выкраивал время для встреч со своим давним приятелем Джоакино Россини, не пропуская его знаменитые музыкальные субботы. А как иначе, ведь там по вечерам собирался цвет музыкального, художественного и литературного Парижа. Здесь Верди встречался с Берлиозом и Мейербером, Сен-Сансом и Доре, Обером, Патти и другими знаменитостями.

Месяцы, проведенные Верди в Неаполе, подарили ему дружбу с самобытным художником Домиником Морелли и поэтом Николой Соле.

Как это не удивительно, но время пребывания Верди и Айвазовского в Милане и Флоренции совпадает. Представим, как они бродили лунными ночами по уснувшим берегам и беседовали об искусстве.

Неизменным спутником Айвазовского был небольшой блокнот.

В отличие от блокнота художника, Верди всегда носил при себе нотную тетрадь в зеленой обложке. Что правда, пользовался он ей не для записи пришедших идей, а для каждодневных упражнений. В его привычке было писать каждый день по фуге. Когда заполнялся последний чистый лист, тетрадь выбрасывалась.

– Написанные фуги – мое лечебное средство. Такая, знаете, смазка моего внутреннего музыкального механизма, – шутил композитор.

Темы для фуг рождались молниеносно. Это мог быть смех ребенка или забавные выкрики гондольера, разговоры виноградарей или громкие возгласы каменщиков.

Быстротою своей работы он превосходил всех. Услышанные извне или в глубине себя самого разрозненные ноты непостижимым образом облекались в нотный ряд. Порой он мог из случайного звукового сочетания выхватить фразу и росчерком карандаша закрепить ее на одной-двух страницах зеленой тетради.

Итальянская национальная склонность – любовь к детям. Стало быть, каждый итальянец – друг детей. У Верди это усиливалось еще и его крестьянской кровью. И трагедией, постигшей его в молодые годы – утратой детей и жены. Эта катастрофа оставила в нем глубокий след. Горе бездетности тяготело над его жизнью.

Брак с певицей Джузеппиной Стреппони принес тихое, уединенное семейной счастье. Но их дом в Сант-Агате так и не услышал детских голосов. При виде детей Верди испытывал тоску, точно осиротевшая мать.

Бродя с Жанной по аллеям и лужайкам большого парка в Сант-Агате, Айвазовский как-то непроизвольно сказал:

– Как здесь не хватает голоса и беготни ребенка.

Бурная городская жизнь Верди, ускоренный ритм европейских столиц не лучшим образом сказались на здоровье композитора. Со своей спутницей и другом певицей Джузеппиной Стреппони он все чаще говорит о переезде.

Куда?

В тихий уединенный сельский уголок где-нибудь в окрестностях Буссето.

Все чаще в их разговорах звучали мечты о поместье вдали от городской суеты, со свежим целительным воздухом:

– Общение с природой укрепит тело, вселит мир и ясность в душу!

Верди начинает переписку о покупке земли. Из многих вариантов он выбирает скромный уголок Сант-Агата в Северной Ломбардии. Не много времени прошло, и оно стало тем счастливым местом, где на долгие годы поселился и продолжил творить великий композитор.

Интересно, что в эти же годы Айвазовский принимает решение навсегда поселиться в Феодосии. И определяет для себя несколько правил, которым будет верен всегда. Никогда не отступать от своих принципов и не кривить душой. Быть свободным и всегда этой свободой дорожить. Помнить, что если воля ослабела, появилась робость в борьбе и становишься уступчив в творчестве – ты пропал. В своем мужественном решении отказаться от блестяще начатой столичной карьеры был он весь. Свободный и решительный.

В молодые годы на родину он приезжал лишь летом. В зрелом возрасте писал: «*Мой адрес – всегда Феодосия*».

«*Я слишком люблю мою пустыню и мое небо*», – так написал Верди о Сант-Агате.

Для подготовки к постановкам своих опер ему приходится много разъезжать по Европе. Но после месяцев каторжного труда он возвращается в Сант-Агату.

«*Не занимаюсь ничем, не читаю, не пишу. Брожу по полям с утра до вечера*», – признается он в одном из писем.

Только сидеть без дела не в его характере.

Что за небывалые красоты, точно магнит, влекли его в эти места?

А не было никаких красот. Да и сам Верди просто и лаконично все объяснил в одном из писем 1858 года: «*Невозможно найти местность менее живописную, чем эта, но, с другой стороны, мне не найти для себя места, где я мог бы жить с большей свободой. Эта тишина, дающая возможность думать, и к этому еще возможность не видеть никогда мундиров какого бы то ни было цвета – действительно отличная штука!*»

Джузеппина Стреппони рассказывала:

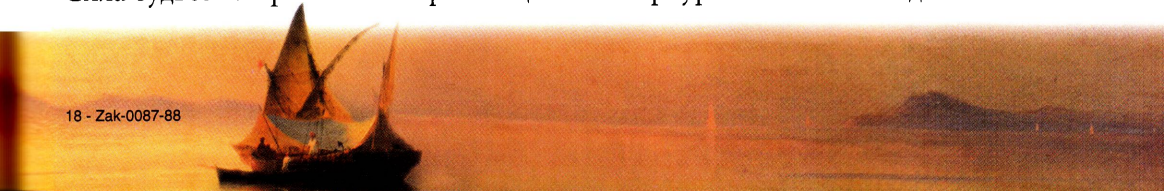
– Его любовь к деревенской жизни в эту пору подобна страсти. Он поднимается почти с рассветом, чтобы оглядеть свои поля и виноградники. А возвращается, изнемогающий от усталости.

У Джузеппины, страстно любившей птиц, дел по дому тоже хватает. Но находится время и на новое увлечение.

Крестьяне с улыбкой посматривают на хозяйку, копошащуюся у клеток с птицами:

– Синьора воспитывает соловьев!

Впрочем, размеренный деревенский быт для Верди часто сменяется поездками. Так было и в 1861 году. Композитор получает предложение написать оперу для России. Он останавливает свой выбор на испанской пьесе «Дон Альваро, или Сила судьбы». Приезжает на репетиции в Петербург. На несколько дней заезжает



в Москву познакомиться с достопримечательностями города. И через Париж возвращается на родину.

Через год в Москве ставится «Трубадур», а в Питере – «Сила судьбы». Зная, что в зале автор, зрители встречали его бурными овациями.

Заметим, что оперы Верди на родине Айвазовского шли еще с 1845 года. Понятно, что художник не упускал случая побывать на спектаклях. Тем более, что возможностей побывать в театре было предостаточно. Ведь каждую зиму Иван Константинович проводил в Петербурге. Да и в Москве он был частым гостем.

После шумных зимних городских месяцев Верди с особым удовольствием возвращается в Сант-Агату. Если рыбалка и охота стали для него любимым развлечением, то серьезное занятие сельским хозяйством превратилось в потребность. Он приобретает и изучает массу специальной литературы, внедряет новые технические усовершенствования и помогает крестьянам продуктивнее работать на земле. По последнему слову европейского садоводства закладывают и обустраивают вместе с женой обширный сад.

И на глазах неприглядная местность расцветает. А многие деревья в ухоженном тенистом парке обретают свою биографию. Одни родились в честь триумфа «Риголетто». Другие своим появлением обязаны успеху «Трубадура». Плакучую иву супруги посвятили «Травиате».

1860-е годы – время, когда в характерах и внешнем виде Верди и Айвазовского прослеживаются видимые перемены. Пятьдесят лет – пора расцвета физических и творческих сил. И Верди, и Айвазовского той поры отличали подтянутость, прямая осанка и твердая, уверенная походка. И, конечно же, прямой взгляд, уверенность в себе и чувство независимости в характере.

* * *

Они готовились проститься. Пообедали на террасе, выпили черный кофе.

Но вот заложены лошади, и Верди, уверенно держа хлыст, устраивается на козлах.

Джузеппина проводила Айвазовских до плакучих ив у въезда в парк. Протянула для поцелуя руку маэстро. Грустно улыбнулась Жанне.

Кончилась аллея тополей, а вместе с ней кончилось имение. Поплыл унылый пейзаж Ломбардской равнины. Верди то и дело рукой указывал то на сыроварни, то на очередную мызу.

А вот и железнодорожная станция с выгоревшими буквами на небольшой вывеске «Фьоренцуола Арда».

Надвигались сумерки, тихие и печальные. Подкатил поезд. Не было лишних слов. Видимо, прожив немало лет, друзья должны избегать прощания. Оно ведь так легко может стать последним.

Паровозный гудок позвал в дорогу.

* * *

Премьера «Аиды» с триумфальным успехом прошла в Каире в декабре 1871 года. В ближайшие годы опера обошла все европейские столицы. Она заслуженно получила мировое признание.

Айвазовский восторженно аплодировал постановке «Аиды» в России. Он смотрел на богатые декорации, слушал прекрасных исполнителей, а перед глазами стоял образ его старого знакомого из Сант-Агаты.

Айвазовский и Верди прожили долгую и плодотворную жизнь. До последних дней они поражали друзей и близких непобедимым желанием жить.

В своей последний день Айвазовский оставил нам «Взрыв турецкого корабля». Проститься с Почетным гражданином Феодосии пришли тысячи человек.

24 февраля 1901 года прах Верди и его жены перенесли к «Дому престарелых музыкантов» в Милане. Гроб Верди провожала толпа из более чем трехсот тысяч человек. Мелодии Верди пел хор из девятисот исполнителей под управлением Тосканини.

Своим убеждениям и жизненным принципам, сложившимся в юности, они верны были всю свою жизнь.

Почти три четверти века эти выдающиеся люди верой и правдой служили Отчизне. Это были годы творческих исканий и напряженной работы от первых несмелых опытов провинциальных самоучек до всемирно признанных шедевров.

Ни при жизни Маэстро, ни после их смерти, ни в Италии, ни в России, не родились творцы, равные им по силе своего непревзойденного дарования.

Теснейшая связь с жизнью делают искусство Верди и Айвазовского вечно живым.

Памятник Д. Верди и музей его имени в Буссето.

«Наша Крымская Армения»

Во время переселения армян из Крыма в Россию многие армянские семьи под различным предлогом уклонялись от переселения. Так, в Феодосии их осталось 700 человек. В феврале 1798 года был принят манифест о заселении Крыма иностранными колонистами. Манифест освобождал иностранцев от рекрутской повинности и налогообложения сроком на 10 лет и давал возможность им получать удобные для проживания земли.

Многие армяне в конце XVIII века стали переезжать в Крым, заложив основу армянской колонии на полуострове. Количество крымских армян увеличилось за счет города Григореополя, города на берегу Днестра в Молдавии. В XIX и начале XX веков значительное число армян были выходцами из Западной Армении и различных районов Турции. Армянское население в основном размещалось в Симферополе, Феодосии, Карасубазаре, Старом Крыму, Евпатории, Ялте, а также в селах местных губерний.

М.Г. Багдыков. «Арутюн Халибян», 2011 год.

Уж сколько веков армянские переселенцы живут в Крыму. Давние предания рассказывают, как в VII веке Армению захватили войска Арабского халифата. Позже хозяивами армянских земель становились византийцы, турки, монголы…

Спасаясь от захватчиков, люди осваивали новые места и говорили:

– Крым – наша Приморская Армения.

– Этот гостеприимный край – наша Крымская Армения.

В XIX веке на полуострове создавались армянские благотворительные общества и школы, типографии и журналы. В истории Крыма того периода выделяются имена двух великих братьев. Если о художнике-маринисте Иване Айвазовском известно многое, то имя его старшего брата, архиепископа Габриэла, незаслуженно забыто. Ученые-историки, знакомые с биографией этого человека, утверждают:

– При жизни его справедливо называли «Сеятель просвещения». Он в совершенстве владел одиннадцатью современными и древними языками Запада и Востока.

– Габриэл Айвазовский – выдающийся историк, филолог-лингвист и переводчик.

– Он – талантливый просветитель, проповедник и церковный деятель.

– На протяжении всей жизни он преодолевал сопротивление завистников.

– Его недоброжелателям просто был недоступен уровень образованности и интеллекта Айвазовского.

– Католическое духовенство не могло простить ему уход от католицизма в лоно национальной армяно-григорианской просветительской церкви.

С детства братья Айвазовские любили друг друга, поддерживали и радовались успехам.

После пребывания в Венеции, в конгрегации мхитаристов с 1826 по 1847 годы, Габриэл переезжает во Францию. К тому времени он – автор и соавтор двухтомного академического лексикона армянского языка, «Истории Османской империи», «Краткой истории России» и ряда других произведений.

В 1848 году он становится ректором армянского училища в Париже. В 1854 году издает на армянском языке труд «Жизнь Иисуса». На французском и армянском языках выпускает историко-литературный журнал «Голубь Масиса». И порывает с католицизмом.

Младший брат понимает, что Габриэл свои знания и силы должен посвятить родному народу: *«Мне, как русскому армянину, обидно видеть его на службе чужого государства, и я всегда думал каким-либо способом навсегда оставить его в России».*

Министр внутренних дел России С.С. Ланской написал наместнику Кавказа: *«Наше правительство побудило архимандрита Айвазовского переселиться в Россию, приняв предложение его учредить у нас армянское училище, которое могло бы со временем соперничать с вышеупомянутым Парижским заведением и привлекать к нам армянское юношество из Константинополя и других стран Востока».*

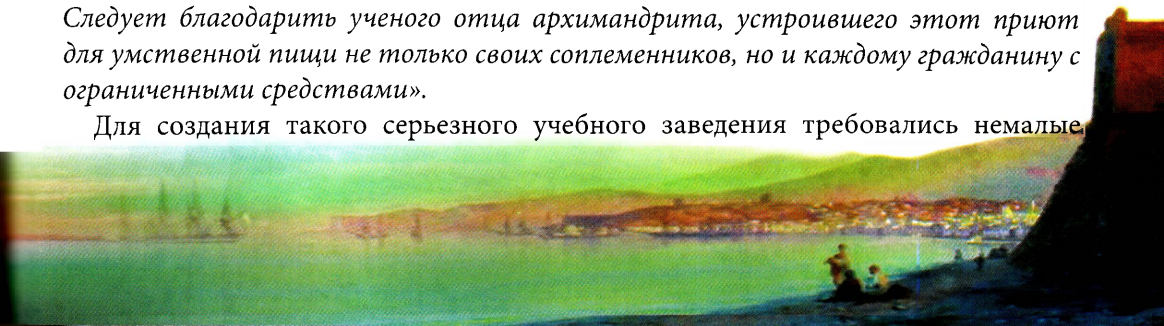
А мысли архимандрита Габриэла уже в России, в городе своего детства – Феодосии. Летом 1857 года он покидает Францию и вместе с младшим братом возвращается в Крым. С осени 1857 года начинается самый плодотворный период его деятельности в Крыму. Братья берутся за организацию армянского училища в Феодосии. Той же осенью архимандрит Габриэл назначается предводителем Нахичевано-Бессарабской армянской епархии. Он переводит консисторию епархии из Кишинева в Феодосию и объясняет:

– В Крыму живет больше армян, чем в Бессарабии. Феодосия расположена ближе к Кавказу и Турции. Здесь отсутствуют армянские школы, и люди, не зная родного языка, говорят по-турецки.

Наступает исторический для армян Крыма 1858 год. В арендуемом помещении открывается армянское училище с собственной типографией.

В 1859 году там побывал известный писатель и путешественник А.С. Афанасьев-Чужбинский, который написал: *«При феодосийской типографии устроен кабинет для чтения, который по богатству периодических изданий может послужить предметом зависти и для более обширных кабинетов: здесь получается до двадцати русских, столько же французских и десять армянских газет и журналов. Следует благодарить ученого отца архимандрита, устроившего этот приют для умственной пищи не только своих соплеменников, но и каждому гражданину с ограниченными средствами».*

Для создания такого серьезного учебного заведения требовались немалые



деньги. И здесь на помощь братьям Айвазовским пришел меценат-патриот, богатый купец и землевладелец из города Нор-Нахичевани Арутюн Халибян (Артемий Халибов).

Непростой это был человек. Родился он в 1790 году в состоятельной армянской семье выходцев из Феодосии. Он рано лишился родителей, но не остался без внимания родственников. И в школе был лучшим учеником, и в торговле показал себя способным компаньоном. Когда женился на Катаринэ, дочери богатого купца Одабашьяна, вложил капиталы в сельское хозяйство, земледелие и овцеводство. Став успешным купцом, решил:

– Любыми способами буду стараться попасть в управление нахичеванского Городского магистрата.

В те времена даже маленькая должность чиновника была не только почетна, но и материально выгодна.

Уже в 1824 году Артемий Павлович получил первую государственную зарплату. Вскоре добросовестного чиновника назначают на престижную должность столоначальника. А в 1832 году горожане впервые избрали его городским головой. С тех пор пять раз, вплоть до 1856 года, он занимал этот высокий пост.

Будучи успешным купцом и щедрым меценатом, Халибов на удивление гармонично сочетал коммерческую деятельность и масштабные общественные инициативы.

Добрые отношения сложились у него с И.К. Айвазовским. Они были единомышленниками в понимании важности просветительской миссии Феодосийского училища. На строительство «Халибян дпроц» («Школы Халибяна») меценат пожертвовал в общей сложности 200 тысяч рублей серебром.

Братья Айвазовские организовали получение учащимися знаний, которые соответствовали гимназическому курсу. Все преподаватели имели высшее образование.

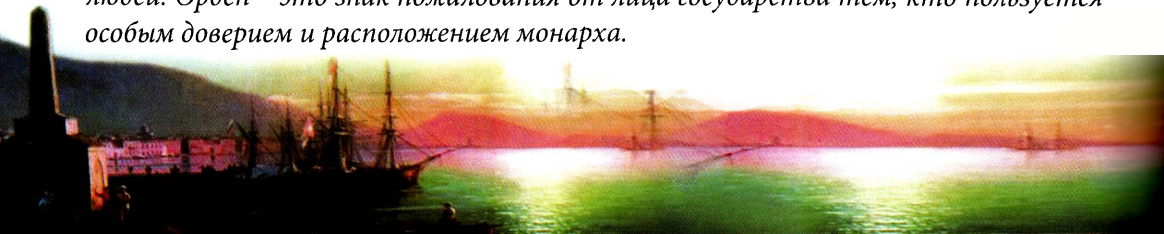
Осенью 1861 года халибовское училище посетил император Александр II с семейством. Он лично поблагодарил Айвазовского и Халибяна за «благородное дело».

В 1862 году училище праздновало новоселье.

«… К слову сказать, Айвазовский редко обращался к портретному жанру. Но в случае с А.П. Халибяном (х.м., 63х53 см.), можно говорить о несомненной удаче живописца. Контур человеческого характера художником был очерчен достаточно выразительно: полуоткрытый рот, несколько недоверчивый, недовольный вид чем-то рассерженного, растревоженного человека.

На шее портретируемого – орден Святого Станислава II степени. Девиз ордена: «Награждая, поощряем». На груди Артемия Павловича изображен орден Святой Анны III степени.

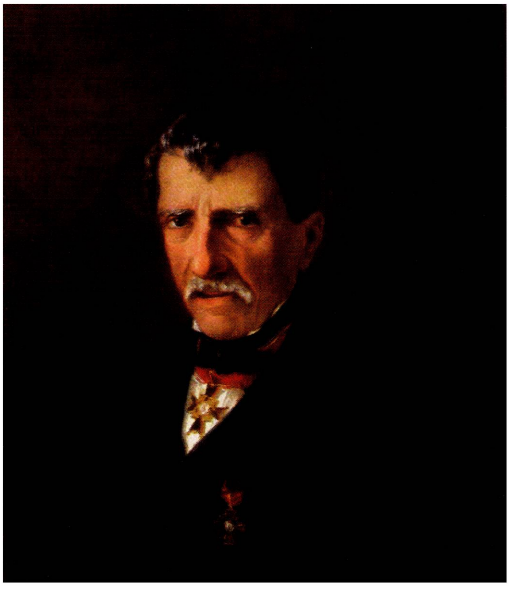
За каждым из орденов стоит эпоха, картины исторических событий, судьбы людей. Орден – это знак пожалования от лица государства тем, кто пользуется особым доверием и расположением монарха.



Портрет Артемия Павловича Халибова дает нам, потомкам, представление о нем как о человеке, чей бескомпромиссный характер власть предержащего человека, великого государственного деятеля, крупного предпринимателя, вельможи, не терпящего возражений».

М.Г. Багдыков. Из книги «Арутюн Халибян», 2011 год,

– Господа! Халибовское училище переходит в это прекрасное трехэтажное здание у подножия Лысой горы. Состоящее из ста комнат, оно рассчитано на сто пятьдесят воспитанников из Крыма, Нор-Нахичевани, Кавказа, Турции, Персии и иных стран. Заметьте, господа, принадлежность родителей к разным вероисповеданиям значения не имеет, – сказал на торжественном открытии училища Иван Константинович.



И.К. Айвазовский. Портрет А. Халибяна, городского головы Нового Нахичевана. 1868 г.

Гордостью училища стала его типография. За несколько лет она издала 59 наименований книг исторического и церковного содержания. А были еще учебники и календари.

Халибовское училище в Феодосии.

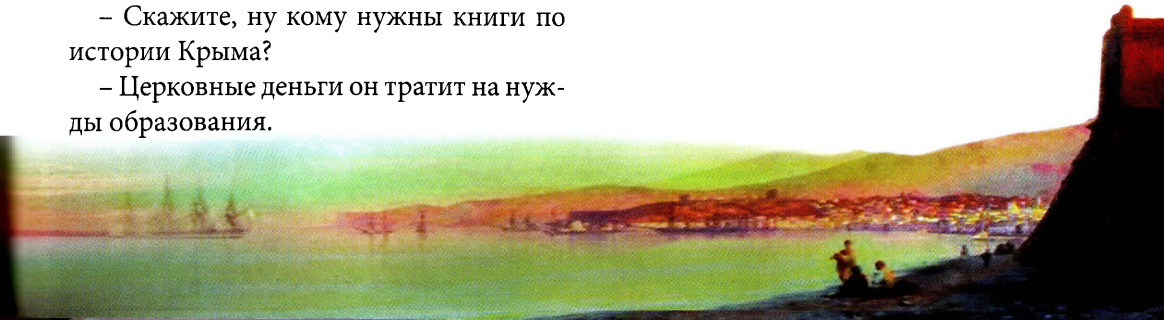
15 книг из общего количества принадлежало перу Габриэла Айвазовского. Архиепископ и дальше продолжал начатое, но нашлись недоброжелатели. Поверить трудно, но очевидные благие поступки священника и просветителя их возмущали:

– Возмутительно! Он перевел консисторию епархии из Кишинева в Феодосию.

– Он сочиняет и издает книги на светские темы.

– Скажите, ну кому нужны книги по истории Крыма?

– Церковные деньги он тратит на нужды образования.



– А еще он открыл класс для обучения девочек.

– Безобразие! Кто ему позволил проведение воскресных чтений для взрослых?

– А еще он принимает в училище детей без разбора религиозной принадлежности родителей.

Страшнее всего было то, что «доброжелателей» поддерживал новый католикос, человек недальновидный и попросту малограмотный.

На защиту архиепископа Габриэла поднялись люди. В одном из писем Иван Константинович написал: «*Против брата сильно интригует армянский патриарх из зависти. Сам ничего не делает и другим хочет мешать*».

Создали комиссию по проверке деятельности и «злоупотреблений» Габриэла Айвазовского. Понятно, что никаких нарушений в использовании церковных средств на нужды училища не обнаружили.

В одном из писем 1865 года он сообщал: «*… Разве церковные деньги могли быть лучше и святее употреблены, как на образование народа… я не только не пользуюсь лично церковными деньгами, но и из принадлежащих мне по праву как архимандриту – начальнику все отдаю на содержание Халибовского училища*».

В 1865 году тяжёлые переживания вынуждают выдающегося ученого покинуть епархию. После его ухода дела приходят в упадок, перестает издаваться журнал «Голубь Масиса».

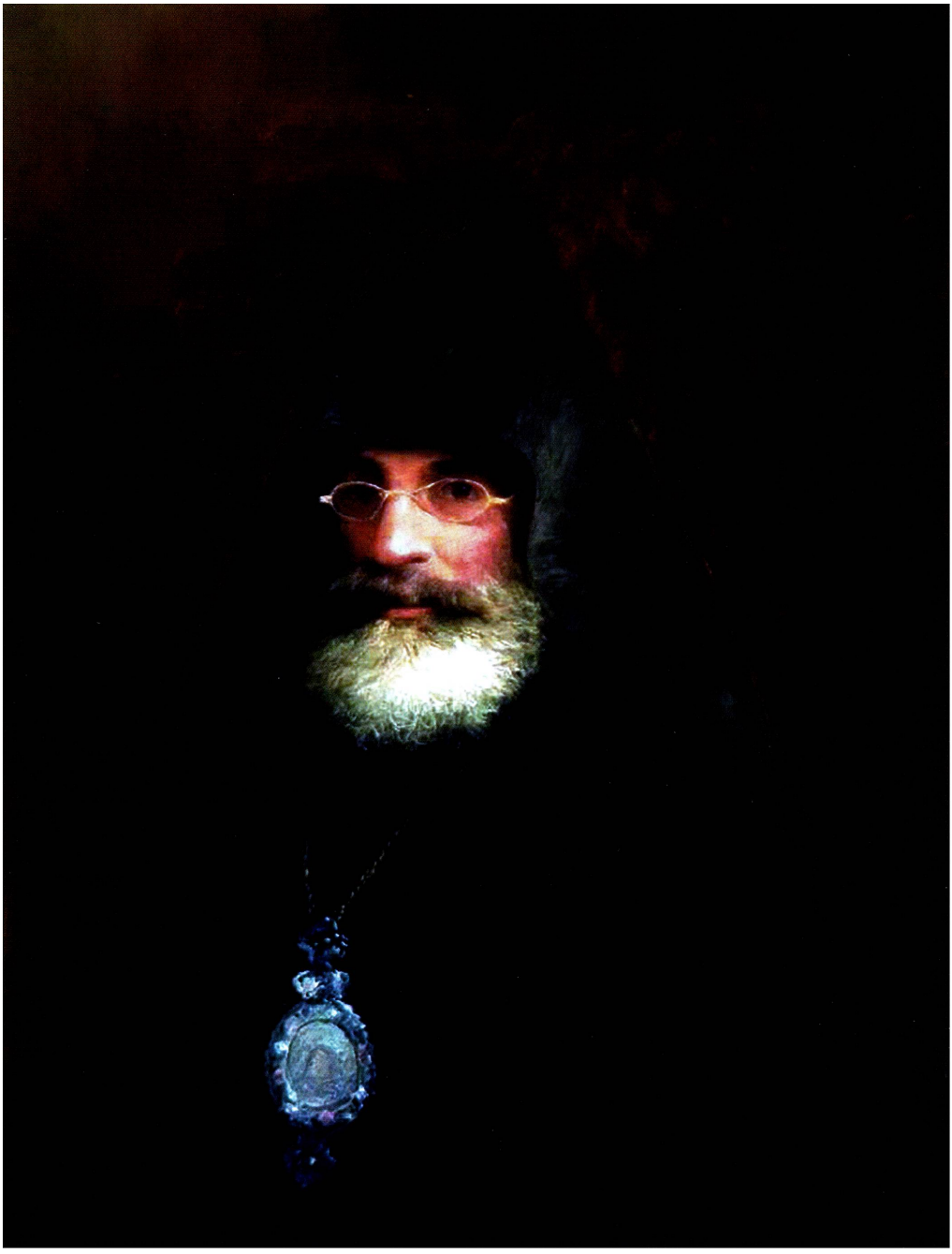
Вопрос о закрытии Халибовского училища встает в 1869 году, а через два года уходит из жизни Артемий Павлович Халибян. В том же 1871 году училище было закрыто.

В 1880 году заканчивает свой жизненный путь Габриэл Айвазовский. В некрологе, посвященном памяти «Святителя просвещения», журналист Григорий Караулов написал: «*Удалившись от дел, он в течение почти 10 лет был грустным зрителем того, как искажались и разрушались все благие начинания его, положенные им на пользу и для просвещения народа. Он жил уединенно у своих родных и находил утешение только в занятии наукой и литературой. В это время он сделал полный перевод басен Крылова с русского языка на разговорный армянский язык и напечатал его в Константинополе в 1871 году, с приложением биографии Крылова. По отзывам образованных армян, хорошо знакомых и с русским языком, и основательно знающих свой природный, армянский перевод басен Крылова, сделанный Айвазовским, принадлежит к самым талантливым и близким к подлиннику переводам произведений нашего славного баснописца.*

… Имя Айвазовского, во всяком случае, сохраняется в памяти народа и истории, как деятеля, который стремился к тому, чтобы способствовать благосостоянию единомышленников, их умственному развитию и нравственному достоинству, и который при том был бескорыстен, как все великие сердца, до святости; как он жил в бедности, так и умер бедняком».

Но богата патриотами Крымская Армения.

В августе 1888 года армяне Крыма благодарили настоятеля армянской церкви в Феодосии, литератора и переводчика Хорена Вардапета (Хорена Степаняна).



И.К. Айвазовский.
Портрет брата художника
Габриэла Айвазовского.
1883 г.

А Иван Константинович в своем письме в эти дни не удержался от теплых слов: «*Хорен Вардапет ... сделал хорошее дело, возобновил старинную церковь Святого Сергия (700 лет). Собрал деньги от кого мог, около 3-х тысяч... церковь на днях будет освящена, и я поэтому случаю написал образ Спасителя, молящегося в Гефсиманском саду...*»

Пройдет целая жизнь, но в памяти выдающегося художника сохранятся его детские воспоминания. О храме, в котором он был крещен, где проходила его учеба в церковно-приходской школе. Он посчитает за честь помочь вдохнуть новую жизнь в разрушенную церковь, в дорогую сердцу святыню. И появится надпись на мраморной плите в церкви: «*Храм святого Саркиса восстановлен из руин и Божественным усилием в 1888 году усердием и старанием верховного архимандрита Хорена Степане, которому содействовал художник Айвазовский, армянской национальности, даровавший великолепные картины благочестивому армянскому народу Феодосии*».

Трудами Ивана Константиновича создаются картины на религиозную тематику и возводятся новые храмы. Современник мариниста Х. Кучук-Ищанисян вспоминал о летних событиях 1896 года: «*... Из Феодосии 23-го июля мы приехали в Старый Крым, где сохранились развалины нескольких армянских церквей. Около развалин Чархапан художник И.К. Айвазовский построил новую церковь того же имени. Новую икону Богородицы для алтаря писал сам Айвазовский.*

Внутри церкви, в правую сторону вделана найденная там же в груде развалин прекрасная мраморная доска с изображением на ней арки, трех крестов и чаши для святых даров, а внизу – следующая подпись: «Св. знамение на память госпожи Вард – лета 1105(от Р. Хр. 1656 г.)...».

Иван Константинович с содроганием сердца узнал о кровавом преступлении – резне армян в 1895 – 1896 годах. Ее организовал турецкий султан Абдул Гамид. Говорят, что с негодованием бросил художник в море все свои турецкие ордена, а турецкому консулу заявил:

– Ордена, данные мне твоим кровавым хозяином, я бросил в море. Вот ленты, пошли ему. Если хочет, пусть и он мои картины выбросит в море. Мне не жаль.

В те горькие для армянского народа дни к художнику обратился Верховный Патриарх всех армян католикос Мкртыч. Он предложил Айвазовскому создать картину страшной трагедии.

8 сентября 1896 года из Феодосии ушло письмо: «*Благословенный владыка, Святейший патриарх! Вы сделали мне весьма чувствительное и прекрасное предложение – изобразить красными красками картину армянской резни на фоне залитых кровью гор и дол и над развалинами – убитого горем Владыку армян. Будь угодно Всевышнему даровать мне жизнь и подольше, настанет день, когда я исполню сие трогательное предложение.*

Да, Святейший Патриарх, глубокой болью омрачено сердце мое невиданной и неслыханной резней, учиненной над армянами. Вы, Ваше святейшество, там, мы – здесь, и каждый на своем месте, горько оплакиваем погубленные души несчастных

Мраморная плита в церкви святого Саркиса.
Современное фото.

сородичей наших и взываем к божьей милости. Я и супруга моя склоняемся ниц перед Вашим святейшеством, прикладываемся к святой деснице Вашей с пожеланиями более утешительных дней.

Покорный слуга и сын Вашего Святейшества

Оганес Айвазовский».

Картину, которая вскоре родилась на крымской земле, великий маринист назвал: «Резня армян в Трапезунде в 1896 году».

Рождение картинной галереи

Ни слава, ни материальное благополучие не соблазнили Айвазовского остаться в Петербурге. Он покинул столицу в 1845 году и вернулся в родной город. Здесь, на окраине Феодосии, на берегу моря, он построил дом, в котором и расположена сейчас Феодосийская картинная галерея… Переданная по завещанию художника родному городу Феодосии в 1900 году, состояла в то время из 49 картин кисти великого мариниста… Экспозиция картин занимала один выставочный зал.

С.А. Барсамова. Путеводитель по Феодосийской картинной галерее имени И.К. Айвазовского, 1952 г

Начиная строительство, молодой художник решил:

– Мне только двадцать восемь. Дом мой должен быть не только удобным для жизни всей семьи. Он будет местом моей работы. Непременно устрою в нем художественную школу по части живописи морских видов, пейзажей и народных сцен.

Все, кто знает Айвазовского, отмечают:

– Он строит в Феодосии хорошенькую виллу по собственному рисунку.

– А какова местность! Природа тепла и роскошна. Живописнейший край, в котором волнуется одно из самых картинных морей – вот выбор мастера.

Весной 1848 года порог только что отстроенного дома переступает молодая жена – Юлия Яковлевна Гревс.

Годы 1850-е стали счастливой порой в жизни и творчестве Айвазовского. Рождаются новые картины, и выставки следуют одна за другой.

Сначала в Петербурге, потом в Москве посетители восторгаются его «Девятым валом»:

– На этом полотне есть все. И натиск грозной стихии, и единоборство Человека с грозной стихией. И надежда на спасение.

– Восхитительно!

А дом-мастерская на берегу продолжает расти. В одном из писем августа 1861 года он сообщает, что «*постройка идет довольно скоро*». Но есть и проблемы.

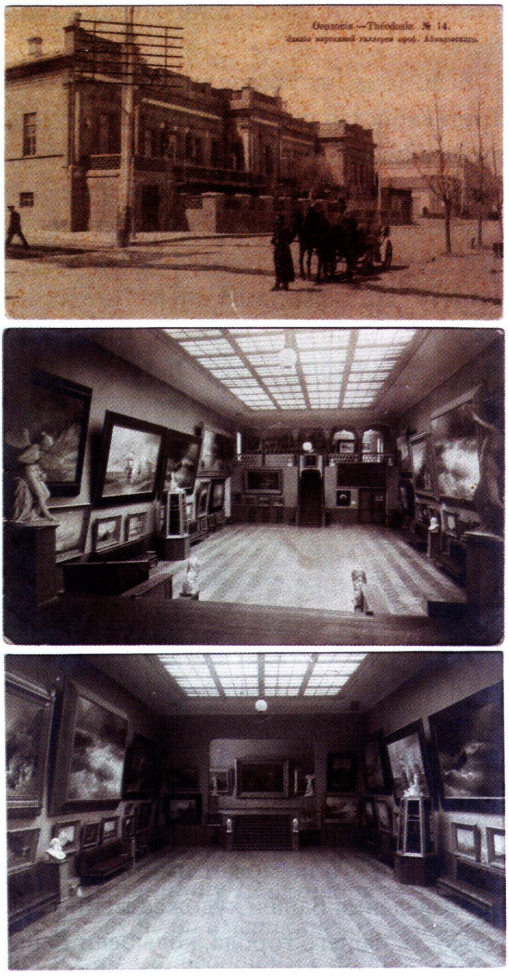
Поставщик задерживает доставку 10000 камней, и *«в случае недостатка материалов 20 человек рабочих останутся без дела и много я потеряю».*

Наконец, большой и просторный дом готов. Он настолько велик, что в нем размещается все его многочисленное семейство. Под одной крышей живут и сестра, и вторая дочь Александра, в замужестве Ламиси. Вот как описал эту обитель Н.С. Барсамов: *«Дом Айвазовского состоял из ряда комнат, выходящих окнами и балконами на море. В утренние часы они были залиты солнечным светом, и в раскрытые окна врывался свежий морской бриз и шум моря. К квартире художника примыкала его мастерская. Это была большая, неправильной формы, четырехугольная комната. Единственное большое окно с полуциркульной фрамугой выходило на пустынный, замкнутый двор. Стены мастерской были выкрашены в темно-красный цвет. Комната была почти пуста. Темный занавес, два мольберта, несколько стульев, столик для кистей у окна и шкаф для материалов – вот вся обстановка мастерской. Это была самая простая комната во всем доме художника, и в ней он создал почти все свои картины»*

Весной и летом 1880 года Айвазовский вновь окунается в строительство, а на губах одно слово:

– Галерея!

Это был смелый и благородный шаг – создать в крошечной Феодосии очаг культуры всего юга России. К тому времени в стране действовали лишь два столичных художественных музея, доступные для обозрения. Первый – Эрмитаж, открытый в Петербурге с 1852 года. Второй –



Картинная галерея И.К. Айвазовского на дореволюционных открытках.

Румянцевский музей в Москве, распахнувший двери перед посетителями в 1862 году.

Вспомним, что такие крупнейшие сокровищницы отечественного искусства, как Третьяковская галерея и Русский музей, открыли свои экспозиции для обозрения лишь в последнее десятилетие XIX века.

Невиданный в южных краях громадный, площадью 260 квадратных метров выставочный зал – галерея был окончен всего за шесть месяцев непрерывной работы. Все здесь радовало глаз. И яркие пурпурные стены с размещенными на них картинами. И сцена-ниша, на заднике которой хозяин написал вид Неаполя. А как грамотно было продумано естественное освещение через стеклянный прозрачный потолок. Благодаря современной и удобной планировке можно было из галереи через балкон пройти в мастерскую и жилые комнаты.

И вот настал торжественный момент. 29 июля 1880 года в день рождения Ивана Константиновича публичная картинная галерея была открыта. После молебна последовало пение гимна. Притом присутствующие повторили его несколько раз. Затем радушный хозяин пригласил своих гостей к завтраку. Сервированные столы стояли в роскошном зале, украшенном бюстами Государя Императора Александра Николаевича, Пушкина, Брюллова, национальными и морскими флагами. Хор и оркестр сменяли друг друга. А когда хрустальные бокалы заискрились шампанским, городской голова В.Н. Алтухов взял слово:

– Милостивый государь Иван Константинович! Сегодняшний дорогой для нас день – день вашего рождения, вы ознаменовали новым, достойным Вас делом, положив основание драгоценной для нашего города художественной галереи – сокровищницы гениальных произведений Вашего бессмертного таланта. Торжество это не может иметь характера только домашнего празднества, так как произведения Вашей художественной кисти – достояние всей Европы и особенная гордость нашего города, колыбели Вашего таланта. Пусть же Провидение надолго сохранит драгоценные дни Ваши для продолжения вашей благородной деятельности. Да здравствует славный художник и доблестный гражданин наш Иван Константинович Айвазовский многие лета!

«Число всех выставленных картин в день открытия галереи простиралось до двадцати трех. Из них три, изображающие эпизоды плавания Христофора Колумба и открытие им Нового Света, произвели на зрителей особенное, чарующее впечатление. Буря, грозящая сокрушить утлый корабль гениального пловца и утро пятницы 12 октября 1492 года (картины громадных размеров) в виду американского острова «Сан-Сальвадор» – целые поэмы, написанные кистью Айвазовского!». Так писал журнал «Русская старина» в 1881 году.

Через несколько лет Иван Константинович оставит духовное завещание: *«Мое искреннее желание, чтобы здание моей картинной галереи в городе Феодосии со всеми в ней картинами, статуями и другими произведениями искусств, находящимися в этой галерее, составляли подлинную собственность города Феодосии, и в память обо мне, Айвазовском, завещаю (галерею) городу Феодосии, моему родному городу…».*

И.К. Айвазовский.
Высадка Христофора Колумба с товарищами
на трех шлюпках в пятницу 12 октября 1492 года
на рассвете на американском острове,
названом Сан-Сальвадор им в тот же день.
1892 г.

Леди – адмирал

Ласкарина Бубулина (Мария Пиноцис). (1771 – 1825)

Героиня Греческой революции 1821 года, по некоторым данным, контр-адмирал Российского флота, национальная героиня Греции. Родилась в турецкой тюрьме в Константинополе. После смерти отца Ставриониса Пиноциса – активного участника Греческой революции 1769 – 1770 годов против Османского владычества, вместе с матерью была освобождена из тюрьмы. Мать снова вышла замуж, и семья перехала на остров Спеце. Мария вышла замуж, но когда ее муж погиб в сражении с алжирскими пиратами, она унаследовала его корабли и морское торгово-транспортное предприятие. На свои средства построила несколько военных судов, в том числе 18-пушечный корвет «Агамемнон». В 1816 году турецкие власти сделали попытку конфисковать имущество Бубулины. Она выехала в Константинополь и обратилась за поддержкой к российскому послу графу Строганову. В целях безопасности тот переправил ее на три месяца в Крым, после чего она вернулась на Спеце (по некоторым данным уже в чине контр-адмирала). Содержала небольшую эскадру, финансировала армию повстанцев и подпольную греческую организацию «Филики Этерия» («Союз друзей»). Проявила огромное мужество, подняла повстанцев на штурм турецкой крепости Нафплион. На «Агамемноне», который стал флагманом греческого флота, впервые подняла национальный флаг Греции. В письмах к Ласкарине лорд Байрон обращался к ней не иначе, как «Леди – адмирал».

Погибла в 1825 году во время раздоров с семьей Куцисов. В городе Спеце находится музей Ласкарины Бубулины. Ей установлены памятники, ее именем названы улицы. На монете достоинством одна драхма – портрет героини на реверсе, на аверсе – корвет «Агамемнон».

Из книги «Адмиралы. Рассказы об адмиралах Черноморского флота», 2016 год.

Что правда, фамилию отважной гречанки писали и произносили по-разному. То Бобулина, то Баболина. Кто-то называл ее Боболиной.

Когда маленький Ваня Гайвазовский впервые услышал это имя?

Может быть, когда в далеком детстве копировал литографии и гравюры с портретами отважных героев Греческой революции?

А, может быть, о подвигах патриотов Канариса, Миаули и Бубулины ему рассказывал учитель Яков Христофорович Кох?

Или друг детства Саша Казначеев, знаток географии, когда они отыскивали на карте Греции места, где прославилась героиня?

О событиях многолетней освободительной борьбы греческого народа против турецких захватчиков говорили на улице, на рынке, и даже в его уездном училище.

Как реагировал двенадцатилетний Ваня на то, что происходило в далекой Греции? А как может реагировать художник?

Он рисовал портреты бесстрашной женщины и слушал рассказы старших. Интересные выходили рассказы. Оказывается, в детстве девочку звали Мария, а Ласкариной – Воительницей ее прозвали позже.

Бесстрашным капитаном был ее отец – Ставрионис Пиноцис. Как-то однажды, в 1770 году, к греческим берегам подошла эскадра графа Алексея Орлова. В то самое время шла русско-турецкая война.

Восстали греки против османов:

– Почти четыре сотни лет хозяйничают на нашей земле турки. Призовем на помощь русских братьев, попросим их взять нас под свое покровительство.

Но восстание было подавлено. Кого казнили, кого в тюрьму бросили. Раненный в бою Пиноцис оказался за стамбульской решеткой.

Мужественному повстанцу выделили отдельную камеру и позволили поселиться в ней его жене. В мае 1771 года у них родилась дочь Мария. Но умер отважный капитан, жену с ребенком освободили и те вернулись на Спече. Девочка полюбила море, стала ходить под парусом, ловить рыбу. А когда ей исполнилось семнадцать – вышла замуж. Десять лет прожили супруги в согласии и мире. Муж на нескольких небольших кораблях, лучшим из которых был «Святой Спиридон», возил грузы, покупал и продавал ходовые товары.

Но однажды Мария не дождалась супруга. Через несколько дней ей поведали:

– Твой муж погиб в схватке с алжирскими пиратами.

Нужно было кормить детей, и молодая вдова, а ей не исполнилось еще и тридцати, решила:

– Продолжу дело супруга, встану на капитанский мостик!

Чтобы не стать добычей пиратов, вооружила команду ружьями и пистолетами. Сил ей было не занимать, да и ростом не уступала она многим мужчинам. Вместе с матросами погрузила на борт тюки с шерстью и глиняные амфоры с оливковым маслом.

В один из дней наперерез «Святому Спиридону» пошли две лодки. Капитанша подняла подзорную трубу, всмотрелась в небритые лица.

– Пираты по левому борту! Зарядить каждому по два пистолета! – закричала она изо всех сил и стала готовить к бою два мушкета.

Расстояние между кораблем Марии и разбойниками быстро сокращалось.

– Подпустить ближе! Стрелять по моей команде!

Через минуту раздался дружный залп.

– Приготовиться ко второму выстрелу! – через пороховую завесу распорядилась Мария.

Но стрелять во второй раз не пришлось. Испуганные морские разбойники, не ожидая такой встречи, бросились бежать.

В подзорную трубу Мария рассмотрела на пиратских фелуках несколько убитых и раненых.

Потом были другие рейсы и другие грузы. Все реже «Капитанша» бывала дома, поручив присмотр за детьми нянькам. Все чаще бралась за оружие и ее тяжелый кулак не раз опускался на обидчика. Храбро вела корабли в любую погоду.

А покажись на пути османское торговое судно, при виде Марии на мостике тут же раздаваись испуганные вопли:

– Ласкарина идет!

– Спасайтесь от Ласкарины!

В переводе это имя означало «Воительница».

И к нему она привыкла быстро.

Как-то в двери ее дома постучался первый богач острова Димитрос Бубулис:

– Хвала Господу нашему! Приветствую тебя, Ласкарина!

Не торопясь завели беседу.

Речь о торговле ведут, а не поймет Мария, отчего при взгляде на Димитроса сердце чаще бьется.

«И что в нем такого? Ну, плечи широкие, ну, лицом приятен, ну смел и богат. Мало ли удачливых капитанов на островах», –думает Ласкарина.

А Бубулис и говорит:

– В большой прибыли будем, если объединим твоего «Святого Спиридона» с моими кораблями.

Говорит так, а сам с молодой вдовы глаз не сводит. Оказалось, что его предложение было добрым поводом к знакомству. Потом была еще одна встреча, и еще одна, пока Димитрос не предложил Ласкарине выйти за него замуж.

– Согласна при одном условии: дома сидеть не буду, а буду водить, как и прежде, «Спиридона».

Сыграли свадьбу, и красавица-капитанесса взяла фамилию мужа. Ходила на мостике своего корабля и даже детишек родила в каюте «Святого Спиридона».

Беда пришла нежданно. На остров напали алжирские пираты, которых поддерживали турки. Бесстрашно шла на захватчиков вместе с мужем и жителями Спеце Ласкарина. Враги отступили, но в неравном бою погиб капитан Бубулис.

С того дня Ласкарина Бубулина посвятила жизнь борьбе с османами, освобождению Родины от турецкого ига. Вступила в тайную организацию «Филики Этерия» и снабжала патриотов деньгами.

На помощь греческим патриотам спешили россияне. Министр иностранных дел России грек Иоанн Каподистрия был в их числе. 25 марта 1821 года епископ Герман поднял в городке Калаврига знамя Независимости. Годы спустя этот день станет национальным праздником свободолюбивой страны. Ласкарина Бубулина во главе своей эскадры бросилась на штурм крепости Нафплион. В бою погиб один из трех ее сыновей.

– Даю клятву, что не прекращу борьбу, не сложу оружие, пока турки не будут изгнаны из Греции! – пообещала она над телом сына.

Ласкарина поднимала народ на восстание, убеждала капитанов топить турецкие суда, водила людей в штыковые атаки и строила новые корабли.

И.К. Айвазовский.
Героиня Боболина с охотниками прорывается под градом выстрелов на катере сквозь турецкий флот, блокировавший Навили в 1827 году.
1880 г.

Погибла Ласкарина Бубулина во время конфликта с семьей Куцисов в 1825 году.

Работая над этой книгой, несколько лет я пытался разыскать картины Айвазовского, посвященные отважной гречанке. Удача меня ожидала, когда я знакомился с музейным собранием Национального художественного музея Республики Саха.

Честное слово, мне повезло. В экспозиции Якутского музея представлена малоизвестная работа, выполненная Айвазовским в 1880 году.

Что толкнуло 63-летнего художника создать полотно о столь отдаленных событиях?

К сожалению, документов, отвечающих на этот вопрос, найти не удалось. А вот изображение картины с теплым письмом из Якутска от директора музея Аси Львовны Габышевой я получил. Были там такие слова: «*С радостью выполняю Вашу просьбу и высылаю фотографию картины И.К. Айвазовского. В музей она поступила в 1963 году из Дирекции художественных фондов и проектирования памятников Министерства культуры РСФСР. Ранее находилась в коллекции Бориса Николаевича Грибанова, куплена через комиссионный магазин Ленинграда в 1950-е гг. Нашими учетными документами зафиксировано поступление картины под следующим названием: «Героиня Боболина с охотниками прорывается под градом выстрелов на катере сквозь турецкий флот, блокировавший Навили в 1827 году. 1880. Холст, масло. 89,7х120,5 см.» На полотне изображен эпизод, когда ее команда отправляется на помощь повстанцам, осадившим турецкий остров Нафплион с крепостью Бурдзи.*

Публикация нашей Боболины в Вашей книге для музея важна, поскольку произведение неизвестно в научных кругах. Были бы Вам благодарны за данную публикацию».

Письмо из Якутска обрадовало, хотя возникли вопросы. Источники указывают, что Мария Пиноцис погибла в 1825 году. А в 1827 году она командует катером повстанцев?

Какая из дат нуждается в уточнении?

«Нет, нынешняя выставка не «това»... прошлогодняя была позаористей»

Последняя выставка картин И.К. Айвазовского (у Симферопольского моста в доме Яффа) по его собственному сознанию превзошла все его ожидания. Доныне еще ни разу так явно не выражалось сочувствие публики к заслуженному художнику и ни одна из предыдущих выставок не привлекала такого многолюдства. В течение декабря 1880 и января 1881 года выставку посетило 22 тысячи человек.

Журнал «Русская старина», 1881 год.

– Выставки... выставки... Сколько их было за сорок шесть лет? Как радовался я, молодой академист, своим первым картинам, выставленным в Петербурге. Потом были Рим и Неаполь, Лондон и Париж, Москва и Симферополь...

И.К. Айвазовский.
Пушкин на берегу Чёрного моря.
1887 г.

Он ходил по просторному выставочному залу, тихо дремавшему в ожидании первых посетителей. За окном резвились январские снежинки, устилая брусчатку пушистым белым ковром. А Иван Константинович, уединившись в светлом и теплом зале, сам с собой, еле слышно делился сокровенными мыслями:

– Не без интереса наблюдаю за публикой. Да-с, весьма разнится она. Те, немногие из высшего класса, чопорны и, что весьма огорчает, к живописи весьма безучастны. На полотна поглядят и с видом знатоков изрекут: «Я знаю, это Айвазовский! Морские виды. У меня есть его картины». Ведь о достоинствах композитора невозможно судить по одной опере. Точно так нельзя составить себе понятие о таланте живописца по одной выставке. Ну да Бог с ними, с избранными из высшего общества. Все одно большинство моих зрителей – люди среднего класса.

И это было правдой. Именно средний класс приносил дань уважения таланту, и что важно – справедливо и беспристрастно оценивал увиденное. Это была та самая многочисленная публика, мнением которой так дорожил Айвазовский.

А как сбросить со счетов мнение простого народа? Тех мелких купцов, чиновников и мастеровых, которые вслух делятся мнениями об увиденных картинах. Они порой простодушно их хвалят и наивно объясняют сюжеты.

– Высоко и дорого ценю я эти отзывы, искренние и задушевные. Тут природный русский ум блещет подчас своим оригинальным юмором, – не раз повторял Иван Константинович.

Однажды художник поделился наблюдениями за посетителями:

– Некоторые из зрителей занимают меня гораздо более, нежели их самих мои картины. Особенно забавны простодушные истолкования сюжетов, напоминающие рассказы детей, перелистывающих книжку с картинками. Тут иной рассказчик невольно заставляет меня улыбнуться своими замысловатыми догадками. Раз подхожу к группе простолюдинов, столпившейся перед картиной «Пушкин на берегу моря». А один посетитель говорит другому:

– Это, вишь ты, атаман разбойничий. Он, братец ты мой, ждет, чтобы суденышко к берегу подъехало… Махнет гребцам, они подъедут – он и был таков!

Тогда сказал Айвазовский:

– Пускай себе Пушкин будет атаманом разбойников. Все же мне отрадно, что взгляд доброго сына природы угадал в нем «наибольшего». Придет пора, даст Бог, и тот же простак узнает, что он был действительно «атаманом» – родной поэзии!

В один из дней Айвазовский спускался с лестницы и услышал голос какого-то, по-видимому, подгулявшего купчика:

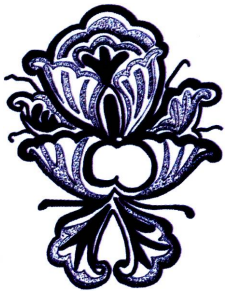
– Нет, нынешняя выставка не «тово»… прошлогодняя была позабористей. И Шипка, и турки, и все такое… Тут, значит, хочу дать мелочи хоть на тысячу рублей – пожалуйте! Ноне не видно: вода да вода, буря после дождя, дождь после бури – и только!

Журнал «Русская старина» в 1881 году написал со слов Ивана Константиновича:

«... Насмешил меня мой милый рецензент до слез. Что на уме, то и на языке! Что делать: не потрафил я на его «скус» нынешний раз, авось в будущий угожу. Это любитель баталистской живописи да еще непременно в самом патриотическом духе!»

Молодой сердцем и душой.

Второй брак



Минувшим летом я вступил в брак с одной госпожой, вдовой-армянкой. Ранее с нею знаком не был, да вот о добром ее имени слышал премного. Жить теперь мне стало спокойно и счастливо. С первой женой уже 20 лет не живу и не вижусь с нею вот уже 14 лет. Пять лет тому назад эчмиадзинский синод и католикос разрешили мне развод. Так что на новый брак права лишен не был. Только вот очень страшился связать свою жизнь с женщиной другой нации, дабы слез не лить. Сие случилось божьей милостью, и я сердечно благодарствую за поздравления.

Из письма И.К. Айвазовского, Июль 1882 г.

Больше двадцати лет прошло с того памятного 1847 года, когда Иван Константинович женился на гувернантке Юлии Гревс. Уютно и тепло было в его феодосийском доме. Подрастали четыре дочери, и художник не заметил, что в семье нарастает кризис. Он был поглощен творчеством, а отношения с супругой год от года становились все прохладнее.

Вот выросли дочери, создали свои семьи и разъехались. Иван Константинович стал замечать:

– Провинциальная Феодосия тяготит супругу. Ей, материально обеспеченной, по душе шумный Петербург и оживленная Одесса.

Настал момент, когда стало очевидным – совместное проживание больше невозможно. В 1877 году прозвучало:

– Развод!

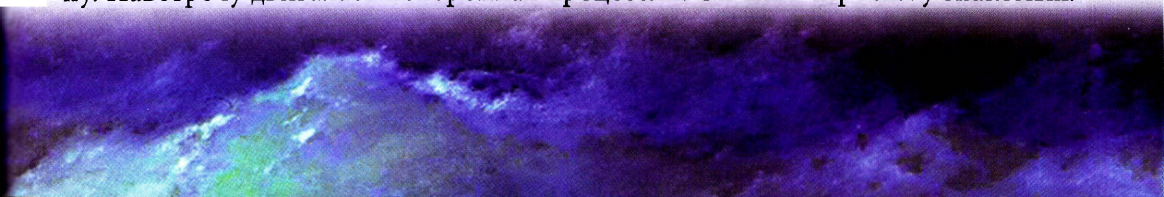
Минуло пять лет...

Айвазовский не по годам свеж и энергичен. Как в былые времена, много работает. Но как творить без любви?

Пусть ему 65 лет. Пусть за плечами громадный профессиональный опыт. Но в опустевшем доме одиноко.

И вот однажды...

В тот день он прогуливался по городу. Неожиданно остановился и снял шляпу. Навстречу двигалась похоронная процессия. Он тихо спросил у знакомых:



– Кого хоронят?

– Купца Саркизова.

Айвазовский с почтением наклонил голову, а взгляд скользил по лицам скорбящих родственников и друзей.

Улицами притихшей Феодосии лилась траурная музыка и заунывно причитали плакальщицы. А он все всматривался в печальные лица, как вдруг застыл. Он был поражен красотой.

За гробом, вся в слезах, погруженная в свою печаль, шла прелестная молодая женщина.

– Что это со мной? – прошептал в замешательстве художник.

Такого с ним не было, пожалуй, с того далекого дня, когда он впервые увидел Юлию Гревс.

Он вернулся домой, но взяться за кисти был не в состоянии. Перед глазами стоял образ прекрасной молодой армянки.

Уже на следующий день Иван Константинович навел справки о вдове Саркизова, которой так неожиданно увлекся. Оказалось, звали ее Анной, урожденной Бурназян.

– Анна Никитична… Анна Мгртчян Саркизова двадцати пяти лет. А мне – шестьдесят пять. Не станет ли столь большая разница в возрасте преградой для счастья? Да, непреодолимой преградой, – сказал и задумался.

Что сможет дать этой состоятельной женщине пожилой мужчина? Да к тому же со своими принципами, странностями и устоявшимися житейскими правилами.

Чего доброго, посмеется молодость над желанием приглянуться убеленного сединой художника. У Анны Никитичны, как оказалось, детей не было. И он, Айвазовский, тоже не сможет дать ей главного – ребенка.

Думать об этом не хотелось. Он стал ждать и надеяться. Прошло положенное время траура, и Айвазовского познакомили с Анной Никитичной. После первой встречи была вторая, третья… Наконец он отважился и сделал предложение. Как положено, по всем правилам, официально предложил руку и сердце.

К неописуемой его радости избранница ответила:

– Я согласна.

Холодным январским днем 1882 года они переступили порог Симферопольской церкви святого Успения. А после церемонии бракосочетания получили на руки документ. Прочтем его вместе: «*Свидетельство о браке И.К. Айвазовского с А.Н. Саркизовой. 1882 года января 30 дня, я, нижеподписавшийся настоятель Симферопольской армяно-григорианской св. Успенской церкви, сим удостоверяю в том, что как видно из метрической книги, хранящейся при вверенной мне церкви о бракосочетавшихся в 1882 г., состоит в записи под № 3 акт следующего содержания: 1882 г. января 30 его превосходительство действительный статский советник И.К. Айвазовский, разведенный по указу Эчмиадзинского синода от 30 мая 1877 г. № 1361 с первою женою от законного брака, вступил*

И.К. Айвазовский.
Портрет жены художника
Анны Бурназян. 1882 г.

вторично в законный брак с женою феодосийского купца вдовою Анной Мгртчян Саркизовой, оба армяно-григорианского исповедания. Посаженным их отцом был Карасубазарский купец Емельян Христофорович Мурзаев.

Таинство брака совершено мною. О чем удостоверяю подписью моею и приложением церковно-казенной печати.

Настоятель Симферопольской армяно-григорианской св. Успенской церкви священник

Авксений Хопчанчиянц».

С первых дней совместной жизни Анна Никитична стала для него всем.

Красота и очарование молодости поселились в доме прославленного мариниста. Любовь помогла Айвазовскому создать очень женственный образ. Родился самый известный портрет Анны Айвазовской.

Айвазовский признается жене:

– Моя душа должна постоянно вбирать красоту, чтобы потом воспроизводить ее на картинах. Я люблю тебя, и из твоих глубоких глаз для меня мерцает целый таинственный мир, имеющий почти колдовскую власть. И когда в тишине мастерской я не могу вспомнить твой взгляд, картина у меня выходит тусклая…

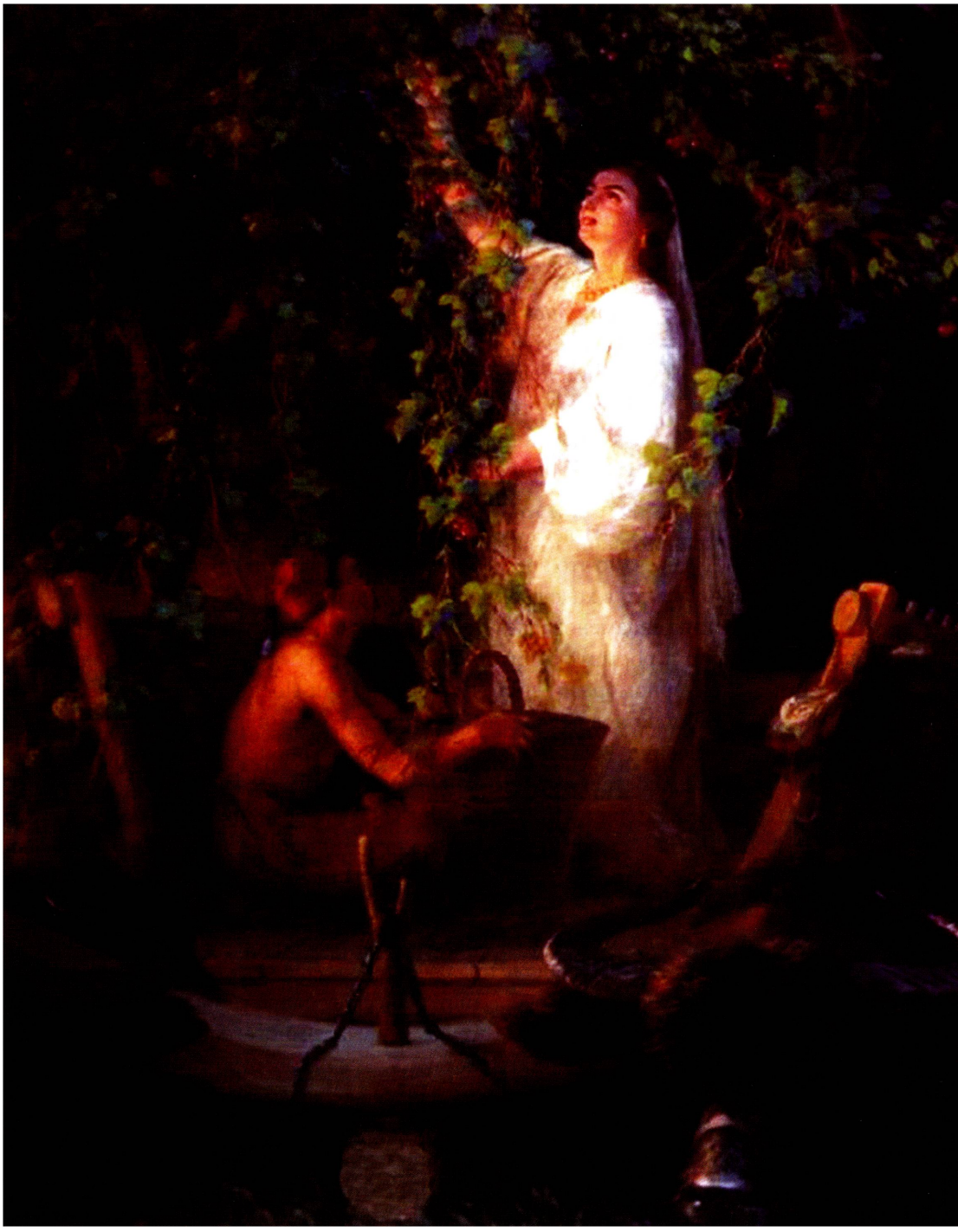
Чувства переполняют художника, и на глазах окружающих он превращается … в поэта. На армянском языке он пишет стихотворение, которое впоследствии записала и выполнила русский перевод С.А. Барсамова:

Глаза твои сини, как терны,
Как пьявка, черны твои брови,
Как день, твои волосы белы,
А лоб твой блестит, как звезда.
Ты стройная, словно пальма,
Ты нежная, как ягненок.
Твой голос звенит, как свирель.

А как не написать портрет жены на фоне крымской экзотики? Вот она – молодая красавица, собирает виноград. Какая нежная грация, как тянет она свои гибкие руки к спелым гроздям. А рядом, с плетеной корзиной в руках, сидит мальчик-слуга.

Так шли годы. Отныне в поездках за границу и по городам России – они всегда вместе. Он, как всегда, самозабвенно рисует. Наблюдает за ее реакцией и радуется тому впечатлениюю, которое производит на нее каждая новая работа. Он счастлив! Очарован каждым днем, проведенным рядом с любимой женщиной.

Сохранились десятки воспоминаний современников, которые донесли до нас рассказы о чете Айвазовских. Вот как вспоминал Ерванд Шахазиз, ректор армянского епархиального училища в Нор-Нахичевани встречу за утренним кофе в доме Айвазовских: *«Вошла госпожа, с ног до головы одетая в белое, нежная, блестящая, сверкающая. Айвазовский обратился к ней: «Голубушка! Привел гостей – угощай их. Налей по чашке кофе со свежими сухарями, приготовлен-*



И.К. Айвазовский.
Сбор фруктов в Крыму. 1882 г.

ными с твоей особой любовью». Госпожа, которая обычно мало разговаривала, больше слушала, сегодня была оживлена, много говорила, и это обстоятельство еще больше оттеняло ее красоту».

К 100-летию визита Императрицы

Мая 28, Всемилостивейшая Государыня и Граф Фалькенштейн изволили ездить в город Феодосию, находящийся в 24 верстах от Старого Крыма, и после обеденного стола возвратились в Старый Крым в 6 часу пополудни. При въезде в Феодосию також и во время отбытия оттуда, была производима пушечная пальба. Ее В. с Графом Фалькенштейном благоволили осматривать Феодосийский монетный двор и все фабрики, к деланию монеты принадлежащие.
Из «Журнала путешествия Екатерины Великой», 1787 г.

Вторая половина XVIII века стала временем грандиозных преобразований в истории России. И связано это время с именем Императрицы Екатерины Алексеевны, пришедшей к власти в ходе дворцового переворота в 1762 году.

Эпоха Екатерины ознаменовалась проведением административной (губернской) и судебной реформ, ростом территорий за счет присоединения плодородных земель Крыма, Причерноморья и восточной части Речи Посполитой. Население увеличилось с 23,3 миллионов человек в 1763 году до 37,4 миллионов в 1796 году. По численности населения Россия стала крупнейшей европейской страной. Армия увеличилась вдвое и составила 312 тысяч человек.

В царствование Екатерины II Россия обрела статус великой державы.

8 апреля 1783 года Государыня подписала исторический документ – «Манифест Императрицы Екатерины Великой о присоединении Крыма, Тамани и Кубанской земли к России».

10 июня того же года Манифест обнародовали в Крыму и все жители получили российское подданство. И начал расправлять плечи еще недавно разоренный и запущенный край. Феодосии вернули ее историческое имя. В городе вновь застучали молотки и стали подниматься новые стены. Зазвучала многоголосая речь новых горожан, а крестьяне собрали первые урожаи.

В 1785 году князь Григорий Потемкин взялся за разработку колоссального проекта «Путь Екатерины»:

– Немало сделать предстоит, но то, что задумали, исполним!

Так оно и вышло. В январе 1787 года приготовления к масштабному путешествию Екатерины II в полуденный край завершены.

Императрица как-то обмолвилась:

– Предстоит веселая поездка!

Веселой она виделась и сотням ее сопровождающих. А это и российские сановники, и зарубежные дипломаты. В Херсоне к свите государыни присоединился граф Фалькенштейн.

От кареты к карете понесся шепот:

– Под именем графа с нами путешествует император Австрии!

– Неужто сам Иосиф Второй?

– А вы как думали?

Императрицу с шумом встречали толпы народа, и небо освещалось фейерверками. Гости удивлялись новым поселкам и красивым зданиям, парадам кавалеристов и городам на побережье.

К приезду гостей готовятся всегда. Но то, что предстало взору путешественников, было по-настоящему поразительно. Южный край расцвел и преобразился.

В письме из Бахчисарая 20 мая 1787 года Государыня писала: «*И Херсон, и Таврида со временем не токмо окупятся, но надеяться можно, что… вышеупомянутые места превзойдут плодами бесплодные места… Я не причинила вреда, но принесла величайшую пользу своей Империи*».

А вот и Феодосия – последняя точка в долгом путешествии.

– Каким будет сюжет будущей картины? Доподлинно известно, что в городе нашем гостей ожидал сюрприз – монетный двор. В честь Государыни там отчеканили две медали. Событие значительное. Как его изобразить? – спросил себя Айвазовский.

– А море? Монетный двор – хорошо. Но море – граница государства Российского на юге. Без моря – никак!

И кисть Маэстро вывела четкий и ровный овал береговой линии. На заднем плане появились плавные холмы, стекающие к морской глади. Но главное – передний план. Здесь – Императрица вдали от городских строений в окружении свиты.

Всмотритесь в это полотно. Ничего вам не напоминает этот участок берега? Что, узнали? Ведь на этом самом месте сегодня стоит всемирно известная картинная галерея. А что происходило тут 28 мая 1787 года? Об этом художник мог только догадываться.

Вот Екатерина остановилась, не доходя пару метров до кромки воды. Она что-то рассказывает своим сановным спутникам, указывая вдаль правой рукой. А те почтительно внимают Императрице, надо полагать, не перебивая и сохраняя степенный вид.

Событие, коему посвящено полотно, исключительно важное по своей государственной и общеевропейской значимости. Участники путешествия не только лично убедились в незыблемости и крепости позиций России в краях полуденных, но и получили доказательства для всей Европы, сколь сильна Россия в новоприобретенном крае.

И все в этом полотне, лишенном парадной официальности, гармонично и естественно. Значимость события Иван Константинович подчеркнул даже размером холста – 196 на 220 сантиметров.

Наверняка рука Айвазовского при разработке эскизов, тянулась к созданию модных в то время аллегорических сюжетов. Обычно, венценосная особа изображалась в античных одеждах в окружении граждан, рыдающих от счастья лицезреть снизошедшую к ним Государыню. Все это с античной атрибутикой и античными же позами персонажей.

Но Айвазовский-реалист решил иначе. Екатерина II в дорожном костюме. Не отличаются излишней чопорностью и одежды ее спутников. За их спинами – сопровождающие и конвой, экипаж и знатные горожане, которые ведут себя вполне естественно. Они общаются и толкуют о чем-то своем, будто и нет рядом Императрицы. И люди занимают на картине не так много места.

А над ними – безбрежное крымское небо. Светлое, ни облачка, оно как бы радуется важному событию:

– С приездом, Государыня!

И море плавно несет свои, пронизанные светом волны. Вдали они сине-голубые. По мере приближения к берегу светлеют, приобретая нежную небесную голубизну, и, наконец, встречаются с бежево-голубым песком, вторя облакам:

– С приездом, Императрица!

Техника Айвазовского в данном случае виртуозна. Впрочем, как и во всех работах этого периода. Пронизанные светом волны с белоснежными барашками белой пены радуются новому дню, новой эпохе в истории российского Крыма.

Вода – подарок родному городу

Мы теперь озабочены по случаю открытия и освящения водопровода и фонтана, которые назначены на 18-е, т.е. через 4 дня. На другой день 19 у нас вечер на 300 человек. Мы было через Министра внутренних дел просили государя императора назвать фонтан его именем, но Плеве телеграммой сообщил, что его величество повелел назвать фонтан моим именем. Фонтан в восточном стиле так хорош, что ни в Константинополе, ни где-либо я не знаю такого удачного, в особенности в пропорциях.

Из письма И. К. Айвазовского, 14 сентября 1888 г.

Над задачей обеспечения горожан водой ломали голову первые феодосийские поселенцы – милетяне.

За бесперебойную подачу воды боролись генуэзцы, проложив сотни метров керамического водопровода.

Рыли колодцы, восстанавливали старые фонтаны, собирали дождевую и талую воду обитатели России конца XVIII века.

И в городе, и в кабинетах Думы все чаще звучало:

– Для снабжения Феодосии водой в достаточном количестве нужно устройство совершенно новой системы водопроводов.

И.К. Айвазовский.
Приезд Екатерины Второй в Феодосию.
1883 г.

– Нужно взять воду из изобильных родников, находящихся за первою цепью гор.

– Следует для удержания влаги обсадить и город, и окрестности, деревьями и кустарниками.

– Всем вместе необходимо подумать, где и как можно найти достаточное количество воды.

Но пришел конец 1853 года, и феодосийцы ужаснулись новости:

– Война!

– Восточная война!

– Севастополь осажден!

Ни правительству, ни горожанам стало не до водопроводов. А как пришел конец войне, старая проблема возникла вновь.

Что только не делали феодосийцы.

Нужно сообща деньги на ремонт фонтанов собрать?

Собрали.

Нужно еще?

И еще раз собрали.

Часто чиновники шли за помощью к горожанам, сетовали:

– Представить только, за 1869 – 1870 годы на ремонт наших фонтанов комиссия израсходовала пять тысяч рублей!

– А где вода? – спрашивали горожане.

И возмущались:

– Нет ее!

Полицмейстер Пасынков доносил:

– Второго июня, сего, то бишь 1871 года, мне сделалось известным, что во всех городских фонтанах нет воды!

– Извольте, уважаемый! Прямо-таки во всех?

– Кроме что Караимского!

Но настало 1 июня 1887 года. Исторический для Феодосии день.

Думское заседание в тот первый летний день проходило, как всегда, оживленно.

И вопросы важные. И выступающие, подготовившись заблаговременно, продуманно и четко излагали суть проблем.

Но вот поднялся с места Айвазовский:

– Господа!

Зал притих, и взоры присутствующих устремились на знаменитого мариниста.

Иван Константинович положил перед собой листок:

– Обращаюсь к вам, господа, с письмом.

Пробежался глазами по написанному и, не глядя в бумагу, волнуясь, произнес:

– Не будучи долее в состоянии быть свидетелем тех ужасных бедствий, которые терпят сограждане мои от постоянного недостатка в воде, я дарю городу на вечные времена 50 тысяч ведер воды в сутки из всем известного своей прекрасною водой источника «Субаш», находящегося в моем имении «Шах-Мамай» в 26 верстах расстояния от Феодосии.

Фонтан Айвазовского - украшение древнего города.

Вот как о том заседании написал историк В.К. Виноградов: *«Нужно ли говорить о том восторге, с каким гласные выслушали это слово, и о тех бесконечных благодарностях, какими все граждане осыпали человека, принесшего своей родине такую великую жертву! И вот, тянувшийся в течение всего периода русского владычества, вопрос о водоснабжении г. Феодосии решен».*

Спешно составлен проект водопровода. И завезены чугунные трубы. И закипела работа.

Трудно поверить, но 31 августа 1888 года по двадцатишестикилометровому водоводу живительная влага устремилась в три городских фонтана. А 18 сентября состоялось торжественное открытие новой городской водопроводной системы.

Один из фонтанов сохранился до наших дней. Его, как и прежде, называют «Фонтан Айвазовского». Он – тоже подарок городу великого художника. Его по собственному проекту и на личные сбережения установил Иван Константинович.

А по улицам ходили веселые горожане и распевали новую песню:

– Айвазовский поставил фонтан
Из мрамора чистого.
Айвазовский воду провел в фонтан
Из своего источника быстрого.
Посмотрите, как вода бежит,
Послушайте, как струя журчит,
Выпейте воды, пожалуйста,
Вспомните Ивана Константиновича...

А если кто хотел попить из фонтана, брал в руки серебряную кружку, что висела над краном. Пил и вслух читал на ней надпись:

– Выпейте за здоровье Ивана Константиновича и его семьи.

А мы давайте прочтем надпись, которая высечена на мраморной доске: «Фонтан И.К. Айвазовского. 18.IX.1888 г.».

С этим текстом вышла интересная история.

– Назовем сей фонтан именем Александра III, – решили в городской Думе.

Как водится, составили нужные бумаги и отправили на утверждение по инстанциям.

– Чего ждать, пусть мастер вырезает закладную плиту.

– Пусть выбьет слова «Императора Александра».

Да неожиданно пришло распоряжение, по которому фонтану велено было дать имя великого мариниста.

Надпись срочно переделали:

– Это и правильно. Велики заслуги Ивана Константиновича перед Феодосией!

Украшением города стал второй фонтан – «Доброму гению» – в честь жены художника. Его построили на Итальянской улице. Сегодня это улица Горького.

На постаменте – бронзовая фигура женщины с раковиной в руках. Вода из нее

стекала в каменную чашу, а оттуда – в бассейн.

Горожане любовались оригинальным творением и читали надпись на увенчанной лаврами палитре:

– Доброму гению.

Вглядывались в стройную бронзовую фигуру:

– Это же Анна Никитична Саркисова – жена Ивана Константиновича.

Прошло сорок лет, и бронзовую фигуру перенесли с прежнего места. Ее установили в центре круглого бассейна в городском саду.

Не повезло «Доброму гению». В годы фашистской оккупации его разрушили.

Но жива наша память. Несколько лет назад «Добрый гений» вернулся в центр Феодосии. И каждый сегодня может посидеть рядом с ним на тенистой аллее. И услышать слова экскурсовода:

– Неравнодушные феодосийцы и скульптор Валерий Замеховский подарили нам оригинальный памятник, как дань уважения нашему прошлому.

Фонтан «Доброму гению» вчера и сегодня.

«Первый поезд в Феодосии. 1892»

Ваше Императорское Высочество!

Милостивое внимание, которым Вы меня осчастливили в разные эпохи, внушает мне смелось повернуть благосклонному воззрению Вашего императорского величества мысль мою о продолжении железной дороги от Феодосии на Азовский порт Акманай и о значении пути этого для торговли. Сочувствие Ваше к Крыму обнадеживает меня, что Ваше императорское величество простит смелось художника-патриота, изучившего свою родину не одною кистью, но и многолетним опытом по хозяйству. Он почтет себя счастливым, если прилагаемая записка удостоится некоторого внимания, если по ее содержанию Ваше императорское величество соблаговолит истребовать более подробные сведения о местности и о торговых путях, которым предлагаемое изменение выгодно по моему убеждению для государства и прольет новую жизнь в наш многоиспытанный Крым.

Вашего императорского высочества всепокорнейший слуга Иван Айвазовский.

Письмо И.К. Айвазовского генерал-адмиралу,
Великому князю Константину Николаевичу
о пользе сооружения железной дороги,
29 марта 1868 г.

В галерее имени И.К. Айвазовского есть картина. Под картиной надпись: «Первый поезд в Феодосии. 1892».

… Теплая августовская ночь. Лунные блики освещают далекий мыс Ильи, скользят и отражаются в воде залива. Возвращаются домой рыбаки в лодке. Замерла в ожидании ночная Феодосия… А прямо на нас летит поезд!

Всмотритесь в полотно. Стремительно несется состав, в будущее. Из высокой паровозной трубы разлетаются яркие искры. Точно огоньки праздничного фейерверка, они приветствуют нас:

– Да здравствует Феодосия!

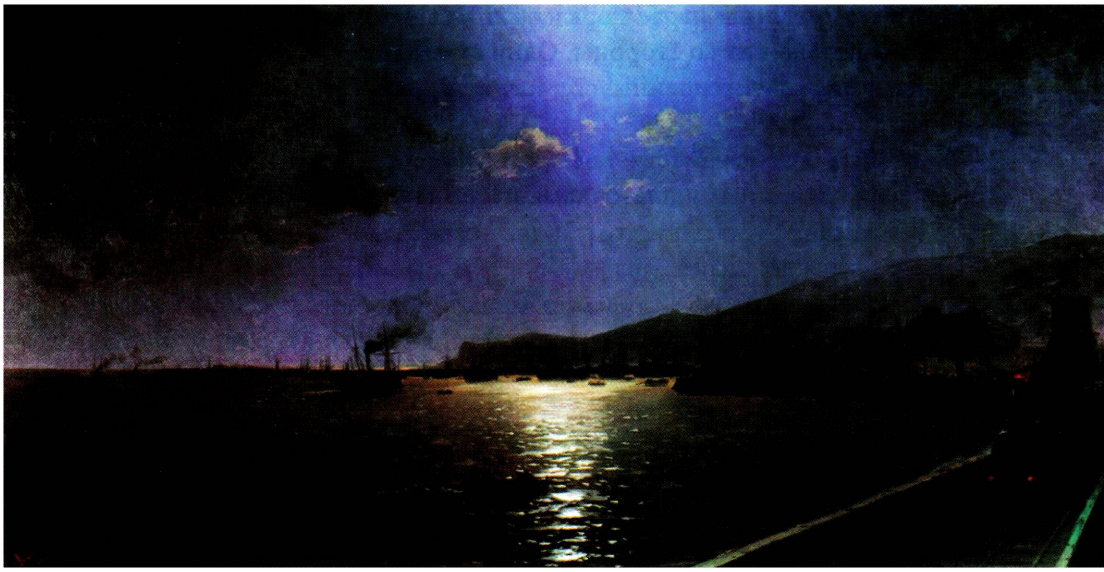
– Да здравствует железная дорога!

А на перроне звучит голос:

– Уважаемые дамы и господа! Беспересадочные вагоны, следующие по пути из Феодосии в Москву, отправляются от железнодорожной станции Феодосия!

Вагонные проводники, в строгой железнодорожной форме, вежливы и предупредительны:

– Господа провожающие! Просьба покинуть вагон!



И.К. Айвазовский.
Первый поезд в Феодосии.
1892 г.

На шумном перроне играет оркестр и машут руками радостные горожане. Чудно смотреть на них со стороны. Одни смеются:

– Первый поезд в Феодосии!

– Вот это событие!

– Запомнить нужно – 3 августа 1892 года!

Вытирают кружевными платочками набежавшую слезу дамы с зонтиками:

– До свидания!

– Привет Москве!

– Приезжайте на будущий год!

Плачут загорелые отдыхающие:

– До встречи!

– Мы вам писать будем!

Их слезы понять можно. Кому хочется покидать курорт? Да и друзей новых оставлять жалко.

А город первому поезду рад.

И колокола Екатерининской церкви звонят торжественно. Родился этот храм на Сарыголе 21 апреля 1892 года в день рождения Екатерины II. От вокзала до церкви – сотня метров всего.

Правда, вокзал от центра Феодосии далековато, и первые пассажиры с досадой роняли:

– Две с половиной версты до города.

– А извозчики-лихоимцы, нет на них управы, дерут с нас по пятьдесят копеек. Да еще отдельно за багаж.

– Так это днем. А ночью – с багажом вместе до рубля доходит.

– Креста на них нет, прости Господи. За такие деньги три дня в Феодосии прожить можно.

– Рабочий на строительстве порта в день получает сорок копеек.

– Может, настанут добрые времена и совесть у извозчиков проснется?

Слушал такие разговоры художник Айвазовский, а мысленно представлял новый вокзал на берегу моря у башни Константина, рядом с Лазаревским сквером.

Пройдет всего два года, и торжественно откроют новую станцию со скромным деревянным зданием вокзала и деревянной платформой. Тут и билеты купишь, и багаж получишь.

Вот и сбылись мечты. Теперь между Феодосией, Петербургом, Москвой и Симферополем каждый день курсировали поезда. А в них вагоны первого и второго классов. И в Керчь трижды в день добраться можно.

Вместе с радостью к Ивану Константиновичу пришли воспоминания. О том сложном пути, который пришлось преодолеть, прежде чем его давняя мечта о железной дороге в родном городе воплотилась в жизнь.

Наверняка о том же думали сотни феодосийцев, чьими стараниями, упорным трудом и многолетними мучениями была выстрадана эта пятница – 3 августа

года 1892. Вспоминали, как еще в 1820-х годах английские предприниматели обратились к императору Александру I:

– Мы готовы осуществить грандиозный проект – проложить железнодорожный путь от Москвы до Феодосии.

– Феодосия превратится в главный коммерческий и торговый порт на юге России, – говорили оптимисты.

Не сложилось. Кончина государя оставила этот вопрос без движения.

Потом в 1857 – 1860 годах был еще один масштабный проект. Главное Общество Российских железных дорог совместно с банковскими домами Парижа, Амстердама и Лондона начало работы по созданию Московско-Феодосийской линии. В Феодосии выстроили каменную насыпь с деревянным помостом. Стали для будущей дороги выгружать рельсы и вагоны. У деревни Аджиголь возвели два двухэтажных здания. Строились насыпи под будущее полотно и помещения складов. Расставили 1160 телеграфных столбов и построили пять каменных мостов. А еще колодцы, мастерские, бараки для рабочих. И появились новые красивые городские здания и сотни французов-строителей, с неизменными танцевальными вечерами и маскарадами.

Но финансовые дела компании пошатнулись. В 1860 году работы остановились, а рабочих уволили. Феодосийские купцы закупили ставшие ненужными болты и снаряды для бурения, вагоны и рельсы, телеграфную проволоку, мастерские и строительные вагончики.

Это был страшный удар для феодосийцев:

Но не опускали руки горожане. Феодосийское земство по-прежнему стремилось соединить Крым с Россией.

В 1875 году железная дорога пришла в Севастополь – главную коммерческую гавань Крыма. Через несколько лет было принято решение о переводе торгового порта из Стрелецкой бухты Севастополя в Феодосию.Это было связано с вопросом безопасности страны. Ведь в Севастополе базировался Российский военный флот.

Решение о сооружении коммерческого порта и железной дороги принималось на уровне первых лиц государства.

Весной 1890 года Кабинет министров вынес решение:

1. Севастопольский рейд навсегда передается в исключительное пользование морского ведомства.

2. Коммерческий порт устраивается в Феодосии, причем город этот соединяется железнодорожной веткой со станцией Джанкой.

Александр III наложил на этом документе свою резолюцию: «*Исполнить. Согласен с мнением председателя и 9 членов, разделяющих его мнение*».

Как родился Феодосийский порт

Недавно распространился верный как видно слух, что решили, наконец, не строить в Севастополе коммерческого порта и вследствие этого будто бы избрана для коммерции Феодосия. Не знаю, насколько это справедливо, во всяком случае нынешняя зима доказала преимущества Феодосии. Во-первых, холода были сильные, до 15 и 16 градусов, и наш порт нисколько не замерз, но судов много было из-под Севастополя в Феодосии, спасались от страшных бурь, при которых суда не могут входить в Севастопольскую бухту, а теснота Севастопольской бухты также определилась весьма ясно. Недавно от тесноты магазинов и судов в Южной бухте загорелись магазины с товарами и чуть суда бухты не подверглись пламени, а третьего дня пароход с грузом пшеницы ударился о бульвар, стал на мель и часть судна на самом бульваре. Не имея возможности повернуть пароход на свободе и, не желая ударить о военное судно, оно попало на бульвар.

Из письма И.К. Айвазовского, 1883 г.

О преимуществах Феодосии перед Севастополем в коммерческом отношении говорили и писали многие. Иван Константинович был в числе первых активнейших сторонников переноса торгового порта из Севастополя в родной город.

Точку в многолетнем споре поставил император Александр III:

– Порту быть в Феодосии!

Здравый смысл победил, и в конце 1891 года было начато грандиозное строительство. Но случается непредвиденное. Через полгода умирает главный подрядчик Н. Шевцов.

Кто продолжит начатое дело?

В «Автобиографии» опытнейшего военного строителя, генерал-майора в отставке А.Л. Бертье-Делагарда есть такие строки: «*Благодаря своей инженерной репутации, я был приглашен заведовать большими и сложными работами, стоя во главе строения нескольких портов Черного моря: значительная часть одесского, весь ялтинский в два приема, феодосийский и ростовский – дела моей головы и рук*».

То, что увидел Александр Львович в Феодосии, поразило и обрадовало одновременно:

– Знакомая картина! Но какой размах!

Бескрайнее синее море, казалось, в недоумении смотрит на сотни людей в облаках цементной и каменной пыли. А те снуют изрытым берегом широкой бухты. Где ямы, где штабеля бревен и досок, где кучи щебня.

Ухают, забивая сваи, неуклюжие копры.

А люди кирками и лопатами вгрызаются в земную твердь, отвоевывая так нужные порту метры. Месят в деревянных коробах песок с цементом, выливая серую массу в формы-кубы. И солнце, кажется, тоже на стороне тружеников. Сушит своим жгучим зноем будущее основание мола.

Скрипят на волне землечерпалки, углубляя дно. И по длинной деревянной дорожке медленно тянется людской поток с тачками, груженными камнем.

Светлыми точками, своими белыми кителями с блестящими пуговицами, из серой человеческой массы выделяются мастера-распорядители. И от их громких команд все увиденное приобретает вид порядка и слаженности.

Все, что планировали, за три года выполнили. В 1894 году, когда работы близились к завершению, коммерческий порт переехал из Севастополя в Феодосию. Первым начальником назначили полковника Якова Михайловича Иванова.

Строительные работы завершились в 1895 году. В строй вступили Защитный и Широкий (Коммерческий) молы. Феодосийцы ходили возле башни Константина и спрашивали друг друга:

– А помните, не так давно здесь волны плескались?

И замеряли шагами расстояние до воды:

– Нам море уступило триста метров!

Сбылись мечты И.К. Айвазовского и тысяч его сторонников.

24 сентября 1895 года считается официальной датой открытия порта.

Крымъ Ѳеодосія

Общій видъ на портъ

Феодосийский порт - морские ворота России

Забила ключом хозяйственная жизнь в древнем городе. Отворили двери экспортные конторы и агентства пароходных компаний, банки и консульские представительства.

Феодосийский порт стал морскими воротами державы. И стали швартоваться у его причалов и российские суда, и многочисленные иностранные пароходы.

В своем письме издателю А.С. Суворину в сентябре 1898 года Иван Константинович написал: «*...Порт превосходно держится зимою с тех пор, как порт устроен. В 15, даже 20 градусов морозу ни на палец не замерзает, естественно потому, что глубже и чище вода морская... Наша Феодосия имеет больше преимуществ против Севастополя, имея уже построенный порт Феодосии на 46 верст ближе к центру России, чем Севастополь. Кроме этого, между Севастополем и Симферополем большие подъемы, поэтому поезда разделяются на две и даже на три части, чрез что не успевают подвозить хлеб, поэтому южные губернии просили дать другой порт. Эти преимущества в торговом отношении остаются за Феодосией...*».

«Ах, Илья Ефимович, какой Вы педант!»

Стал бы Айвазовский тем, кем он стал, слепо повторяя методы живописцев прошлого? Родились бы его марины – шедевры, не будь у него своей собственной, сложившейся годами, системы творческой работы?

Нет! Нет! И еще раз нет.

Не раз говорил Иван Константинович:

– Живописец, только копирующий природу, становится ее рабом, связанным по рукам и ногам. Движения живых стихий неуловимы для кисти. Писать молнию, порыв ветра, всплеск волны – немыслимо с натуры.

На склоне лет он прямо говорил:

– Я должен признаться с сожалением, что слишком рано перестал изучать природу с должною, реальною строгостью. Потому имеют место погрешности против безусловной художественной правды.

Феноменальная зрительная память и завидное воображение Айвазовского творили чудеса, но... Порой в некоторых работах он отступал от точности изображения.

Рядовые посетители выставок, разумеется, подобные неточности не замечали. Они были очарованы той искренностью, с которой художник выплескивал на полотно свой взгляд на увиденное. Его виртуозная техника перекрывала все видимые отступления от реальности.

Хотя подобное имело место не в маринах, а в работах иных жанров.

Неискушенные зрители, усмотрев погрешность в изображении, становились на сторону Маэстро:

И.К. Айвазовский.
Дорога на Гурзуф.
1878 г.

– Значит, так задумано!

– Ведь как красиво!

Однажды И.Е. Репин, рассматривая новую работу Айвазовского, встретил отступление от жизненной правды. Понимая, что это – результат импровизационного метода, стремление украсить сюжет, он все же заметил:

– Иван Константинович, а что это на картине фигуры освещены солнцем с двух сторон?

Айвазовский добродушно, с улыбкой заметил:

– Ах, Илья Ефимович, какой Вы педант!

Книжный график

Графика Айвазовского значительно обогащает и расширяет наше привычное представление о его творчестве. Не лишено интереса, что Айвазовский неоднократно привлекался к иллюстрированию книг, так что и книжная графика не была ему чужда.

Н.С. Барсамов. «Иван Константинович Айвазовский», 1950 г.

За окном галькой играла волна. И резвились быстрокрылые чайки.

С книжной полки он снял пухлый, небольшого формата томик, в добротном переплете. Вслух прочитал название:

– «Путеводитель по Крыму»… Как давно это было. На календаре уже 1892 год. И мне уже семьдесят пять.

И неожиданно улыбнулся пришедшей мысли:

– А писано-то по-французски… О Крыме да по-французски…

Провел пальцем по пожелтевшей странице:

– Монтандон… Одесса… Год одна тысяча восемьсот тридцать четвертый.

Это была не простая книга, а первый в истории Крыма туристический путеводитель.

Швейцарец К. Монтандон был из богатой одесской колонии французов. Преуспевающий коммерсант находил время не только для зарабатывания денег. Он путешествовал по Крымским горам, посещал города и селения. Не раз брался за изучение истории самых отдаленных уголков полуострова.

Его идею выпустить в 1834 году путеводитель на французском языке поддержал Воронцов. Он то и предложил Ване Гайвазовскому:

– А не испытать ли тебе себя в качестве иллюстратора?

– Я попробую, Михаил Семенович.

Так и родился первый крымский путеводитель с первым опубликованным рисунком юного живописца.

И.К. Айвазовский. Бытовая сцена. Иллюстрация из «Путеводителя по Крыму» К. Монтандона. 1834 г.

Прославленный маринист критично посмотрел на свой давний рисунок:

– Незатейливо, весьма незатейливо. Хотя композиция построена грамотно. Не зря незабвенный мой учитель добрый Кох столько времени на меня потратил.

Наморщил лоб, припоминая имя-отчество своего учителя рисования – феодосийского архитектора:

– По имени, сдается, Яков. Ну да – Яков. А по батюшке…

Несмотря на свои семь с лишком десятков прожитых лет, на память он не обижался. Прикрыл на секунду глаза и с радостью выдохнул:

– Христофорович! Точно Христофоровия! Мой учитель – Яков Христофорович Кох!

А рисунок перенес его в далекую юность. Немудреная бытовая сцена. На переднем плане – два пожилых татарина и лошадь. Чуть поодаль по широкому полю несется стадо.

А что за длинная горная вершина на заднем плане? Это ведь Узун-Сырт!

Вспомнил русский перевод:

– Ровная спина. Точно – длинная спина.

Сколько раз этот многокилометровый хребет вставал у него перед глазами. Не мало крымских красот хранила память художника.

Вспомнил книгу Караулова о славной правительнице прошлого: «Феодара, владетельница древней Сугдеи». Тираж этой книги отпечатали в Феодосийской типографии Халибовского училища. Тогда, в 1859 году для этого издания литографским способом воспроизвели два его крымских пейзажа.

Рука непроизвольно потянулась к книжной полке.

– Пальмы! – вдруг прервал свои мысли о Крыме.

Взял в руки аккуратный двухтомник:

– Это уже Синайский полуостров у Суэцкого залива. Конечно, Красное море и мертвая пустыня, высокие горы, верблюды и пальмы…

В 1850 году он нарисовал для этой книги, написанной А. Уманцем, две иллюстрации. Как нельзя лучше они украсили произведение «Поездка на Синай».

Иван Константинович всмотрелся в рисунки:

– Вот тебе налицо опыт. Семнадцать лет учебы и постоянного труда. Разве сравнить детский рисунок симферопольского гимназиста и академика? Опыт! Что уж говорить о прошлогоднем издании сочинений Михайлы Юрьевича Лермонтова!

И это было правдой. Богато иллюстрированное издание 1891 года под одной обложкой собрало вместе И.К. Айвазовского и И.Е. Репина, В.А. Серова, М.А. Врубеля и других выдающихся мастеров.

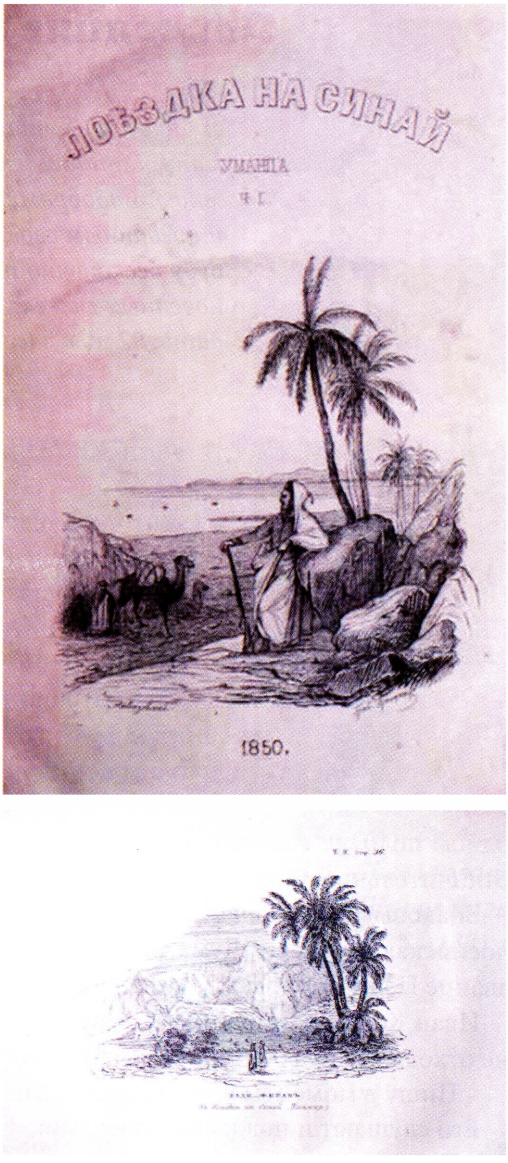
Перед началом работы он заново перечитал произведения известного поэта и остановил свой выбор на тех, которые были близки тематически и соот-

ветствовали собственной творческой манере. Так родилась иллюстрация к стихотворениям «Тамара» и «Воздушный корабль», «Парус» и «Дары Терека».

В окно долетел свежий утренний морской ветерок.

– Хорошо! – полной грудью вдохнул Иван Константинович. – И книги – хорошо! И картины – здорово!

А за окном галькой играла волна. И носились быстрокрылые чайки, приветствуя новый день.



И.К. Айвазовский.
Титульные листы I и II тома книги
А. Уманца «Поездка на Синай».
1850 г.

Последние годы жизни

Я никогда не утомляюсь, пока не добьюсь своей цели написать картину, сюжет которой возник и носится передо мною в воображении. Бог благословит меня быть бодрым и преданным своему делу… Если позволят силы, здоровье, я буду бесконечно трудиться и искать новых и новых вдохновенных сюжетов, чтобы достичь того, чего желаю создать. 82 года заставляют меня спешить.

И. Айвазовский. Из частного письма, 1899 г.

Два последних десятилетия XIX века – целая эпоха в жизни великого мариниста. Он уже немолод годами, но творческих замыслов и сил – не занимать. В 1881 году он написал одно из своих выдающихся произведений – «Черное море».

Полное величия море, покрытое облаками, изображено в серый ветреный день. На переднем плане – волны, спешащие навстречу зрителю от самого горизонта. Подчиненные только им видимому ритму, движутся они, создавая величественный строй всей композиции.

Сюжет картины внешне достаточно прост – на Черном море начинает разыгрываться буря. Анализируя новую картину, критики утверждали:

– Представленная марина говорит не только о внешнем состоянии природы. Господину Айвазовскому удалось написать нечто большее. Его гений создал на одном полотне многоликий образ Черного моря, вобравший в себя десятки его отличительных черт.

Знаковым для Ивана Константиновича вышел 1881 год. 17 июля 1881 года Феодосийская городская Дума своим Постановлением присвоила И.К. Айвазовскому звание Почетного гражданина Феодосии.

Иван Константинович, как и прежде, работает ежедневно, по несколько часов не отходя от мольберта. Знакомым признается:

– Пишу в моменты вдохновения, наития.

Его слушают и пожимают плечами:

– Почти в семьдесят лет работать ежедневно? Написать около шести тысяч картин лишь в моменты вдохновения?

Становилось понятным, что в основе его искусства лежало трезвое отношение к своему творчеству. Фундаментом его успехов был каждодневный труд.

1890-е годы в биографии Ивана Константиновича исключительно насыщены. В 1892 году он путешествует по Америке, посещает Нью-Йорк и Вашингтон, заполняет рисунками дорожный альбом и начинает тосковать по Родине. В конце 1892 года в одном из деловых писем сообщает: *«Жена ужасно тоскует, да и я тоже; пока был очень занят – не замечал, но теперь рад вернуться в Россию»*.

Зимняя выставка 1895 года в Петербурге стала 120-й его персональной выставкой.

И.К. Айвазовский.
Чёрное море.
1881 г.

21 - Zak-0087-88

– Крым! Смотрите, снова Крым!

– А здесь – виды Феодосии!

– Как прелестно! – делились впечатлениями посетители.

В сентябре 1897 года Феодосия преобразилась. Город, украшенный фрагами, светился разноцветными гирляндами. Сотни презжих восклицали:

– Поздравляем Ивана Константиновича с шестидесятилетием творческой деятельности!

Сказочный праздник удался на славу. Хор гимназистов, в сопровождении собственного оркестра, пел «Многая лета». В галерее не затихал карнавал с танцами народов Европы и Азии. В роскошном концерте выступали приезжие музыкальные и оперные знаменитости. Депутации от разных городов, учреждений и ведомств зачитывали приветствия.

Военные моряки огласили поздравительный адрес:

– Глубокоуважаемый Иван Константинович! В торжественный день исполнившегося шестидесятилетия Вашей славной художественной деятельности наш флот и морское ведомство с особым удовольствием присоединяются к многочисленным поздравлениям, которыми приветствуют Вас Ваши почитатели. Творческая кисть Ваша воспроизводила с неподражаемой художественностью и правдивостью события из истории нашего флота и ту стихию, которой посвящены труды и жизнь моряков, почему им по преимуществу дороги высокоталантливые плоды Вашей деятельности. Морское ведомство, которое гордится иметь Вас в своих списках, флот, который сохранит навсегда в своих преданиях воспоминания о совершенных Вами в самом начале Вашего продолжительного служения искусству плаваниях на наших военных судах, искренно и горячо приветствуют Вас в этот знаменатыльный для Вас и для русского искусства день!

А сколько фантазии и юмора в названиях блюд в «*Меню общественного обеда Ивану Константиновичу Айвазовскому 26 сентября 1897 года:*

1. Суп «Черное море»

Пирожки «Хаос»

Борщок «Средиземное море»

2. Осетрина «Посейдон»

Соус «Азовское море»

3. Филе «Синоп»

Соус «Наварин» и «Ниагара»

3. Зелень «Капри»: спаржа брюссельская, артишоки, арико и пр.

4. Пунш «Везувий»

5. Жаркия «От штиля до урагана»

а)рябчики

б)тетерева

с)каплуны

д)куропатки

Салат».

И.К. Айвазовский.
Корабли на Феодосийском рейде.
Чествование Айвазовского по случаю его 80-летия. 1897 г.

Стих шум праздника, и Иван Константинович привычно продолжает работу. Ему идет восемьдесят первый год. Он в 1898 году создает одну из своих лучших работ «Среди волн». Он пишет бурю в открытом море. Огромное полотно условно разделено на две неравные части. Вверху – узкая полоса грозового неба. Низко над водой мчатся тучи. Все остальное пространство – бушующее море. Оно наступает на нас от самого горизонта, и, наконец, разрастается до огромных размеров. Но грозная морская стихия не производит мрачного впечатления. Художник дает луч солнечного света, который, рассекая полотно, вызывает ощущение мажорности и прекрасное состояние взволнованности.

Представим старого художника, стоящего на высоких подмостках. Как он свободно и смело создает образ, полный живого движения. А ведь и правда – он, как в годы молодости, полон творческих сил.

Потрясающе!

Осенью 1899 года Иван Константинович решает:

– Отдохну!

1 ноября сообщает о своих намерениях: *«В нынешнюю зиму я не намерен устраивать выставки ни в Петербурге, ни в Москве: надо же, чтобы публика отдохнула от моих картин, но если бог благословит меня еще быть таким бодрым и преданным своему делу, то надеюсь через год представить моим почитателям все мои произведения».*

Но повеяло теплом, и Маэстро с Анной Никитичной решают:

– В столицу!

– В Санкт-Петербург!

В ту пору в городе на Неве распахнуты двери двух десятков выставок. Супруги, что интересно, не пропустили ни одной.

Знакомые спрашивали:

– С какими новостями прибыли, Иван Константинович?

– Да какие у меня могут быть особенные новости? Пишу без устали. Все по-прежнему. С декабря написал четыре новые большие картины. Две привез с собой. Думаю их представить на суд петербуржцев. Покажу, что не перестал работать

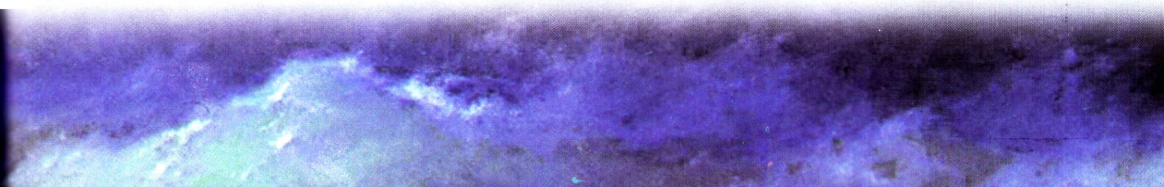
Никто не мог предположить тогда, что это будет его прощальная выставка. Разместилась она на Фонтанке, на втором этаже дома графа Олсуфьева.

Когда повесили привычную табличку: «Плата за вход на выставку», недовольно поморщился. А посетителям сказал:

– Я вовсе не думаю о сборе двугривенных. Весь сбор отдам бедным.

Через месяц он простился с северной публикой. Навсегда простился.

И.К. Айвазовский.
Среди волн.
1898 г.



«У тебя большое будущее, Вардгес!»

Большой интерес представляют работы Суренянца, отражающие крымскую тематику, и особенно его иллюстрации к поэме А. Пушкина «Бахчисарайский фонтан», которая была издана в Москве в 1899 году. Работу эту он посвятил И.К. Айвазовскому.

В основе творческого наследия В. Суренянца – живописные полотна, связанные с жизнью и историей армянского народа, отразившие трагедию армянского народа, геноцид армян в султанской Турции в 90-х годах XIX столетия.

Татьяна Барская.
«Армянская церковь в Ялте».

Говорят, все в жизни повторяется. Верно говорят.

В детстве на талантливого феодосийского мальчика Ованеса Гайвазовского обратили внимание. Архитектор Кох дал первые уроки рисования. Градоначальник Казначеев подарил краски и поддержал юное дарование.

И мир увидел великого мариниста Ивана Константиновича Айвазовского.

Прошло пятьдесят лет.

Увлечение рисованием симферопольского мальчика Вардгеса чем мог поддерживал отец-священник. Детские рисунки маленького художника удивили Айвазовского, и он подарил ему краски.

И мир увидел художника-классика, основоположника жанра армянской исторической живописи Вардгеса Акоповича Суренянца.

Говорят, все в жизни повторяется. Верно говорят.

* * *

На берегу моря – двое. Немолодой уже художник и мальчик. Мужчина в задумчивости медленно идет берегом. Чуть поотстал его спутник. Он внимательно вслушивается, как урчат, перекатываясь, мокрые камни. А набежавшая волна раз за разом бросает в сторону путников свои блестящие брызги.

Но что это?

Мальчик останавливается. Ему кажется, или немолодой художник вправду беседует с морем? Вот и сейчас чуть слышно зовет его по имени:

– Мо-ре… Мо-ре…

Оно откликается, норовя выставить напоказ свое звонкое р-р-р:

– Мас-тер-р-р… Мас-тер-р-р…

Мальчик вскидывает голову. Улыбается немолодому художнику и вступает в игру. Тихо-тихо называет себя:

– Ва-рд-гес… Ва-рд-гес…

Наклоняется к волне. А та повторяет, делает ударение на полюбившемся «р»:

– Ва-р-р-рд-гес… Ва-р-р-рд-гес…

Или это ему послышалось? А может быть, это было всего лишь эхо?

Да и был ли он – разговор художника с морем? А если был? Выходит, он вправду услышал беседу старых друзей?

Все сходится. Дом художника стоит на самом берегу. Говорят, что каждый день Мастер бродит у кромки воды.

Значит, они друзья?

Может быть, именно поэтому на холстах Мастера такое красивое и разное, такое пленительное море. Когда грозное, когда тихое. Но всегда обворожительное и манящее.

Там, где родился Вардгес, в местечке Ахалцихе на юге Грузии, моря не было. И в Симферополе, куда недавно переехала семья, моря не было тоже.

Зато здесь, в Феодосии, оно было везде. Смотришь – не насмотришься.

Оно уходило далеко. Так далеко, что, даже если взобраться на черепичную кровлю соседского дома, конца все равно не видно.

Мальчик смотрит на немолодого мужчину с бакенбардами. Он хочет что-то спросить. Но мужчина занят своими мыслями. Или он думает о мальчике?

А море рычит глухим голосом мокрых камней:

– Ва-р-р-д-гес… Ва-р-р-д-гес…

Мальчик понимает, что разговору еще не время. Уже не пытается заглянуть своими пронзительно черными глазами в лицо художнику.

Солнце медленно прячется за пологий мыс, который своим носом зарывается в темные волны.

По берегу молча и медленно идут двое. Художнику – пятьдесят. Мальчику – семь.

О чем думают эти двое? О чем?

Их разделяет возраст – целая жизнь.

Их объединяет талант.

Только мальчик об этом не знает.

Может быть в эти минуты немолодой художник вспоминает свое детство?

Вот он задумался:

– Сколько тогда мне было? Семь?.. Восемь?..

Посмотрел на худенького чернявого мальчишку с такими выразительными глазами:

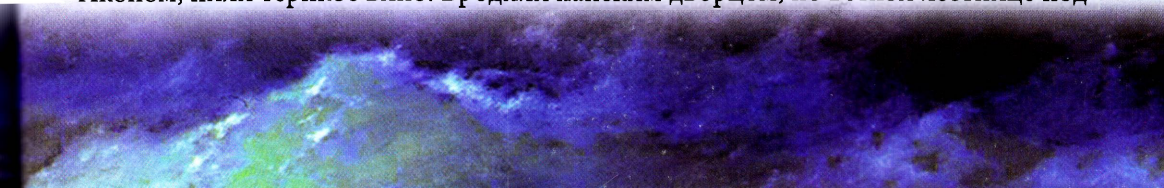
– В детстве я был таким же. В детстве мне повезло…

А ведь правда, не заметь его рисунков городской архитектор, не поддержи градоначальник, неизвестно, кто бы из него вышел.

Художник смотрел на мальчишку. Тому не терпится поговорить. Хочет услышать отзыв о своих рисунках.

А художник молчит, думает про себя: «Ну, Вардгес! Ну, быстрая рука! Когда только успел столько нарисовать?»

Лишь вчера веселая компания катила в Бахчисарай. Только вчера с его отцом, Акопом, пили терпкое вино. Бродили ханским дворцом, по ветхой лестнице под-



нимались в развалины гарема. Рассматривали надписи на ханском кладбище. И он рассказывал грустную историю о влюбленном хане.

Тогда все удивились, как Мастер на память читал Пушкина:

– В Тавриду возвратился хан
И, в память горестной Марии,
Воздвигнул мраморный фонтан,
В углу дворца уединенный...
Младые девы в той стране
Преданье старины узнали
И мрачный памятник они
Фонтаном слез именовали.

А маленький Вардгес будто прирос к знаменитому фонтану. Все смотрел и смотрел…

По-настоящему мальчик удивил художника на следующий день. Он робко протянул несколько листов:

– Дядя Ованес, это я нарисовал.

Художник ничего сразу не сказал. Он был несказанно удивлен.

И вот они вдвоем на берегу. Немолодой художник и мальчик.

О чем они говорили?

У мальчика был один-единственный вопрос. Но самый важный для него:

– Вам понравилось?

Долгим был разговор. Оттого ли, что художник привык подолгу быть на берегу? Или оттого, что сердцем понимал важность этой встречи для подающего виды юного дарования?

Тогда Мастер сказал, что подсказывало сердце:

– Ты будешь художником. У тебя большое будущее, Вардгес!

В Симферополь мальчик возвращался с бесценным подарком. Это были краски и кисти. Подарок самого Ивана Константиновича Айвазовского!

Первые краски в его жизни!

Шел 1867 год.

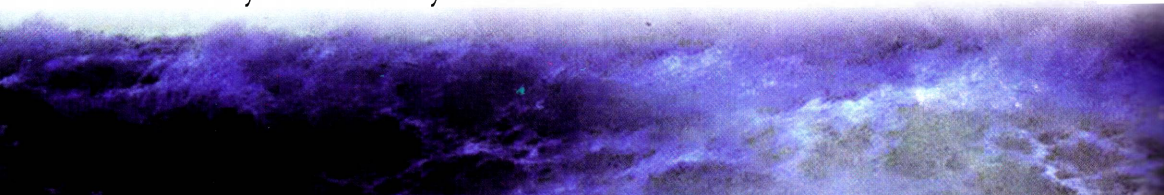
* * *

– Посади деревце. С любовью посади. Расти его, окучивай. Зацветет оно – радуйся. Не ленись, поливай. И только с любовью. Подарит тогда дерево плоды. И станет ясно, что только любовь и забота дают достойный результат, – так говорят старые армяне.

Так вышло в жизни Вардгеса, что с детства окружали его люди заботливые.

Священник симферопольской армянской церкви Акоп Суренянц на домашние занятия с сыном времени не жалел.

Потом хлопотал и собирал деньги. Немалая сумма требовалась для отправки десятилетнего Вардгеса на учебу в гимназический класс Лазаревской семинарии в Москве. Затем учеба в институте восточных языков.



Айвазовскому сообщили как-то:

– Педагогический совет института заметил одаренного студента и… дал рекомендацию для поступления на архитектурный факультет Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

– Что я говорил! У юноши большая будущность как у художника! – радовался великий маринист.

Счастливо складывалась жизнь молодого художника. Образование он закончил в Германии. Там получил диплом Мюнхенской Академии художеств.

Пять лет, проведенных за границей, обогатили его бесценным опытом.

Природные способности в сочетании с блестящим образованием превратили его в интеллигента европейской модели.

И тут он осознал свое истинное предназначение. Вардгес понял свою уникальную миссию в пространстве армянской национальной культуры.

Он пришел к выводу: «Основой моего творчества обязана стать тема Армении и ее драматическая история».

Скрупулезно изучены сотни томов по истории Родины. Знания сформировали в художнике понимание путеводной темы в творчестве.

Он постоянно расширял свой кругозор. С этой целью путешествовал по Италии, Персии, Армении, Франции, Испании. Подолгу жил в Москве и Петербурге, где его звали на русский манер: Вардес Яковлевич.

Писатели утверждают: «Ни дня без строчки». Вардгес Суренянц каждый прожитый день старался перенести на холст или бумагу.

Каков итог?

Вардгес Суренянц за работой.

Сотни талантливых, исполненных в собственной манере, произведений.

Это ему армянское искусство обязано созданием целого жанра – исторической живописи.

Его кисти принадлежат полотна, с которых смотрят на зрителя древняя столица Ани и Эчмиадзинский собор, реконструированные исторические события и памятники древней армянской архитектуры. О нем по праву говорят:

– Он воссоздал вехи национальной истории! Вот кто истинный патриот Армении!

А это слова самого Суренянца: *«Каждый художник дорожит своей манерой и только ей обязан своим самостоятельным положением среди своих товарищей по искусству»*.

Он работает много и увлеченно. Даже тогда, когда в 1890 году на два года становится преподавателем живописи и истории искусств в Эчмиадзинской семинарии.

После открытия в Феодосии картинной галереи он несколько раз приезжает в гости к Айвазовскому.

Не мог промолчать патриот после погромов и резни армян в Турции в 1894-1895 годах. Итог – живописные полотна «Попранная святыня», «После резни»...

И снова восточная тема. Год 1896-й. На 24-й выставке Товарищества передвижных художников сенсация! Это работа «Юный Газиф воспевает розы Муселлы молодым ширазкам».

– Картина поражает оригинальностью, склонностью художника к едва уловимой тонкости деталей, – отмечал Илья Репин.

А еще Вардгес Суренянц создал великолепные книжные иллюстрации. Сорок литературных произведений украшают его работы. Среди них «Армянские народные сказки», «Восточные песни» А. Спендиарова, повесть Л. Толстого «Хаджи-Мурат», сказка М. Лермонтова «Ашик-Кериб».

А однажды...

Однажды Вардгес Акопович решил сделать подарок двум великим людям. Своему любимому художнику Ованесу Айвазовскому. И поэту Александру Пушкину на его столетний юбилей.

Достойным людям и подарок должен быть достойным. Что это будет? Конечно же, иллюстрации к «Бахчисарайскому фонтану».

За три с лишним года до празднования пушкинского юбилея началась кропотливая работа. Нашлись письма Александра Сергеевича. В одном он писал: *«Я прежде слыхал о странном памятнике влюбленного хана. Раевская поэтически описала мне его...»* В другом были такие строки: *«Я суеверно перекладывал в стихи рассказ молодой женщины»*.

Оказывается, первые наброски задуманной работы в черновом варианте появились уже в 1821 году. Через год поэма окончена и отправлена издателю в Москву, где и увидела свет в 1824 году.

Суренянц нашел и первое, и второе издание «Бахчисарайского фонтана» за 1827 год. Его интересовали, конечно же, иллюстрации.

– Изящны! Видно руку профессионала. Хотя всего четыре гравюры, но художник Галактионов постарался. Хотя… – рассуждал Суренянц, изучая работы известного графика.

– А что мы видим во французском издании? Литографии Шопена гармоничны и плавны. Хотя.., – не успокаивался Вардгес Акопович.

Он отыскивал поэму с иллюстрациями других художников:

– Не то! И это тоже не то! И образы, казалось бы, пластичны. И прекрасно передана игра света и тени. А где характеры? Где тонкий восточный колорит? Где бурлящая внутренняя жизнь? Где, наконец, особенности традиций Востока?

Он вспоминал себя семилетним мальчишкой, застывшим у Фонтана слез.

В деталях припоминал археологическую экспедицию в Персию. Тогда, взрослым взглядом двадцатипятилетнего исследователя, он наблюдал жизнь восточных женщин. Пытался постичь нравы и быт гарема.

Работе над будущей книгой помогал весь предшествующий опыт. Даже знание девяти европейских и восточных языков поставил на службу не отпускавшему ни на миг «Бахчисарайскому фонтану».

В путешествии по Испании в 1897 году изучает мавританскую архитектуру. С целью самообразования? Отчасти. В тот период полученная информация пришлась к месту при зарисовках архитектурных элементов ханского дворца.

Обложка поэмы А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». Художник В.А. Суренянц

Своему другу поэту Александру Цатуряну, который жил в Ялте, сообщил:

– Еду на место. Нужно в Бахчисарае тщательно изучить дворец. Послушать были и легенды. Ведь кто-то же придумал историю о влюбленном хане.

Целых три месяца художник прожил в Бахчисарае. Когда собрался уезжать, пришел попрощаться с фонтаном.

Стоял теплый сентябрьский день. В такой же погожий день 6 сентября 1820 года на этом месте стоял Пушкин. Тогда он оставил на белом мраморе две алые розы. И свет увидел бессмертную поэму о великой любви.

Вардгес Акопович наклонился к колючему кусту.

Вот они – пышные алые цветы. Сорвал два из них. Постоял минуту и опустил на мраморный постамент.

Как много лет тому, капала, точно слезы, вода в Фонтане. Грустно стекали капли.

Только не было грусти в сердце художника. Он знал, что сумеет воплотить задуманное. Он верил, что перенесет на бумагу пушкинский замысел.

Так будет!

* * *

Иван Константинович развернул роскошное издание. Вслух прочел:

– «Бахчисарайский фонтан». Издание книжного магазина Гросман и Кнебель. 1899 год.

Мастер бережно, страница за страницей, медленно перелистывал книгу. Он не торопился.

И снова прочел вслух:

– Профессору Ивану Константиновичу Айвазовскому иллюстрации в этом издании с глубочайшим уважением посвящает Вардгес Суренянц.

Посмотрел с благодарностью на собеседника:

– Спасибо, милый… А фронтиспис хорош. Думается, благодаря тоскующей Зареме… И хан Гирей колоритен, да…

Вдруг Айвазовский громко засмеялся:

– Ай, Вардгес! Поймал характер! Смотрите! Все смотрите! Вот вам самая важная персона – его величество евнух. А штанишки, а животик! Ай, хорошо!

Иван Константинович своим профессиональным взглядом оценил громадную выполненную работу:

– Молодец, что поработал над заставками. Постраничные элементы наш брат художник не особо любит. Мол, безделица. Им все размах подавай. Что не рисунок, то в полосу набора. А у тебя концовки аккурат по тексту. А как суть уловил. Это же драма, вечный треугольник: Гирей, Зарема и Мария. Сколько любовной страсти у Заремы. А твоя Мария бесподобна. Как ты ее точно изобразил. Вот оно – воплощение духа и внутренней красоты. На свою беду заточил Гирей польскую княжну в гареме. С Марией туда пришла святость… Молодец, Вардгес.

Потом неожиданно попросил:

– Что я все говорю да говорю? Расскажи, милый, как работалось?

И он стал говорить. Ободренный похвалой Мастера, Суренянц вспоминал события последних лет. И сомнения: хватит ли мастерства и глубинного понимания темы для выполнения замысла? Соединятся ли под одной обложкой три национальные культуры? Во-первых, неповторимый образец русской словесности, гениальное произведение Пушкина. Во-вторых, быт, мусульманские традиции и нравы средневекового Крымского ханства. В-третьих, высокое искусство армянской книжной графики, уходящее корнями в далекое прошлое.

Иван Константинович положил руку ему на плечо. И сказал всего несколько слов:

– Ты стал художником, Вардгес. Настоящим художником.

А у него перед глазами проплывал Симферополь, поездка в Бахчисарай, первые неумелые рисунки и коробка красок в подарок.

Он хотел спросить: «А помните? Вы еще сказали…»

Но не спросил. Не потому, что не нашел нужных слов. Подумал, что старый Мастер, возможно, и не помнил тех давних слов.

Он только произнес:

– У меня вышло, дядя Ованес!

* * *

Прошло всего несколько месяцев.

Проводили в последний путь Мастера.

Но жизнь продолжается.

Вардгес Суренянц активно работает как живописец. Создает полотна, связанные с жизнью и историей армянского народа. Среди них «Покинутая», «Церковь Святой Рипсиме близ Эчмиадзина», «Семирамида у тела Ара Прекрасного» и десятки других. Самой известной его картиной стала «Саломея».

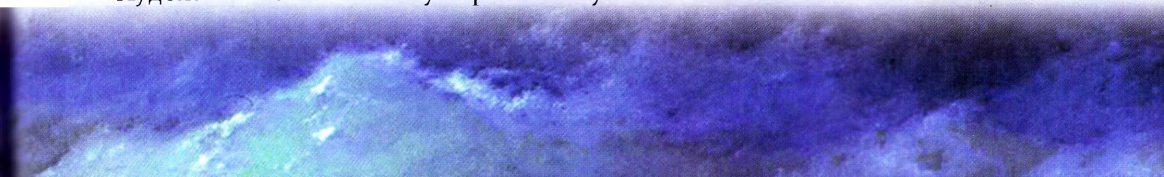
Как переводчик, он стал известен переводами с английского на армянский Шекспира и Уайльда, с немецкого – Гете.

Будучи великолепным театральным художником, оформляет в Императорском Мариинском театре балет Адана «Корсар», оперы «Зигфрид» Вагнера и «Демон» Рубинштейна. Сотрудничает со Станиславским и Спендиаровым.

Жизнь этого многогранно одаренного человека закончилась драматично. Несколько лет он разрабатывал эскизы постройки, орнаментов, внутреннего убранства армянской церкви в Ялте. Ее сооружение началось в 1909 году под руководством архитектора Габриэла Тер-Микеляна. Средства выделил нефтепромышленник Погос Тер-Гукасян в память о рано ушедшей из жизни дочери Рипсиме. Такое же имя носила одна из святых дев раннего христианства. Храм не случайно назвали церковью Святой Рипсиме.

Надежды Суренянца на получение оговоренной платы за выполненные работы не оправдались.

Художник попал в полную финансовую зависимость от заказчика.



В подготовленные эскизы богач постоянно вносил изменения. Так продолжалось несколько лет.

В письме брату Арташесу в 1913 году Суренянц писал: «*Настроение Гукасова зависит от снижения и повышения акции и особенно от подагры его больной ноги... Если скажу, что у меня кровоточит сердце, то это должно быть понято в прямом смысле... Этот большой и выгодный церковный заказ в конце концов доведет меня до крайней нищеты и отчаяния...*»

Предположение оказалось пророческим.

В 1917 году работы над эскизами были завершены. Вместе с художником Тарагросом Суренянц приступает к росписи церкви.

Заказчик в это время эмигрирует во Францию.

Зимой 1918 года паралич приковывает живописца к постели. И только страстное желание завершить начатое придает силы.

Помехой не стала ни немецкая оккупация, ни приход Антанты, Деникина, Врангеля.

Была возможность эмигрировать, но он отвечал категорическим отказом.

Холодная комната в нижнем этаже соседнего с церковью дома, голод и одиночество не останавливали. Он, собрав последние силы, расписывал купол. Начал расписывать стены. Не успел...

До последнего дня он охранял свое детище.

Умер художник 6 апреля 1921 года. Его похоронили у церковной стены.

Прошли годы. В 1993 году церковь Святой Рипсиме принял отец Иеремия Макиян, освятивший храм. Благодаря его заботе, участию и материальной поддержке Ялтинской армянской общины началась реконструкция храма.

* * *

На берегу моря – художник. В Ялте его хорошо знают. Это – Александр Михальянц.

Он медленно идет берегом. А в уме – будущая работа.

– Я смогу! Я сделаю это!

И садится за мольберт. И кисть выводит «Богоматерь с младенцем».

Перед глазами – картина Вердгеса Суренянца. Мазок за мазком. Оживает давняя тема.

– Я смогу! Я сделаю это!

Год 1994-й.

Рождается копия картины известного мастера.

Она написана в память о нем. Как память о его вкладе в оформление церкви.

Год 2007-й.

Резцы под твердой рукой мастера выводят орнамент. Один... еще один...

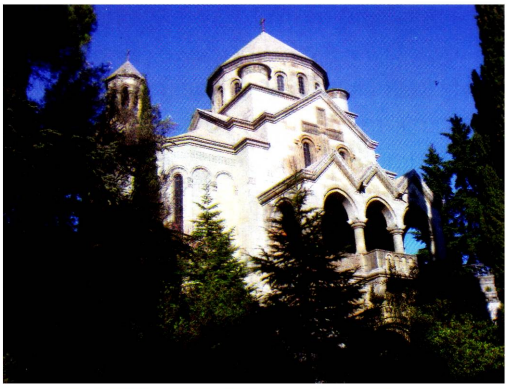
Орнамент резной двери не случаен. Он традиционен. Он отвечает духу и стилю архитектурно-декоративного решения церкви. Много лет назад его в деталях разработал Суренянц.

В том же 2007 году художник Ашот Нерсесян успешно выполнил роспись церкви, которую не успел сделать Суренянц.

Благо, чудом сохранились эскизы Вардгеса Акоповича.

И звучит орган. В эти минуты искусство армянских зодчих и художников сливается с мастерством музыкантов.

И на могилу выдающегося художника ложатся цветы. Как дань памяти. Как благодарность патриоту, большое художественное будущее которому предрек великий Ованес Айвазовский.



Ялта. Церковь святой Рипсимэ и могила В.А. Суренянца.

«Взрыв турецкого корабля»

Четырнадцать морей и три океана омывают берега нашей Родины. Айвазовский первый в русской живописи изобразил беспредельность морских границ России, показал флот, защищающий и охраняющий наши морские рубежи, первым в живописи показал Россию, как могучую морскую державу. Картина, работу над которой Айвазовский начал в день смерти, изображает боевой эпизод – «Взрав турецкого корабля». Эта последняя, неоконченная картина, еще раз знаменует глубокую связь искусства Айвазовского с жизнью русского Военно-Морского флота

Н.С. Барсамов. Иван Константинович Айвазовский, 1950 г.

Весеннее утро 19 апреля 1900 года выдалось теплым и безветренным. На мольберте в мастерской – подготовленный холст. Один за другим появляются фрагменты давно задуманной картины. Это – эпизод греко-турецкой войны. Греческим повстанцам удалось взорвать мощный турецкий корабль, а самим благополучно скрыться. Охваченный пламенем трехпалубный линкор изображен в

момент страшного взрыва. Справа на переднем плане угадывается силуэт лодки. Она удаляется от гибнущего судна.

На заднем плане – горная часть острова с невысокими зданиями на берегу.

Художник отходит от полотна на шаг-другой:

– Удачно… Да-с, весьма удачно выписаны последствия взрыва крюйт-камеры. Эк верхний дек разнесло!

Он тяжело садится на стул, смотрит в окно:

– Устал… До прихода гостей успеть бы… Или передохнуть?

Отворяется дверь мастерской и к нему с улыбкой неспешно приближается Анна Никитична:

– Никак притомились? Отдохнуть бы.

– Дорогая, как всегда соизволили прочесть мои мысли.

Он кладет в сторону кисти, вытирает, испачканные краской руки, а жена вся светится радостью весеннего утра.

Ну как тут усидеть в доме, когда за окном такая прелесть.

Анна Никитична останавливает взгляд на свежих краска полотна:

– Волнительно… Как волнительно…

– Часа эдак за два-три завершу. А сейчас – променад. Пойду переоденусь.

И он быстрым шагом выходит из мастерской.

Им улыбалось море и розовым цветом радовал глаз цветущий миндаль. А вернувшись домой, работу Иван Константинович решил завершить будущим утром.

Не довелось.

«… Он, сидя в кресле, почувствовал себя плохо и едва успел позвонить. Он умер мгновенно, без страданий. Его смерть была неожиданной».

Такими словами разнесли страшную весть телеграммы.

А на мольберте одиноко стояла незавершенная картина.

Жизнь продолжается

Утром 22 апреля 1900 года в Большом зале картинной галереи феодосийцы прощались с Айвазовским.

После этого состоялся вынос тела усопшего и погребение в ограде феодосийской армянской церкви святого Сергия.

В 1901 году на могиле установили памятник в виде саркофага, работы итальянского скульптора Биоджолли. На одной стороне памятника – надпись на русском языке: «Профессор Иван Константинович Айвазовский, 1817 – 1900». На другой стороне – на армянском языке: «Рожденный смертным, оставил по себе бессмертную память».

25 июля 1944 года в возрасте восьмидесяти восьми лет скончалась Анна Никитична Айвазовская. По завещанию ее похоронили в усыпальнице мужа. О

И.К. Айвазовский
Взрыв турецкого корабля.
1900 г.

22 - Zak-0087-88

подробностях тех дней рассказал Юрий Федорович Коломийченко, работавший в тогда главным архитектором города: *«Мне в ту пору было поручено вскрыть подземный склеп, где похоронен И.К. Айвазовский. Но где же вход? Решаем начать поиск у калитки чугунной ограды надгробия. Удаляем ступени и вдоль каменной кладки стены углубляемся в землю. На значительной глубине обнаруживаем широкий дверной проем, заложенный штучным камнем на прочном растворе. Разбираем осторожно кладку, и перед нами открывается сводчатый склеп из тесаных блоков камня-песчаника. В помещении сухо. В первой его части на постаменте установлен цинковый гроб с останками художника. На крышке лежит темно-синяя парадная шляпа-треуголка, окантованная кожей и отороченная золотистой бахромой. Рядом – кортик на кожаном пояске. Этих атрибутов офицера русского военно-морского флота был удостоен великий художник-маринист, прославивший своими картинами отвагу и героизм русских моряков. Гроб Анны Никитичны был установлен в правой части склепа».*

Одной из достопримечательностей Феодосии давно стал памятник Маэстро у картинной галереи, работы скульптора И.Я. Гинцбурга. Отлили статую в Петербурге в 1914 году, а открытие решили приурочить к 1917 году – столетию со дня рождения художника. Но грянула революция и открытие памятника отложили. Состоялось оно лишь 2 мая 1930 года. Торжества приурочили к 50-летию основания картинной галереи. Можно только представить сколько организационных хлопот, связанных с открытием первого в России памятника Айвазовскому, взял на свои плечи директор галереи Николай Степанович Барсамов. Перевезти памятник из Ленинграда, где он хранился в подвале Академии художеств. Согласовать и утвердить одно из трех мест установки. А кто изготовит постамент? За это непростое дело взялся опытный феодосийский мастер-мраморщик Фока Яни. На каменоломне под Лысой горой он нарубил, и там же на месте, обтесал массивные блоки.

Так и красуется с той поры на проспекте Айвазовского красавец-памятник, запечатлевший великого мариниста с палитрой и кистью в руках. Взгляд его устремлен на море. На пьедестале – мемориальная доска, на которой всего два слова: «Феодосия – Айвазовскому».

Много лет картинной галереей руководил известный искусствовед и самобытный живописец, неутомимый популяризатор творчества мариниста Н.С. Барсамов. В моем домашнем архиве хранится вырезка из городской газеты «Победа» от 1 декабря 1982 года. Статья «Художник, искусствовед, писатель» подписана просто: «Т. Гайдук, научный сотрудник картинной галереи имени И.К. Айвазовского».

Сегодня Татьяна Викторовна Гайдук возглавляет большой и дружный коллектив галереи, а 35 лет назад она писала: *«В течение сорока лет Н.С. Барсамов бессменно возглавлял Феодосийскую картинную галерею. За это время в доме Айвазовского был создан единственный в своем роде музей маринистической живописи, располагающий уникальнейшими коллекциями работ И.К. Айвазовского,*

А.И. Фесслера, Л.Ф. Лагорио, К.Ф. Богаевского, М.П. Латри, М.А. Волошина. Кропотливый собиратель, популяризатор творчества великого мариниста, Николай Степанович спас коллекцию в грозные годы Великой Отечественной войны, за что был удостоен звания почетного гражданина Феодосии.

Серьезно занимался Н.С. Барсамов и литературной работой. Он стал автором многочисленных трудов по истории русской маринистической живописи, наиболее полно изучил жизнь и творчество И.К. Айвазовского, о многих русских маринистах написал впервые. Многолетняя деятельность Николая Степановича определяла стремление дарить окружающим радость общения с искусством. Вероятно, поэтому таким важным он считал сам процесс приобщения к миру прекрасного и, несмотря на свою занятость, так много времени отдавал работе с учениками. Сразу после окончания гражданской войны при картинной галерее была организована студия, из стен которой вышли такие художники, как В.А. Шепель, П.К. Столяренко, А.И. Лейн, Н.А. Шорин, С.Г. Мамчич. В 1952 году студия переросла в детскую художественную школу».

Сегодня Феодосийская картинная галерея обладает крупнейшей в мире коллекция произведений И.К. Айвазовского – 417 работ. Собрание галереи насчитывает 11 тысяч уникальных экспонатов.

Как писал в свое время Н.С. Барсамов: *«Картины Айвазовского рассеяны буквально по всему свету. Они имеются в России, во всех странах Европы, в Китае, Индии, Японии, в странах Америки».*

Могила И.К. Айвазовского и его супруги в ограде церкви святого Сергия.

Памятник великому маринисту.

Когда некоторые мои знакомые, живущие в разных городах и странах, узнали, что я пишу книгу об Айвазовском, стали делиться информацией. Из Казахстана пришло письмо от Олега Михайловича Рагозина. Вот несколько строк из него: *«На днях пошли с женой Людмилой в наш художественный музей. Пришли, а там – картина «Море». Хоть и небольшая, а точно глоток крымского воздуха. Мы смотрим, и вспоминаем Феодосию, набережную. Расстояние между нашими городами – несколько тысяч километров, и встречи с морем в Алматы никак не ждешь. А видишь, как выходит – Айвазовского здесь знают. Какая все-таки земля маленькая, или это Айвазовский большой? Вон сколько написал, что и до Казахстана картины дошли. А фотографию «Моря» высылаю. На снимке не видно, но там справа внизу надпись: «Айвазовскій. 1881». Научная сотрудница музея Г.Н. Сырлыбаева рассказала, что картина к нам поступила в 1957 году из Государственной закупочной комиссии».*

Так и появилась в этой книге фотография из далекого Казахстана.

* * *

Как рождалась эта книга? Думаю, что она вряд ли появилась бы на свет, не будь я феодосийцем. А первым толчком к началу работы стала встреча осенью 1998 года с Таисией Сергеевной Трубняковой, которая в те годы работала директором галереи. В октябре за создание серии книг «История Крыма для детей. Были, легенды и сказки» решением Совета министров Крыма я был награжден Премией Автономной Республики. Таисия Сергеевна стала первым человеком, который в Феодосии поздравил меня с этой наградой. Тогда же она предложила в выставочном зале галереи открыть выставку моих книг и книжных иллюстраций к ним, созданных художниками киевского издательства детской литературы «Веселка» – «Радуга». А в большом зале сотрудники галереи организовали праздник и мне вручили нагрудный знак «Лауреат Государственной премии Автономной Республики Крым». Запомнились слова из выступления Таисии Сергеевны, сказанные в тот день: «Ждем от нашего писателя книгу об Айвазовском».

Потом в моей жизни будут другие награды и другие выставки, но в памяти осталась та, первая, местом проведения которой стал Дом Айвазовского.

И пожелание написать книгу о великом маринисте тоже осталось в памяти. Постепенно стали собираться материалы для будущей работы. Запомнилась поездка в Ивано-Франковск, бывший Станиславов, где в 1765 году родился отец художника Каетан Гайваз (Константин Григорьевич Гайвазовский). В местных художественном и краеведческом музеях научные сотрудники подтвердили, что в их городе родился отец художника. Однако ни в фондах этих музеев, ни в областном государственном архиве, следов Каетана Гайваза или его отца Григориана обнаружить не удалось. Причина в том, что вторая половина XVIII века в истории Западной Украины связана с разделом Польши и переходом части Галичины, в том числе и Станиславова, в состав Австро-Венгрии. Архивы изоби-

луют церковными книгами различных приходов с записями о регистрации новорожденных, начиная с середины 1770-х годов. Мне же оставалось знакомиться с протоколами армянского магистрата, решениями Королевского Сейма Польши, «привилегиями купцам армянской нации» Андрея Потоцкого. Результатом двухнедельной поездки стали полтора десятка страниц рассказа «Купец Григориан из Станиславова».

Главу «Детство» писать было легко. Возможно причиной были мои детские ассоциации? Вспомнил, как в музыкальной школе занимался по классу скрипки. Как дома появилось пианино и на смену скрипке пришел новый инструмент.

Те далекие пробы освоить смычок и крошечную скрипку вспомнились, когда шла работа над новой главой. Нужно было представить процесс, как Айвазовский играл на скрипке. И я представлял. И тут же старался призабытые ассоциации перенести на бумагу.

Страничка текста, другая… Откуда-то из глубины памяти всплыли уроки теории, хор, сольфеджио.

Описывая первые детские занятия рисованием Вани Гайвазовского под руководством архитектора Якова Христофоровича Коха, вспомнил, как сам осваивал азы работы с акварельными красками в кружке изобразительного искусства Дома пионеров.

О детстве мариниста, кроме пары историй, кочующих из книги в книгу, связанных с игрой мальчика на скрипке и рисунками самоварным углем на стенах домов и заборах, нам мало что известно. А как проходила учеба Ованеса? Что входило в обязанности «мальчика» в кофейне?

Картина И.К. Айвазовского «Море» в экспозиции государственного музея искусств Республики Казахстан.

«Выставка книг и иллюстраций к произведениям Евгения Белоусова» и праздник детской книги в феодосийской картинной галерее. Ноябрь 1998 года.

С благодарностью вспоминаю помощь протоиерея, отца Иеремеи Макияна, настоятеля армянских церквей Феодосии и Ялты в раскрытии темы работы церковно- приходской школы при храме святого Саркиса (Сергия). Он же пригласил меня присутствовать на обряде крещения в этом феодосийском храме, и литургии в ялтинской церкви святой Рипсимэ.

Теплые отношения много лет связывают меня с работниками центральной городской библиотеки имени Александра Грина и Музея древностей. Хранящееся в музейной библиотеке редкое издание 1918 года «Исторический очерк феодосийского уездного училища», консультации научных сотрудников, помогли ответить на ряд вопросов, относящихся к периоду обучения Вани Гайвазовского в этом учебном заведении.

Те часы, которые сотрудники библиотеки и Музея уделили мне в период работы – их немалый вклад в эту книгу.

Работа над коротким по объему рассказом «Просьба внучки генералиссимуса Суворова» времени заняла немало, а вот документальных материалов не принесла. А история такая. В фондах нашей картинной галереи хранится ранний рисунок Айвазовского «Вид Екатеринослава». Известно, что с семейством Варвары Аркадьевны Башмаковой, внучкой А.В. Суворова, в 1833 году шестнадцатилетний Ваня ехал из Симферополя на учебу в Санкт-Петербург. По дороге начинающий художник рисовал. Во время одной из остановок и родилась эта работа. Отправляясь в Днепропетровск, бывший Екатеринослав, я надеялся на удачу. К сожалению, в областном архиве и научной библиотеке документов о пребывании будущего мариниста в городе на Днепре не оказалось. Не смогла помочь в поиске и моя бывшая сокурсница по историческому факультету Днепропетровского университета, заведующая фондами областного исторического музея Светлана Амбросимова. В музее выдающегося историка Д.И. Яворницкого ничего нового я тоже не нашел. Что ж, такова судьба писателя-исследователя.

Работа над книгой, между тем, продолжалась. Поездки… поездки. Сколько их было. Когда работа приближалась к завершению, поехал я в Алупку. Повод был более чем серьезный. В который раз перечитал «Воспоминания об И.К. Айвазовском». Автор Каратыгин писал: *«Из Феодосии в сентябре 1898 года после устроенной здесь выставки 20 новых картин, среди которых выделялось полотно «Между волн», И.К. Айвазовский отправился вместе со мною на пароходе русского общества пароходства и торговли в Ялту, на благотворительную лотерею аллегри, где появились пожертвованные им картины. В Алупке, где мы были с художником в том же году, горделиво возвышается теперь «скала Айвазовского», названная в честь знаменитого художника и в память его пребывания на Южном берегу Крыма, в Алупке Он любил забираться сюда по уступам в жаркие дни и работать здесь без устали с кистью в руках.*

На этой живописной скале, далеко выдающейся в море и обнесенной теперь железной решеткой с надписью «скала Айвазовского, им было написано много картин».

Итак, я в Алупке. День был жаркий.

– Почему не искупаться? – спрашиваю себя.

На подходе к пляжу меня обогнала ватага веселых мальчишек. И слух обрадовали слова загорелого паренька лет двенадцати:

– Я первый с «Айвазовки» прыгаю!

Через несколько минут, оставив на верхней площадке скалы шорты и бейсболки, мальчишки бросились в море.

Поднялся и я по истертым, потрескавшимся от времени ступеням. Железной решетки и таблички с надписью, правда, не обнаружил, но вид со скалы открывался сказочный.

– Представить только, здесь работал великий Айвазовский. Великий! – не удержался я от восторга.

Вслушался в шум набегающей волны и как будто услышал в ответ:

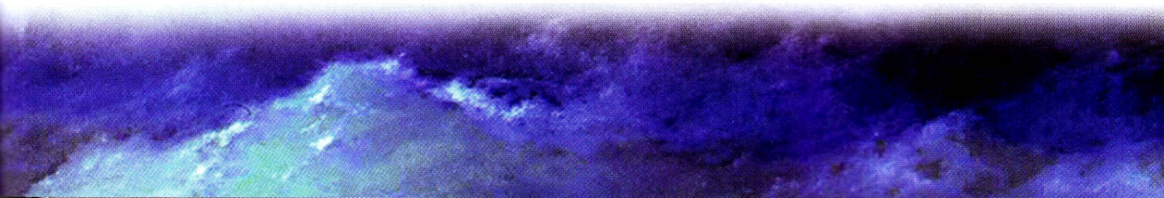
– Ве-ли-кий!

– Ай-ва-зовс-кий!

Улыбнулся я морю, и волне помахал:

– Жизнь продолжается!

Феодосийская галерея великого мариниста всегда рада гостям



Основные даты жизни и творчества И.К. Айвазовского

И.К. Айвазовский. Автопортрет. 1889г.

1817, 17 (29) июля – Иван Константинович Айвазовский (Ованес Гайвазовский) родился в Феодосии в семье обедневшего армянского торговца Константина Григорьевича Гайвазовского (Каетана Гайваза).

1825-1831 – учеба в церковно-приходской школе при армянской церкви Святого Сергия и Феодосийском уездном училище. Увлечение рисованием и игрой на скрипке. Занятия рисованием под руководством городского архитектора Коха. Знакомство с феодосийским градоначальником А.И. Казначеевым.

1829 – пишет письмо, сопровождаемое рисунком, старшему брату Габриэлу в монастырь Святого Лазаря. Рисунок «Древняя беседка готическая» – **самая ранняя из сохранившихся работ И.К. Айвазовского.**

1831-1833 – учеба в Таврической губернской казенной гимназии. Уроки рисования И.Д. Гросса.

1833-1834 – переезд в Санкт-Петербург. Начало занятий в пейзажном классе профессора М.Н. Воробьева Петербургской Императорской Академии художеств. Знакомство с А.Р. Томилиным, В.А. Жуковским, И.А. Крыловым и др. Пишет акварель «Крестьянский двор», картину «Предательство Иуды», копию с картины Щедрина «Вид Амальфи близ Неаполя» и др.

1835 – направлен Академией в помощники французскому маринисту Ф. Таннеру. За картину «Вид на взморье в окрестностях Петербурга» награжден малой золотой медалью.

1836 – участие в летнем учебном походе военных кораблей Балтийского флота по Финскому заливу, в котором принимал участие Великий князь Константин Николаевич. Участие в выставке в Академии художеств, на которой знакомится с А.С. Пушкиным.

1837 – причислен к классу батальной живописи профессора А.И. Зауервейда. Предоставление И.К. Айвазовскому собственной художественной мастерской.

1838 – Совет Академии художеств отправляет художника на натурные работы

в Крым. Поездка вместе с А.И. Казначеевым по Южному берегу Крыма.

1839 – Принял участие под руководством Н.Н. Раевского в боевых десантных операциях у Кавказских берегов.

Во время плавания на боевых кораблях Черноморского флота находился среди адмиралов М.П. Лазарева, П.С. Нахимова, В.А. Корнилова, А.И. Панфилова. За представленные картины, написанные в Крыму, «выпущен из Академии и удостоен звания художника 14-го класса».

1840-1841 – уезжает за границу в качестве «пенсионера Академии художеств для усовершенствования в живописи». Встреча с братом Габриэлом на острове святого Лазаря. Посещение художественных галерей, музеев и дворцов Вены, Рима, Болоньи, Берлина, Неаполя, Флоренции и др.

1842-1844 – посещение Генуи, Милана, Лондона, Лиссабона, Малаги, Марселя. Выставки в Париже, Лондоне, городах Европы.

1845, июль – возвращение в Россию. Награждение орденом Святой Анны 3-й степени. Возведение в звание академика. Причисление к Главному Морскому штабу России со званием живописца. Переезд в Феодосию. Участие в экспедиции адмирала Ф.П. Литке.

1846 – выставки картин в Феодосии, Берлине, Париже. Праздник в Феодосии, посвященный 10-летию творческой деятельности.

1847 – Выставка в Академии художеств. Присвоение звания профессора живописи морских видов. Возведение в дворянское звание.

1848 – женится на Юлии Яковлевне Гревс. Создает картину «Девятый вал». Выставка в Москве.

1850 – ходил в море на пароходе «Бессарабия», выполнив многочисленные зарисовки.

1851, 12 февраля – награжден орденом Святой Анны 2-й степени.

1853, 12 марта – избран действительным членом Императорского Русского Географического общества.

Весна-лето – проведение археологических раскопок в Феодосии.

1854, зима – работа над картинами на военные темы.

31 мая – открытие выставки в Севастополе.

1854, сентябрь – 1855, сентябрь – находится с семьей в Харькове.

1855, 10 января – 1 февраля – выставка картин в Харькове.

1856, Петербург, 5 марта – письмо к адмиралу Г.И. Бутакову о дарении ему картины «Бой парохода «Владимир» с «Первас-Бахри» и об отправке ее в Николаев.

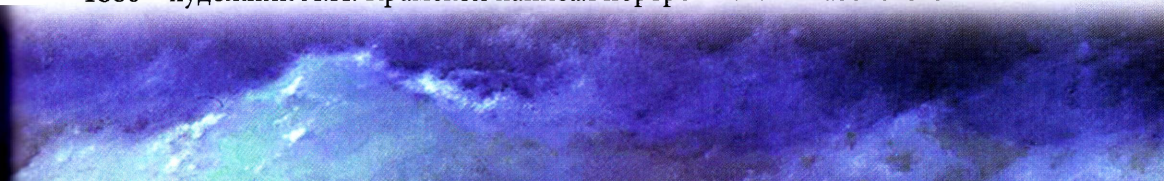
1857 –участие во Всемирной Парижской выставке.

Май – приезд вместе с братом Гавриилом в Турцию.

1858 – награжден орденом Почетного легиона (Франция).

1859, март – награжден орденом Спасения 3-й степени (Греция).

1860 – художник И.Н. Крамской написал портрет И.К. Айвазовского



1861 – начало строительства дома в Феодосии по собственному проекту.

1865 – награжден орденом Святого Владимира 3-й степени.

1866 – отправил пять картин для Всемирной Парижской выставки.

1867 – избран почетным членом Санкт-Петербургского Общества поощрения художников.

Избран почетным членом общества изящных искусств в Одессе.

1868 – путешествие на Кавказ.

1869, ноябрь – поездка в Египет в составе русской делегации. Присутствие на официальном открытии Суэцкого канала. Написал ряд картин, изображающих природу Египта.

1860-е – приобрел 12 десятин виноградников в Судакской долине. Построил дом в Судаке (разрушен в 1941 г.). Создал большое количество картин различной тематики.

1870 – присвоение И.К. Айвазовскому чина действительного статского советника.

Прошение в Эчмидзианский Синод о своем разводе с Ю.Я. Гревс.

1871 – постройка Музея древностей и часовни в память П.С. Котляревского по проекту И.К. Айвазовского и на его средства на горе Митридат в Феодосии.

1872 – объявлена Высочайшая благодарность за воздвигнутые в Феодосии Музей древностей и часовню в память генерала П.С. Котляревского. Принял участие во Всемирной выставке в Лондоне.

1874 – в Ливадии подарил императору картину, изображающую бомбардировку Севастополя. Царь передал эту картину Севастопольскому музею.

1976 – Награждение И.К. Айвазовского орденом Святого Станислава 1-й степени.

Получил медаль и диплом за картины, представленные на Всемирной выставке в Филадельфии.

1877 – получил развод с Ю.Я. Гревс по указу Эчмиадзинского Синода.

1878 – представлял свои картины Императору и Императрице в Зимнем дворце.

1879 – путешествовал по Европе. Собирал материалы о жизни Христофора Колумба.

1880, 17 июля – открытие картинной галереи в Феодосии, построенной по собственному проекту художника и на его средства.

1881, 14 января – соизволение государя императора на присвоение И.К. Айвазовскому звания почетного гражданина города Феодосии, согласно ходатайству Феодосийского городского общества и по докладу министра внутренних дел.

2 марта – принято решение городской Думы присвоить И.К. Айвазовскому звание почетного гражданина города Феодосии.

12 апреля – награжден орденом Святой Анны 1-й степени.

1882 – вступил в брак с Анной Никитичной Саркизовой (Бурназян).

1884 – поездка по Волге, от Рыбинска до Самары.

1885 – возведен в чин действительного тайного советника.

1886 – построил дом в Ялте для дочери Елены Ивановны.

1887 – письмо к П.М. Третьякову из Феодосии о создании картин на сюжет восстания греков на острове Конд. Юбилейное собрание Академии художеств в Большом конференц-зале в честь 50-летия художественной деятельности И.К. Айвазовского. На Монетном дворе в Петербурге отлита бронзовая юбилейная медаль в честь И.К. Айвазовского. Награжден орденом Святого Владимира 2-й степени. Совместная работа с И.Е. Репиным над картиной «Прощание А.С. Пушкина с Черным морем».

1888 – в имении Шейх-Мамай принимал у себя А.П. Чехова.

Провел в Феодосию водопровод из своего имения Субаш, подарив городу 50 тыс. ведер чистой родниковой воды в сутки. Построил на свои средства по собственному рисунку фонтан в центре Феодосии. Высочайшим указом от 25 августа 1888 года фонтану было присвоено имя И.К. Айвазовского.

1880-е – построил в Старом Крыму по собственному проекту и на свои средства часовню Святой Анны.

1890 – награждение И.К. Айвазовского командорскими знаками ордена Почетного легиона, пожалованными правительством Франции.

1891 – награжден орденом Белого Орла. Скульптор Л.А. Бернштам высек из мрамора бюст И.К. Айвазовского.

1892 – избран членом Общества акварелистов. Путешествие с женой в Америку. Побывал в Нью-Йорке, Вашингтоне, на Ниагарском водопаде.

1893 – Всемирная художественная выставка в Чикаго.

1894 – завершение строительства Феодосийского торгового порта. В ознаменование этого события написал аллегорическую картину «Торжество Феодосии», которую подарил городу.

1896 – открытие памятника императору Александру III в Феодосии, сооруженного по инициативе и на средства, собранные И.К. Айвазовским.

1897 – награжден орденом Святого Александра Невского за выдающиеся заслуги в области искусства и в связи с 60-летием его художественной деятельности.

26 сентября – празднование 60-летия художественной деятельности И.К. Айвазовского в Феодосии.

1900 – учреждение стипендии им. И.К. Айвазовского при Академии Художеств.

19 апреля – ночью скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг на 83-м году жизни.

22 апреля – погребен в ограде армянской церкви святого Сергия в Феодосии.

В книге использовались картины из музейных собраний:

* Феодосийской картинной галереи им. И.К. Айвазовского
* Государственного Русского музея (Санкт-Петербург)
* Национальной картинной галереи Армении (Ереван)
* Военно-исторического музея Черноморского флота (Севастополь)
* Национального художественного музея Республики Саха (Якутск)
* Киевского государственного музея русского искусства (Киев)
* Государственного музея искусств Республики Казахстан (Алматы)
* Ярославского областного художественного музея (Ярославль)

Автор искренне благодарит за помощь в создании этой книги:

* **Гайдук Т.В.** – директора картинной галереи им. И.К. Айвазовского (Феодосия).

* **Вакуленко Ю.Е.** – генерального директора Музея русского искусства (Киев).

* **Богоявленскую З.П.** – начальника научно-экспозиционного отдела Военно-исторического Музея Черноморского флота (Севастополь).

* **Габышеву А.Л., Еремееву К.В., Сафронову Г.А.** – сотрудников Национального художественного Музея Республики Саха (Якутск).

* **Шевченко Т.М.** – заместителя директора по научной работе Национального историко-культурного заповедника «Качановка» (Черниговская обл.).

* **Куриляка О.Я.** – заместителя директора по научной работе областного краеведческого музея (Ивано-Франковск).

* **Шеремету-Тер-Саакян А.Э.** – старшего научного сотрудника художественного музея (Ивано-Франковск).

* **Колесникову Н.Н.** – заведующую научной библиотекой «Таврика» Центрального музея Тавриды (Симферополь).

* **Вдовиченко И.И.** – директора музея истории Симферополя.

* **Протоиерея Иеремию Макияна** – настоятеля армянских церквей Феодосии и Ялты.

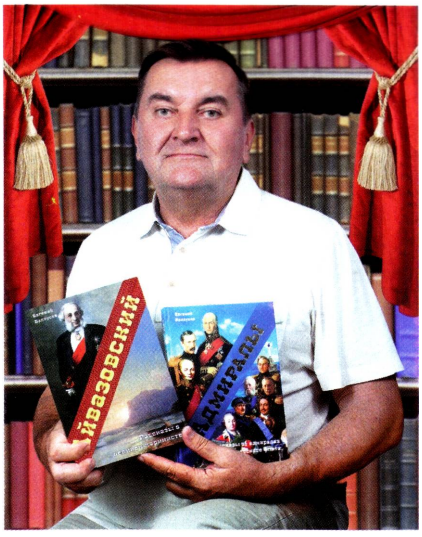
* Армяноведов: **Барашьяна Е.В., Баяндура А. (Москва), Вермишяна В.В. (Симферополь), Мовчан Л.К. и Мовчан Б.П. (Киев) и Энгибарян С.С. (Киев).**

* **Чабана Н.П.** – историка-краеведа (Днепропетровск).

* **Салистую-Григорян Т.А.** – директора Нетрадиционной армянской школы Крымского армянского общества (Симферополь).

* Сотрудников музеев и библиотек Москвы, Санкт-Петербурга, Феодосии, Симферополя, Севастополя, Киева, Ивано-Франковска, Днепропетровска, Чернигова, Алматы, Якутска.

Коротко об авторе



Белоусов Евгений Васильевич родился в 1952 году в Москве, в семье военного юриста. В школьные годы занимался в студии изобразительного искусства.

Выпускник исторического факультета Днепропетровского госуниверситета. Работал в школе, отрядным вожатым и методистом Международного детского центра «Артек», директором Коктебельского музея планеризма и созданного им в 1990 году Феодосийского музея дельтапланеризма.

С шестнадцати лет печатается в периодической прессе. Свою первую книгу – литературоведческий очерк «Дни, проведенные у моря. Аркадий Гайдар в Крыму» написал в двадцатилетнем возрасте. Автор 55 книг, большинство из которых написаны в жанре исторической биографии: «Тарасово перо» (повесть-сказка о детстве Т.Г. Шевченко), «Амет-Хан Султан – летчик из легенды», «Степан Руданский – поэт и доктор», «Волшебная иголка Веры Роик» (о симферопольской вышивальщице В. С. Роик), «Рассказы о художнике Айвазовском», «Митридат. Создатель великой Черноморской державы», «Адмиралы. Рассказы об адмиралах Черноморского флота», «Непобедимый. Иван Поддубный» и другие. После окончания в 2014 году школы украинской народной росписи «Петриковка» в Днепропетровской области Украины, написал книгу «Петриковка – жемчужина Украины» и пособие «Как научиться петриковской росписи».

Книги писателя 26 раз становились победителями и лауреатами международных и Всеукраинских конкурсов и выставок, ряда литературных премий. Лауреат Национальной премии Украины им. Леси Украинки (2006 г.), обладатель международного диплома по книгам для детей IBBY ЮНЕСКО (Базель, Швейцария, 2002 г.), лауреат Государственной премии Крыма (1998 г.), Заслуженный деятель искусств Республики Крым (2006 г.).

Руководил секцией детской литературы Союза писателей Крыма. В Севастополе с 2005 года работает государственный «Музей книг Евгения Белоусова».

Живет и работает в Феодосии.

Содержание

Детство будущего мариниста

Дедушка. Купец Григориан из Станиславова... 5
Отец. К морю! В Феодосию!.. 14
С днем рождения, сынок!.. 20
Сказки для Овика... 26
Феодосийские братья... 30
Церковь святого Сергия... 32
С карандашом и бумагой... 40
В уездном училище... 45
Куда поехал Габриэл?.. 52
Скрипка на всю жизнь?.. 57
Советы архитектора Коха... 67
Мудрый градоначальник – Александр Иванович Казначеев... 73

Симферопольский гимназист

Здравствуй, гимназия!.. 80
Стихотворение напамять... 88
Учитель рисования... 92
Евреи в синагоге... 99
«Татарская свадьба»... 106
В доме губернатора... 109
В Рим или Санкт-Петербург?.. 113
Четыре важных документа... 119

Императорская Академия художеств

Просьба внучки генералиссимуса Суворова... 123
Один из лучших... 128
Чужим трудом счастлив не будешь... 138
Куда делась картина?.. 148
Первый поход... 150
В Качановку! К Тарновским!.. 160
Два крымских сезона... 166

Европа рукоплещет

Мотивы Средиземноморья... 177
На острове святого Лазаря... 178
О картине, маркизе и колбасе... 185
«Айвазовский утонул!»... 186
«Жизнь или кошелек»... 188
«В вас стрелять не станут. Особа художника неприкосновенна»... 190
До свидания, Европа!.. 192

Возвращение на родину

«Мастеровым фатеру не сдаем»... 194
Академик, живописец Главного Морского штаба, профессор... 195
«Это всего лишь император»... 198
Как женился Айвазовский... 202
Разбойник и художник... 205
«Девятый вал»... 210
С холстом – по Невскому... 213

Накануне и после Крымской войны

Собиратель древностей... 215
Художник-баталист... 220
И грянула Крымская война... 228
«Мы остановились в Харькове»...244

Когда художнику за пятьдесят

«Южный берег Крыма – одно из лучших мест Европы»... 248
В стране пирамид... 255
Гостеприимное имение Сант-Агата...258
«Наша Крымская Армения»...276
Рождение картинной галереи... 284
Леди Адмирал... 288
«Нет, нынешняя выставка «не тово», прошлогодняя была позаористей»... 292

Молодой сердцем и душой

Второй брак... 295
К 100-летию визита Императрицы... 300
Вода – подарок родному городу...302
«Первый поезд в Феодосии. 1892 год»... 308
Как родился Феодосийский торговый порт... 312
«Ах, Илья Ефимович, какой вы педант»... 314
Книжный график... 316
Последние годы жизни... 320
«У тебя большое будущее, Вардгес!»... 326
«Взрыв турецкого корабля»... 335

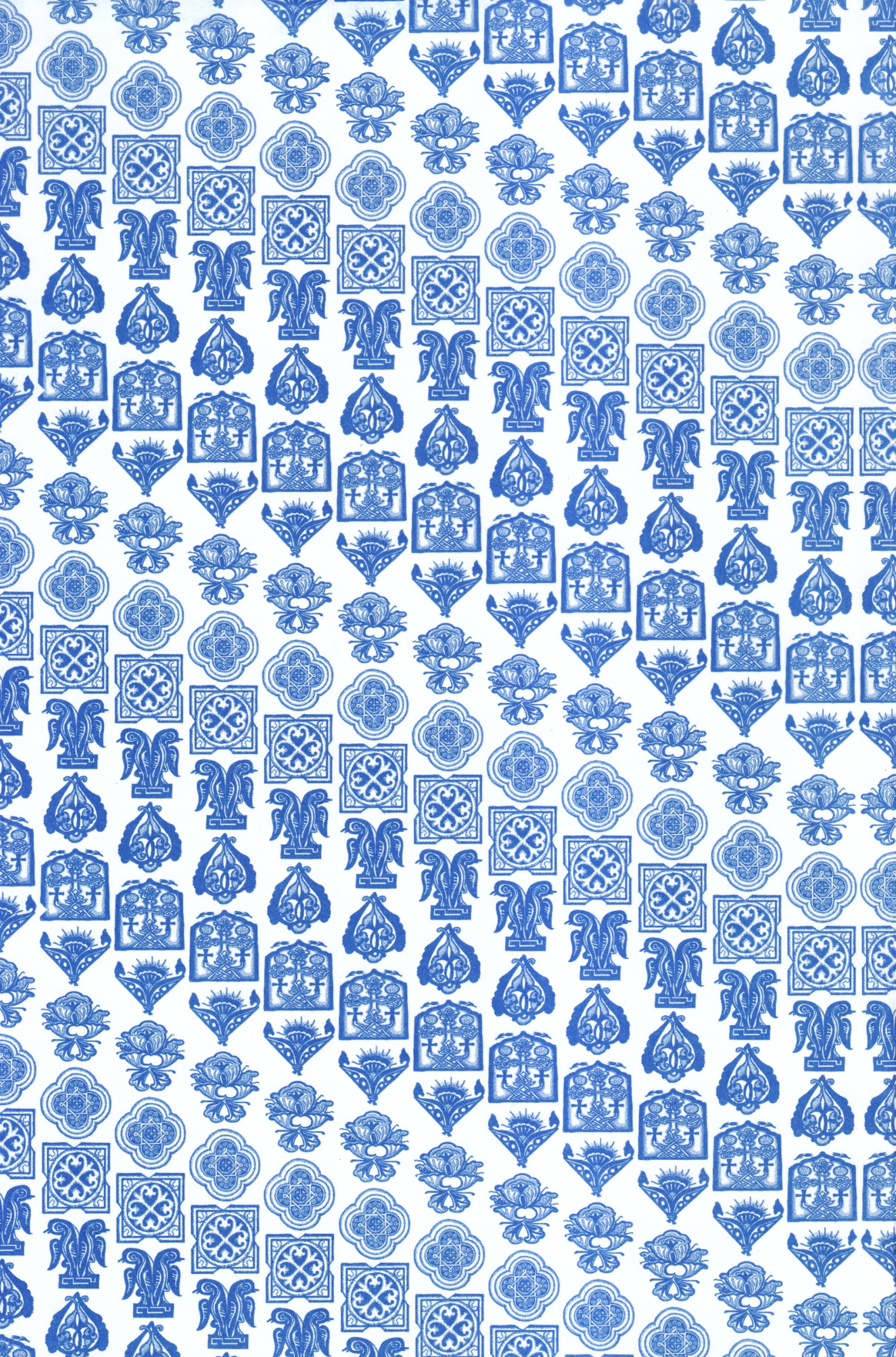
Жизнь продолжается...336
Основные даты жизни и творчества И.К. Айвазовского...344
Коротко об авторе... 349

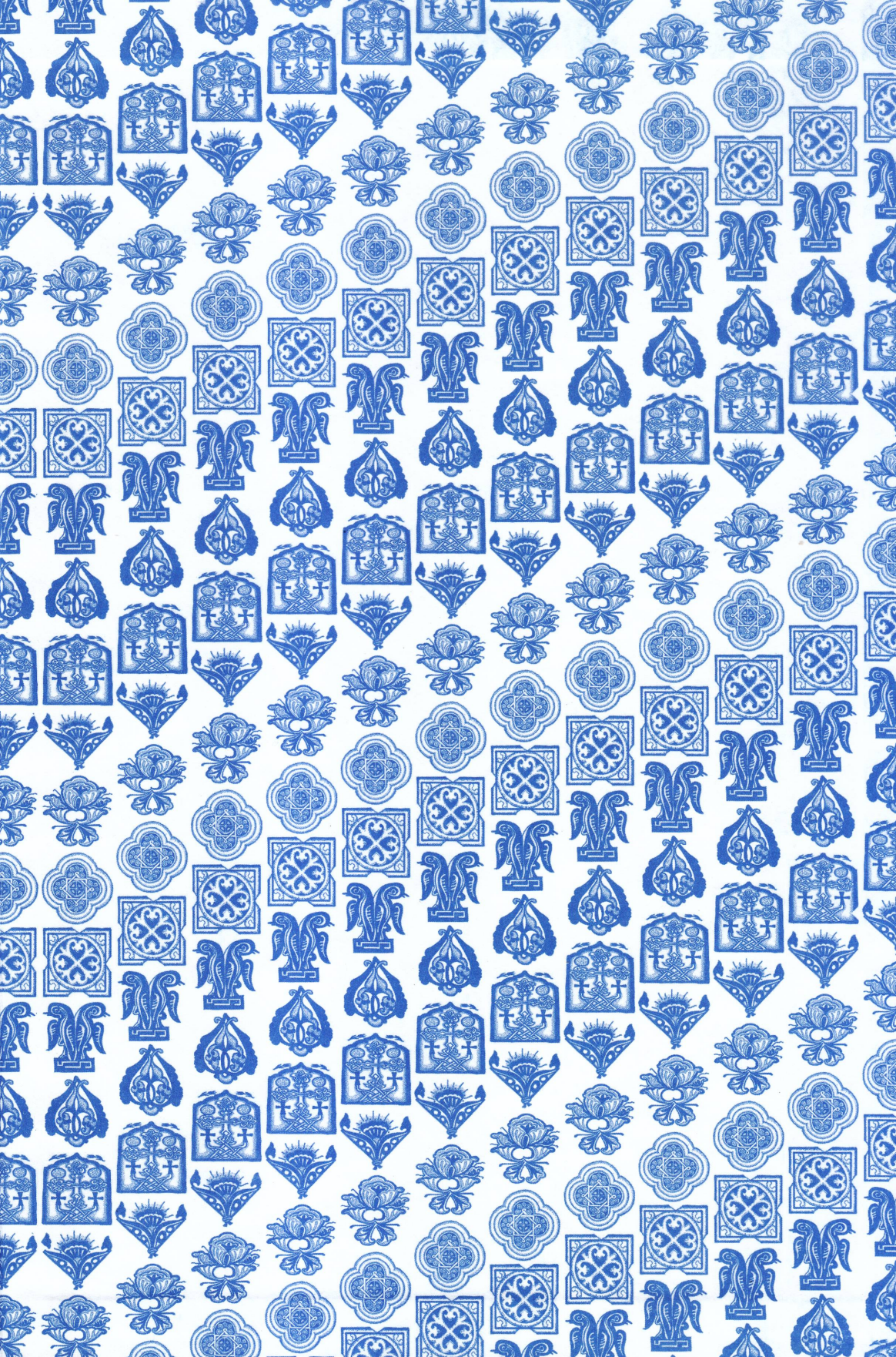
Литературно-художественное издание
Белоусов Евгений Васильевич
Айвазовский. Рассказы о великом маринисте

Литературный редактор – О.В. Резник
Технический редактор – Д.Н. Серов
Корректор – М.С. Фонина
Оригинал-макет – С.В. Кочубей
Художественное оформление – Е.В. Белоусов
Фотографии: М.Е. Ордина, С.В. Кочубей, Е.В. Белоусов.

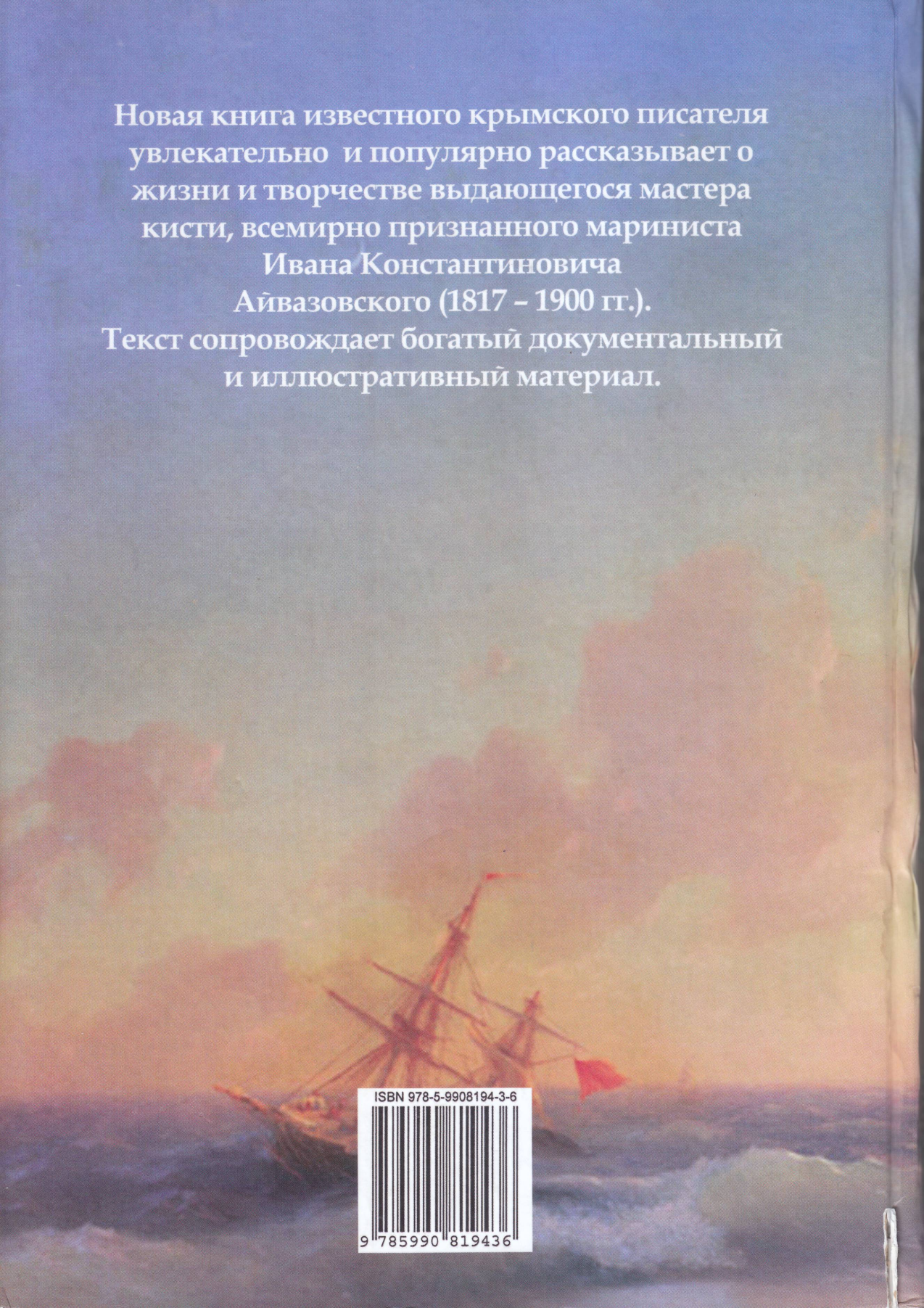
Подписано к печати 14.03.2017г. Формат 70x100/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Усл. Печ. л. 28,4. Тираж 1000 экз.
Заказ №0087. ИП Серов Д.Н. 298112, Республика Крым, Феодосия.
E-mail: beloysov100@mail.ru.

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ГУП РК «Издательство и типография «Таврида».
295000, РК, г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44.
E-mail:tavrida.gup@mail.ru





Новая книга известного крымского писателя увлекательно и популярно рассказывает о жизни и творчестве выдающегося мастера кисти, всемирно признанного мариниста Ивана Константиновича Айвазовского (1817 – 1900 гг.).
Текст сопровождает богатый документальный и иллюстративный материал.



ISBN 978-5-9908194-3-6
9 785990 819436